

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Валентин
РУНОВ

Владимир
ЧИРСКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИОГРАФИЯ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

БИОГРАФИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Валентин
РУНОВ

Владимир
ЧИРСКОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2023

УДК 323(47+57)
ББК 66.3(2Рос)8
Р 86

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-05100-3

© Рунов В. А., 2023
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что промышленная добыча нефти в Российской империи началась в конце XIX века, а в начале XX века страна даже занимала в этой области первое место в мире. Однако во время Гражданской войны годовая добыча нефти резко снизилась и в 1921 году составила всего 3,8 млн т. Но затем начался подъем: в 1928 году она достигла 11,6 млн т, в 1940-м — 31 млн т. В послевоенные годы осваиваются такие крупные и высокопродуктивные месторождения девонской нефти, как Туймазинское, Серафимовское, Александровское, Бавлинское, Зольненское и др. Уже в 1961 году СССР по добыче нефти занял второе место в мире, с 1975 года вышел на первое место (490 млн т), а к концу 1980-х годов добыча нефти достигла 603 млн т в год. При этом более 380 млн т дала основная нефтедобывающая база страны — Западная Сибирь. Для поставки нефти от месторождений к потребителям были построены мощные нефтепроводы и насосные станции.

В советский период активно развивалась и отечественная газовая промышленность. Однако до Великой Отечественной войны из чисто газовых месторождений газ добывался в основном в Дагестане, где с 1937 по 1939 год было получено 8,3 млн м³ газа, а небольшое его количество добывалось также на Приазовском месторождении близ Мелитополя.

За годы Великой Отечественной войны и особенно в послевоенные годы были открыты новые месторождения природного газа во многих районах Советского Союза: в Куйбышевской, Саратовской, Волгоградской, Оренбургской областях, в Коми АССР, в районах Восточной Украины, Западной Сибири, на Северном Кавказе, в Азербайджане, Средней Азии и Якутской АССР. 21 сентября 1953 года

опорная скважина в поселке Березово Тюменской области дала мощный газовый фонтан, возвестивший об открытии первого промышленного газоносного района в Западной Сибири. К концу 1967 года в стране было открыто 550 газовых, газоконденсатных и газонефтяных месторождений. Из общего числа месторождений на РСФСР приходилось 351, Украинскую ССР — 72, Узбекскую ССР — 43, Туркменскую ССР — 28, Азербайджанскую ССР — 29, Казахскую ССР — 12. Добыча газа в СССР в 1985 году достигла 643 млрд м³, в 1990-м превысила 800 млрд м³. По-прежнему лидировали месторождения Западной Сибири, где добыча газа в 1980 году достигла 160 млрд м³, в 1981-м — 196,0 млрд м³ а в 1990-м превысила 575 млрд м³.

Всего же в период с 1950 по 1990 год добыча нефти в Советском Союзе увеличилась в 15 раз (в целом по миру — в шесть раз), а газа — в 140 раз (по миру — в 13 раз). СССР по праву стал лидером в области добычи углеводородного сырья во всем мире. При этом в стране была создана крупнейшая в мире Единая система газоснабжения (ЕСГ), в состав которой входило около 200 газовых и газоконденсатных месторождений, 46 подземных хранилищ газа, шесть газоперерабатывающих заводов, 4,4 тысячи газораспределительных станций. Нефтяные и газовые месторождения с потребителями связывали магистральные газопроводы, общая протяженность которых к началу 1991 года составила 316 тыс. км, из них газопроводов — 220 тыс. км, нефтепроводов — 84 тыс. км и нефтепродуктопроводов, конденсатопроводов, этиленопроводов, аммиакопроводов и прочих — 12 тыс. км. Эти трубопроводы являлись своего рода артериями жизни для всей экономики Советского Союза.

Нефтегазовое строительство — одна из ведущих отраслей развития народного хозяйства Советского Союза. Продолжительное время этой стратегически важной отраслью занималось НКВД, под контролем данного ведомства осваивались месторождения и строились первые трубопроводы. Затем данная задача была поручена Наркомату (позже министерству) нефтяной промышленности СССР, руководитель которого Н. К. Байбаков внес большой вклад в это важное дело. В 1956 году, после создания Комитета по газовой промышленности при Совете министров СССР, вопросами строительства объектов газовой промышленности также начал активно заниматься и А. К. Кортунов, который в 1972 году возглавил вновь созданное Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышлен-

ленности СССР. Но по-настоящему данная отрасль «встала на ноги» при Б. Е. Шербине, который работал министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР с 1973 по 1984 год.

Герой этой книги Владимир Григорьевич Чирсков в нефтегазостроительное дело пришел в уже далеком 1955 году и проработал в этой отрасли на различных должностях более пятидесяти лет. Свою карьеру он начал с должности простого механика, а закончил ее в должности министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности всего Советского Союза.

Сегодня у многих наших современников, особенно молодежи, данный факт вызовет недоумение. Крестьянский сын, перенесший тяготы Великой Отечественной войны, послевоенной разрухи, без родственных связей и знакомств в правительственных верхах и, наконец, без стартового капитала — в настоящее время это невозможно. Но тогда было совсем другое время. Страна поднималась из военных руин, делая упор на собственные силы. Эти силы находили выражение в интенсивном развитии производства, освоении новых источников энергии и, конечно, в энтузиазме советских людей. В. Г. Чирсков был одним из них. Не считаясь с бытовыми неудобствами и другими факторами, к сожалению, ставшими определяющими в современных условиях, он осознанно бросался в самую гущу необходимых для страны дел: Башкирия, Тюмень, Западная Сибирь, новые месторождения союзных республик СССР и, наконец, весь Советский Союз и дружественные ему страны зарубежья.

На каждом новом карьерном витке во главе угла всегда стояли производство, наука и люди. Именно в людях Владимир Григорьевич видел бесценный капитал нефтегазостроительной отрасли и относился к ним с особым вниманием. Это выражалось как в кадровой политике, так и в личных отношениях. Постепенно последнее переросло в нечто большее, поднявшись до уровня основной цели его жизни. Лозунг «Ничто не забыто, никто не забыт» стал для В. Г. Чирскова девизом.

Приступая к этой книге, я испытывал определенное волнение и даже неуверенность, несмотря на то, что определенный опыт подобных работ у меня уже был. В 1999 году в серии «Газпром в жизни выдающихся организаторов отрасли» вышла в свет книга «Алексей Картунов», в 2002 году — «Сабит Оруджев», в 2007-м — «Михаил Сидорен-

ко». Затем, в 2012 году, книга «Оруджев» была издана в серии «Жизнь замечательных людей».

Достаточно хорошо я был знаком и с нефтегазостроительной отраслью. Еще в период работы над книгами об А. К. Картунове и С. А. Оруджеве я познакомился с В. И. Долгих, Н. К. Байбаковым, Ю. П. Баталиным, В. А. Динковым и, конечно же, с В. Г. Чирсковым. Затем знакомство с последним переросло в более тесное сотрудничество, в результате которого появилось несколько книг. При этом я всегда восхищался работоспособностью В. Г. Чирскова и его желанием сохранить память об отрасли и людях, с которыми он связывал лучшие годы своей жизни. А результаты труда Владимира Григорьевича и всего возглавлявшегося им огромного трудового коллектива мы в полной мере ощущаем в настоящее время и, надеюсь, будем ощущать еще многие годы в будущем.

Некоторым читателям данная книга может показаться излишне насыщенной различными цифрами и, казалось бы, сухими техническими данными. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что эти данные и эти цифры в свое время составляли то, что называлось отраслью, чем гордилась страна. К сожалению, сегодня об этом стараются не вспоминать, несмотря на то что еще живы люди, помнящие это славное прошлое. И в книге о Владимире Григорьевиче Чирскове хочется не только напомнить ветеранам о заслугах нефтегазовой отрасли Советского Союза, но и рассказать об этом молодым поколениям. Верю, что они восхитятся ранее сделанным и в будущем постараются сделать больше. Ведь будущее России — в их руках.

Глава первая

КОРНИ

Старшее поколение

Если верить словарю «Русские фамилии», Чирсков — фамилия казачья. Да и семейная легенда гласила, что ее носители, хотя давно обосновались в Заволжье, родом были из станицы Нижне-Чирской на Дону. Эта станица была основана в 1637 году и является сегодня одной из старейших станиц Донского казачьего войска. Первоначально она находилась на правом покатом берегу Дона, частью в балке, частью на ровном низменном месте у подножия склона, который покрывали виноградники и сады. Правда, станица располагалась не на самом Дону, а в 2,5 версты от него, на реке Быстрике, чуть ниже устья реки Чир — обе они являются притоками Дона.

С 1802 года Нижне-Чирская — окружная станица Второго Донского округа Области Войска Донского. В то время это был достаточно крупный населенный пункт. В 1859 году в станице действовали две православные церкви, свечной, два кирпичных и два кожевенных завода, располагались окружные присутственные учреждения, почтовая станция и проживало свыше двухсот жителей. Станица успешно росла — к 1917 году в ней проживало уже 10 142 человека. Там функционировали реальное училище, военно-ремесленное училище, женская гимназия и четыре начальные школы, работала окружная больница, насчитывалось семь церквей и работало 12 кабаков и трактиров. Сегодня это станица Нижний Чир Суrowsикинского района Волгоградской области с населением более трех тысяч человек.

От этой станицы или от реки Чир и происходит, по всей вероятности, фамилия Чирсков, известная на Дону с 1638 года. Надо сказать, что среди ее носителей встречаются люди самых различных национальностей. Известно, что в 50% случаев она имеет русское происхождение, в 30% про-

исходит из языков народов России (татарского, мордовского, башкирского, бурятского и т. д.), в 10% — белорусская, в 5% — украинская, а еще в 5% случаев происходит из болгарского или сербского языков. Однако корни фамилии все равно находятся на Дону, где среди ее носителей были достаточно известные люди. Например, в 1670 году Артемий Чирсков был одним из донских атаманов, завязавших отношения с повстанцами Степана Разина. Известны советский сценарист Борис Федорович Чирсков (1904—1966) и музыкант Валерий Павлович Чирсков (1940—2011) — тоже выходцы с Дона.

В середине XIX века предки В. Г. Чирскова, как и многие выходцы с Дона, переселились в Заволжье, нынешнюю Самарскую область, но сохраняли связи с родными краями. Владимир Григорьевич вспоминает: «Мама рассказывала мне, что, когда мой прадед Василий Григорьевич Чирсков овдовел, многие сельские женщины желали быть с ним, но он на лошадах уехал на Дон и привез оттуда красивую казачку».

Известно, что у деда Владимира Григорьевича по отцовской линии — Григория Васильевича Чирскова (24 марта 1874—26 марта 1954) и его жены Ирины Никифоровны (1878—1950) была большая семья: четыре сына и две дочери. Сыновья Иван (1900—1945), Григорий (6 января 1903—16 июня 1962), Василий (12 октября 1908—6 декабря 1952), Андрей (16 октября 1912—12 ноября 1972), дочери — Анастасия и Мария (25 марта 1918—12 июня 1995). Все они родились в селе Моршанка. Затем в семье появилось десять внуков и восемь внучек. Всех их, кроме Анастасии и мужа Марии Василия, Владимир Григорьевич знал и общался с ними. Большая семья Чирсковых занималась обработкой земли, выращивала злаки, содержала скот. Сам Григорий Васильевич любил рыбачить и делал это весьма успешно; выловленная им рыба нередко дополняла достаточно скудный рацион семьи.

В начале Великой Отечественной войны, в 1941 году, на фронт ушли Иван, Василий и Андрей Чирсковы, а также муж Марии — Василий Петрович. С войны вернулись только двое — Василий и Андрей, оба с ранениями. Иван Чирсков, призванный в армию в августе 1941 года, всю войну был санитаром 437-го отдельного медико-санитарного батальона 346-й стрелковой дивизии. За все годы войны он не имел ни одного ранения, а погиб в 1945 году уже на территории Германии, где и был похоронен. Его сын Николай Иванович однажды смог побывать на могиле отца и покло-

ниться его памяти. Муж Марии, Василий Петрович, погиб осенью 1941 года, практически в самом начале войны. Его внучка, дочь Нины, смогла разыскать его могилу в Ростовской области.

Сам Григорий Васильевич Чирсков прожил 80 лет и был похоронен в поселке Норки Краснокутского района. В одной могиле с ним похоронены и его сыновья Василий и Андрей, на их могиле установлен общий памятник. Ирина Никифоровна Чирскова прожила долгую жизнь и была похоронена в селе Константиновка Краснокутского района. Там же в 1995 году была похоронена и Мария Григорьевна — тетья и крестная мать Владимира Григорьевича.

У деда Владимира Григорьевича по материнской линии Прокофия Макаровича Головачева и его жены Дарьи Григорьевны было два сына — Василий и Федор, а также две дочери — Дарья (Дуня) и Мария. У них родились дети — пять мальчиков и пять девочек. Все они также жили в Моршанке. Прокофий Макарович занимался торговлей рыбой, которую на лошадях привозил летом и зимой из Астрахани. Он был похоронен в селе Журавлевка Питерского района. После смерти мужа Дарья Григорьевна жила в семье дочери Марии. Всем она запомнилась как добрая и ласковая женщина. Похоронена в 1943 году на станции Лепехиновка Саратовской области. Ее сын Василий Прокофьевич Головачев в 1937 году был репрессирован, и с тех пор о нем ничего не известно. Его брат Федор Прокофьевич работал в структурах управления Аткарского района Саратовской области. В Аткарске он и был похоронен.

Владимир Григорьевич вспоминает: «Хорошо знал тетю Дуню. Это была волевая, ответственная женщина. Когда в Первую мировую войну у нее на фронте пропал муж, осталась с четверьмя маленькими детьми на руках. Она решила просить Бога, чтобы муж нашелся, и пошла пешком в Киев молиться. Однако это не помогло. Пришлось самой воспитывать детей. Во Второй мировой войне у обеих дочерей погибли мужья, и осталось шестеро детей. Она и их помогла воспитать».

Моршанка

Русская деревня Моршанка, в простонародье «Морша», была основана при впадении реки Солянки в Малый Узень государственными крестьянами в

1840 году. Она находится в 134 километрах от Саратова. По преданию, первые жители деревни были выходцами из Пензенской и Тамбовской губерний. Административно деревня была центром Моршанской волости Новоузенского уезда Самарской губернии. Чуть восточнее от нее проходил оживленный почтовый тракт из Новоузенска в Саратов. В пути следования ямщики нередко заезжали в Моршанку, чтобы передохнуть, починить экипаж или перековать коней. Это способствовало развитию села, в котором в 1890 году насчитывалось уже 302 двора, где проживало 886 мужчин и 927 женщин.

Крестьяне возделывали суглинистые земли, на которых сеяли пшеницу и (вчетверо меньше) рожь, а также в небольших количествах прочие злаки. Из усовершенствованных сельскохозяйственных орудий на тот момент в их распоряжении имелось 11 железных плугов, две конные молотилки, две косилки, веялка, конные грабли и две жнейки. 167 жилых построек были из сырцового кирпича, остальные 109 — из дерева. Имелся один сад, работали 20 торгово-промышленных заведений и три трактира.

В начале XX века в Моршанке насчитывалось уже 2300 жителей, работали волостное правление, школа, лечебница и пять лавок. С начала 1895 года при волостном правлении работала бесплатная библиотека-читальня. В 1904 году тщанием прихожан в Моршанке была возведена церковь Покрова Пресвятой Богородицы, после чего деревня по тогдашним понятиям стала считаться селом. Там ежегодно с 15 по 28 января проводилась ярмарка, общий оборот продажи товаров на которой достигал семи тысяч рублей.

Население села неуклонно росло. В 1910 году в Моршанке насчитывалось 401 домохозяйство, где проживало 1226 мужчин и 1283 женщины. Работали волостное правление, библиотека-читальня и церковная библиотека, земская и приходская школы, кредитное товарищество, сельскохозяйственное общество, девять ветряных мельниц и одна с нефтяным двигателем. Базары проводились по вторникам, а на январской ярмарке торговали мануфактурными, кожевенными и прочими товарами, а также скотом. Скотоводство развивалось в том числе и потому, что в окрестностях Моршанки было достаточно много земель, не приспособленных для земледелия. На удобной земле больше всего сеяли рожь, в два раза меньше — пшеницу, доля прочих зерновых оставалась небольшой. Главным рынком сбыта зерна и муки был базар в селе Красный Кут.

Летом предреволюционного 1916 года на фоне Первой мировой войны и неудержимого роста цен в Моршанке вспыхнул крестьянский бунт с попытками погромов местных магазинов. В Гражданскую войну народные волнения в селе продолжились по причине недовольства политикой военного коммунизма и в связи с активизацией «зеленого» движения. В марте 1921 года в Моршанке произошел анти-советский мятеж, в ходе которого повстанцы разграбили склады хлеба и семян.

Советская история Моршанки тесно связана с историей соседней Мироновки, вместе с которой село составляло Моршано-Мироновский сельсовет. Однако колхоз в Моршанке был свой и носил название «Красный партизан». Последующие экономические и политические изменения, произошедшие в стране, коснулись и Моршанки. Сегодня это крупное село с населением примерно 900 человек, которое организационно входит в Мироновское сельское поселение. В селе имеются Дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт, отделение связи, магазины, детский сад. Школа — одна на два села — расположена в Мироновке.

Как памятник прошедших времен у южного выезда из села стоит старая деревянная мельница. Ее построил в 1840 году крестьянин Иван Иванович Дудин. Его сын и наследник Трифон, активный большевик, передал мельницу в колхоз. С годами это сооружение теряло свой первоначальный вид: ветшала облицовка, поизносились крылья ветряка. Несмотря на это, мельница Дудина, единственная в Саратовской области, стоит до сих пор, как бы олицетворяя собой труд людей прошлых поколений. В 2002 году она появилась на гербе Питерского района Самарской области, в который входит Моршанка. В 2017 году отреставрированная силами общественности района мельница открылась как часть культурного центра «Питерская мельница». Сам комплекс состоит из мельницы, дома мельника, пяти найденных поблизости в яме жерновов, колодца да качелей. Есть еще и русская печка, которая выпекает гостям пышки. Другим примечательным объектом Моршанки является расположенный на южной окраине села памятник убитым белогвардейцами в 1920 году коммунистам Н. Чапаеву и А. Домнышеву.

В селе Моршанка жили все предки Владимира Григорьевича Черскова, его прадеды, деды, родители. Однажды здесь бывал и внук нашего героя — Владимир Чирсков-младший, теперь уже отец троих сыновей. Очень хочется верить, что и правнуки Владимира Григорьевича когда-ли-

бо посетят эти места, откуда прорастают корни их рода, поклонятся могилам предков и сохранят навсегда в душе то чувство малой родины, которое навсегда связывает русского человека с родной землей.

Питерский район

Говоря о селе Моршанка, нельзя не сказать о Питерском районе. Известно, что первые постоянные поселения русских людей на этих диких кочевнических землях появились еще в XVIII веке. Весной 1774 года в район населенного пункта Большой Узень пришли отряды пугачевцев, уцелевшие в боях с карателями. В погоню за ними направились разыскные команды, совершавшие рейды по степи до осени. 8 сентября к Большому Узеню подошел отряд из полтораста яицких казаков. Это было все, что осталось от 10-тысячного войска Емельяна Пугачева после разгрома его в бою под Черным Яром на правом берегу Волги. Именно там, на стоянке у села Малый Узень, предатели из числа восставших арестовали Пугачева, а неделю спустя доставили его в Яицкий городок и выдали властям.

Но сама история района официально начинается с 1840 года, когда вольным крестьянам было разрешено занимать необжитые места. Тогда обширные заволжские степи привлекали население центральных районов России. Туда устремились многие безземельные казенные крестьяне, а также беглые крепостные. Первые поселенцы появились в Питерском районе, а также на хуторах, расположенных на изгибах реки Малый Узень, во второй половине XIX века. Сюда прибывали крестьяне из Тульской, Тамбовской губерний, из городов Козлова (ныне Мичуринск) и Моршанска. Отсюда и появились названия сел: Новотулка, Козловка, Моршанка. Питерка до 1860 года называлась сельцом Прозорино по имени хуторянина, создавшего хутор. Но переселенцы, приехавшие в то время сюда из села Питерского Тамбовской губернии, переименовали сельцо, так как имели на то право: «Переселенцы, прибывшие на поселение целым селом или улицей, могли назвать селение по своему желанию».

После отмены крепостного права на эти территории хлынула новая волна поселенцев из-за Волги. Это были ремесленники, сапожники, кожевники, портные. Люди обживались, строили дома, разводили скот, выращивали хлеб,

хотя это было не так легко. Природные катаклизмы: сильные ветра-суховеи, бураны, ранние заморозки и сильные морозы, снежные заносы — все это не раз разоряло крестьян. Из архивов известно, что многие хотели вернуться назад, но большая часть осталась. Упорство и труд, как известно, все перетрут, а мужик-крестьянин не боялся труда.

Переселенцы постепенно окультурили степи, устроили пруды и затоны, чтобы держать воду в засуху. Люди, покорявшие негостеприимные степи, славящиеся недородами, ураганами, нещадным зноем, суховеем, вложили немалый труд, чтобы достигнуть результатов в растениеводстве. Поначалу для своего внутреннего потребления выращивали зерновые: рожь, овес, пшеницу, но в основном разводили скот, поэтому посевы занимали незначительные площади удобной земли. Кто-то из переселенцев привез со своей родины семена знаменитой, прекрасной по качеству, пшеницы-белогурки. Муку из этого сорта пшеницы поставляли к царскому столу, как и стерлядь из Волги. Конечно, на скудных полосках земли не выращивали богатых урожаев. Но, экономно ведя хозяйство, излишки зерна крестьяне могли продавать или обменивать на нужную им продукцию. Этот процесс облегчила железнодорожная ветка на Александров Гай, проложенная в этих местах в конце XIX века.

Питерский район был образован из южных волостей бывшего Новоузенского уезда 23 июля 1928 года. В 1962—1967 годах он стал частью Краснокутского района, но затем был воссоздан. Район расположен в степном Заволжье в южной части Самарской области, на окраине Прикаспийской низменности в бассейне реки Малый Узень. Общая его площадь составляет 2,6 тысячи квадратных километров, в 41 сельском населенном пункте проживает 16,8 тысячи человек, в основном русские, казахи и украинцы. Административным центром является село Питерка.

Родители

Отец Владимира Григорьевича — Григорий Григорьевич Чирсков — родился 6 января 1903 года в том же селе Моршанка, тогда еще деревне. Родом из той же деревни была и его мама Мария Прокофьевна Головачева, родившаяся 6 марта 1906 года. По деревенским обычаям того времени молодые люди на путь самостоятельной жизни становились рано. Григорий Чирсков и Мария Голова-

чева поженились в 1922 году, когда жениху исполнилось 20 лет, невесте — 18.

Вскоре после свадьбы Григорий Чирсков был призван в Красную армию. Служил он в артиллерийском полку в городе Витебске в Белоруссии. Это было время начала известной реформы в военном деле, связанной с именем М. В. Фрунзе. Тогда был взят курс на сокращение численности вооруженных сил и повышение их боеспособности за счет более качественного технического оснащения. Артиллерия была одним из ведущих родов войск, где технические новинки внедрялись особенно активно. В частности, тяжелые системы переводились на тракторную тягу. Поэтому неудивительно, что Григорий Чирсков постепенно приобщился к технике, полюбил работать с механизмами, научился управлять трактором.

После демобилизации Григорий Григорьевич вернулся в родное село, где его с нетерпением ждала молодая жена. В 1925 году у них родилась дочь Анна. Навыки, приобретенные во время срочной службы, вскоре пригодились на месте — в конце 1920-х годов Григорий Чирсков был направлен на курсы трактористов. После их окончания он освоил первый в Питерском районе трактор «Фордзон-Путиловец». На то время для русской сельской глубинки это была большая диковинка, и жители поселка Новый Путь нередко спрашивали его: «Гришка, ты не боишься железного коня?»

Началась коллективизация. Вновь создаваемым колхозам нужна была более мощная тяговая сила, чем лошади и быки. По решению партийного руководства страны было организовано массовое производство тракторов, но нужны были грамотные кадры, способные организовать и обеспечить их эксплуатацию. Григорий Григорьевич Чирсков — теперь только так величали известного на селе тракториста — был направлен в город Ершов в сельскохозяйственный техникум, который окончил в начале тридцатых годов, приобретя специальность механика. Он был одним из первых организатором в своем районе машинно-тракторных станций (МТС), ставших главными техническими центрами сельского хозяйства того времени. Затем еще больше расширил круг своей деятельности, окончив в 1938 году сокращенный курс Саратовского сельскохозяйственного института.

Словом, Григорий Григорьевич Чирсков был крепко связан с землей, с сельским хозяйством, и его ценили как хорошего специалиста. По воспоминаниям современников, он обладал немалыми организаторскими способно-

стями, легко сходился с людьми, не знал усталости, всегда был в курсе событий, привлекал людей твердостью характера и открытостью. Он был хорошо подготовленным руководителем для того времени. В 1931 году вступил в партию и, как многие труженики того периода, искренне верил в правоту ленинско-сталинских идей и считал своим долгом работать честно и бескорыстно во имя победы коммунизма. Проявлялись у него и казацкие черты характера — вроде бы немногословный и мирный, он, если кто-то покушался на его принципы, мог рубануть так, что мало не покажется. Но при этом работавшие с ним люди редко обижались — Григорий Чирсков был человеком исключительно ответственным и беспредельно честным.

— Да, я коммунист и обязан подчиняться партийной дисциплине, — говаривал Григорий Григорьевич после очередной разборки в райкоме. — Но мною не должны командовать люди, не разбирающиеся в том деле, которому я обучен и которое знаю досконально. И потому глупых указаний я выполнять не собираюсь!

Понятно, что подобная «ершистость» была не по вкусу многим начальникам. Как результат, в 1938 году Григорий Чирсков едва не попал в жернова репрессий. По чьему-то доносу его отстранили от работы, и в доме даже ждали ареста. Но коммунист Чирсков не сдался и написал письмо лично Сталину, которое, как рассказывал позже, передал верному человеку. Маловероятно, что это письмо попало непосредственно вождю, но что-то сработало, и через месяц обвинение с Григория Григорьевича сняли.

После этого по обычаям того времени Григория Чирскова возили с красным знаменем по колхозам и там на собраниях говорили, что он — не враг народа, а настоящий коммунист, верный ленинец. Безусловно, он был восстановлен на работе. После всей этой истории он ничуть не изменился, держался как прежде: не шел на компромиссы, не заискивал, нередко открыто конфликтовал с начальством. Поэтому вполне понятно, что начальство не питало особых симпатий к беспокойному правдолюбу, стараясь не мытьем, так катаньем от него избавиться. Вследствие этого семье Чирсковых приходилось часто перебираться с одного места на другое, она исколесила всю Саратовскую область.

В конце концов Григорию Григорьевичу это надоело, и он в 1939 году решил перейти на стационарную работу. Устроился на завод по ремонту тракторов в Саратове на должность начальника цеха. Завод предоставил семье квар-

тиру. Наступила хорошая пора — глава семейства каждый день вечером был дома, а по выходным — целыми днями с семьей. Прогулки по городским местам отдыха, качели, мороженое... Но эта жизнь вскоре была прервана — началась Великая Отечественная война. Ремонтный завод переориентировали на ремонт танков. Григория Григорьевича не пустили в армию — дали бронь. Красной армии очень нужны были танки, причем как можно больше. Саратов ежедневно бомбили немецкие самолеты, во время налетов дети с мамой спускались каждый день в подвал.

В то время начала решаться судьба немецкого населения Саратовской и Сталинградской областей. Это было ново: уже после начала Первой мировой войны в 1914 году российские власти стали подозревать немцев-колонистов в нелояльности. Весной 1917 года их начали выселять на Урал и в Сибирь. С началом Великой Отечественной войны среди поволжских немцев оказались агенты, завербованные фашистской Германией. Поэтому массового призыва немцев в Красную армию не было. Их мобилизация проводилась в очень ограниченном количестве и строго в индивидуальном порядке. Как правило, это были члены партии, которые направлялись на специальную политическую работу.

28 августа 1941 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Его результатом стала ликвидация Автономной республики немцев Поволжья и депортация немцев в Республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь и на Алтай. Согласно этому указу, в сентябре — октябре 1941 года было депортировано 446 480 человек. Возникла огромная проблема: кем и когда восполнить эту потерю?

Тогда Г. Г. Чирскова пригласили в Саратовский областной комитет ВКПб. Ему предложили срочно выехать в село Лепехинка и возглавить машинно-тракторную станцию, которая обслуживала шесть колхозов и один совхоз. В то время это рассматривалось не как предложение, а как приказ, от выполнения которого отказаться было невозможно. На второй день после посещения обкома Григорий Григорьевич объехал все порученные ему колхозы. Они находились в жутком положении — во всех селах остались единицы людей, дома пустые, скот брошен, на технике работать некому. Но выбирать не приходилось — началась сложная и тяжелая работа по налаживанию жизни сел и выращиванию зерновых.

Нужно сказать, что село Лепехинка находилось всего в нескольких десятках километров от Сталинграда, на другом берегу Волги. Поэтому гром великой битвы на Волге докатывался и до тех мест. Много раз на дню, когда начиналась бомбежка, сельчанам приходилось прятаться по подвалам. Затем, во время короткого затишья, люди занимались своими обычными делами, но уже с удесятеренной энергией — надо было выращивать как можно больше хлеба, он был необходим фронту.

Мария Прокофьевна, мягкая и добрая женщина, на которой держался дом, окончившая всего четыре класса сельской школы, отличалась большой чуткостью. Она без труда улавливала настроение близких и обычно умело сглаживала острые углы. Теперь же она видела, как несладко приходится ее мужу, и откровенно жалела его. А он сердился: «А на фронте, думаешь, легче?» Владимир Григорьевич вспоминал: «Непривычно было видеть его хмурое осунувшееся лицо, набухшие веки. Он сильно переживал из-за того, что его не взяли на фронт. Ему, как члену партии, было приказано остаться в тылу. И сколько он ни обращался с просьбой отправить его в действующую армию, получал решительный отказ. Ему говорили: “Твое место здесь, считай, что это твоя боевая задача — обеспечить фронт хлебом”».

Григорий Чирсков старался изо всех сил, но их не хватало. Не хватало и рабочих рук. Депортация немцев из Поволжья нанесла колоссальный ущерб региону и стране в целом в самые тяжелые месяцы войны. Погиб большей частью так и несобранный урожай 1941 года, вымерла или была разворована значительная часть скота. Заселение и освоение опустошенных территорий проходило с большим трудом, главным образом принудительными мерами. В 1943 году использовалось только чуть больше трети пахотных угодий, а животноводство оказалось полностью разваленным и не приносило доходов. Многие десятки бывших немецких сел не возродились даже после войны.

В 1944 году Григорию Григорьевичу дали новое партийное поручение — принять участие в восстановлении Советской власти и создании колхозов на освобождаемой от фашистов территории Украины. При этом ему выдали мандат, подписанный самим Н. С. Хрущевым, который был назначен первым секретарем ЦК ВКП(б) Украины. Поэтому день Победы семья Чирсковых встречала на украинской земле — это было село Маньковка Киевской области. Сегодня многих интересует вопрос о том, каким

образом тогда была организована работа по установлению советской власти в районах, освобожденных от фашистов. Прежде всего, в Маньковку приехала бригада людей, которые должны занять основные руководящие должности: секретарь райкома партии, председатель исполкома, прокурор, начальник милиции, судья, начальник управления сельского хозяйства — им и был Г. Г. Чирсков.

Обстановка в селе была сложная. Население — в основном женщины и старики. В лесах — банды из бывших полицаев, дезертиров Красной Армии, бандеровцев. Из семи приехавших руководителей за три месяца двоих убили. В Григория Чирскова стреляли пять раз, но, к счастью, обошлось. У дома его семьи был выставлен часовой — бандиты охотились не только на советских работников, но и на их родных, включая детей. Но даже в столь трудных условиях Григорию Григорьевичу за короткое время удалось сделать многое — было организовано двадцать колхозов. Но о том, чего это ему стоило, знает один Бог. На родную саратовскую землю он вернулся в 1946 году с окончательно подорванным здоровьем. Как мужественный труженик тыла, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вернувшись в Саратов, Григорий Чирсков хотел устроиться на прежнюю работу на ремонтном заводе. Работу дали, но квартирный вопрос решать отказывались. Пришлось идти снова в обком партии. Там также ответили, что помочь в этом вопросе не смогут, и предложили снова поехать на село выращивать урожай. До 1959 года Григорий Григорьевич работал начальником ремонтно-механических мастерских в совхозах «Усатовский», «Новокаменский» и «Культура». Когда его сын Владимир после завершения срочной службы в Советской армии устроился работать в городе Октябрьском и получил там квартиру, он забрал отца и маму к себе в Башкирию. Затем, когда спустя некоторое время их строительное управление перевели в Березовский район, где в чистом поле нужно было построить город Нефтекамск, родители Владимира Григорьевича не захотели оставаться в хорошей квартире и благоустроенном городе, а твердо решили ехать с сыном и его семьей на необжитое место. Там за шесть месяцев был построен трехкомнатный отдельный дом, и В. Г. Чирсков перевез родителей в Нефтекамск.

К тому времени здоровье Григория Григорьевича уже было сильно подорвано, нужно было серьезное лечение.

Он написал письмо в ЦК партии Украины, и вскоре из Киева пришло приглашение на лечение в Крым в город Ялту. Больше года он жил и лечился в Крыму, а в июне 1962 года вернулся обратно в Нефтекамск в хорошем настроении. Но, к сожалению, всего через две недели, 16 июня 1962 года, Григория Чирскова не стало. Он был похоронен в Нефтекамске на Николоберезовском кладбище. Позже Владимир Григорьевич неоднократно навещал могилу отца, вначале один, затем с женой и, наконец, с внуком Владимиром.

Мария Прокофьевна пережила мужа на 35 лет. Вспоминая о ней, Владимир Григорьевич не раз говорил: «Мне в жизни повезло — вместе с мамой прожил пятьдесят шесть лет. Во все периоды жизни, иногда непростые, во все эти годы, всегда я получал материнское тепло, а также заботу. Мы с Машей работали, а мама дома хлопотала по хозяйству и заботилась о любимой внучке Ирочке. Она прожила 92 года и умерла 16 февраля 1998 года, похоронена в Москве на Троекуровском кладбище. Это священное место для всей нашей семьи, тропинка к которому не зарастает никогда».

У Григория Григорьевича и Марии Прокофьевны Чирсковых было две дочери и два сына. Старшая дочь Анна родилась 1 марта 1925 года. Она была жизнерадостным ребенком, очень энергичным, но в шестилетнем возрасте заболела и 22 июня 1931 года умерла. Похоронена она в поселке Новый Путь Питерского района. Затем 25 декабря 1941 года родилась вторая дочь, Светлана, которая через месяц также умерла и была похоронена в Саратове.

Старший из сыновей, Владимир, родился 24 апреля 1935 года. А в январе 1945 года, во время командировки семьи Чирсковых на восстановление сельского хозяйства Украины, родился второй сын, Виктор, который также через некоторое время умер и был похоронен в Киеве.

Говоря об этих печальных страницах семьи родителей, Владимир Григорьевич всегда завершал свой рассказ одной и той же фразой: «Мои родители очень тяжело переживали эти трагедии с детьми. Очевидно, именно поэтому их любовь ко всем досталась мне. И я всегда считал себя в долгу перед ними не только за себя, но также и за тех моих брата и сестер, безвременно ушедших из жизни, недодавших родителям свою любовь и помощь». Это был чисто христианский подход как к семье, так и к самой жизни, который заставлял (но не принуждал) человека быть предельно внимательным к людям, особенно к родным и близким, дорожке которых у него нет никого на этой земле.

Человек — как дерево, растет из корней. И чем глубже эти корни уходят в землю, чем шире распространяются в стороны, тем крепче род этого человека, а значит — и он сам. Не зря многие народы ведут летопись своих родов веками и знают своих самых дальних родственников, чем заслуживают уважение своих соплеменников.

К сожалению, в советские времена вопросам родословной уделялось мало внимания, особенно если ее корни выходили за пределы революционной или пролетарской биографии. Многие церковные приходы, где велись метрические книги, в 1920-е и 1930-е годы были разорены, а сами книги бесследно исчезли. Особенно это касалось сельской местности, по которой прокатились волны крестьянских бунтов, насильственной коллективизации и так называемого раскулачивания. Многие уцелевшие крестьяне, прежде всего люди старшего поколения, старались меньше говорить о предках, боясь тем самым навредить своим детям и внукам.

В то же время среди советских людей находилось немало тех, кто интересовался историей своей фамилии и своей семьи, составлял родословные, передавал их детям и внукам. В 1990-е годы таких людей появилось еще больше. Многие из них преследовали меркантильные интересы — искали среди предков представителей благородных кровей или иностранцев, чтобы уехать за границу. Но многие другие это делали совершенно из других побуждений, желая разобраться в истории своего рода.

Владимир Григорьевич Чирсков — человек, которому посвящена эта книга, — относился к категории последних. На протяжении многих десятилетий он по крупицам собирал информацию, многократно проверял и перепроверял полученные сведения и лишь затем говорил о них как о достоверных фактах. При этом он без сожаления отметал различные, даже очень соблазнительные домыслы, если они не были подтверждены рассказами доверенных лиц или архивными документами. Так в итоге появилось то, что я счел достойным включить в эту книгу.

Глава вторая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Детские годы

Родился Владимир Чирсков, как уже говорилось, 24 апреля 1935 года на станции Питерка. Его бабушка Дарья Григорьевна и мама крестили новорожденного в церкви села Агафоновка втайне от отца-коммуниста. В середине 1930-х антирелигиозная кампания в СССР была в полном разгаре, однако старшее поколение, особенно женщины, традиции православия чтили, и обряды тайного крещения были нередкими.

Детство деревенского мальчишки проходило в обычном для того времени режиме: игры со сверстниками, помощь матери и бабушке в уходе за хозяйством и домашними животными. В памяти с тех времен сохранились картины начала Великой Отечественной войны, ежедневные бомбежки и проводы двоюродного брата Николая Ивановича на фронт.

В начале 1942 года семья Чирсковых переехала в село Лепехинку, расположенное в 43 километрах от районного центра Красный Кут. Это село было основано в степи в связи со строительством железнодорожной станции Лепехинская на ветке Астрахань—Саратов в 1907 году. В селе проживало немало немецких семей, но в конце августа 1941 года все они в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР были выселены из Поволжья в другие регионы. В ту пору в Лепехине проживало около двухсот семей, но вскоре туда начали прибывать беженцы со всех западных территорий СССР. Многие из них были жителями городов, которым было очень сложно житься в деревенскую трудовую жизнь. Отцу Владимира Григорьевича приходилось учить их заниматься сельскохозяйственными работами.

Отец и мать практически весь день находились на работе, а мальчик Володя оставался на попечении бабуш-

ки Дарьи Григорьевны — доброй и заботливой женщины. Владимир Григорьевич вспоминал: «Бывали случаи, когда за провинности меня отец ставил в угол. Тогда бабушка жалела меня, гладила по голове и говорила: «Попроси прощения у отца». А отцу говорила: “Гриша, он прощение просит. Прости его, он больше не будет шалить”. Отец еще некоторое время для виду держал меня в углу, затем разрешал покинуть место наказания, приказывая поблагодарить за это бабушку».

В школу Володя пошел в Лепехинке в 1943 году, когда фашистов уже отогнали от Волги. На пути в школу была стройка — вдоль железнодорожного полотна прокладывали трубопровод. Траншее рыли вручную. На земляных работах были заняты узбеки. Как выяснилось позже, на то было особое решение. Крестьяне Узбекистана имели большой опыт сооружения оросительных каналов с использованием кетменей, а местные грунты были как раз очень похожи на среднеазиатские. Тогда в районе Лепехинки строился керосинопровод Астрахань — Саратов, имевший огромное значение для победы. Но и после разгрома немцев под Сталинградом на освобожденных территориях требовалось ускоренными темпами вести полевые работы. Тут и пригодился астраханский керосин, поступающий на саратовские земли по 700-километровому трубопроводу в суровую для страны годину.

Владимир Григорьевич однажды признался мне: «Я, мальчишка, естественно, не мог предположить, что когда-нибудь встречу с людьми с этой стройки и что многие из них станут моими соратниками на долгие годы. А если бы тогда мне сказали, что ровно через 40 лет я возглавлю отрасль, специализирующуюся на сооружении трубопроводов, куда более сложных и протяженных, чем “рукотворный” керосинопровод Астрахань — Саратов, я бы счел это буйством фантазии. Впрочем, эта “встреча с трубой”, впоследствии ставшая делом моей жизни, была символической. Тогда же и труба, и траншея под керосинопровод казались мне досадной помехой на пути в школу».

Первый класс лепехинской школы Володя Чирсков окончил на «отлично». В качестве поощрительной премии за это ему вручили мужские носки, которые в то военное время были большой редкостью. Родители были довольны его первыми успехами.

Но лепехинский период жизни семьи Чирсковых продолжался недолго. В 1944 году главе семейства поручили

принять участие в установлении советской власти и создании колхозов на освобождаемой от фашистов территории Украины. Поэтому окончание войны Владимир встречал уже на украинской земле, в селе Маньковка. В марте 1944 года поблизости разгорелось крупное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало более сотни боевых машин. Тогда советские танкисты во главе с генерал-лейтенантом С. И. Богдановым одержали победу, уничтожив около 50 вражеских танков. Когда семья Чирсковых приехала в Маньковку, остовы сгоревших танков еще были разбросаны по окрестным полям.

В селе не было русской школы. Володе Чирскову пришлось учиться во втором и третьем классах в школе, где преподавание велось на украинском языке. «Полученные изъяны по родному русскому языку после этой учебы мне пришлось исправлять в течение многих лет. В школе не было чистой бумаги, писали на чем попало, даже на старых газетах. Отношение к русским было неоднозначное. К нам на окна постоянно, несмотря на охрану, наклеивали листовки: “Москали, убирайтесь!”». Наступил долгожданный день Победы. В. Г. Чирсков вспоминал: «Хорошо помню этот день. По улицам районного центра села Маньковка Киевской области проходило торжественное шествие, и я нес красное знамя Управления сельского хозяйства района».

Нужно сказать, что люди, родившиеся в СССР в середине 1930-х годов, относятся к представителям особого поколения. На их долю выпала тяжелая война, послевоенная разруха, голод, нехватка самого необходимого для жизни. И все-таки это было время великих свершений, к которым был причастен весь советский народ. Была одержана Великая Победа над фашистской Германией, началось восстановление разрушенных и строительство новых городов, заводов, фабрик. По-новому пробуждалась колхозная жизнь, и поля, ранее заросшие травой, вновь закосились. В 1946 году саратовский природный газ по первому магистральному трубопроводу пришел в Москву, затем началось строительство других трубопроводов. Страна уверенно набирала темпы своего развития, и ее граждане делали все возможное, для того чтобы быть полезными стране в это историческое время. И Григорий Григорьевич Чирсков был именно человеком такого сорта, и многие черты своего характера передал своему сыну.

Возвращение на родину

Вернувшись в Поволжье, семья Чирсковых поселилась в селе Усатове, расположенном в южной части района, на реке Еруслан, вблизи впадения в нее рек Солянка и Жидкая Солянка, на расстоянии 18 километров от районного центра — города Красный Кут. Это село было образовано в 1855 году немецкими колонистами и первоначально называлось Экгейм. В период с 1915 по 1922 год оно было переименовано в Скатовку, а с 1942 года стало называться Усатово. Там Владимир пошел в школу-семилетку, в здании которой в годы Великой Отечественной войны располагался госпиталь. Поэтому школьная мебель была поломана, не хватало парт, столов, досок. Но Володя, вернувшийся в родные места, не замечал этого.

Владимир Григорьевич рассказывал: «Для меня возвращение в Поволжье было праздником. Я учусь в русской школе, увлекаюсь техникой. Поскольку отец мой — отличный механик, все основные разговоры о машинах. Вместо игрушек — шестеренки, винты, гайки. Чего только не мастерили из этого механического хлама — коляски и самокаты, модели паровозов и самолетов. Во всем — рука отца, его уроки. И обретение не только профессиональных навыков, любви к “железкам”. Отец, понимаю я сейчас, преподносил мне и другие уроки. Он не только всегда разговаривал со мной, мальчишкой, как равный с равным, уважая во мне личность, но и, будучи, вместе с тем, человеком требовательным, воспитывал меня в строгости, в неприязни к бесхребетности, низкопоклонству, стараясь развить во мне волю, твердость, сопротивляемость. Кажется, ему это удалось. И если я, к примеру, неуступчив по делу — это от отца, который — готов повторить это еще и еще — умел отстаивать свою правоту, а там хоть трава не расти.

Вспоминаю, как только ноги стали доставать до педалей, отец научил меня водить трактор и машину. А мне скорее хочется стать взрослым. Мне нравится быть “заводилой”, лидером. В четырнадцать лет в усатовской школе я вступил в комсомол. За десять километров пешком ходил в райком комсомола получать комсомольский билет. Отец по этому поводу мне, уже комсомольцу, подарил велосипед. Я был доволен».

Нужно сказать, что связь с селом Усатовом Владимир Григорьевич поддерживал и в последующие годы. Правда,

со временем там многое изменилось. С 1974 года школа стала средней, а еще через пять лет было сдано в эксплуатацию ее новое типовое здание. Современное село насчитывает тысячу жителей и является центром Усатовского сельского поселения. В нем имеются детский сад «Колокольчик», Дом культуры, отделение связи, основная общеобразовательная школа со столовой, музеем боевой и трудовой славы, библиотекой, спортзалом и летней спортивной площадкой. В 1990 году работники совхоза «Усатовский» выдвинули В. Г. Чирскова кандидатом в народные депутаты Верховного Совета РСФСР...

Но это все было намного позже. А тогда, во второй половине 1940-х годов, вся страна трудилась, залечивая тяжелые раны, нанесенные ей войной. Григорий Григорьевич Чирсков целыми днями, а то и вечерами пропадал на работе. Несмотря на это, он находил время для того, чтобы заниматься воспитанием сына. Он начал с того, что с раннего детства привил ему любовь к книгам — благо в семье их было много.

В 1949 году семья Чирсковых переезжает в совхоз «Новокаменский» и поселяется в селе Новокаменке. Это село было создано в 1863 году немцами-колонистами на реке Бизюк, и первоначально называлось Штреккерау. В 1929 году в нем проживало 3500 жителей, в основном немцы. В начале Великой Отечественной войны они также были выселены, а в село приехало много беженцев, часть которых осталась там и после окончания войны. Когда Чирсковы приехали в Новокаменку, там была только начальная школа, а до ближайшей семилетней школы в Кривом Яре нужно было пройти восемь километров. Добраться туда можно только пешком. Владимир Чирсков со своим одноклассником Юрой Еремеевым этот путь проделывали ежедневно, не имея ни одного прогула, в дождь, и в мороз, а порой и в пургу. Летом — на велосипеде, зимой — на лыжах.

Владимир Григорьевич вспоминает: «В это время увлекаюсь охотой на зайцев, лисиц, уток и другую живность. Отец купил мне хорошее ружье. Дома развожу кроликов и держу много голубей разных пород. И, как все деревенские мальчишки, помогаю родителям по хозяйству — наколоть дрова, напоить и накормить скот. Очень благодарен учителям школы, особенно — классному руководителю Марии Семеновне Семибратовой, за прекрасное отношение и хорошую учебу. Седьмой класс Кривоярской школы я закончил с отличием в 1951 году. Родители довольны. Помню,

мы с отцом долго разглядывали мою похвальную грамоту, на которой были портреты Ленина и Сталина. Я и сейчас храню эту грамоту вместе с комсомольским билетом».

В 1998 году Владимир Григорьевич вместе с женой Машей и внуком Володей посетили места его юности. Побывали в селах Новокаменка и Кривой Яр, зашли в школу, где девятиклассники как раз сдавали экзамены. Было отмечено, что за прошедшие почти 50 лет в этих селах не произошло каких-то положительных изменений...

Итак, окончив в 1951 году семь классов, юный Владимир был поставлен перед вопросом — что дальше? Для того чтобы продолжить учебу, поступив в восьмой класс, нужно было переходить в школу, расположенную в райцентре, который находился в 30 километрах от Новокаменки. Интерната в районном центре не было, нужно было искать частную квартиру. Но был и другой выход — поступить на учебу в нефтепромышленный техникум в Саратове. Напомним, что в то время саратовский газ уже пришел в Москву, в области развивалась нефтяная промышленность, а главное — то, что в этом техникуме среди прочих специалистов готовили и механиков. Владимир хотел пойти по отцовским стопам, хотя данный техникум специализировался не по сельскохозяйственным, а по строительным машинам, которые использовались на строительстве объектов нефтяной промышленности. Молодой человек поделился своими планами с отцом, и тот их полностью одобрил. Итак, летом 1951 года Владимир Чирсков для поступления в техникум из Новокаменки поехал в областной центр Саратов, о котором до того времени знал очень мало.

Город Саратов

В XIV веке на территории современного Заводского района Саратова находится третий по величине город Золотой Орды под названием Увек. Официальной датой основания города считается 2 (12) июля 1590 года. Именно в этот день на волжский берег прибыли «отцы-основатели» Саратова — князь Григорий Осипович Засекин и стрелецкий голова Федор Михайлович Туров. Они заложили первую крепость Саратов на левобережье Волги, напротив зброшенного татарского городища Увек. Зимой 1613/14 года город сгорел и был вновь построен на левом берегу Волги в устье реки Саратовки в 1617 году.

Саратов XVII века — это сторожевая крепость и центр волжской торговли. Если первыми поселенцами города были стрелки и ратники, то позднее там появились и посадские люди, занимавшиеся рыболовецким промыслом, а также торговлей скотом и солью с астраханских озер. Город быстро рос и развивался, постепенно теряя свой военный характер и приобретая торгово-промышленное значение. 15 августа 1670 года в Саратов вступил Степан Разин с войском, жители встретили его хлебом-солью. В 1674 году по царскому указу Алексея Михайловича — «Саратов на горах делать новый» — город был перенесен на правый берег Волги, в район нынешней Музейной площади. К югу от горы, которая сейчас называется Соколовая, полковник Александр Шель заложил уже третью на новом месте застройку города. Соколовая гора и сейчас является популярным местом, откуда виден весь центр города.

Сооружение Царицынской сторожевой линии и другие мероприятия Петра I по укреплению безопасности создали условия для заселения Правобережья Волги. Летом 1695 года, спускаясь по Волге в походе на Азов, Петр побывал в Саратове, где был встречен воеводой Нестеровым и стрелецким командиром Шахматовым, которые поднесли царю памятный подарок. В 1700 году он пожаловал грамоту об отводе городу обширных земель на луговой и нагорной стороне Волги. Затем сильный толчок развитию Саратова дало учреждение там в 1747 году «соляного управления», контролировавшего добычу и продажу соли во всем Нижнем Поволжье.

4 декабря 1762 года императрица Екатерина II издала указ, которым приглашала немцев селиться на пустующих землях Самарской и Саратовской губерний. Государыня выделила приезжим земли на Нижней Волге, освободила их от воинской обязанности, разрешила свободу вероисповедания и многое другое. В Россию ехали не только немцы, но и голландцы, французы, швейцарцы, австрийцы. С 1764 по 1768 год в Поволжье на территориях современных Саратовской и Волгоградской областей было образовано 106 переселенческих колоний, в которых проживало 25 600 человек. К началу XX века в Поволжье было уже 190 колоний с населением 407,5 тысячи человек. Немцы участвовали в создании регулярной русской армии, в открытии и функционировании ряда учебных заведений, в модернизации экономики, в развитии российской науки и культуры.

В 1774 году Поволжье было охвачено крестьянской войной под руководством Емельяна Пугачева. 6 октября он во главе пятитысячного войска практически без боя вошел в город. Тогда большинство населения и состава гарнизона присягнуло ему на верность. После подавления восстания Пугачева Саратов продолжал активно развиваться. В городе были открыты народное училище (1786), типография (1794), больница (1806), построены присутственное место и дворянское собрание (1807), театр (1810), гостиный двор (1811).

Отечественная война 1812 года внесла свои коррективы в жизнь города — сюда сослали пленных французов, которых использовали на общественных работах. В последующем многие из них приняли русское подданство и остались в Саратове навсегда. В 1820 году была открыта гимназия, в 1825-м построен собор Александра Невского, а в 1826 году — Спасо-Преображенский собор. С 1825 года на улицах города начали появляться первые масляные фонари, а в 1845-м был сооружен первый деревянный водопровод, ставший городской достопримечательностью. В 1828 году в Саратове начала работать табачная фабрика — одна из первых в России. Кроме нее, действовали канатный, кожевенный, колокольный, кирпичный и ряд других заводов. В 1844 году было торжественно открыто новое здание городской думы.

Волга, превратившаяся в главную транспортную магистраль России, сделала Саратов крупным портом. Сильнейший толчок к развитию Саратовской губернии и дало строительство в июле 1871 года железной дороги Тамбов—Саратов, соединившей город с железнодорожной сетью страны. Саратов соединился железной дорогой с Москвой, Петербургом и портами Балтийского моря. Одним из главных предметов торговли Саратова конца XIX века был хлеб. Город стал одним из крупнейших в России центров торговли зерном и мукомольной промышленности.

До конца 1920-х годов Саратов оставался крупнейшим из городов Поволжья. Бурное развитие города отмечалось в годы Великой Отечественной войны, когда сюда с запада СССР были эвакуированы многие заводы и военные училища. До 1990 года Саратов был закрытым городом (не допускалось его посещение иностранцами), так как в городе работало несколько крупных предприятий оборонной промышленности, в частности, Саратовский авиационный завод, производивший военные и гражданские самолеты.

Многие промышленные предприятия Саратова выполняли также заказы для советской космической программы.

Сегодня Саратов — крупный культурный, экономический и образовательный центр Поволжья, входящий в двадцатку крупнейших городов России. Здесь находится множество промышленных, культурных, образовательных учреждений. Город является ведущим центром высшего образования, научно-исследовательской и проектной деятельности. Помимо одного из старейших университетов России (1909), там функционирует более двух десятков вузов. Рассказ о Саратове можно вести долго, утомляя читателя длинным перечнем достоинств этого города. Может показаться, что данный раздел мало связан с общей темой книги, с судьбой ее героя, который в Саратове только начинал свой большой и сложный жизненный путь. Но это не так — биография человека всегда начинается с места его рождения.

В дневнике Владимира Григорьевича подчеркнут такой абзац: «С городом Саратовом связана вся моя жизнь. Этот город очень дорог для меня. Здесь в детские годы все для меня было впервые: Театр юного зрителя, цирк, крытый рынок и многое другое. В юношеские годы пришли другие интересы: музеи, первые опера и балет, спектакли в любимом Театре драмы имени Карла Маркса, первые свидания в парках и занятия спортом на стадионных и лыжных трассах».

Учеба в техникуме

В начале 1950-х годов в Саратове было много учебных заведений. В их числе университет, сельскохозяйственный, медицинский, автодорожный институты, индустриальный (в нем с 1951 по 1955 год обучался Ю. А. Гагарин), электромеханический, медицинский и, конечно же, нефтепромысловый техникумы.

Саратовский нефтепромысловый техникум, как учебное заведение Наркомата нефтяной промышленности, был основан в 1930 году. В 1950 году он был переименован в Саратовский нефтепромысловый техникум. Директором техникума с 1947 года был Александр Максимович Коваль, который до этого заведовал кафедрой энергетики в Саратовском плановом институте. Кандидат технических наук, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, он

был требовательным и в то же время чутким и доступным для общения руководителем. Он умел дружески пожалеть и строго наказать. Студенты техникума вспоминали, что при приеме на учебу он лично беседовал с каждым, стараясь выявить, насколько осознанно абитуриент выбрал данную профессию.

В те годы для поступления в техникум достаточно было иметь аттестат об окончании семилетки и выдержать вступительные экзамены. Владимир достаточно легко прошел это испытание, немаловажную роль сыграл и похвальный лист, полученный им при окончании седьмого класса Кривоярской школы, положительная характеристика школьной комсомольской организации, успехи в области спорта и многое другое. Также немаловажную роль сыграло и то, что в 1951 году кроме строителей в техникуме на первом курсе впервые комплектовали группы механиков, и молодой человек сразу же смог проявить свои знания в этой области, что не осталось незамеченным.

Для преподавания в группах механиков были приглашены специалисты из автодорожного института, который находился поблизости. Поэтому качество преподавания было хорошим. Учебная группа насчитывала 26 человек, из которых шесть были девушки, а остальные — юноши. Руководителем группы все четыре года был Мирон Данилович Пученьян — хорошо образованный и культурный человек, который сумел сплотить коллектив. По воспоминаниям, группа была дисциплинированная, имела хорошую успеваемость и поддерживала образцовый порядок в общежитии. Владимир Григорьевич рассказывал: «Мы уважали и любили Мирона Даниловича, и многие из нас с ним общались после окончания техникума на протяжении сорока лет. С благодарностью вспоминаю и других преподавателей: Балякина, Соколову, Туркина, Крыльцова, Ароговского, Болдина. Всю жизнь благодарен судьбе, что дала мне возможность встретить в техникуме преподавателя и тренера Владимира Сергеевича Синицына, который на всю жизнь привил мне любовь к спорту. Спорт помогал мне все годы в непростой жизни строителя».

В Саратове в те годы было спортивное общество «Нефтяник», известное во всей стране. Владимир записался в это общество, стал посещать секцию по легкой атлетике. Вскоре он добился определенных успехов, ежегодно принимая участие в летних спартакиадах не только в Саратове, то также в Сталинграде, Краснодаре и даже в Москве.

Также он увлекся лыжами, участвовал в зимних спартакиадах, которые проходили в Татарии и в Кургане. Он рассказывал: «Вспоминаю 1951 год — свой первый лыжный забег в Саратове. Было первенство техникума по лыжам на 5 километров. Все ребята городские в основном в спортивной форме, в лыжных ботинках с жесткими креплениями. У меня этого, естественно, ничего не было — валенки и мягкие крепления, на голове — малахай. Правда, хорошая лыжная подготовка — каждый день зимой по 16 километров на лыжах в школу. И так два года. На трассе старался изо всех сил, сильно взмок. В результате занял третье место. Подошел ко мне Владимир Сергеевич Сеницын и спросил: “Хочешь серьезно заниматься лыжами?” Отвечаю: “Да!” И дело закипело — лыжи, ботинки, форма, тренировки. На следующий сезон имел уже первый юношеский разряд. Кончилась зима. Приступил к легкой атлетике, и здесь были успехи».

Но не только спортом и учебой жил юный Чирсков. В 18 лет пришла первая любовь — девушка со строительного отделения Вика Сиротина, приехавшая в Саратов на учебу из города Энгельса. Она считала себя более интеллигентной, чем деревенский парень, и взяла над ним шефство. Именно она начала приучать его ходить в театры, музеи и на другие культурные мероприятия.

Владимир и сам стремился всячески расширять свой кругозор. Он много читал, выбирая произведения классиков разных стран, а также различную научно-техническую литературу. Благо библиотека в техникуме была достаточно хорошая. Кроме того, многие книги приносили преподаватели, различными путями доставали сами студенты.

В середине 1950-х годов в Саратовском нефтепромышленном техникуме, который входил в систему Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности (его министром был А. К. Кортунев), на самом видном месте висел плакат, изображающий, как на плакатах Великой Отечественной войны, строгую седую женщину, задававшую теперь не вопрос «Что ты сделал для фронта?», а «Что ты сделал для Туймазов?».

Студенты техникума, конечно, знали о Туймазинских залежах. Там, в перспективных районах освоения татарской и башкирской нефти, остро ощущалась нехватка кадров, и каждый из них мечтал о том, чтобы попасть в эту многообещающую глубинку. Разговоры об этом велись постоянно, но особенно активными были ребята из так называемой

«дружной пятерки», членом которой был и Владимир Чирсков. Кроме него, в ее состав входили Юрий Землянский, Виктор Живолуп, Юрий Седов и Виталий Козлов. Все они в последующем смогли занять достойное место в различных строительных организациях нефтяной и газовой промышленности.

О годах учебы в техникуме Владимир Григорьевич всегда вспоминал с большой теплотой, ценил встречи с людьми, которые также учились в этом учебном заведении. А их было немало. Только на создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в Тюменской области работали выпускники техникума: Игорь Шаповалов — начальник «Главарктикнефтегазстрой», Виктор Чернышев — управляющий треста «Сургутпромстрой», Юрий Алексагин — заместитель начальника «Главтюменнефтегазстрой», Александр Доценко — управляющий треста «Тюменьгазпромстрой», Юрий Седов — начальник Сургутского автотранспортного комбината...

Нужно сказать также и о том, что период с 1951 по 1955 год для СССР был очень непростым временем. Завершалась эпоха И. В. Сталина, о которой сегодня пишут и говорят очень много самого разного. Произошла болезненная смена власти. Начинался период правления Н. С. Хрущева, который был ознаменован разоблачением культа личности прежнего руководителя КПСС, рядом достижений и многими ошибками. Но во время всех этих перемен, несмотря ни на какие трудности, вопросы развития страны стояли на первом месте, принимались и досрочно выполнялись пятилетние планы развития народного хозяйства. А в этих планах проблемы развития нефтяной и газовой промышленности, городского и промышленного строительства всегда занимали одно из самых видных мест. Проектов было очень много, и требовались руководящие и технические кадры для их реализации.

Тогда, в 1955 году, студенты, в том числе и Владимир Чирсков, с нетерпением ждали окончания учебы в техникуме. Многие из них получили направление в Туймазы. В частности, Владимир был назначен механиком находившегося там строительного управления. Однако понастоящему вникнуть в дело он не успел — был призван на службу в Советскую армию. Он не стал искать способ уклониться от исполнения гражданского долга, несмотря на то, что его родители в то время уже были инвалидами и ему, как единственному сыну, можно было получить отсрочку и

продолжить работу по специальности. То поколение, которое знало и помнило, что такое война, не допускало и мысли о том, что можно уклониться от срочной военной службы. Не зря в советское время популярной была поговорка: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Слово «Родина» было не пустым звуком, а несло в себе понятие чего-то несоизмеримо большего, чем желания и амбиции одного человека, и даже простой солдат, оказавшись в толпе, всегда вызывал уважение.

Глава третья

ЭКЗАМЕНЫ НА ЗРЕЛОСТЬ

Армейская служба

Срочную службу Владимир Чирсков проходил в 619-м артиллерийском полку 4-й мотострелковой Витебской дивизии, который дислоцировался в Уфе. Эта дивизия, которая до 1947 года носила название 179-й стрелковой, на завершающем этапе Великой Отечественной войны входила в состав 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Данная армия принимала участие во многих операциях, в том числе Белорусской, Рижской, Мемельской. Боевые знамена многих ее соединений и частей были украшены орденами. В частности, на знамени 619-го артиллерийского полка красовался орден Красного Знамени. На лето полк выезжал в лагеря, находившиеся в районе поселка Алкино. Зимой проводил стрельбы в Тоцких лагерях Оренбургской области.

Владимир Чирсков в начале своей срочной службы окончил годичную полковую школу, откуда был выпущен в звании сержанта. Кстати, тогда эту школу возглавлял гвардии майор Н. П. Бордюжа, который дал Владимиру Григорьевичу рекомендацию в Коммунистическую партию. В 1990-е годы, отдыхая в санатории в Барвихе, В. Г. Чирсков встретил там члена Совета безопасности России генерал-полковника Николая Николаевича Бордюжу. Он поинтересовался, знает ли тот Николая Павловича Бордюжу. Генерал ответил: «Это мой отец!» Тогда Владимир Григорьевич рассказал, откуда он знает этого человека, и узнал, что тот живет в Полтаве. Так неожиданно состоялась встреча с сыном человека, который сыграл значимую роль в судьбе будущего министра СССР.

После окончания полковой школы Владимир Чирсков был назначен командиром отделения взвода разведки полка. Затем он был избран секретарем комсомольской

организации дивизиона. Тогда это была освобожденная офицерская должность, которая требовала от человека не только организаторских, но и больших человеческих качеств. К секретарю с различными вопросами обращались многие солдаты, и приходилось постоянно находить возможность решать многие вопросы, которые нередко выходили далеко за пределы армейского быта. Во время службы в армии в 1958 году Владимир Григорьевич был принят в члены КПСС.

Основной состав офицеров и старшин полка были участниками Великой Отечественной войны, орденосцами, некоторые даже имели ранения. Общение с этими людьми уже само по себе предопределяло многое. В полку была строгая дисциплина, безукоризненный порядок в быту и содержании материальной части. Тогда из служащих срочную службу сержантов и солдат готовили достойных защитников Отечества, и среди лучших наставников называли имена подполковников Ромашенко и Афанасьева, майоров Бордюжу и Юдина, капитанов Тарлавина, Петухова, Кваченко и Полякова. С особой теплотой Владимир Григорьевич всегда вспоминал старшину Лысенко, который проявлял к подчиненным поистине отцовскую заботу, лично учил их многим премудростям армейской жизни.

Уроки наставников не пропали даром. В то время практиковались соревнования артиллеристов стран Варшавского договора. В 1957 году дивизион, в котором проходил службу Владимир Чирсков, на отборочных стрельбах занял первое место в Советской армии и был допущен к участию в соревнованиях по стрельбе артиллеристов армий стран — участниц Варшавского договора. Эти стрельбы проводились на полигоне недалеко от города Луги Ленинградской области. Дивизион 619-го артиллерийского полка возглавлял подполковник Афанасьев, батареями командовали капитаны Петухов, Кваченок, Тарлавин, взводом артиллерийской разведки — старший лейтенант Черденченко. Старший сержант Владимир Чирсков занимал должность помощника командира взвода разведки.

Задача была непростой. Полигон находился в болотистой местности, по которой машины передвигались с большим трудом. Артиллерийские расчеты везли в закрытых машинах несколько часов, затем командирам батарей посредники дали карты и поставили задачи. Нужно было точно определить место своего нахождения, обнаружить

цель, сделать необходимые расчеты для стрельбы. Стрельбы прошли удачно — дивизион 619-го артиллерийского полка успешно выполнил поставленную задачу и стал победителем в соревнованиях. Подполковнику Афанасьеву было присвоено звание полковника, и он был награжден автомашиной «Волга». Были поощрены и остальные офицеры, а все солдаты и сержанты прямо из Луги поехали в десятидневный отпуск в родные места.

В подразделениях 619-го полка проходило службу много спортсменов — перворазрядников и даже мастеров по разным видам спорта. В их числе, кроме Владимира Чирского, были Евгений Маркелов, Леонид Нигматулин и Геннадий Ваганов. Практиковались соревнования под названием «Гонка патрулей». Выбиралась 30-километровая дистанция, бежали на лыжах четверкой все вместе, в полной экипировке (карабин, противогаз, скатка шинели). Зачет велся по последнему, пересекающему черту финиша. Такие соревнования требовали от каждого участника не только максимальной личной выкладки, но и умения действовать в составе команды. С этой целью грамотно выбирали лидера, которого в нужный момент сменял другой участник. Нужно было предварительно подготовить лыжи и прежде всего самого себя лично и всю команду.

По всей видимости, все необходимые мероприятия были проделаны успешно. Сначала указанная четверка выиграла гонку в дивизии, затем в армии. Любовь к лыжному спорту полковая четверка мастеров пронесла через всю оставшуюся жизнь. После окончания срочной службы Евгений Маркелов много лет был тренером сборной команды лыжников Башкирии. Геннадий Ваганов стал заслуженным мастером спорта и входил в сборную команду Советского Союза.

Рассказывая о своей срочной службе в Советской армии, Владимир Григорьевич отмсчал: «Мне три года службы в вооруженных силах дали очень многое. Они закалили меня как человека, я окреп физически и был подготовлен к жизни в любых условиях. Это мне пригодилось и когда с палаток начали строить в Башкирии город Нефтекамск, и особенно когда посчастливилось с первых лет осваивать необжитой Тюменский край, и даже когда стал министром».

После завершения срочной службы перед молодыми людьми всегда остро вставала проблема — как строить свою жизнь дальше. Советчиков было много, но решать приходилось самому. Поэтому у «дембелей» нередко возникали

самые неожиданные планы, на реализацию которых затем уходили многие годы. И только затем, убедившись в ошибочности выбранного пути, они были вынуждены всё начинать сначала или же, отчаявшись, продолжать жить по инерции.

23-летний Владимир Чирсков не стал исключением из этого правила — он решил после демобилизации поступать в Московский государственный институт международных отношений на факультет журналистики. Этому способствовало то, что в детстве и юности, проживая в районах, населенных немецкими колонистами, он свободно говорил по-немецки, а в армии начал писать статьи для дивизионной газеты, притом, как говорили, не без успеха. Вот друзья и посоветовали поступать в МГИМО.

Владимир Григорьевич рассказывал: «Помню, что огромная Москва меня не впечатлила — показалась слишком шумной и суетливой по сравнению с тишайшими городками российской глубинки. Я успешно сдал экзамены по немецкому языку и прочим предметам, но в институт меня не взяли, не объяснив толком причины. Тогда я понимал, что мне, сыну сельского работяги, доступ в институт международных отношений попросту был закрыт — в моем роду не значилось дипломатов, я был человеком с улицы».

Неудача с поступлением в престижный вуз не сильно огорчила Владимира. К тому времени Москва его все больше и больше раздражала. Он решил вернуться в Башкирию, в трест «Гуймазынефтестрой», стать, как говорится, на ноги, а учебу продолжить как-нибудь потом. Кроме того, он понимал, что престарелые родители ждут от него помощи. К тому времени он уже был готов принимать жизненно важные решения и брать ответственность за последствия на себя.

* * *

Сегодня многие, особенно люди старшего поколения, склонны идеализировать советский строй, как всецело способствующий гармоничному развитию личности, раскрытию его потенциала. В определенной степени это было так, и судьба Владимира Григорьевича Чирскова — лучшее свидетельство тому. Он, крестьянский сын, своим трудом, без всяких протекций смог подняться до уровня министра ведущей отрасли огромной страны. Это факт, и с ним нельзя не считаться.

В то же время нужно признать, что после завершения Великой Отечественной войны началось расслоение советского общества на «касты» по возможностям получить доступ к материальным благам, тяга к которым также начала появляться не случайно. Победители, придя в Европу, впервые увидели своими глазами, что население этих стран живет намного лучше, чем большинство советских людей. Но они также увидели, что отдельные люди западных стран живут еще лучше, чем остальной народ. С нескрываемым восторгом и завистью они рассказывали и писали в письмах на Родину о роскошных дворцах, загородных резиденциях, машинах, принадлежавших местной элите. И, как результат, из оккупированных стран в СССР, а точнее — на квартиры и дачи крупных партийных руководителей и военачальников самолетами и поездами повезли «трофейные» автомобили, мебель, столовые сервизы, картины, фотоаппараты, шубы, отрезки ткани и многое другое. Тащить не стеснялись даже те, кто, по меркам СССР, на родине имел все и пользовался всевозможными благами, доступными советской элите. Вспомним хотя бы так называемое «трофейное дело» Г. К. Жукова.

Во второй половине 1940-х годов созданный Сталиным управленческий аппарат еще в определенной степени придерживался норм коммунистической морали — воровать и наживаться для коммуниста считалось не только постыдным, но и преступным. Но с годами «мертвая хватка» Сталина постепенно начала слабеть, и тут же появились желающие воспользоваться этим. Правда, вначале делалось это очень осторожно, с оглядкой на репрессии и приговоры прошлых лет. Тем не менее в СССР начала формироваться особая прослойка людей, приближенных к власти, а точнее — к благам, дающимся этой категории людей. Вскоре в данную категорию начали входить дети членов Политбюро и ЦК КПСС, министров СССР, секретарей обкомов и райкомов партии, крупных военачальников. Они устраивались на учебу в престижные учебные заведения, а после их окончания становились партийными функционерами, государственными чиновниками, дипломатами, генералами. Вполне понятно, что количество мест было ограничено, и дети простых рабочих и крестьян в эту схему не вписывались, несмотря ни на какие личные качества.

Владимир Чирсков принадлежал к трудовому сословию, то есть никаким образом не был связан с управленческой элитой. Но по советским меркам к своим 23 годам он

сделал все для того, чтобы стать образцовым членом советского общества и двигаться дальше по его иерархической лестнице. Он окончил техникум, отслужил срочную службу в Советской армии, поработал на руководящей должности в комсомоле, стал членом КПСС, был мастером спорта, свободно владел немецким языком, горел желанием учиться дальше. Казалось бы, именно из таких перспективных молодых людей и должен формироваться костяк советского общества. Но у советского чиновника высокого ранга на этот счет было другое мнение — подрастают свои дети, дети близких родственников, друзей, и их устройство в советской жизни — его главная забота. Поэтому места в престижных вузах стали распределяться не на основе конкурса знаний и других заслуг, а по благу. А у Владимира Чирскова, вполне естественно, такого блага не было, поэтому неудача с поступлением в МГИМО была заранее предрешена.

Правда, в то время для молодых людей с активной жизненной позицией все же был путь дальнейшего карьерного роста в хорошем понимании этого слова. Он проходил через тяжелый личный труд, через производство, решение объемных и сложных задач, достижение новых рубежей и освоение новых областей знаний. Это была большая и трудная работа, связанная со многими бытовыми неудобствами. Поэтому на такую работу решались немногие. Но Владимир Григорьевич решил выбрать именно этот путь.

Также нужно понимать, что в начале 1950-х годов Советский Союз находился на этапе крупных политических перемен и на подъеме своего развития. Новый политический лидер страны Н. С. Хрушев буквально фонтанировал идеями, под которые невольно подстраивались чиновники всех уровней управления. На фоне этой «перестройки» начали пробиваться и некоторые позитивные идеи и начинания, в том числе и в отношении добычи и транспорта нефти и газа. Это было прорывное направление развития энергетического комплекса страны, и Владимир Чирсков осознанно вписался в состав авангардных сил этого направления.

Башкирские университеты

С работы в системе треста «Туймазынеф-тестрой» начался новый период жизни Владимира Григорьевича Чирскова, который условно можно назвать «баш-

кирским». Этот период был довольно продолжительным, но главное — исключительно важным для профессионального становления молодого начинающего руководителя как в профессиональном, так и в сугубо личном плане.

В строительном управлении № 3 Владимир Чирсков начал свою карьеру механиком, но вскоре был назначен главным механиком. Позже он вспоминал: «Считаю, мне крупно повезло, что в начале своего трудового пути я встретил таких замечательных людей, как Беляев Александр Андреевич, начальник нашего управления, и главный инженер Дагдарян Хачик Аршахович. Будучи человеком энергичным, оперативным, обладающим хорошими организаторскими способностями, Александр Андреевич Беляев старался собрать вокруг себя молодежь. Александр Андреевич и потом много лет работал в нашей отрасли — управляющим трестом в Оренбурге. А уже в Москве до ухода на пенсию трудился заместителем начальника главка по производству. Хачек Аршахович Саградян обладал исключительной энергией. Это был один из тех немногих заметных организаторов строительного производства, которых мне довелось увидеть за годы работы в отрасли».

Строительное управление № 3, в котором работал В. Г. Чирской и которое на производстве сокращенно называли «тройка», было хорошей кузницей кадров. Так, впоследствии прораб Ренат Шагалиевич Кудашев вырос до начальника главка. Прораб Николай Николаевич Захаров, как и Кудашев, сначала руководил трестом, а затем главком. Схожие судьбы были и у прораба Табриса Фаляховича Хуснутдинова и Рифа Шайхутдиновича Багаутдинова. А Мария Владимировна Федорова, единственная женщина-прораб в управлении, стала женой Владимира Григорьевича.

Это была светлая, красивая любовь, основанная и на общности того великого дела, которым в то время занимались молодые люди. Позже в своих воспоминаниях о жене Владимир Григорьевич писал: «Мария Владимировна, тогда просто Маша, задорная, остроумная, энергичная и обаятельная, была комсомольским вожакom. Мне не припомнить ни одного общественного мероприятия, где бы она не была инициатором, заводилой, душой любого маломальски стоящего дела. Разумеется, все мы были в нее влюблены, а повезло, к моей великой радости, мне. В апреле 1959 года мы с Машей справили свадьбу. Все хлопоты взяли на себя горком комсомола и “отцы-руководители” нашего

управления. Это была свадьба, каких сегодня, наверное, и не бывает. Скромное убранство стола, простецкие одежды с лихвой восполнялись неиссякаемым юмором, оригинальными сюрпризами, шуточными клятвами, торжественными тостами, добрыми пожеланиями, безудержным весельем. Все это создавало ощущение братства, имеющего корни в большом общем деле, которому мы не за страх, а за совесть служили.

Более пятидесяти лет прошло с того счастливого дня, когда мы создали семью, которая стала моим надежным тылом на все годы. Маша — моя опора в жизни. Она мне жена, товарищ, друг. Всегда советуясь, мы делали с ней окончательный выбор».

Нефтеносная жила Татарии в те годы начала скудеть. Встал вопрос: чем восполнить убывающие ресурсы? О Западной Сибири тогда еще не было слышно. Ишимбайское месторождение Башкирии тоже клонилось к закату. В зените были Туймазинские промыслы, но их скромные возможности мало что сулили в будущем. Просвет забрезжил, когда в 1956 году дала нефть скважина, расположенная между деревнями Арлан и Ашит. Это было многообещающее нефтяное месторождение Большой Арлан, куда наряду с другими предложили перебазироваться и строительному управлению, в котором работал В. Г. Чирсков.

Это решение было принято руководством, но особо рассчитывать на то, что люди по приказу поедут на новое место для того, чтобы все начинать сначала, не приходилось. Каждый должен был решить самостоятельно: оставаться на уже обжитом месте или выходить на неизведанный путь, пробовать себя в большом деле? Арлан как бы подзадоривал: покоришь край — сам сильным станешь, сомневаешься, боишься трудностей — не берись.

В снежном марте 1959 года руководство доверило В. Г. Чирскову привести с Октябрьского первый тракторно-санный поезд с грузами первой необходимости в окрестности села Касева. Там было построено несколько барачков и щитовые домишки. Ранее на месте будущего города Нефтекамска простирались посеы озимых, и под хлеба эти поля готовились с прошлой осени. Поэтому летом строителям пришлось монтировать первые башенные краны прямо в полях. Но со временем стройка худо или бедно все же приобрела индустриальный вид. При этом работники управления не оказались трепачами и не ударили в грязь лицом. За малым исключением — по болезни

или по тяжелым семейным обстоятельствам, — основная масса без сожаления рассталась с уютными городскими квартирами в Октябрьском и, как тогда говорили, исключительно по зову сердца поехала осваивать богом забытый район Башкирии.

Вначале жить приходилось в палатках и бараках, что не помешало в том же 1959 году переименовать село Касево в поселок Нефтекамск. То, что буквально за два года в чистом поле вырос крупный рабочий поселок, в немалой степени было результатом ориентации на создание собственного хозяйства. Полигон железобетонных изделий, растворобетонный узел, известковая печь, лесопильный и столярный цеха — с таким набором производств можно было смело планировать и строить любые несложные, но необходимые объекты. Да и нельзя было не воспользоваться тем, что подарила обживаемым местам сама природа, так называемые местные строительные материалы — песок, гравий.

Требовалось быстро решать проблемы устойчивого обеспечения городка водой, теплом, электроэнергией. Владимиру Григорьевичу пришлось вплотную заниматься всеми этими вопросами, так как в декабре 1959 года его ожидало очередное назначение главным механиком треста «Башнефтепромстрой», которому отныне была переподчинена стройка.

Решать проблемы приходилось буквально «с колес», при назначении на новую должность время на раскачку не давали. Владимир Григорьевич вспоминал: «Буквально через час-другой после назначения меня срочно вызвал главный инженер треста Юрий Петрович Баталин: “Ты чего-нибудь смыслишь в паровых котлах?” “Нет, — отвечаю, — не разбираюсь”. Баталин говорит: “Жаль, а то у нас котел взорвался, поселок может замерзнуть, температура то около минус тридцати. Пойдем, на месте разберемся”. Разбирались всю ночь, и поселок не замерз. “Неплохое начало”, — подумал я тогда, не представляя, что аналогичные истории за годы работы в Башкирии случатся не раз. А если бы даже и представлял, сердце бы не дрогнуло. Просто нужно признать то, что наше поколение было особой породы. Романтика виделась в преодолении трудностей, в безоглядном служении отечеству».

Республика Башкирия принимала тогда на себя роль второго Баку, и с подготовкой промышленной эксплуатации Арлана нельзя было мешкать. Какие уж там заботы о

комфорте, если предстояло в короткие сроки подготовить условия для работы нефтяников? Строили базы бурения на нефтепромыслах, базы снабжения. О том, как шла работа, можно судить по результатам, запечатленным в отчетах тех дней. Так, в них указано, что управление «Арланнефть» приступило к работе в октябре 1957 года, а летом 1958-го уже началась пробная эксплуатация промыслов. По нефтепроводу протяженностью 240 километров, который построили работники уфимских трестов, на Уфимский нефтеперерабатывающий завод пошло сырье. Внешне задача была как будто успешно выполнена, но с ходу возникали новые проблемы, связанные с обустройством месторождения. Нужно было наращивать объемы добычи нефти. На сработанном наспех да на живую нитку это вряд ли было бы возможно.

Даже в сложнейших условиях первоначального периода освоения Арланского месторождения трест «Башнефтепромстрой» не сорвал освоения капиталовложений, предназначенных для промышленного строительства. Но и ни один объект социального назначения не был забыт. Строились жилые дома, школы, детские дошкольные учреждения, вводились другие объекты, связанные с бытом людей. В результате жизненная перспектива каждого накрепко связывалась с успехами треста и люди лучше работали. А это сразу сказалось на состоянии дел на промыслах.

Не было бы города Нефтекамска, если бы в тресте не думали о людях. Инициатива была движущей силой развития города. Ее проявляли и подчиненные и руководители. За четыре года из рабочего поселка Нефтекамск превратился в город республиканского подчинения с населением свыше тридцати тысяч человек. В 1963 году строители и нефтяники жили в основном уже в четырех- и пятиэтажных домах. В город пришел газ. Появились первые очаги культуры — клуб «Строитель», кинотеатр «Маяк».

Владимир Григорьевич вспоминал: «Освоение Большого Арлана и строительство города Нефтекамска для меня стало хорошим университетом.

Во-первых, неоценимый опыт строительства города в чистом поле. Начиная с палаток и барачков, когда нет постоянной электроэнергии, воды, газа, дорог и т.д., когда часто нет хлеба и других продуктов питания. Нет предприятий здравоохранения и культуры.

Во-вторых, на отделе главного механика треста лежала ответственность за то, чтобы в быстро растущем поселке

и промышленной базе постоянно были электроэнергия, тепло и вода. Электроэнергия несколько лет вырабатывалась дизельными электростанциями, которые имели привычку часто ломаться. Нет света — стоит водозабор, стоят котельные, а значит — нет хлеба, не работают столовые и т. д. Пришлось досконально изучить и электроэнергетику и теплотехнику. Что, конечно, пригодилось не раз в жизни, особенно в Тюмени.

В-третьих, отдел главного механика отвечал за механизацию всех трудозатратных процессов в производстве строительных работ. Для этого пришлось теоретически и на 7-летней практике досконально изучить технологические процессы всех видов строительных работ, а также процессы приготовления раствора, бетона, асфальта и изготовления бетонных и столярных изделий. Вместе с этим освоить систему планирования и управления процессами строительства на уровне участка, управления и треста. В общем, я почувствовал себя не только механиком, где также набрался хорошего опыта, но и подготовленным строителем. Ох, как пригодилось мне это в жизни!»

За досрочное выполнение задания семилетнего плана по строительству нефтепромысловых объектов и достижение высоких технико-экономических показателей трест «Башнефтепроводстрой» в 1966 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Большой и славный путь пройден коллективом треста за годы его существования. За эти годы работниками треста и его субподрядных организаций возведен молодой и красивый город Нефтекамск. Вряд ли тогда, когда строителями треста был забит первый колышек, кто-то представлял, что в скором времени на этом месте раскинется город с широкими проспектами и улицами, многоэтажными домами, развитой многоотраслевой промышленностью.

В одной из своих книг Владимир Григорьевич писал: «За семь лет работы в тресте я прошел хорошую школу. Учиться было у кого. Взять хотя бы управляющего трестом Алексея Аверьяновича Волкова — крупного организатора строительного производства, человека широко образованного, дальновидного, требовательного, но уважительного, знающего цену и себе, и окружавшим его людям. За пять лет совместной работы он ни разу не повысил на меня голос. Однако буду откровенен: когда звонил его прямой телефон, у меня всегда по спине пробегали мурашки. Нет, это был не страх, а чувство большой ответственности

перед человеком, уважение к которому заставляло меня стараться не допускать в работе промахов, могущих его огорчить».

В разговорах, книгах и статьях В. Г. Чирсков всегда называл имена тех, кто своим трудом начинал это сложное и нужное всей стране дело. В числе этих замечательных людей были Алексей Аверьянович Волков, Юрий Петрович Баталин, Евгений Васильевич Карцев, Николай Григорьевич Ильин, Валентин Алексеевич Романов, Шамиль Мазитович Бикбов, Владимир Андреевич Дараев, Хачик Аршакович Дагдарян, Александр Андреевич Беляев, Риф Шайхутдинович Багаутдинов, Александр Карлович Юргенсон, Амир Аюпович Аюпов, Николай Иванович Зайцев, Николай Николаевич Захаров, Александр Иванович Хутиев, Александр Иванович Орлов и многие другие.

Велик вклад строителей в создание города, но заслуга их и в том, что они пробудили к жизни весь северо-запад Башкирии. В глухих местах, где не было дорог, а в иных деревнях и света, начали бурно развиваться промышленность и сельское хозяйство. А начало развитию края положили геологи, открывшие Арланское месторождение, и работники трест нефтегазового строительства.

Нефтекамск в жизни семьи Чирсковых был знаковым еще и потому, что в этом городе у Владимира и Марии родилась дочка Ираида. Там же Владимир Григорьевич принял решение продолжить свое образование, поступив заочно в Московский финансово-экономический институт. На мой вопрос: «Почему не в технический?», — он ответил: «Да с техникой было все понятно, а вот экономика и финансы виделись впереди. В стране начиналась косыгинская реформа. Жизнь подтвердила выбор». Там же в 1962 году Владимир Григорьевич похоронил отца, не прожившего и шестидесяти лет.

Таким образом, за 11 лет жизни и работы в Башкирии этот край стал для семьи Чирсковых второй родиной. Когда они приехали в республику, там в год добывалось 15 миллионов тонн нефти, а в год их отъезда — 47 миллионов тонн. Это, безусловно, была заслуга большого коллектива строителей и нефтяников, но также и доля труда Владимира и Марии Чирсковых.

Но Башкирия с ее нефтяными запасами постепенно отходила на второй план. В стране все громче говорили о Тюмени: неизведанные просторы, огромные стройки в глухомани, гигантские запасы нефти и газа. Тюмень неудержимо

притягивала к себе романтиков того времени, а Башкирия уже могла отпустить туда тех, кого подготовила и воспитала на своих стройках.

Но при этом каждому нужно было принимать радикальное решение, а точное — держать экзамен на зрелость. Дело в том, что в советские годы зрелость человека определял не аттестат об окончании начальной или средней школы и даже не диплом об окончании техникума и института. Зрелость наступала тогда, когда человек начинал понимать свою гражданскую ответственность и находил свое место в обществе. На это уходило, как правило, несколько лет. Но именно это время формировало личность и, как правило, определяло будущее.

Глава четвертая

ТЮМЕНСКИЙ ШТУРМ

Сложное начало

Пробуждение нефтегазовой провинции Западной Сибири началось с того, что 21 сентября 1953 года на окраине старинного сибирского села Березова, где в конце 20-х годов XVIII века отбывал ссылку и умер фаворит Петра I А. Д. Меншиков, внезапно ударил первый мощный фонтан газа. Он поставил финальную точку в спорах ученых о перспективах Западной Сибири.

1 ноября того же года было сделано заключение комиссии Министерства нефтяной промышленности СССР о состоянии Березовской опорной скважины треста «Тюменьнефтегеология» и о значении открытия Березовского месторождения. В этом документе, в частности, указывалось, что «открытие горючего газа в Березовском районе имеет очень большое значение».

На основании этого заключения 15 декабря была составлена записка министра нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбакова геологическому управлению министерства (начальник М. Ф. Мирчик), Главнефтегазразведке (начальник Г. Л. Гришин) и Главнефтегеофизике (начальник Ф. А. Алексеев) об увеличении в 1954 году объема работ на Березовском месторождении. И, как показала практика, надежды руководителей себя оправдали. В сентябре 1959 года южнее поселка Игрима на реке Пунге ударил еще один мощный газовый фонтан. Новое месторождение было названо по имени реки Пунгинским. Затем в этом же районе был открыт еще ряд газовых месторождений.

Кроме газа, в Западной Сибири велись геологические работы по поиску нефти. Они также увенчались успехом. В 1960 году на берегу реки Мулымьи, близ таежного поселка Шаим, был получен первый в Сибири нефтяной фонтан. В 1961 году были открыты Мегионское и Усть-Балыкское

нефтяные месторождения, а также четвертый по счету Сургутский нефтяной район. Всего на финише этого года на карте Тюменской области появилось пять нефтяных и 12 газовых месторождений.

Для обустройства месторождений в январе 1964 года в Тюмени было создано объединение «Тюменнефтегаз», которое вскоре было преобразовано в Главное производственное управление по добыче нефти — Главтюменнефтегаз. Началось промышленное освоение мегионской, шаймской и усть-балыкской нефти. И уже в мае 1964 года от причала в Сухом Бору в верховьях таежной реки Конды отошел первый нефтяной танкер с 600 тоннами западносибирской нефти. В это же время по протоке Юганская Обь с первой усть-балыкской нефтью отошел пароход «Капитан» с двумя баржами, в трюмы которых было залито 3700 тонн нефти.

Для того чтобы с Пунгинского и других газовых месторождений Западной Сибири подать газ промышленным центрам Урала, было решено построить магистральный газопровод, аналогов которого в то время не было в мире. Таким газопроводом стал Игрим — Серов — Нижний Тагил, сооруженный из труб диаметром 1020 мм (от Алта-Тумпа до Картопы), 820 мм (от Картопы до Серова) и 720 мм (от Серова до Нижнего Тагила).

Одной из наиболее сложных проблем строительства была доставка грузов в отдаленные районы Севера при фактическом отсутствии автомобильных дорог. Было решено максимально использовать возможности единственной железной дороги, откуда по зимнику была возможность пробиться к Пунгинским промыслам. Поэтому грузы были направлены на совершенно не оборудованные для их приема крошечные таежные станции Ейтъя, Пелым и Атымья. Несмотря на все эти трудности, к весне 1964 года были сварены первые 12 километров газопровода Игрим — Серов, а к концу года длина «нитки» достигла 253 километров.

Нужно было обустраивать промыслы. В марте 1965 года на Пунгу отправился первый санно-тракторный поезд с жилыми вагончиками и пятью экскаваторами. Во время весеннего паводка эта территория затоплялась, оставляя на поверхности только небольшой холмик, поросший кедровником. На этом холмике и был устроен первый жилой городок для строителей.

Большие перспективы развертывания строительных работ при освоении месторождений нефти и газа Тюмен-

ской области потребовали создания мощной организации. Такой организацией стало созданное 16 февраля 1965 года Главное управление строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности — Главтюменнефтегазстрой. Его начальником был назначен Алексей Сергеевич Барсуков, главным инженером — Юрий Петрович Баталин. В состав главка вошли строительные управления, располагавшиеся в Тюмени, Сургуте, Нефтеюганске, Вартовске. Так в структуре Министерства газовой промышленности СССР появилось первое объединение, нацеленное на освоение месторождений и строительство магистральных трубопроводов в Западной Сибири.

Когда Баталин перебрался из Нефтекамска в Тюмень, он на прощание сказал Чирскову, что будет рад, если им придется снова поработать вместе. Владимир Григорьевич с должным вниманием отнесся к этому приглашению. В январе 1966 года он приехал в Тюмень. Это уже была не разведка, так как решение работать там было принято им твердо. А в апреле 1966 года состоялся XXIII съезд партии, делегатом которого был и первый руководитель Главтюменнефтегазстроя А. С. Барсуков. Тогда в документах съезда прозвучал призыв к решительному наступлению на тюменский север.

В феврале 1966 года газопровод Игрим — Серов был введен в строй. Протяженность его составила 497 километров. А к концу года газовая магистраль достигла Нижнего Тагила, где соединилась с ранее проведенной туда трассой газопровода Бухара — Урал. Так была успешно решена задача по созданию системы снабжения «голубым топливом» Уральского промышленного района, замкнутой на две мощных группы месторождений.

Строительство газопровода Игрим — Серов позволило получить первый опыт строительства магистральных газопроводов в особо сложных природных и климатических условиях. Однако он был еще далеко не полным — ежедневно вставало множество новых сложных вопросов, решать которые приходилось буквально «с колес», методом проб и ошибок. Для этого требовались люди особого характера, способные не только требовать, но и работать сами, причем работать не покладая рук, не считаясь с личным временем, тяжелыми бытовыми условиями. Это были своего рода солдаты, которые по зову командира шли в бой, сознательно ради дела рискуя своим здоровьем и самой жизнью. Но Сибирь покорялась только таким людям. В их числе была

и семья Чирсковых, которая по зову сердца отправилась в этот малообжитой край для того, чтобы своим трудом и энергией способствовать его пробуждению. Там, набивая синяки и шишки, постигал Владимир Григорьевич сложную науку управления производством, нашел много верных помощников и друзей, окончательно определил и свое место в жизни.

В сентябре В. Г. Чирскова назначили начальником отдела механизации Главтюменнефтегазстроя. По воспоминаниям Владимира Григорьевича, это был один из труднейших, но счастливейших периодов его жизни. На сложных объектах Тюменской области его башкирский опыт помог без раскочки, буквально «с колес» включиться в дело. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Не скрою, к новым своим обязанностям я приступил не без опаски. Дело я вроде бы знал, нефтяные стройки Башкирии, где прошел путь от механика участка до главного механика треста, были — прав Баталин — хорошей школой. Но достаточно ли этого? Первому и единственному в то время строителю главку Тюмени предстояло решать куда более грандиозные задачи, причем на территории, которая не только поражала своими размерами, но и считалась недоступной для промышленного освоения. В этом я убедился уже во время своей первой командировки на Север, при знакомстве с условиями работы, состоянием техники, которую предстояло опекать».

И началась беспокойная жизнь. Усть-Балык. Сургут, Нижневартовск, Стрежевой, Урай — чем больше пунктов посещал молодой начальник отдела механизации Главтюменнефтегазстроя, тем сильнее его охватывала тревога. Никогда прежде ему не доводилось видеть такого количества новых, едва сошедших с заводского конвейера машин и выведенных из строя настолько, что оставалось лишь списать их. Вскоре стало ясно: к освоению Севера строители не готовы. Техника, созданная для иных природно-климатических условий, не выдерживает схватки с болотами, мерзлотой, бездорожьем, суровыми холодами. Вдобавок отсутствовала необходимая инфраструктура, не было дорог, аэродромов, складов, ремонтных баз. Но и хозяева техники — организации главка — заслуживали упрека. То и дело попадались на глаза разграбленные, утопленные, попросту брошенные в тайге механизмы. Расчетов по техническому обслуживанию планово-предупредительным ремонтом не было даже на бумаге. Не доходили руки и до обучения ка-

дров механизаторов. Заниматься этим всем, по сути, было некому. На уме у руководителей, инженерных служб трестов и строительных управлений одно — то, за что каждый день жестко спрашивается: ход строительства, ввод объектов добычи нефти.

Встречаясь с Чирсковым, руководители подразделений напирали на слово «дай» — дай новые экскаваторы, бульдозеры, автокраны взамен вышедших из строя. Становилось очевидным, что, если не переломить такой порядок вещей, тюменская стройка превратится в огромную свалку преждевременно загубленной техники.

По возвращении из поездки по подразделениям Ю. П. Баталин встретил Чискова вопросом:

— Ну, что скажешь, как выглядит машинный парк?

— Как после Сталинградской битвы, — ответил тот.

Но реально было не до шуток, нужно было что-то срочно предпринимать. Но что именно? Подготовить проект очередного приказа «об улучшении», «усилении», «повышении ответственности»? Таких приказов и без того было издано уже немало, но они не помогали. С другой стороны, с отдела механизации спрос невелик. Ведь он не имел реальных рычагов воздействия на низовые структуры, которые находились в подчинении других. В результате отдел практически был парализован. Но отступить было не в характере тюменских строителей.

В результате Чирсков и Баталин пришли к выводу, что дорогостоящая тяжелая техника должна быть сосредоточена в руках одной специализированной организации, которая возьмет на себя и эксплуатацию, и ремонт, и другие механизаторские заботы и для которой все эти заботы будут приоритетными. Данную идею подсказала сама жизнь. Пригодился и личный опыт. В преимуществах такого подхода Чирсков убедился на примере «Башнефтепромстроя», где он создавал управление механизации. Но в условиях Западной Сибири слепо копировать прежнюю структуру, то есть просто формировать спецуправления в трестах тюменского главка, было бы ошибкой. Разрозненные подразделения, несомненно, оказались бы менее дееспособными в северных регионах. Там требовалось создание уже не управления, а треста механизации — только так можно было радикально улучшить дело. Но это еще предстояло доказать. Владимир Григорьевич поделился этой идеей с Ю. П. Баталиным, и тот поддержал ее. Но надо было заручиться согласием начальника главка А. С. Барсукова. Это

был заслуженный строитель, еще далеко не старый человек, но 30—40-летние работники аппарата главка беззлобно называли его в своем кругу «дедом». Позже все начали понимать, что это не дань возрасту, а уважение к мудрости этого незаурядного человека.

Барсуков к идее создания треста механизации отнесся прохладно, предвидя — и не без основания, — как нелегко будут складываться взаимоотношения новой специализированной организации с генподрядчиками, от которых предстояло «отпочковаться». Но затем он все же уступил и подписал ходатайство на имя министра газовой промышленности СССР А. К. КОРТУНОВА.

Министр откликнулся на удивление быстро — приказ о создании треста «Тюменгазмеханизация» был издан уже в апреле 1967 года. Вопрос, таким образом, в принципе решился. Начальнику главка оставалось лишь продублировать указание министра своим приказом и обнародовать имя руководителя треста. Но проходили дни, месяцы, а приказа все не было: «дед» Барсуков словно забыл о тресте. Как позже выяснилось, ларчик, как говорится, открывался просто. Чирскову в то время было всего 32 года. Это сейчас в таком возрасте можно стать министром, тогда же на руководящей должности предпочитали иметь людей, убеленных сединой. Вот Барсуков и присматривался. Но в декабре 1967 года выбор все же был сделан, и Чирскова назначили управляющим трестом «Тюменьгазмеханизация». В системе Главтюменнефтегазстроя тресту поручалось выполнение на условиях субподряда свайных и земляных работ, обеспечение всех строительных организаций главка грузоподъемными и другими строительными машинами.

В самый начальный период организации треста в жизни Тюменской области произошло важное событие. Председатель Совета министров СССР А. Н. КОСЫГИН, понимая значение ускоренного развития этого важного для страны региона, в начале января 1968 года приехал в Тюменскую область и три дня знакомился с ней. В поездке главу Правительства СССР сопровождали первый заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. БАЙБАКОВ, заместитель председателя Совета министров СССР М. Т. ЕФРЕМОВ, министр газовой промышленности СССР А. К. КОРТУНОВ, министр нефтедобывающей промышленности СССР В. Д. ШАШИН, министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышлен-

ности СССР В. С. Федоров, секретари Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина и А. К. Протазанов, председатель облисполкома К. П. Макурин.

Алексей Николаевич осмотрел Тюмень, посетил Тобольск, ознакомился с работой нефтяной и газодобывающей промышленности, с перспективами развития этих отраслей и нефтехимии. Побывал на объектах Юганского нефтепромыслового управления, головных сооружениях нефтепровода Усть-Балык — Омск, на буровой мастера М. И. Сергеева, в общежитии строителей Нефтеюганска, на уникальном Уренгойском месторождении природного газа. При встречах со специалистами и рабочими А. Н. Косыгин интересовался условиями труда и быта в новых нефтяных и газовых районах страны.

После завершения поездки в Тюменском областном комитете партии состоялось совещание руководящих работников обкома КПСС, облисполкома и областных геолого-разведочных, нефтегазодобывающих, строительных и других организаций. Участники совещания детально рассмотрели вопросы разворота работ по эксплуатации разведанных здесь богатых месторождений, по увеличению добычи нефти и газа, улучшению их транспортировки и переработки. В этот же день в Тюмени состоялось собрание областного партийного актива. На нем с большой речью выступил тепло встреченный участниками собрания А. Н. Косыгин. В своем выступлении он подвел итоги развития народного хозяйства страны за истекшие два года пятилетки, подробно остановился на основных задачах, стоящих перед страной в ближайшие годы, и задачах по развитию экономики Тюменской области, как части общенародных задач по развитию экономики страны.

В заключение Косыгин сказал, что это его первая поездка в область, но не последняя. И нужно признать, что участники собрания областного актива после его выступления получили огромный заряд энтузиазма для преодоления всех имеющихся трудностей и достижения таких нужных для страны поставленных целей по добыче нефти и газа. Управляющий трестом «Тюменьгазмеханизация» В. Г. Чирсков тоже был участником этой встречи. Комната в 12 квадратных метров по улице Республик, 174, в Тюмени — вот и все, чем владел его трест в первые дни своего существования. Но волновали не размеры офиса: в кратчайшие сроки нужно было найти кадры для нового треста и прежде всего работников аппарата, командиров подраз-

делений. На все это было отпущено три месяца. А дальше никаких снисхождений — напряженная работа со всеми вытекающими обстоятельствами.

Разумеется, в первую очередь В. Г. Чирсков приглашал к себе тех, кого знал по совместной работе в Башкирии. Но нужны были десятки, сотни работников. Поэтому он действовал по принципу: друг моего друга — мой друг, — то есть полностью доверял рекомендациям знающих, уважаемых людей. В числе первых пришли в аппарат треста Александр Александрович Чернышев, Лидия Макаровна Масюра, Николай Степанович Власов, Петр Васильевич Плотников, Анатолий Петрович Анцыгин, Владимир Иванович Кемеитъев, Николай Сидорович Сидоренко, Александр Семенович Бабушкин, Александр Алексеевич Харамонов, Василий Семенович Ярош, Тамара Никитична Зимица...

Едва обжив свой единственный кабинет, В. Г. Чирсков начал организовывать подразделения треста на местах. Делалось это продуманно. Небольшая группа специалистов аппарата во главе с ним на несколько дней выезжала в пункт дислокации создаваемого управления. Перво-наперво решали кадровые вопросы, помогая руководителям отобрать надежных людей. Устраивали тренинг, технологическую разминку принятым здесь же специалистам, встречались, выясняя нужды, налаживали контакты с работниками генподрядных организаций, чтобы впоследствии избежать недопонимания и сбоев. Действуя подобным образом, за два месяца сформировали управления механизации в Нефтеюганске № 4, Сургуте № 3, Урае № 2, Нижневартовске № 5, Лабитнангах № 6 и специализированный хозрасчетный участок в поселке Стрежевой Томской области. Еще раньше, в январе 1968 года, появилось на свет управление механизации № 1 в Тюмени.

Конечно, несмотря на все усилия, на первых порах новичкам приходилось тяжело. Трудно поверить, но вначале на все семь коллективов приходилась пара примитивных ремонтных цехов. Остро не хватало вахтовок, вагончиков, ремонтных летучек. Но больше всего люди страдали из-за отсутствия сколько-нибудь благоустроенного жилья. Об этом периоде своей трудовой биографии Владимир Григорьевич в книге писал: «Понятно, бедствовал не только наш трест, подобные трудности в той или иной степени испытывал весь нефтегазовый Север. Мы же, увы, оказались беднейшими из бедных. Отделившись от строительных

трестов, имевших и кое-какое жильё, наши подразделения лишились и того малого, что полагалось по-прежнему статусу. Пытались, конечно, “вырывать” свою долю у генподрядчиков, но, несмотря на уговоры, распоряжения, получали крохи. В итоге теряли рабочих.

Другая причина — отведав палаточного неуютя, 40-градусных морозов, повстречавшись с комариными тучами, многие работники без промедления увольнялись. Нечего сказать — несколько лет подряд наши коллективы обновлялись ежегодно более чем наполовину. Изюм в день мы занимались набором рабочих кадров. Публиковали зазывные объявления в местной и центральной печати, посылали «агитаторов» в воинские части, сами обучали и направляли ребят на механизаторские курсы. Обучение шло в головном учебно-курсовом комбинате Главтюменнефтегазстроя и учебных комбинатах на местах. Специалистов по импортной технике готовили в Москве, Челябинске и других городах. О том, сколько внимания уделялось этому делу, говорит такой факт: в первые годы существования треста подготовку и обучение проходило ежегодно до восьмисот человек. Десятки хороших экскаваторщиков, трактористов, знакомых по прежним стройкам, я лично переманил в Тюменскую область из Башкирии.

Но все кадровые изыски — пустое, если не можешь людей удержать! Специалисты-механизаторы, мы не должны были строить жильё. Но делать нечего, в срочном порядке в каждом управлении пришлось создавать строительные бригады и участки. Снабдив их материалами, установили жесткий план по вводу жилья. И если в 1968 году построили около двух тысяч квадратных метров, то в 1972 году — уже в три раза больше. Поначалу сил хватило только на деревянные дома. Но мы, осмелев, построили панельный дом — на 116 квартир в Тюмени. “Напряженка” с кадрами стала потихоньку спадать, хотя конца не было видно».

А разве возможно было примириться с укоренившейся на Севере «организацией» ремонта машин? Зимой, нередко в лютую стужу, люди перебирали железо голыми руками, и, естественно, подобные условия не способствовали сохранению кадров. Как воздух нужны были также производственные базы, чтобы создать наконец условия для технического обслуживания и ремонта машин. Но строительство баз в планы генподрядных трестов не входило.

Чтобы добиться включения их в титульный список, оформить проектную документацию, требовалось затра-

тить много времени и сил. Но сделать это в то время было зачастую практически невозможно. Поэтому руководители треста и его подразделений вынуждены были идти на риск и строить любой ценой. Но такая инициатива иногда дорого им обходилась. За неплановое строительство, строительство без оформления технической документации, без включения объектов в титульный список вполне можно было схлопотать не только выговор или исключение из партии, но и лишиться работы и даже попасть под суд.

Машины для капитального обновления приходилось возить на заводы, расположенные далеко за пределами области. Между тем еще в 1965 году Совет министров РСФСР принял постановление о сооружении завода по ремонту строительных и дорожных машин в Тюмени. Строить его должен был какой-то местный трест, но тянул, не строил, поскольку, видно, не испытывал в этом производстве нужды. Тресту «Тюменьгазмеханизация» завод был необходим позарез. И Владимир Григорьевич решил взять это дело в свои руки. Получилось так, что трест «Землероев», как иронически называли «Тюменьгазмеханизацию», сам заказывает проект, возводит заводской корпус, находит для него оборудование и сам же это оборудование монтирует. И, надо сказать, сотрудники треста справились со всем не хуже опытных профессионалов. Чему только нужда не научит! Ради скорейшего ввода объекта в строй здесь буквально дневали и ночевали руководители УМ-1 А. И. Доценко и Я. И. Косолапов, будущий главный инженер завода А. С. Бабушкин, прораб Семен Калаев и многие другие. Важно также и то, что своими силами в тресте подготовили станочников, сварщиков, слесарей.

И замечательного директора нашли — Геннадия Ивановича Рядовых. До этого он был главным инженером районной «Сельхозтехники». Наведываясь туда по служебным делам, Чирсков без преувеличения восхищался порядком, царившим во всех заведениях этого предприятия, придуманной механизацией работ. Все это Геннадий Иванович внедрил и на заводе «Тюменгазстроймаш», которым руководил много лет. Причем здесь был налажен не только ремонт техники — выпускались запчасти, а со временем началось и производство машин.

О напряжении сил коллектива можно судить по тому, что подразделения трудились одновременно на сотнях объектов, разбросанных на огромных территориях, неустанно создавая, строя. О результатах этого труда лучше

всего говорит скупая хроника основных событий тех лет. Тогда коллективом треста совместно со строительными организациями Главтюменнефтегазстроя были построены и введены в эксплуатацию в 1968 году объекты обустройства Трехозерного, Теререво-Мартыминского, Западно-Сургутского, Усть-Балыкского, Правдинского месторождений нефти, первой блочной нефтеперекачивающей станции «Кума», 152 тыс. кв. м жилой площади. Начато обустройство крупнейшего в мире нефтяного месторождения «Самотлор».

В 1969 году — газопровод Игрим — Пунга, объекты обустройства Пунгинского, Тазовского, Игримского месторождений газа, резервуарные парки на нефтепроводах Шаим — Тюмень, Нижневартовск — Александровское, Мегионский резервуарный парк, кустовые насосные станции Усть-Балыкского и Западно-Сургутского месторождений, 160 тыс. кв. м жилья.

В 1970 году — КНС-1 Западно-Сургутского месторождения, КНС-1 и КНС-2 Самотлорского месторождения; сбор и транспорт нефти Советско-Соснинского месторождения; объекты Пунгинского месторождения; нефтеперекачивающие станции — Урьевская, Южно-Балыкская, Каркатеево, Салым; нефтеспровод Нижневартовск — Усть-Балык; карьер с дробильно-сортировочной фабрикой в Харпе; силикатный завод, цех керамзитового гравия и РЭБ флота в Тюмени; 168,4 кв. м жилья. Начато обустройство крупнейшего в мире газового месторождения «Медвежье».

И это далеко не полный перечень объектов, построенных уже в первые годы.

Механизаторы — первые в технологической цепочке строительства. Они выполняют отсыпку площадок, роют котлованы под фундамент, забивают сваи. Это непросто делать и в обжитых местах. А как выполнять такие работы в заболоченной тайге или тундре, за сотни километров от баз и транспортных коммуникаций? Напомню, что первопроходцы Тюменского Севера не знали комфорта и в базовых городках. Каково же было десанникам, которые высаживались в «медвежьих углах»? Там к их услугам были лишь вагончики с железными печками и кроватями в два этажа, а то и палатки. Ни радио, ни кино, ни бани, ни теплого, извините, туалета. И если бы только это! Каждый объект был своего рода крепостью, для взятия которой требовалось хитроумие и упорство. Вспомните хотя бы Самотлор: его бесчисленные болота отличались особым коварством, не

застывая даже зимой. Сколько торфяной каши вычерпали здесь экскаваторщики, сколько песка «вбухали» в глубокие топи, сколько соорудили лежневок, чтобы не утопить машины!

Учитывая большую обводненность территории Тюменской области, с самого начала большое внимание в Главтюменнефтегазстрое уделялось проблеме оснований и фундаментов. Главным ориентиром были сваи. В стране они стали широко применяться всего несколько лет назад. Появились новые конструкции свай, технологии их погружения, новая сваебойная техника. Свайные дела требовали высокой квалификации, большой исследовательской работы по изучению грунтов и выбору технологии погружения. На каждой фундаментной площадке нужно было проводить динамическое и статистическое испытание свай. Все это ответственно фиксировалось документально. В главке этой проблемой активно занимался главный инженер Юрий Петрович Баталин. В тресте «Тюменгазмеханизация» нужно было все это внедрять. И хорошо то, что Чирскову до этого пришлось уже заниматься свайными основаниями в Башкирии.

Первые свайные агрегаты по старым связям работники Тюменьгазмеханизации получили из Ленинградской области — и они поступили в УМ-1. С помощью этих агрегатов были забиты первые сваи под два девятиэтажных дома в городе Тюмени. Применение свайных решений по фундаментам промышленных и социально-культурных объектов в Тюменской области дало большой экономический эффект и надежность конструкций.

За первые четыре года работы коллектива треста общие годовые объемы работ возросли в 4,7 раза, а строительно-монтажных работ — в 6,1 раза, численность работающих выросла в 2,1 раза, годовая выработка на работающего в 1,96 раза. Рост ежегодно выполняемых земляных работ составил 3,5 раза, а свайных — почти четыре раза.

Начиная с момента создания, трест ежегодно выполнял плановые задания и в самые сложные годы внес значительный вклад в обустройство Самотлорского, Усть-Балыкского, Медвежьего и других месторождений нефти и газа. В сооружении газопровода Надым-Пунга, нефтепровода Самотлор — Альмстьевск, возводя одновременно собственные производственные базы, жилье и объекты социально-культурного назначения.

Быстрыми темпами шло пополнение управлений механизации разнообразной строительной техникой. К 1973 году ее количество достигает 1740 единиц. Выручила импортная техника. Трест насыщается сначала польскими экскаваторами фирмы «Бумар», а затем еще более совершенными японскими «Като» и «Хитачи», бульдозерами и трубоукладчиками «Комацу», автокранами «Фиорентина» (Италия), РДК-25 и «Либхер» (Германия) и др.

В 1973 году в тресте работало около пяти тысяч работников, в основном механизаторы 5—6-го разрядов. В первые же годы существования треста «Тюменгазмеханизация» более 130 рабочих и специалистов треста были удостоены правительственных наград. Звание Героя Социалистического Труда было присвоено машинисту крана управления механизации № 2 (г. Урай) Семену Мартыновичу Баеву (это был первый Герой в Главтюменнефтегазстрое), а орденами Ленина награждены машинист экскаватора управления механизации № 5 (г. Нижневартовск) Виталий Константинович Полещук и машинист сваебойного агрегата управления механизации № 2 (г. Надым) Виталий Алексеевич Ярына.

В 1972 году коллективу треста за высокие показатели в работе был присужден юбилейный знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ в честь 50-летия образования СССР, а также переходящее Красное знамя Миннефтегазстроя СССР и ЦК профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности. Можно сколько угодно иронизировать сегодня по поводу соцсоревнования, но ветераны знают — в те времена такие знаки отличия даром не давали.

В феврале 1976 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем было указано: «За большие успехи, достигнутые трудящимися строительных организаций в выполнении заданий девятого пятилетнего плана по сооружению объектов топливно-энергетического комплекса в Западной Сибири, обеспечивших высокие темпы роста добычи нефти и газа в этом районе, наградить территориальное Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Тюменской области (Главтюменнефтегазстрой) Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР орденом Ленина». Вполне понятно, что в этой награде и большая заслуга работников треста «Тюменьгазмеханизация».

Уроки Медвежьего

27 июля 1967 года министр газовой промышленности СССР А. К. Кортунов и первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина обратились в ЦК КПСС с письмом «Об использовании месторождений газа Тюменской области». В нем они, в частности, указывали, что в ближайшие 3—4 года разведанные запасы природного газа в области будут доведены до 5—6 трлн м³, а в дальнейшем они могут быть увеличены в два-три раза. При этом отмечалось, что «характерной особенностью тюменских месторождений является концентрация их на сравнительно небольшой территории, неглубокое залегание, большая мощность и хорошие коллекторские свойства газоносных пластов, что обеспечивает получение из одной эксплуатационной скважины 2—5 млн м³ газа в сутки».

На основании этого предлагалось «организовать комплексное использование газа тюменских месторождений. Наряду со строительством газопроводов и транспортировкой большого количества газа в европейскую часть страны и на Урал, целесообразно создание крупных тепловых электростанций непосредственно в районах добычи газа».

В начале апреля 1968 года на самолете Ан-2 вместе с начальником главка А. С. Барсуковым В. Г. Чирсков, А. Мухамедзянов, Б. Сугак, В. Ошкадеров и В. Михайлов прилетели из Лабытнанги в Надым, которому суждено было стать центром освоения месторождения «Медвежье». Здесь должна была обосноваться первая группа строителей. Так называемый поселок состоял из семи-восьми дощатых домиков, которые остались от печально известной 501-й стройки. Железная дорога Салехард — Норильск сооружалась заключенными по решению И. В. Сталина. После его смерти в 1953 году стройка была законсервирована, так как новое руководство страны считало ее неперспективной. Вместе с тем на значительное расстояние уже были уложены рельсы, сделаны временные мосты. Имелась и проводная телефонная связь Норильск — Москва. Впоследствии строителям пришлось восстановить участок этой недостроенной железной дороги от Надыма до Уренгоя. При освоении главных газовых месторождений Советского Союза люди, испытывавшие огромные трудности из-за отсутствия транспортных путей, в своем кругу не раз говорили слова, которые, может быть, звучали кошунственно, но имели серьезную деловую подоснову:

«Проживи Сталин еще один год, и насколько бы проще и дешевле дался бы нам Север!»

Параллельно этой дороге и совершил посадку Ан-2. А. С. Барсуков, человек грузный и уже немолодой, сказал Владимиру Григорьевичу: «Снега много, идти тяжело; видишь там, в домике, дымит труба. Значит там есть люди, может быть, у них и лошадь найдется...»

Когда Чирсков пришел к домику, там стоял вездеход ГАЗ-71. В доме жили геологи. Быстро завели вездеход и подвезли А. С. Барсукова. Оказалось, что в домике есть и пост телефонной связи. Связист быстро соединил с Москвой. Министр А. К. Кортунов, узнав, что Барсуков звонит из Надыма, был удивлен оперативностью строителей.

После разговора с министром Барсуков долго беседовал со связистом и геологами о структуре грунта в поселке, о питьевой воде и т.д. Из этого разговора Чирсков понял, что грядет высадка десанта, и уже через несколько дней он получил команду немедленно организовать в Надыме участок. Благо в Салехарде базировалось одно из управлений механизации. Вскоре на базе этого участка было создано управление механизации. В задачи нового управления, которое возглавили Сергей Ларин и Николай Плиткин, входило выполнение всех земляных и свайных работ на промыслах Медвежьего и в поселках Надым и Пангоды.

Это, казалось бы, несложные операции в обычных климатических условиях. Но нужно было решать, как разрабатывать вечную мерзлоту и как забивать в нее сваи. В те годы у советских строителей не было тяжелой импортной техники. Также не было опыта, молчала и наука.

Тяжело давались первые сваи Надыма и газосборного пункта № 2 на Медвежьем. Надым начинался с балков, Пангоды — с палаток. Наступил самый тяжелый период освоения Медвежьего месторождения. Был создан штаб стройки в Надыме. Руководил им заместитель министра газовой промышленности Ю. П. Баталин. В штаб также вошел второй секретарь Тюменского обкома КПСС Геннадий Петрович Богомяков. Как было принято в те времена, да по-другому и нельзя было, на место стройки собрались управляющие всех трестов, имеющих отношение к здешним объектам. Во время навигации не удалось отправить по реке все необходимое оборудование для промысла и строительные машины для производства работ. Было принято решение — механизмы, получаемые по фондам I-го квартала 1972 года, отгрузить на Воркуту и оттуда «Анте-

ем» (самолетом Ан-22) перебросить на Медвсжье. В январе большое количество бульдозеров, экскаваторов, сваебойных агрегатов было уже в Воркуте, но местный аэропорт по погодным условиям не работал по 4—5 дней в неделю. Нависла угроза срыва строительства.

Тогда был предпринят рискованный обходной маневр. Ю. П. Баталин и Г. П. Богомяков написали в Воркутинский горком КПСС письмо с просьбой помочь без задержки отгрузить механизмы и оборудование на станцию Лабытнанги, откуда по прямой по зимнику до Надыма было 300 километров. С этим письмом В. Г. Чирсков был направлен в Воркуту. Нужно сказать, что просьба стройки была выполнена городским руководством незамедлительно. Вызванные Владимиром Григорьевичем из Приобья механизаторы, которые должны были ввести технику по зимнику, едва успели прибыть в Лабытнанги. Там срочно были сварены тракторные сани, на которые погрузили тяжеловесное оборудование для газосборного пункта, вагончики, бензин, дизельное топливо, продукты, разные механизмы. И вот огромный караван — более двадцати саней — пошел по тундре в многотрудный путь от Салехарда до Надыма.

Руководство штаба рассчитывало вести наблюдение за продвижением санного каравана с вертолетов, а при необходимости оказывать поддержку и помощь. Но погода Севера внесла свои коррективы. Уже на следующий день после отправки каравана разыгралась вьюга с обильным снегопадом и ветром. Наступили тягостные дни ожиданий и тревог. В. Г. Чирсков вместе с В. Д. Чернышевым, управляющим трестом «Надымгазпромстрой» наблюдали за развитием событий в Лабытнангах, а Ю. П. Баталин и Г. П. Богомяков — в Надыме. На пятый день вьюга там вроде поутихла. Но полеты были еще запрещены. Однако рано утром в воздух самовольно ушла «восьмерка» — вертолет Ми-8.

Часов в одиннадцать дня с Чирсковым по радиации связался из Надыма начальник управления Сергей Ларин и доложил, что караван обнаружен и пилот сбросил десантникам несколько мешков хлеба, который, как позже выяснилось, у тех был на исходе. Это известие принесло большое облегчение.

Затем Владимиру Григорьевичу пришлось просить руководство штаба не наказывать экипаж рискованного вертолета, который строители, собственно, и подбили на фактически слепой полет. Экипаж, к их радости, только пожурили, но отстранять от полетов не стали. Тогда в За-

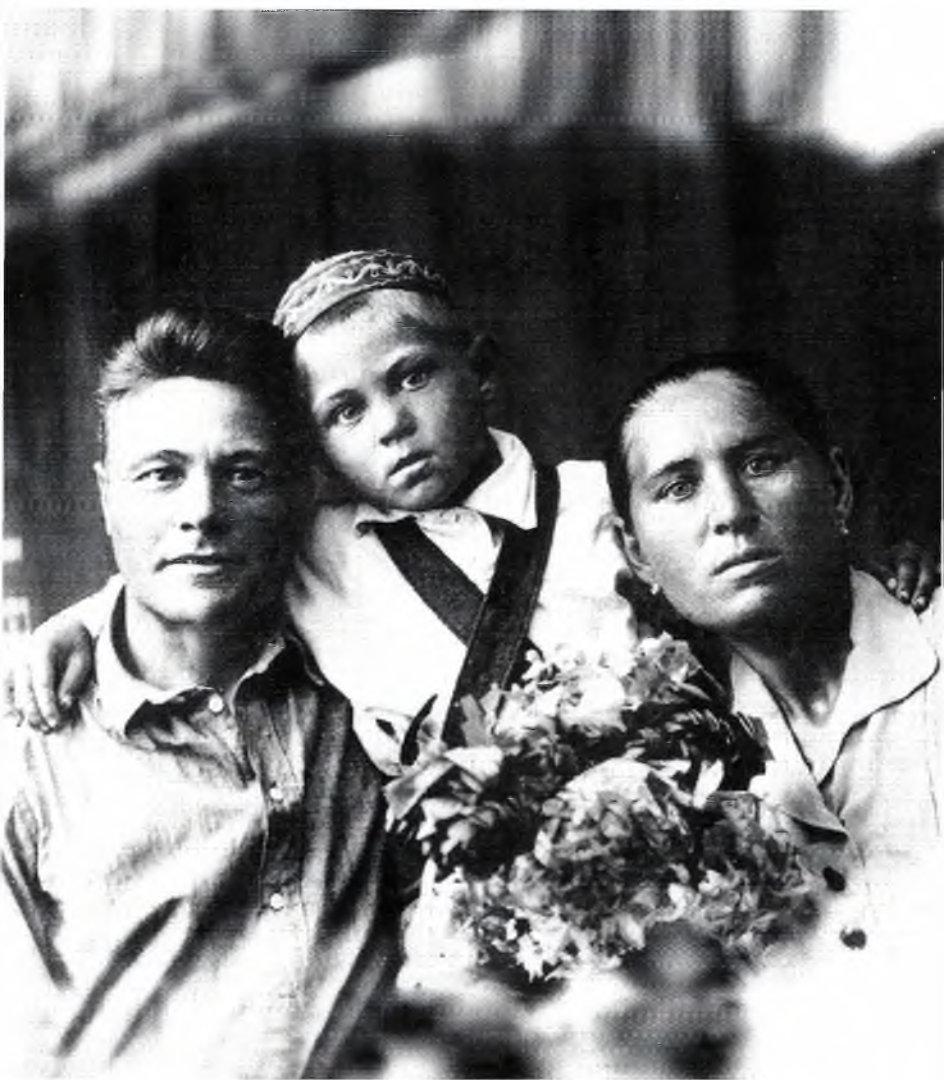
Чирсков
Владимир Григорьевич.
1972 г.

Чирсков
Григорий Григорьевич,
отец В. Г. Чирскова.
1937 г.

Семья Чирсковых:
В центре
Григорий Васильевич,
дедушка В. Г. Чирскова.
1941 г.

Володя Чирсков с родителями. Саратов, 1940 г.

Владимир
Чирков.
Саратов, 1955 г.

7-й класс
Кривоярской
школы. 1951 г.

Старший сержант
Владимир Чирсков.
Уфа, 1957 г.

Учебная группа
после окончания
техникума.
Саратов, 1955 г.

Владимир и Мария перед свадьбой. *Октябрьский, 1959 г.*

Счастливая семья. *Нефтекамск, 1962 г.*

Первый строительный десант в Надыме: В. Чирсков, А. Барсуков, В. Михайлов, Б. Сучак. *Март 1968 г.*

Проводы А. С. Барсукова в аэропорту «Рошино». *Тюмень, 1970 г.*

Рождение Миннефтегазстроя СССР. Москва, 16 февраля 1973 г.

Чирсковы в гостях у Федоровых. Село Высоцкое, 1961 г.

На Красной площади в Москве.
1975 г.

Руководящие работники треста «Тюменгазмеханизация»,
Тюмень, 1973 г.

На трассе газопровода Уренгой — Челябинск: П. П. Шабанов,
Н. И. Кизуб, Г. М. Мясников, В. Г. Чирсков, О. М. Иванцов,
Н. И. Курбатов. 1978 г.

Вручение
А. Н. Косыгину
памятного знака
по случаю прихода
в Москву газа
по газопроводу
Медвежье —
Центр. Тюмень,
1975 г.

Председатель
Совета
министров СССР
А. Н. Косыгин
принимает
доклад о ходе
строительства
нефтепровода
Самотлор —
Куйбышев.
Тюмень, 1975 г.

В. Г. Чирсков с руководителями трестов Главсибтрупроводстроя.
Москва, 1975 г.

Строительная площадка в Тюменской области. 1979 г.

Министры Б. Е. Шербина и С. А. Оруджев на компрессорной станции «Приполярная». Тюменская область, 1977 г.

Заместитель председателя Совета министров СССР В. Э. Дымшиц
на строительстве газопровода Вынгапур — Челябинск.
Тюменская область, 1978 г.

Министр газовой промышленности СССР С. А. Оруджев
на севере Тюменской области, 1978 г.

Удостоверения В. Г. Чирскова

В. Г. Чирсков
с супругой. Москва,
Ленинские горы.
1984 г.

падной Сибири все работали в необычном режиме, который ломал инструкции и делал риски оправданными.

Оборудование и механизмы добрались до промысла, однако пришла новая беда: столбик термометра застыл на отметке минус 50—53 градуса по Цельсию. А сроки строительства сжимаются. Народу прибавилось, не хватало жилья. Выход нашли в том, что в Пангодах имелось овощехранилище — углубленное в земле и перекрытое сверху сооружение, куда овощи еще не успели завести. Принимается решение: устроить там общежитие, а чтобы не мешал водяной конденсат, который капал с потолка, внутри овощехранилища поставили палатки.

Несмотря на все сложности, меньше чем за полгода был построен газовый промысел, которому в Союзе не было равного по мощности. Но сказать «построен» — не то слово. Его собрали. Строители стали активно внедрять тогда блочно-комплексный метод. Блоки с технологической начинкой собирали в Тюмени на заводе и на могучих Ан-10, Ан-12 доставляли на Медвежье. Воздушный мост действовал четко. Сроки подпирали, нужно было пустить промысел и магистральный трубопровод до начала распутицы. Влетнюю и весеннюю распутицу в тундре делать нечего. Упусти даже не дни, а часы — пуск автоматически перенесется на полгода.

И люди сделали невозможное. 31 марта 1972 года в 23 часа 45 минут был зажжен факел самого крупного по тем временам газового месторождения Советского Союза — комплекс «Медвежье». Многие умудренные жизненным опытом люди в момент зажигания факела плакали, как дети, — слишком много сил было здесь положено. А 9 мая к пуску был готов магистральный газопровод Медвежье — Урал, и газ с Медвежьего пошел на Урал к городу Серову.

Руководство страны торжественно приветствовало участников этой стройки. Многие получили правительственные награды. Руководителям нелегко было решать, кому их дать. На трест «Тюменьгазмеханизация» было выделено семь орденов и медалей. Чирсков ломал голову — кто же достойнейший из достойных? На взгляд Владимира Григорьевича, награду нужно было дать каждому, кто причастен к этой стройке, хотя бы по медали. На мое удивление, при разговоре он даже достал свой дневник и назвал фамилии всех награжденных, а я старательно записал их в свой блокнот. В числе механизаторов, которые забили пер-

вые сваи и прокопали первые километры траншеи под трубопроводы на Медвежье, были В. А. Ярина, А. А. Гоман, Н. В. Шерстнев, Н. О. Карпов, Б. Я. Слободянюк.

В завершение этой беседы Владимир Григорьевич сказал: «Это не просто имена. Это настоящие герои, и в их лице низкий поклон всем рабочим той великой и трудной стройки».

В последующем Медвежье стремительно набирало вес. В 1977 году была достигнута проектная мощность — 65 млрд кубометров газа в год. Форсированный ввод установок комплексной подготовки газ (девять установок на Медвежье) принес огромные выгоды экономике всей страны. Был построен самый красивый в Тюменском Заполярье город Надым, обустроен поселок Пангоды.

Университеты Медвежьего оченьгодились В. Г. Чирскову при освоении Уренгоя и Ямбурга.

Новорожденный главк

Хорошо известно, что освоение месторождений Западной Сибири потребовало перемещения в этот малоосвоенный регион крупных материальных и людских ресурсов. А их все равно не хватало. Становилось ясно, что в специфических условиях одним увеличением ресурсов не обойтись, чтобы обеспечить высокий уровень эффективности работ. Требовались какие-то нетрадиционные организационные решения.

Министерством было выбрано правильное направление — создание в Западной Сибири крупных специализированных строительных организаций. Весной 1973 года был сдан в эксплуатацию нефтепровод Самотлор — Альметьевск диаметром 1220 миллиметров и протяженностью 2130 километров. Опыт его строительства показал, что во многом успех дела объяснялся близостью штаба управления стройкой к центру событий. Что достаточно уверенно работают экономические рычаги управления, что предпочтительнее иметь постоянные коллективы строителей.

Владимир Григорьевич вспоминал:

«Нефтепровод Самотлор — Альметьевск, насосная станция Торгили. Очередная моя встреча с Баталиным. И неожиданный разговор в “газике” на ухабистой лесной дороге.

— Скоро в Тюмени появится еще один главк, — сказал Юрий Петрович. — Главное территориальное произ-

водственное управление по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири. Есть мнение назначить начальником главка... Знаешь кого? Тебя.

Не скрою, я был польщен. Однако у меня были достаточно уважительные причины для отказа. Я крепко сработался со своим коллективом, и не очень-то хотелось бросать его ради неясных перспектив. Я сказал об этом Баталину. Он легко разбил мои доводы:

— Твои люди никуда не денутся. Часть управлений треста войдет в состав главка.

— Надо подумать, — все-таки не сдавался я.

— Думай, да побыстрее...»

Думать было о чем. Прежде всего, только теперь Владимир Григорьевич ощутил всю глубину своей привязанности к тресту «Тюменгазмеханизация». Раньше он как-то об этом не думал, просто работал, решая последующие задачи. Он привык к тому, что любое событие, любой штрих из жизни коллектива его непосредственно касается. Расстраивался, когда что-то не ладилось. Веселел и радовался, когда случался даже маленький успех.

Потом, он же не строитель трубопроводов. Конечно, трест принимал участие в прокладке «трубы», но его заведованием была только «земля» — земляные работы — с технологией сварки, изоляции трубопроводов он был знаком поверхностно. А на новой должности, в линейном строительстве, это становилось основным делом. Так стоит ли рисковать, пускать под нож свой честно заработанный авторитет?

С другой стороны, смысл в назначении начальником главка человека «со стороны», бесспорно, имелся. Хотя он и не строил трубопроводы, но именно поэтому был свободен от груза профессиональных догм, порой мешающих идти непроторенным путем. А ведь, насколько Чирсков понял Баталина, от главка как раз и ждали новаторских шагов. Считали, что недопустимо, чтобы болота и мерзлота диктовали строителям свои условия, ограничивая трассовый сезон тремя-четырьмя зимними месяцами.

Чирсков и сам уже давно думал об этом. Но теперь эта старая беспокоящая проблема строителей заставила его по-иному взглянуть на предложение Баталина. Оно уже не казалось ему бесперспективным.

На следующий день Чирскова пригласил к себе первый секретарь Тюменского обкома партии Б. Е. Щербина — конечно, для разговора о Главсибтрубопроводстрое.

— Три главка ведут работы на наших трассах, — сказал Борис Евдокимович, — и все три сидят в Москве. Руководство оторвано от объектов, многие вопросы решаются не оперативно. А что означают эти объекты для экономики страны, вам, я надеюсь, объяснять не нужно. А если взглянуть на несколько лет вперед — потребуется удвоить, утроить объемы добычи нефти и газа. Новые трассы наскоком уже не взять. У них должен быть настоящий хозяин здесь, в Тюмени. Убежден, что главк будет крупнейшим. Хочешь знать, какие дела его ждут?

Шербина красочно, но достаточно объективно обрисовал картину будущих трубопроводов, которые, по его мнению, обязательно будут проложены через тайгу и тундру.

— Соглашайся возглавить этот главк, — вдруг предложил он и, заметив некоторое смущение Чирскова, добавил. — Открою тебе маленький секрет. Этот главк создается по инициативе обкома партии. Поэтому мы вдвойне заинтересованы в том, чтобы он побыстрее встал на ноги и начал работать. Можешь рассчитывать на мою помощь, если будет необходимость — обращайся прямо ко мне. И еще один совет: не робей в Москве, когда поедешь на утверждение твоей кандидатуры. Тебя рекомендует областная партийная организация, а это — особое доверие.

Позже Владимир Григорьевич писал: «Эти слова Бориса Евдокимовича я вспомнил, когда оказался в кабинете секретаря Центрального комитета партии В. И. Долгих. И хотя я был не робкого десятка, но побороть волнение не смог — ждал строгого экзамена. И не ошибся. Владимир Иванович поинтересовался, знаю ли я, как идут дела у нефтяников и газовиков Тюменской области. Я был готов по этому вопросу, назвал цифры добычи. Он прервал, сообщив, что эти цифры хорошо знает по докладам. Просил рассказать о проблемах, с которыми встречаются строители трубопроводных трасс. Я ему рассказал о проблемах, которые имели место при строительстве нефтепровода Самотлор — Альметьевск.

— А что, по вашему мнению, нужно сделать для того, чтобы ускорить строительство трубопроводов в Западной Сибири? — поинтересовался Долгих.

Я был готов и к этому вопросу. Свел воедино все, что читал в научной литературе, что слышал на трассах, приплюсовал собственные наблюдения. Ответы, по-видимому, понравились Владимиру Ивановичу, и он поменял тему разговора — начали говорить о структуре будущего главка,

о методах работы. На прощание Долгих сказал: «Большое дело поручается вам, Владимир Григорьевич. Партия вам доверяет, но партия с вас и спросит». Это было не предупреждение, а скорее напутствие, с которым я и вернулся в Тюмень».

На другой день В. Г. Чирсков был у Б. Е. Щербины. Кратко доложил о московских разговорах и высказал просьбу по размещению аппарата главка. Борис Евдокимович дал указания по подбору необходимого помещения и на прощание предупредил:

— Имей в виду, что вышестоящие органы и подчиненные тебе руководители не будут в полной мере выполнять то, что ты считаешь нужным по тем или другим вопросам. Несмотря на это, находясь между одними и другими, ты все же должен будешь обеспечить решение задач, возложенных на главк. Придется запастись терпением и проявлять настойчивость.

В последующем В. Г. Чирсков не раз убедился в том, насколько этот совет был правильный, он помогал ему в любых ситуациях вести себя спокойно и настойчиво.

Б. Е. Щербина, как крупный руководитель с большим стажем, при назначении каждого нового управленца старался помочь ему советом, а то и делом поскорее «врасти» в новую должность. При следующей встрече он дал Владимиру Григорьевичу еще несколько дельных советов.

Во время одной встречи Чирсков решил согласовать с Щербиной кандидатуру на должность, которая была номенклатурой обкома партии. Борис Евдокимович просмотрел анкету, затем перевел взгляд на собеседника.

— Если хочешь знать мое мнение касательно еврейского вопроса, имей на будущее в виду, что я интернационалист. Если же говорить об опыте работы предлагаемого кандидата, то думаю, что это человек вполне подходящий на данную должность. Но подумай о другом: не ошибка ли брать 38-летнему руководителю себе в заместители человека, которому уже около шестидесяти лет? Тебе предстоит трудная и напряженная работа, одному во все вопросы глубоко вникнуть невозможно, а одновременно побывать во многих местах — тем более. Для такой работы нужны энергичные, сильные люди с прогрессивным мышлением. Правда, опыт в этом деле тоже не лишней.

В последующем в Главсибтрубопроводстрое было заведено, что на руководящую работу брали людей в возрасте до сорока лет. Возможно, это было и не совсем правиль-

но — но именно молодые руководители, прошедшие школу строителей трубопроводов в Западной Сибири, в последующем составили и костяк Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Таким образом, многие советы Б. Е. Щербины пригодились Владимиру Григорьевичу во время последующей работы руководителем главка.

Вскоре после того, как В. Г. Чирсков был назначен начальником тюменского главка, произошло еще одно событие, которое характеризовало мудрость и дальновидность Б. Е. Щербины. Неожиданно для Владимира Григорьевича ему поступило предложение в составе делегации строителей посетить Канаду. Поездка предстояла на десять дней. Для молодого руководителя, который в период своего становления готов был работать по двадцать пять часов в сутки, это было полной неожиданностью. Он прямо заявил, что не может оставить главк в столь ответственное время, в канун зимнего сезона.

И в этом случае Чирсков решил посоветоваться с Б. Е. Щербиной, который лучше других знал цену каждому дню при подготовке к работе на трассе. В душе он надеялся, что Борис Евдокимович позвонит в Москву, объяснит ситуацию и вопрос будет решен положительно — из состава делегации Чирсков будет исключен. Но в этом Владимир Григорьевич ошибся. Щербина терпеливо выслушал доводы начальника главка, а затем спокойно и рассудительно объяснил необходимость данной поездки.

— Нам позарез нужен передовой канадский опыт строительства трубопроводов, — сказал он. — Ты должен тщательно изучить его и по возможности внедрить все лучшее здесь, у нас.

Затем, несколько помолчав, Борис Евдокимович добавил:

— То, что о деле беспокоишься, это хорошо. Беспокойство — это неудовлетворенность, а неудовлетворенность — первейшее условие прогресса. Так что поезжай за этим самым прогрессом...

Поездка в Канаду и на самом деле оказалась полезной. Владимиру Григорьевичу удалось увидеть многое из того, что в СССР еще внедрено не было. По возвращении он снова зашел к Щербине. Тот принял его, усадил в удобное кресло, сам сел рядом.

— Ну, что там увидел и узнал, давай рассказывай, — сказал он.

Чирсков вспоминал, что это был настоящий допрос с пристрастием. В его рассказ Борис Евдокимович постоянно вставлял вопросы «почему?», «зачем?», «кто?» и требовал на них обстоятельных ответов. Владимир Григорьевич очень быстро понял, что это не праздное любопытство, не желание показать собеседнику свое превосходство. Щербина и на самом деле искренне интересовался вопросами трубопроводного строительства, которое к тому времени на отечественной базе изучил уже достаточно подробно. Не вызывало сомнений, что он понимал будущую роль Западной Сибири в энергетическом комплексе страны и заранее готовился в полную силу своих знаний и энергии заниматься этим важным государственным делом.

На следующий год, когда Щербина уже стоял во главе Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, большая группа ученых отрасли должна была на три недели ехать в ФРГ, Францию, Англию и Норвегию. Чирскову позвонили из Москвы и сказали, что министр из всех производственников в состав делегации вписал только его кандидатуру. На этот раз, памятуя о прошлом разговоре, Владимир Григорьевич не стал беспокоить Щербину лишними вопросами. Но когда группа пришла к Борису Евдокимовичу за напутствием перед дорогой, тот, видя кислую физиономию Чирскова, отвел его в сторону.

— Надо схать. Это не туризм, а деловая поездка, — сказал он. — Разве после поездки в Канаду у тебя не появились новые идеи, не выросли крылья? Надеюсь, и на этот раз ты вернешься с множеством новых подходов к улучшению работы отрасли. Так что действуй...

После этого частного разговора профессор О. М. Иванов поинтересовался у Чирскова, о чем он разговаривал с министром. Начальник сибирского главка на этот вопрос ответил шуткой, в которой была немалая доля истины:

— Он просил проследить, могут ли наши ученые задавать квалифицированные вопросы иностранным специалистам.

Позже Олег Максимович не раз вспоминал этот случай, и трудно было понять, осуждает он его или восхищается. Не секрет, что крупные партийные руководители всегда с определенной настороженностью относились к поездкам советских работников за рубеж, особенно в капиталистические страны, и Б. Е. Щербина был как раз из ряда таких ру-

ководителей. Но с другой стороны, Иванцов не раз говорил о том, что Щербина искренне болел за успехи и неудачи отрасли, требовал от каждого ее работника полной отдачи порученному делу. Кроме того, каждый советский ученый за рубежом рассматривался через призму компетентности, а допустить снижения престижа страны Борис Евдокимович никак не мог. Выбрать «удобную» середину в таком деле было очень трудно.

Два года спустя Щербина в очередной раз оторвал Чирскова от управления главком и направил на три месяца на учебу в Институт управления народным хозяйством. Аргументом на этот раз служил довод о том, что давно апробированные методы управления постепенно теряют свою эффективность и нужно осваивать новые, пока что известные только узкому кругу специалистов.

— Науку управлять нельзя в полной мере постичь только на одной производственной базе, пусть даже очень сложной, — говорил Щербина. — Управленческая деятельность, как правило, выходит за пределы этой базы. И чем объемнее и сложнее стоят задачи, тем нужно иметь и владеть большим количеством приемов управления. Даст сбой один — пригодится другой, а в запасе всегда нужно иметь еще и третий, четвертый...

Но вернемся к формированию и началу работы главка. Его управленческий аппарат удалось укомплектовать довольно быстро квалифицированными специалистами, имевшими опыт строительства. Первыми в аппарат главка пришли Н. И. Курбатов, Я. И. Косолапов, Г. М. Мясников, Ф. Э. Ксендзов, М. И. Багров, Г. Е. Субботин, А. И. Баршап, А. А. Новиков, О. Я. Блеч, Ю. А. Букрин, А. Д. Фукс, А. А. Парамонов, В. В. Постников, П. А. Вятчинин, В. П. Меньшикова, В. А. Шабалин, Г. И. Жукова, В. В. Ростовщиков, А. П. Пресняков и многие другие.

В короткие сроки в состав главка были приняты тресты «Севертрубопроводстрой», который был всего на полгода старше главка, находился в стадии организации и располагался в Надыме, и трест «Спецгазстрой», переименованный в «Сургуттрубопроводстрой», который имел нетрассовый профиль работы и находился в Сургуте. Кроме того, в состав главка были включены шесть строительных управлений и одна автобаза, которые отошли от других трестов. Из этих подразделений в срочном порядке были организованы новые тресты «Самотлортрубопроводстрой» в городе Нижневартовске и «Приобьтрубопроводстрой» в поселке

Игрим, а также специализированная контора «Сибспец-комплекттрубопроводстрой» в Тюмени.

В предыдущем сезоне рядом с первой ниткой газопровода Медвежье — Надым — Урал (850 километров) легли участки второй нитки. Но это были только отдельные участки, между которыми были значительные промежутки. Предстояло заполнить эти промежутки, превратить пунктир в сплошную линию. Но это было лишь частью задания, причем не самой сложной. Вторая нитка, как и первая, монтировалась из труб диаметром 1220 мм, Опыт, техника, рассчитанная на прокладку таких труб имелись. Но одновременно главк должен был также по участкам проложить еще одну, уже третью 200-километровую нитку, но уже диаметром 1420 мм. В то время таких магистралей на севере еще не строили.

Усложнялась и технология монтажа: эти трубы перед сваркой приходилось нагревать до 150—200 градусов, а плети труб сшивать не только снаружи, но и изнутри. Однако волновало не только это. Главку требовалось в сезон 430 трубозовов, а в наличии имелось только 270. При этом многие из них не были готовы к эксплуатации, так как отсутствовали запасные части.

Б. Е. Щербина позвонил в Москву А. К. КОРТУНОВУ. Они договорились, что в октябре 1973 года по вопросам оснащения главка техникой их примет председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, а в начале ноября — председатель Госснаба СССР В. Э. ДЫМШИЦ.

В то время все руководители государства к вопросам создания мощностей по нефти и газу относились ответственно. Поэтому эти встречи не прошли безрезультатно — помощь пришла. На начало зимы 1973/74 года были сдвинуты сроки поставки тресту больших партий техники, а из резерва министерства были выделены запасные части. С тюменского аэропорта ежедневно на Север самолетами «Антей» доставлялись новые партии техники, опоздавшие к открытию навигации. В столь сложный период организации предприятий вовремя и без серьезных ошибок провели заявочную кампанию на 1974 год. Поделители фонды на материальные ресурсы с ведомствами, передавшими главку свои подразделения и «рабочие места».

Главной задачей главка в то время было не потерять ни одного дня подготовки к работе в зимнем сезоне 1973/74 года. Нетрудно было предвидеть, насколько «жарким» окажется этот сезон в жизни только что созданного объ-

единения. Это в полной мере касалось и репутации его начальника. Владимир Григорьевич не просто переживал за результаты подготовки к работе — он, что называется, болел этим. С мыслями о работе поздно вечером ложился в постель, с этими мыслями не раз просыпался среди ночи, включал ночник, делал пометки в специально лежавшем рядом блокноте, с этими мыслями просыпался рано утром и спешил в управление. И это была не показная забота о деле — это была забота, которая в то время являлась сущностью человека, смыслом его жизни, и он хотел сам перед собой оправдать свою жизнь.

Успех зависел от целого ряда обстоятельств, но в решающей степени — от материально-технического снабжения. Для Главсибтрубопроводстроя этот прозаичный термин был многозначен. Если попытаться подсчитать, сколько тонно-километров довелось перевезти адресованных ему грузов — цифра получается астрономической. А доставка была очень непростой. Часть грузов поступала из-за рубежа по морю. Там, в портах на западе и востоке страны их принимали и грузили в железнодорожные вагоны. Но в северные районы Тюменской области железные дороги проложены еще не были...

При создании главка был учтен отраслевой опыт создания системы управления, а также передовой зарубежный опыт различных строительных компаний. Но специфика условий работы в Тюменской области вносила свои коррективы. Практика работы в первом зимнем сезоне 1973/74 года показала, что действующая структура управления линейным строительством, когда сварочно-монтажные управления, в которых произошло слияние сварочных и изоляционных работ, находились в подчинении трестов, а дорожно-строительные, землеройные и автотранспортные управления — в подчинении главка, не позволяет комплексно и оперативно решать вопросы технологии непосредственно на месте строительства. Неоднократно обдумав эту проблему, всесторонне обсудив ее со своими заместителями, наиболее опытными руководителями трестов и управлений, В. Г. Чирсков вышел с ходатайством в Миннефтегазстрой СССР. На основании этого обращения было принято решение реорганизовать строительно-монтажные тресты, занимающиеся линейным строительством, в крупные комплексные организации. Это было сделано впервые в отрасли.

Но на этом не остановились. В главке был создан ряд новых организаций. В их числе были спецконторы по ком-

плексной поставке труб и оборудования в городах Омске и Тобольске, трест «Оргтехтрубопроводстрой», нормировочно-исследовательская станция в городе Сургуте, управление производственной связи по Западной Сибири, речная эксплуатационная база флота и др.

Главку также был передан трест «Тюменьгазпромстрой», находившийся в Тюмени, который занимался строительством насосных и компрессорных станций на трубопроводах. Вскоре на базе ряда его управлений в поселке Белоярском был создан новый трест «Казымгазпромстрой» по строительству компрессорных станций. В результате Главсибтрубопроводстрой стал комплексной организацией по строительству трубопроводов, включая их линейную часть, компрессорные и насосные станции. Руководители комплексных трестов сделали настоящими хозяевами трасс. Они были наделены широкими правами экономического и административного воздействия, но при этом несли полную ответственность за своевременный ввод определенных планом участков трубопроводов.

Для того чтобы успешно решать задачи по строительству трубопроводов большого диаметра (1220 и 1420 мм), В. Г. Чирскову пришлось искать новые формы организации работы. Такой формой стало создание укрупненных бригад и колонн.

В зимний сезон 1973/74 года в системе Главсибтрубопроводстрой (так было во всей отрасли) в основном сварочно-монтажные, изоляционно-укладочные работы велись мелкими односменными бригадами и колоннами. В целом по главку насчитывалось 80 сварочно-монтажных бригад и 36 изоляционно-укладочных колонн. Но уже в этот сезон аппарат главка и руководители трестов «Севертрубопроводстрой» и «Приобьтрубопроводстрой» стали ломать старую структуру организации бригад, колонн.

Инициаторами создания крупных двухсменных сварочно-монтажных бригад выступили бригадиры В. А. Богдатский из СМУ-1 треста «Севертрубопроводстрой» и Ю. А. Храмов из СУ-20 треста «Приобьтрубопроводстрой». На строительстве газопроводов Надым — Пунга II и III очереди диаметром 1220 мм и 1420 мм они объединились в бригады по 16—18 электросварщиков. В результате в первую смену работало 8—9 и во вторую 8—9 электросварщиков на одной технике и по одному аккордно-премиальному наряду. Это сразу сказалось на улучшении организации

труда, использовании техники по сравнению с односменными бригадами с шестью сварщиками.

Таким образом, бригада состояла из двух звеньев по девять электросварщиков, машинистов кранов-трубоукладчиков и электростанций и других рабочих. Общая численность бригады находилась в пределах 36—38 человек. Такая система работы позволила звеньям готовить заделы в объеме работ при пересмене, передавать технику только в исправном состоянии и т. д.

Как показала практика, изоляционно-укладочная колонна, оснащенная шестью трубоукладчиками КАТ-594, очистной машиной ОМ-1422 и изоляционной ИЛ-14-22, способна давать при двухсменной работе за сутки более трех километров изоляции типа 2ПЛ (один слой изоляционной пленки и один слой защитной пленки). В то же время достигнутая двухсменными сварочно-монтажными бригадами производительность не превышала 0,8—0,9 километра в сутки. Поэтому основные усилия были направлены на поиски такой организации и технологии сварочно-монтажных работ, которая обеспечила бы шаг бригады 1,5—2,0 километра в сутки.

Были рассмотрены два варианта (метода) работы сварочно-монтажных бригад. Первый вариант — это применение поточно-группового метода с одновременным участием в работе 14—16 электросварщиков в первую смену и столько же во вторую, то есть в бригаде было 28—32 электросварщика и общая численность бригады доходила до 60 человек. Второй — применение поточно-расчлененного метода ведения сварочных работ с одновременным участием в работе 24 электросварщиков в первую смену и столько же во вторую, то есть бригада комплектуется из 48 электросварщиков и общая ее численность достигает 80—90 человек.

Для проверки на практике были приняты оба варианта. Таким образом, в сезон 1974/75 года было создано несколько укрепленных сварочно-монтажных бригад. На участке 61—131 км газопровода Надым — Пунга (СУ-11 треста «Севертрубопроводстрой») были организованы две бригады для работы поточно-групповым методом с двумя звеньями по 12 электросварщиков в каждом.

В целом проведенная в сезон 1974/75 года работа стала первым шагом на пути от старых многолетних методов работы мелкими бригадами с 6—8 электросварщиками к новому прогрессивному методу работы крупными бригадами с 24, 32 и 48 электросварщиками. Возможность при-

менения в укрупненных бригадах высокого темпа поточно-группового и поточно-расчлененного методов позволило повысить выработку в стыках на одного электросварщика и значительно увеличить темп сварочных работ.

Таким образом, от 80 сварочно-монтажных бригад и 36 изоляционно-укладочных колонн сезона 1973/74 года к сезону 1975/76 года пришли к 53 сварочно-монтажным бригадам и 26 изоляционно-укладочным колоннам. И это притом что трубопроводов было построено на 950 километров больше.

На этом главк не остановился. Следующим шагом было преобразование укрупненных сварочно-монтажных бригад и двухсменных изоляционно-укладочных колонн в комплексные колонны высокого темпа. Импульсом к перестройке послужила поездка В. Г. Чиркова в Канаду. Трубопроводчики США и Канады стартовали на десятки лет раньше, чем советские строители, поэтому у них накопился богатый опыт. У канадцев была лучше продумана организация колонн — работали крупными бригадами, у каждой — комплект резервных машин. А на тюменских трассах бригады небольшие, техника распылена, любая поломка — бригада простаивает. И могут ли, к примеру, несколько сварщиков обеспечить фронт работ для изоляционной колонны? Приходится ставить рядом две-три монтажные бригады, и они начинают мешать друг другу...

А если укрупнить все звенья, свести их в кулак, насытить машинами — какой суточный шаг обеспечит этот комплекс? Несмотря на нехватку техники, засилье организационных хлопот, главк решил провести эксперимент в первый же сезон. В середине февраля 1974 года был проведен так называемый Сургутский эксперимент: на 15-километровый участок трассы газопровода Нижневартовск — Сургутская ГРЭС вышла укрупненная сварочная бригада, двухсменная колонна изоляторов, десятки плетевозов, экскаваторов, бульдозеров. Операцию поручили тресту «Сургуттрубопроводстрой», рассчитывая на организаторский талант и трассовый опыт его управляющего — Геннадия Ивановича Рубанко. Начальником комплекса был назначен заместитель Рубанко Илья Никандрович Пачганов, человек самоотверженный, беспокойный, преданный трассе. За изоляцию и укладку трубы отвечал Герой Социалистического Труда Василий Васильевич Даньшин. Его коллектив состоял из бригад Ивана Чеботаря и Алексея Емельянова. Монтаж вели сварщики бригад Виктора Теплова и Сергея Брагина.

Несмотря на краткосрочный период эксперимента, была достигнута главная цель — выявлены основные трудности, уточнены данные для организационных расчетов, установлены слабые звенья комплекса. Наряду с проработками по совершенствованию организационной структуры материалы эксперимента послужили отправным пунктом для разработки развернутого плана поточно-скоростного строительства. Его эффективность заключалась в том, что повышение темпов строительства в комплексных колоннах определило рост затрат производственных ресурсов.

Эксперимент подтвердил, что оперативное управление работами основного цикла должно осуществляться компетентным и полномочным руководителем непосредственно на месте проведения работ. Ошибки тоже были немаловажным итогом эксперимента. Будущим колоннам высокого темпа они уже не могли помешать. Но главный итог эксперимента — это люди, которые поверили, что можно потоком проходить в день в 5—6 раз больше на той же технике и с теми же материалами. И результаты не заставили себя долго ждать. Новая прогрессивная организационная структура пробивала себе дорогу.

Надо сказать, что опыта организации работ колоннами высокого темпа на строительстве трубопроводов в условиях Крайнего Севера в то время как в СССР, так и за рубежом не было. Руководители Главсибтрубопроводстроя стали внедрять его впервые.

Был разработан план ведения линейного строительства в условиях Крайнего Севера колоннами высокого темпа на 1974—1975 годы, произведен расчет состава колонн. На первых порах внедрение новой формы организации и управления происходило в небольших масштабах. В 1974—1975 годах на строительстве газопровода Надым — Пунга были созданы две колонны. В дальнейшем были предприняты шаги к увеличению числа комплексных колонн: в 1974—1975 годах их было пять, в 1976—1977-м — шесть, в 1977—1978-м — семь.

В 1976 году на основе нормативных документов ВНИИСТА и опыта организации колонн высокого темпа Главсибтрубопроводстроя было разработано и утверждено «Руководство по технологии и организации строительства магистральных трубопроводов колоннами высокого темпа в условиях Западной Сибири и Среднего Приобья». Миннефтегазстрой СССР утвердил временное положение о комплексной колонне высокого темпа.

В 1978 году в Тюмени состоялась Всесоюзная школа передового опыта «Организация труда и производства на строительстве магистральных трубопроводов комплексными колоннами высокого темпа», организованная Миннефтегазстроем СССР, Госстроем СССР, ВДНХ СССР, ЦК профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности, Центром НОТ «Нефтегазстройтруд» и ВНИПИ труда в строительстве на базе Главсибтрубопроводстроя. Анализ работы комплексных колонн высокого темпа позволил как в Главсибтрубопроводстрое, так и в целом по отрасли перейти на строительство магистральных трубопроводов комплексными технологическими потоками, основой которых была организационная форма, отработанная в комплексных колоннах высокого темпа.

Первым в отрасли Главсибтрубопроводстрой освоил технологию сварки трубопроводов поточно-групповым методом, организацию строительства комплексными колоннами высокого темпа, разработал и внедрил новые экономичные способы закрепления трубопроводов на проектных отметках выстреливаемыми и раскрывающимися анкерами, способ установки пригрузов с использованием нетканевых синтетических материалов и грунта. Совместно с Киевским филиалом ВНИИСТА были разработаны и освоены новые конструкции ледовых переправ и дорог с применением термосифонов. В главке было освоено изготовление восьмипостовых сварочных агрегатов типа АС-81 на базе трактора К-700. Начиная с 1974 года на обустройстве нефтяных месторождений применялась базовая изоляция труб. Институтом электросварки имени Е. О. Патона АН УССР совместно с организациями Миннефтегазстроя СССР была создана принципиально новая технология машин для контактной сварки неповоротных стыков труб диаметром 114—1420 мм.

Если говорить о комплексе «Север-1» для сварки труб диаметром 1420 мм, то он успешно прошел испытания и был внедрен в Главсибтрубопроводстрое на сооружении магистралей в районах Крайнего Севера. В главке также широко применялись трубосварочные базы электроконтактной сварки ПЛТ-321 труб диаметром 114—325 мм. Ускоренный переход на контактную сварку позволил одновременно решить вопросы повышения темпов и качества строительства, исключить влияние природных условий. В подразделениях главка была освоена технология строительства трубопроводов из труб с заводской изоляцией.

Стабильность добычи нефти и газа, доставки их потребителю во многом обеспечивается надежностью трубопроводных систем, которая, в свою очередь, зависит от качества строительно-монтажных работ. В подразделениях Главсибтрубопроводстроя уже в первый год создания был осуществлен ряд организационных мероприятий по улучшению качества таких работ. Была введена система комплексного сооружения трубопроводов, разработана и внедрена система операционного контроля не только для сварочных, но и для земляных и изоляционно-укладочных работ. В организационно-технические мероприятия главка был введен специальный раздел качества. Принятые меры в сочетании с деятельностью созданных на местах районных инспекций по качеству строительства принесли ощутимые результаты. Подразделения главка впервые в отрасли начали прокладывать трубопроводы укрупненными технологическими комплексами, что позволило резко увеличить темпы линейных работ.

В первые же годы создания главка было проведено укрупнение сварочно-монтажных бригад, внедрены поточно-скоростные методы сварки. В крупные двухсменные бригады объединились механизаторы землеройных управлений, водители автомобилей. Формирование таких коллективов на всех участках работ позволило перейти к широкому внедрению сквозного поточного бригадного подряда.

Несомненно, создание главка в Тюмени сыграло положительную роль в активизации научно-технических разработок проблем северных трасс. К этой работе были привлечены не только проектные и конструкторские организации Миннефтегазстроя СССР, но и институты Академии наук СССР и УССР, Москвы, Тюмени и других городов страны. Общими усилиями было найдено много эффективных решений. Тюменские трассовики сумели значительно раздвинуть рамки зимнего строительного сезона, немалые объемы работ на трассах выполнялись и в теплое время года.

Таким образом, смысл деятельности главка заключался не только в наращивании производственных мощностей. У тюменских трубостроителей наконец-то появился территориальный руководящий орган, кровно заинтересованный в развитии их материально-технической базы, закреплении кадров, поиске эффективных путей ускорения работ в условиях Севера. Если в первый год создания главка трассовики ввели в действие немногим более 900 киломе-

тров магистральных трубопроводов, то в 1977 году — свыше 1700 километров.

Большой объем работ выполнялся также на нефтяных промыслах и на трубопроводах, соединяющих их с магистральными транспортными артериями. Ежегодно осваивалось семь-восемь новых нефтяных месторождений. Годовой объем строительно-монтажных работ превысил 780 миллионов долларов США. Главк стал крупнейшей строительной организацией Тюменской области и Миннефтегазстроя СССР. Если в момент создания он объединял чуть больше двадцати строительных подразделений, то через четыре года их стало около ста и в них работало более 25 тысяч человек.

Успехи трудовых коллективов давались нелегко. В первые годы тюменские трассовики почти не имели капитального жилья, промбаз, не хватало сотен единиц техники. На работу и с работы — нередко десятки километров — бригады ездили в зимнюю стужу на грузовиках с фанерными будками или брезентовыми тентами. Жили в основном в вагон-городках.

В этих условиях главной ценностью были люди, преданные своему делу. Поэтому главк стремился сделать все возможное для улучшения условий их труда и быта. И это замечали не только работники данной организации. Однажды стройку, которую вел Главсибтрубопроводстрой, посетил президент западногерманского концерна «Маннесманн». Он был удивлен размахом проводимых работ, некоторыми технологическими решениями и многим другим. После своего отъезда он прислал Чирскову письмо, в котором поблагодарил за оказанный прием, но также отметил, что главное богатство Западной Сибири — даже не нефть и газ, а люди, которые создают мощности и осваивают эти места.

Безусловно, он не знал, как сложно было создавать в столь трудных условиях в короткие сроки работоспособные коллективы. Объемы работ непрерывно росли. Если в начале в главке работало около семи тысяч человек, то в 1986 году там трудилось уже 35 тысяч. Особое внимание уделялось подготовке кадров и повышению квалификации рабочих. В каждом тресте были развернуты учебно-курсовые комбинаты, а в Тюмени — школа сварщиков и строительный техникум. Благодаря этому ежегодно проходили подготовку и переподготовку несколько тысяч человек.

Невозможно было обеспечить высокие темпы работ без основательной подготовки и обустройства жилых городков

на трассах. Эти вопросы постоянно находились в центре внимания Владимира Григорьевича, а также хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций главка. Вначале пришлось обустроить 76 полевых городков, затем их количество было сокращено до 32. При этом там создавались все условия для нормального отдыха рабочих, развертывался полный комплект культурно-бытовых объектов. Многие из них неоднократно признавались лучшими в отрасли.

Однако с первых дней работы главка вопрос строительства капитального жилого фонда для его работников был одним из главных вопросов. За период с 1973 по 1990 год удалось своими силами построить жилые дома общей площадью 826 тысяч м². Кроме того, еще значительная жилая площадь была получена в домах заказчиков. Также было построено 15 детских дошкольных учреждений на 2032 места, что практически полностью удовлетворило потребности организации.

За питание работающих на трассах отвечали отделы рабочего снабжения. В его задачу входило делать все возможное для того, чтобы питание было полноценным. На рабочие места горячие обеды доставлялись в термосах. Важно также и то, что многие повара работали с бригадами по несколько лет, хорошо знали возможности приготовления пищи и даже вкусовые запросы отдельных рабочих.

Для организованного отдыха детей работников главка были построены пионерские лагеря в Геленджике, Жданове (Мариуполе), Гаграх. В частности, недалеко от Геленджика в Кабардинке был построен пионерский лагерь «Сибирский огонек» на 500 мест, а в самом Геленджике — база отдыха «Северянка».

Вся страна знала имена Героев Социалистического Труда, работавших в главке. В их числе были Виктор Васильевич Мартынов, Борис Павлович Дидук, Василий Васильевич Даньшин, Михаил Григорьевич Амвросьев, Александр Максимович Самсонов. Более трех тысяч работников главка были награждены орденами и медалями Советского Союза. За досрочное выполнение заданий десятого пятилетнего (1976—1981) плана по сооружению объектов нефтегазового комплекса в Западной Сибири коллектив Главсибтрубопроводстроя был награжден высшим орденом СССР — орденом Ленина. В этой награде была немалая заслуга и первого руководителя этого объединения Владимира Григорьевича Чирскова.

Повышенная сложность

Стоимость строительства компрессорных, газораспределительных станций и других наземных объектов производственной инфраструктуры, как правило, составляла порядка 30 процентов от всех капиталовложений в магистральные газопроводы.

Компрессорная станция — сложный промышленный объект, требующий значительных материальных и трудовых затрат. Так, на строительство компрессорной станции с агрегатами ГТК-10 требовалось от 150 до 170 тысяч человеко-дней, более 6 тысяч тонн металла. Площадь генерального плана этой станции составляла 7,2 гектара, площадь застройки — 1,1 гектара, а возводимых сооружений — 100 тысяч кубических метров. По сути, это был небольшой завод со всеми обеспечивающими его работу коммуникациями.

При этом нужно учитывать, что значительная часть компрессорных станций строилась в необжитых, труднодоступных районах со сложными природно-климатическими и геокриологическими условиями. Поэтому нетрудно понять, что только перевод строительства компрессорных станций на индустриальные рельсы мог обеспечить своевременный их ввод в эксплуатацию и вывод газопроводов на проектную мощность. Это являлось важнейшим средством эффективности капитальных вложений.

Научно-технический прогресс в сооружении компрессорных станций осуществлялся на основе комплексно-блочного метода строительства, обеспечивавшего системное повышение технического уровня производства путем развития и совершенствования проектно-конструкторских решений, технологий, механизации, организации и управления производством. Практически все компрессорные станции на газопроводах в 1980-е годы сооружались с применением блок-боксов.

Миннефтегазстрой в целях сокращения сроков сооружения компрессорных станций коренным образом изменил структуру строительства. Это выразилось в дополнении производства организацией строительно-монтажных работ, что стало одним из главных факторов повышения производительности труда и сокращения сроков строительства. Прогрессивной и эффективной формой интенсификации строительства компрессорных станций стало внедрение поточно-совмещенного метода. При создании

многониточных систем газопроводов возникли благоприятные условия для сооружения на одной площадке двух-трех очередей компрессорных станций в определенный плановый период времени.

В этом плане интересен опыт треста «Казымгазпромстрой» при строительстве компрессорных станций в условиях Тюменского Севера. В начале 1970-х годов первое в стране комсомольско-молодежное строительно-монтажное управление № 1 (затем КМСМУ-28) приступило к сооружению первой в Западной Сибири компрессорной станции «Пунга» с агрегатами типа ГТ-6-750.

В проектах первых компрессорных станций предусматривалось использование монолитных фундаментов, применение «мокрых» процессов на бетонных, каменных и штукатурных работах, устройство стен и перегородок из кирпича, мягкой рулонной кровли, подземной прокладки инженерных и технологических коммуникаций. Все материалы и конструктивные элементы доставлялись на строительные площадки «россыпью», что требовало больших затрат. Частые простои мелких узкоспециализированных бригад и несогласованность их действий при выполнении смежных работ влекли за собой увеличение сроков строительства.

С такой базой и начал свою деятельность по строительству компрессорной станции в Западной Сибири созданный в 1973 году трест «Казымгазпромстрой» в составе Главсибтрубопроводстроя, который возглавил Василий Федорович Лысюк. Тогда его заместителями были В. З. Мароховец, В. С. Бузорин и В. А. Завизион. Их усилиями в короткие сроки был создан коллектив, который уже через пять лет вдвое сократил нормативные сроки строительства. Это произошло по той причине, что он активно внедрил прогрессивные технологические решения и конструкции, применил передовую технологию работ, постоянно совершенствовал организацию производства и управления.

Известно, насколько важно в условиях суровых сибирских зим ограничить использование монолитного железобетона. В 1978 году на сооружении компрессорной станции «Пурпейская» впервые были применены металлические ростверки под каркасы цехов. Турбоагрегаты ГТК-10 устанавливали на сваях из труб диаметром 530 мм, что дало возможность выполнять такелажные работы в зимний период. Также на стальных головках монтировали и нагнетатели типа 370 ГТК-10. Отказался трест и от траншейной

прокладки сетей энерго- и теплоснабжения, кабелей контрольно-измерительной аппаратуры в каналах из сборного железобетона или кирпича. Вместо этого было предложено использовать металлические эстакады.

Значительно сократились трудовые затраты на отделочных работах в результате применения плоских асбоцементных листов при устройстве перегородок. Такая конструкция удовлетворяла самые строгие требования пожарной безопасности. Эти и некоторые другие технологические решения, например применение металлических свай из труб большего, чем предусмотрено проектом, диаметра, использование стальных фундаментов под агрегаты СТД-12-500, позволили коллективу сократить сроки строительства каждой компрессорной станции за 55—75 дней. Если раньше суммарная трудоемкость объектов одной компрессорной станции приближалась к 150 тысячам человеко-дней, то в конце 1980-х годов она составляла 55—60 тысяч человеко-дней на основных площадках и 75—80 тысяч человеко-дней на новых площадях. Численность строителей и монтажников в среднем в период строительства на основных площадках сократилась до 250—280 человек, а на новых — до 310—350 человек.

Трест в год вводил в эксплуатацию до семи компрессорных станций, и это при значительных расстояниях между ними. Так, от компрессорной станции «Лонг-Юранская» до компрессорной станции «Комсомольская» или компрессорной станции «Приполярная» расстояние измерялось сотнями километров.

Опыт треста «Казымгазпромстрой» был распространен и внедрен при строительстве компрессорных станций во всей отрасли. За большие успехи в выполнении заданий одиннадцатой пятилетки и социалистических обязательств, широкое внедрение индустриальных методов и высокое качество строительства коллектив треста «Казымгазпромстрой» Главсибтрубопровода был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

* * *

Говоря о работе Главсибтрубопроводостроя в 70-е годы XX века, также нужно сказать о том, что этот важный для страны регион находился под постоянным вниманием со стороны ее правительства, включая непосредственно председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. В начале

марта 1975 года он посетил этот регион, побывал на многих стройках, ознакомился с условиями труда и быта рабочих. При этом нужно сказать и о том, что за семь лет Алексей Николаевич в Тюменскую область прилетел уже в третий раз, причем не из Москвы, а из Воркуты. Встречать председателя правительства прилетели министр газовой промышленности СССР С. А. Оруджев, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Б. Е. Щербина и первый секретарь Тюменского обкома партии Г. П. Богомяков. На этот раз в программе его визита было посещение компрессорной станции Лонгъюган на трассе газопровода Медвежье — Урал — Центр. Для приема самолета Як-40 вблизи этой станции была подготовлена посадочная площадка. В. Г. Чирсков, как начальник главка, который вел строительство данной компрессорной станции, должен был давать объяснения Косыгину по всем интересующим того вопросам.

Позже Владимир Григорьевич вспоминал: «Мы поднялись на отметку второго этажа этой компрессорной станции. Со смотровой площадки открывался хороший обзор уже работающей первой очереди и строящейся второй очереди станции. Алексей Николаевич внимательно осмотрел всё, выслушал объяснения, а затем долго расспрашивал меня о том, сколько стоит такая станция и в какие сроки она будет построена?»

Когда я назвал стоимость сооружения и отметил, что половину этой суммы составляет оплата за использование вертолетов для перевозки оборудования, продуктов и людей, он сказал, что нам нужно подумать о капитальных дорогах в этом крае. А потом как-то задумчиво добавил:

— Пройдут годы, и человечество будет анализировать, как мы при данной оснащённости смогли создать такие объекты. Целые заводы! В столь короткие сроки! В тундре!».

Присутствовавшие при этом разговоре министры, секретарь обкома партии и особенно начальник главка переглянулись. Они-то непосредственно и ежедневно знали о том гигантском труде тысяч рабочих, который был вложен в нефтегазовые стройки Западной Сибири. Но оценка их труда, данная хозяйственником столь высокого уровня, безусловно, многого стоила.

На компрессорной станции Лонгъюган Алексей Николаевич беседовал с рабочими и специалистами, не для проформы — это было видно со стороны — интересовался условиями труда и быта. Затем, уже в Тюмени, на за-

воде блочно-комплексных устройств, Чирсков вручил Косыгину памятную медаль строителя газопровода «Медвежье — Центр», который был введен в строй в 1974 году (такие памятные медали изготавливали по случаю пуска каждого крупного сибирского трубопровода). Принимая эту награду, глава правительства заметил:

— Впервые меня награждают рабочие. Передайте им мою благодарность. Эту медаль я буду хранить вечно.

Затем А. Н. Косыгин поехал на Тюменский камвольно-суконный комбинат. Он осмотрел ткани, выпускаемые предприятиями, поинтересовался условиями труда и быта его работников. И только после всех этих посещений провел совещание в обкоме партии, куда были приглашены руководители предприятий и строек. В своем выступлении он отметил необходимость более полного использования местных природных ресурсов области с целью реализации намеченных планов создания топливно-энергетического комплекса страны.

Владимир Григорьевич вспоминает, что на данном совещании не обошлось без споров, которые в то время допускались даже на мероприятиях столь высокого уровня. Вопросов было много, по каждому из них было по несколько мнений, и каждый отстаивал свою точку зрения. В частности, было выдвинуто предложение сразу же после завершения строительства первой нитки газопровода Уренгой — Челябинск начать здесь же прокладку второй нитки. Другие же предлагали после завершения работ на первой нитке перейти на новую трассу Уренгой — Грязевец, и только после завершения там работ вернуться обратно для прокладки второй нитки. Строители настаивали на первом варианте, газовики — на втором.

Косыгин внимательно выслушал доводы обеих сторон, а затем предложил:

— Давайте послушаем начальника главка, которому предстоит непосредственно выполнять эти работы.

Предложение Чирскова было принято во внимание и стало главным аргументом при выработке соответствующего решения.

В отношении пребывания А. Н. Косыгина на Тюменской земле Владимир Григорьевич в своем дневнике записал:

«Я впервые с очень близкого расстояния видел, слышал и слушал руководителя такого высокого ранга, главу правительства СССР и члена Политбюро ЦК КПСС. Причем не эпизодически, а почти непрерывно на протяжении всего

его пребывания в области. Поразило то, что он разговаривал совсем по-домашнему, то есть простым человеческим языком, а не как в кинохронике. Алексей Николаевич показал себя живым, умным, цепким, даже немного вьедливым, строгим и в то же время чутким собеседником, умеющим ценить юмор. Он проявлял действительный интерес к тому, с кем беседовал, и к обсуждаемой теме, какой бы на первый взгляд мелкой она ни казалась. В каждом эпизоде, в каждой фазе общения он без ошибки определял ее психологическую основу, настрой собеседника. Его реплики и жесты были безукоризненно выверсны и точны. Может, и потому его собеседник забывал, с кем он говорит, в какой обстановке. Несмотря ни на что, в этих моментах общения — а это не только речь, но и мимика, жесты, и поза, и взгляд — как бы много народа ни участвовало в этом разговоре, создавалось мнение, что Косыгин разговаривает с одним конкретным человеком.

Что же в этих контактах искал сам Косыгин? Как я понял намного позднее, он по разрозненным ответам, по реакции собеседника пытался выстроить четкое представление на интересовавший его вопрос. И в последующем по его замечаниям и выводам можно было убедиться, что это ему вполне удавалось. Других он убеждал только в том, в чем сам был убежден. Это все чувствовали, и это придавало директивный вес каждому его слову. Интеллект Косыгина проявлялся открыто и доверительно, сильно и мощно, но негромко. Он не подавлял своего собеседника, а разговаривал с ним так, словно приглашал на свой уровень доверительного общения. Я, пожалуй, впервые понял, как важна для людей правда и как важно услышать ее именно от такого человека. Мы все пришли к выводу, что наше будущее надежно, пока государственный руль находится в таких умных и уверенных руках.

И еще меня поразило то, что Алексей Николаевич и Борис Евдокимович очень похожи своим поведением в обществе, в общении с людьми, в достижении поставленной перед ними цели. Я впервые задумался о том, что эти люди, столь разные внешне, словно по одному образу могучие и нестигаемые внутри».

Встреча и близкое общение с А. Н. Косыгиным на всю жизнь оставила неизгладимый след в душе В. Г. Чирскова. Он, еще только делавший первые шаги в качестве крупного руководителя большого строительного объединения, увидел стиль работы руководителя высшего государственного

уровня. Особенно важно было то, что косыгинский стиль был проявлен в той области, которая для Владимира Григорьевича была хорошо знакомой и составляла смысл его работы и жизни. Наблюдая за поведением Алексея Николаевича, вслушиваясь в его вопросы, в то, как он реагирует на ответы, Чирсков делал выводы для себя, превращая их в полезные уроки, плодами которых затем пользовался долгие годы. Не зря говорят, что всего один час общения с умным человеком стоит больше, чем годы общения с глупцом, хотя от каждого из них и можно почерпнуть что-то полезное. Общение с Косыгиным, безусловно, дало В. Г. Чирскову очень многое.

Сегодня многие названия города Тюмень и региона Западная Сибирь ассоциируют с местами бурного развития нефтегазовой промышленности страны, не вникая в историю становления этого процесса. Может показаться, что все это пришло ниоткуда, само по себе для того, чтобы служить людям. И вполне понятно, что наши современники уже не помнят имена людей, которые стояли у истоков этого сложного дела, развития до того дикого и необжитого края. Конечно, этих людей было очень много и имена всех запомнить очень сложно. Но среди них были и те, кто по значимости своего вклада в общее дело заслужил особое признание. Владимир Григорьевич Чирсков был именно таким человеком, и «Тюменский штурм» стал значимой частью его трудовой биографии.

Глава пятая

ДАЛЬНИЕ ГОРИЗОНТЫ

Новые назначения

Весной 1978 года в жизни В. Г. Чирскова снова наступили перемены. Объемы работ в Западной Сибири резко возросли, из Москвы, из «кабинетного далека» стало сложно их координировать. Возникла идея создать в Тюмени главное производственно-распорядительное управление — практически штаб тюменской стройки, подчиненный заместителю министра Миннефтегазстроя, который должен был по всем вопросам курировать здесь всё без исключения, находясь при этом в Москве.

Эта ответственная должность была предложена Владимиру Григорьевичу. Он колебался. За годы работы он любил Тюменский Север, сжился с ним. Кроме того, не было доведено до конца многое из задуманного. В Тюмени он впервые занялся обобщением опыта и поиском новых организационных форм и технологических решений, защитил кандидатскую диссертацию. И, наконец, его семья, несколько раз оказавшись в московской сутолоке, была категорически против переезда в столицу.

Во время первого разговора Чирского по этому вопросу с министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б. Е. Шербиной Владимир Григорьевич выразил желание остаться работать в Тюмени. Но, как видно, министр уже принял решение. К тому же он сказал, что Главсибтрубопроводстрой будет непосредственно подчинен Чирскову и тот сможет все задуманное им довести до конца. Кроме того, Борис Евдокимович еще раз напомнил о том, какие грандиозные планы стоят в отношении развития западносибирской нефтегазовой провинции, что долг каждого коммуниста оказать максимальную помощь стране в этом деле.

В конце концов Чирсков сдался. И это неудивительно — ему было всего 43 года, позади многие годы руководства крупными строительными организациями, много свершений. К тому времени он уже хорошо знал север Тюменской области, его огромные потенциальные возможности и трудности покорения этого края. Хотелось испытать свои силы на новой должности, полностью реализовать предоставленные возможности. Это были здоровые амбиции руководителя, чувствующего свои силы и понимающего ответственность. На таких людях держался Советский Союз, и оказаться в одном строю с ними было большой честью.

Первое, что Владимир Григорьевич должен был решить в новой должности, — закончить уренгойскую трассу и в 1978 году подать газ на Челябинск. Эта задача была выполнена успешно, и 31 декабря 1978 года магистраль Вынгапур — Челябинск вступила в строй. Затем он плотно занимался строительством второй нитки газопровода Уренгой — Челябинск, который в конце 1979 года также вступил в строй.

В его обязанности входило курирование всех строек в Тюменской области — а это была половина годовых объемов Миннефтегазстроя СССР. Но объемы год от года росли, и пришлось коренным образом перестраивать систему управления нефтегазовым строительством в Западной Сибири. Комплексное обустройство нефтяных месторождений в Тюменской области было возложено на Главтюменнефтегазстрой, обустройство Уренгойского газоконденсатного месторождения — на Главуренгойгазстрой, Ямбургского месторождения — на Ямбургнефтегазстрой. Подразделения Главсибтрубопроводстроя были специализированы на сооружение газовых магистралей на севере Западной Сибири, а Главтюментрубопроводстроя — на строительстве промышленных и магистральных нефтепроводов. Изготовление блочно-комплексных устройств, их транспортировка и монтаж осуществлялись предприятиями Главсибкомплектмонтажа, жилищное строительство в панельном исполнении — Главсибжилстроя. По объему и сложности это было очень сложное хозяйство, руководство которым требовало постоянного самого пристального внимания.

Позже Владимир Григорьевич вспоминал: «Было много непростой, но интересной работы. Я был весьма доволен тем, что в непростых, а иногда и экстремальных условиях приходилось досрочно вводить в строй сложные нефтяные

и газовые объекты. Тогда там, на севере Западной Сибири, среди болот и лесов, в необжитой ранее местности строители возводили целые города, которые затем появлялись на карте страны. Этим гордились все, от министра до простого рабочего, чей труд стал результатом в этом великом деле».

В середине 1982 года Чирскова пригласил к себе Б. Е. Щербина. Владимир Григорьевич, как всегда в таких случаях, пошел к министру с увесистой папкой материалов и докладов по объектам Западной Сибири, ожидая, что разговор будет именно по этому вопросу. Но он ошибся.

— Ты познал все плохое и хорошее в Сибири за последние годы, это хорошо, — сказал Щербина. — Но нам в отрасли нужно укреплять промышленность, машиностроение, осваивать новые виды транспорта. Поэтому берись за это дело неотлагательно. Мы ждем результатов уже в ближайшее время.

Для Чирскова такой поворот дел был совсем неожиданным, даже обидным. Он подумал о том, что за какой-то проступок министр отстранил его от родной уже Западной Сибири, куда было вложено столько сил и времени. Но приказ есть приказ, пришлось подчиниться. По сути в связи с этим он из сибирского производственника становился «всесоюзным» заместителем министра.

Но Б. Е. Щербина, который хорошо понимал состояние Чирскова, сделал все для того, чтобы снять напряжение. Он всячески помогал своему заместителю: стал брать его на заседания Президиума Совета министров, на совещания в Госплан, Госснаб, Академию наук, на различные выставки. Во время своих поездок в отсутствие Ю. П. Баталина он стал доверять ему проводить заседания Коллегии министерства. И это притом что были другие и более опытные заместители: Сорокин, Смирнов, Судобин. Только позже Владимир Григорьевич понял — Борис Евдокимович хотел, чтобы он более детально изучил промышленность, прошел «обкатку» по московским учреждениям, лучше изучил аппарат министерства. Таким образом он готовил его на должность своего первого заместителя.

В Миннефтепроме СССР и Мингазпроме СССР было по два первых заместителя министра. Б. Е. Щербина в ЦК КПСС решал вопрос о введении должности второго первого заместителя и в Миннефтегазстрое СССР. Когда данный вопрос был решен положительно, В. Г. Чирскову предложили эту должность.

Соглашаясь на это предложение, Владимир Григорьевич задал министру вопрос: за какой участок работы он будет отвечать?

— За весь комплекс строительства, — ответил тот.

— Но тогда чем же будет заниматься Ю. П. Баталин? — поинтересовался Чирсков.

— Проектными и научно-техническими вопросами, а также перспективой развития отрасли.

После этого Чирсков с разрешения Бориса Евдокимовича сказал об этом Юрию Петровичу, но тот делиться властью не захотел. Должность Чирскову не дали, а через полгода Баталин стал председателем Государственного комитета по труду и социальным вопросам. После этого, в мае 1983 года, Чирсков был назначен на должность первого заместителя министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

Тем временем жизнь неудержимо двигалась вперед, ставя все новые задачи. И первым заданием для Чирскова стало строительство газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, по которому «голубое топливо» должно было прийти в целый ряд социалистических стран Европы.

Лично испытано

Для строителей трубопроводного транспорта, которому В. Г. Чирсков отдал сорок лет жизни, слова «испытание давлением» имеют особый смысл. Здесь ничего загадочного, все внешне на редкость просто. Многокилометровый участок будущего газо- или нефтепровода сварен, стыкован в «нитку». Но прежде, чем открыть задвижки и пустить продукт в магистраль, надежность газопровода испытывалась повышенным давлением — специальной подачей газа или воды. Если испытание давлением выдерживается, стройка облегченно вздыхает: сработано на совесть, без сучка и задоринки.

Стоит, однако, сказать, что испытание давлением в практике Владимира Григорьевича частенько приобретало и расширительное толкование, когда испытывалась крепость не только инженерного сооружения, но и человеческого характера, нравственных качеств.

Случались годы, когда на строительстве трубопроводной магистрали было занято до 50 тысяч человек. И если расспросить любого из участников этих строительных эпо-

пей, то нет сомнений в том, что каждый из них вспомнит свое «испытание давлением», и о том, с какими результатами он из этого испытания вышел.

Владимир Григорьевич вспоминал: «На трассе Уренгой — Челябинск сварили последние километры труб. Мы подъезжали к просеке в скованной морозом тайге. Шум работающих машин, звон металла в вечерней мгле. И вдруг огни, гирлянды огней. Трасса иллюминирована, как улица в праздник. Это работают сварщики-монтажники. Вот состыкована с ниткой очередная плеть. Сварщик надвигает на лицо шиток, напоминающий рыцарское забрало. Электрод прикасается к трубе, и павлиньим хвостом взмывают вверх искры...»

Рабочие на участке были озабочены тем, чтобы не подвела погода. Мороз крепчал, усиливался ветер, и это могло задержать работы. Люди спешили. Но сложная обстановка складывалась тогда не только на трассе Уренгой — Челябинск. Тогда, в ноябре 1978 года, резко похолодало почти на всей территории страны. Сильные морозы стояли в Западной Сибири, на Урале и даже в центральных районах. И в это время Иран прекратил поставки газа нашим закавказским республикам. В стране произошла революция, и газовые промыслы, обустроенные там нашими специалистами, на время перестали работать. В Союзе создавалась угроза дефицита газа.

Выход из сложившейся ситуации руководству страны виделся в скорейшей подаче газа по трубопроводной магистрали Уренгой — Челябинск. К моменту возникновения этой проблемы уже были испытаны головной и конечный участки этого газопровода. А на среднем участке, между реками Обью, Иртышом и Турой, заканчивалась сварка труб, велись изоляционно-укладочные работы и засыпка траншеи. На этом участке, протяженность которого превышала 700 километров, были заняты значительные силы отрасли. Там трудились подразделения сварочно-монтажных трестов «Мосгазпроводстрой», «Ленгазспецстрой», «Шекингазстрой», «Татнефтепроводстрой», «Союзпроводмеханизация». Согласно графику, испытания здесь предстояло провести в декабре.

Тогда В. Г. Чирсков, как заместитель министра Миннефтегазстроя СССР, лично руководил окончанием этой стройки и постоянно находился в Тюменской области. Предстояли испытания газопровода, но лично для него они

начались значительно раньше. Не газопровод, а его самого стали настойчиво испытывать «высоким давлением».

Из Москвы постоянно названивал министр газовой промышленности СССР Сабит Атаевич Оруджев, которого интересовал ход работ на трассе газопровода Уренгой — Челябинск. Узнав, наконец, что сварка закончена, он строго спросил: «Почему не пускаешь газ?» Чирсков пытался объяснить, что трубопровод еще надо изолировать, пригрузить и засыпать на отдельных участках, называл реальные сроки. Но Оруджев не слышал его. «Ты что, не понимаешь, в какой ситуации оказалась страна? — почти кричал он. — Сейчас нужно ее спасать, пустить газ по трубопроводу. Окончишь строительство второй нитки, первую остановишь и тогда всё доделаешь». Владимир Григорьевич, естественно, все понимал, но не мог согласиться с такой постановкой вопроса. Оруджев пригрозил пожаловаться в Центральный комитет партии.

Нужно сказать, что подобная «стычка» с Оруджевым была у Чирскова не первой. Они познакомились еще в 1973 году. Пяти лет общения было вполне достаточно, для того чтобы узнать этого человека. Владимиру Григорьевичу импонировали его обеспокоенность делом, высокая обязательность. Он уважал его как большого патриота нефтяной и газовой промышленности — проблемы, связанные с сооружением новых мощностей, Оруджев всегда рассматривал с позиции экономии государственных средств. Сабит Атаевич мечтал создать специализированное министерство по добыче нефти и газа в акватории морей. И когда в 1977 году этот вопрос был близок к решению, он предложил Чирскову в случае организации нового министерства стать его заместителем.

В то же время Оруджев был властным человеком. Он не терпел возражений, не привык к несогласию тех, кто стоял на служебной лестнице на ступеньку ниже. Всякий отпор вызывал у него раздражение, желание немедленно подчинить несогласного своей воле. Тем более что он, Оруджев, всегда действовал, по его мнению, в интересах государства, для пользы дела, и потому не считал зазорным приструнить, а то и припугнуть особо принципиально несогласного. Вот и на этот раз он прибегнул к уже знакомым Чирскову методам.

Безусловно, в правительстве СССР министр газовой промышленности имел большой вес, и, не соглашаясь с ним, Владимир Григорьевич серьезно рисковал. Но, хоро-

шо взвесив все обстоятельства, он сознательно пошел на такой шаг. Тогда в его памяти всплыла история, случившаяся год назад, во время испытания компрессорной станции другого газопровода, также берущего начало на Тюменском Севере.

В конце 1976 года организации Миннефтегазстроя СССР закончили строительство нитки газопровода Надым — Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок. Однако существенно увеличить объем поставки газа можно было только при пуске в работу одной из компрессорных станций, расположенной в Тюменской области на участке перед Уральскими горами. Такой станцией была определена Приполярная, ввод которой намечался на январь следующего года. Однако случилось непредвиденное. 18 января при морозе около 30 градусов во время испытания воздухом технологических трубопроводов высокой стороны станции произошло лавинное разрушение практически всех трубопроводов. К сожалению, не обошлось и без человеческих жертв.

На следующее утро группа работников во главе с В. Г. Чирсковым прилетела из Тюмени на эту станцию. Перед ними открылась ужасающая картина разрушений — все предстояло начинать сначала. Почему произошел взрыв, должна была определить межотраслевая комиссия. Но было ясно, что станция в работу войдет не скоро. Из поселка Игрим Чирсков сообщил министру Б. Е. Шербине о случившемся и о принимаемых мерах. Борис Евдокимович сразу же спросил его: «Что думаешь об ускорении ввода другой компрессорной станции — Перегребная? Это поправит дело». Владимир Григорьевич ответил, что уже думал об этом варианте и что постарается сделать все возможное.

В конце января ему в Тюмень позвонил Оруджев. Он спросил, каким образом на этот раз собираются испытать станцию. Чирсков ответил, что, видимо, воздухом.

— Имей в виду, — сказал Оруджев, — ты уже взорвал одну станцию, и я не позволю взорвать другую, — и положил трубку.

Этот звонок как бы предупреждал Чирскова: «Не ходи на красный свет». Ведь и в самом деле, повторение аварии было возможно. Испытание воздухом при низких температурах вполне могло оказаться причиной лавинного разрушения технологических трубопроводов на Приполярной. Ученые здесь никаких гарантий не давали. Оставался

один вариант — испытать «трубу» водой. Но этого на подобных объектах, да еще при столь низких температурах наружного воздуха никто никогда и нигде не делал. К тому же эта рискованная операция требовала тысяч кубометров воды.

Риск был большой. Конечно, Чирсков держал в уме и строгий приказ министра № 69 «Об аварии на компрессорной станции Приполярная», где черным по белому значилось: «Предупредить начальника Главсибтрубопроводстроя т. Чирскова, что, если им не будут приняты необходимые меры к улучшению организации работ при проведении испытаний на объектах, он будет привлечен к строгой ответственности». Нужно было действовать, и немедленно!

Владимир Григорьевич вылетел на компрессорную и на месте стал прикидывать, как организовать подогрев, что нужно сделать для быстрого удаления воды из трубопроводов. Определили продолжительность испытания и допустимые температуры воздуха и воды. Расчеты показали — шанс есть! Тогда он дал команду приступить к делу.

И тут опять звонок Оруджева. Он задал всего один пугающий вопрос: «Сколько у тебя партийных билетов?» А затем продолжил: «Ты что, еще и вторую станцию решил если не взорвать, так разморозить? Имей в виду — я этого так не оставлю!» И не оставил — дал распоряжение начальнику Тюменгазпрома не врезать линию, позволяющую подать газ для последующего вытеснения воды.

Между тем стране позарез был нужен газ. Время шло, но никто не хотел сделать самое трудное — взять ответственность на себя.

Владимир Григорьевич вспоминал: «И тогда я подумал, что двум смертям не бывать, одной — не миновать. Я решил пойти на риск, учитывая, что в подаче газа для вытеснения воды было категорически отказано. Расчеты инженеров и квалификация рабочих не подвели. График испытания компрессорной станции был выполнен поминутно. И все это при температуре воздуха минус 36 градусов!»

Вечером того же дня Всесоюзное радио сообщило, что в Советском Союзе впервые в мировой практике в зимнее время водой испытана компрессорная станция.

Итак, тогда все закончилось благополучно. Но что же будет на этот раз, когда Оруджев в категорической форме требует от Чирскова пустить в эксплуатацию недостроенный участок газопровода, мотивируя это и впрямь острыми, безотлагательными нуждами страны? Владимир Григорье-

вич оказался в очень сложной ситуации. Он всегда считал, что нельзя безоглядно следовать указаниям начальства, а необходимо действовать с учетом сложившейся обстановки и имеющихся возможностей. А так как он находился непосредственно на трассе, то видел, что реально завершить все работы и ввести газопровод в эксплуатацию возможно только к концу декабря, то есть в плановые сроки. Поэтому он твердо ответил Борису Евдокимовичу Щербине, что давать согласие на предложение Оруджева нельзя. При этом он в глубине души опасался, как бы не последовала директива из высшей инстанции. Поэтому обговорил свою позицию с первым секретарем Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяковым и первым заместителем Щербины Ю. П. Баталиным. Они оба обещали поддержать его при необходимости. Но, к счастью, директива сверху не поступила.

В середине декабря работы на участке газопровода между Обью и Иртышом были закончены. На продувку последнего участка газопровода в Тюмень прилетел Щербина. Чирсков вместе с ним в домике на озере Лебяжьем под Тюменью слушал рацию. Она ни на минуту не умолкала, и все происходящее на «недостижимом пространстве» можно было ясно представить по ненормативной лексике. Особенно яреным становился разговор в эфире, если случались те сложности, что бывают при продувке трубопровода газом.

Давление поднимали одной компрессорной станцией. Это было 31 декабря 1978 года. Люди уже встречали или готовились встречать Новый, 1979 год, и Чирсков мысленно непрестанно возвращался к семье: матери, жене и дочери. Ему очень хотелось поскорее быть дома, вместе с ними. Но шли испытания, и все были «отлучены» от праздничного настроения. Ведь заканчивать большое дело так же непросто, как и начинать, если выполнять его не слепо, не под давлением высокого авторитета, не из боязни лишиться должности, а расчетливо, по доброй воле рискуя, надеясь на точность инженерных расчетов и высокий профессионализм коллег.

Время шло. В 20 часов давление в трубопроводе 64 атмосферы, температура воздуха минус 38 градусов. Прогноз с Севера — холод крепчает. Повышать давление дальше опасно: резко вырастет хрупкость труб. Оруджев больше не звонит — осознал, видно, что переборщил, нажимая на Чирскова, но Министерство газовой промышленности также постоянно на связи.

В дневнике Владимира Григорьевича об этом случае сохранилось всего два абзаца: «Держим совет с заместителем министра газовой промышленности В. А. Динковым. Принято решение: испытание прекратить, установить проходное давление в трубопроводе 55 атмосфер.

В 23 часа 31 декабря 1978 года даю команду: “Открыть краны газопровода!” Уренгойский газ пошел на Челябинск. Душа ликовала. В то же время я испытывал чувство огромного удовлетворения от того, что не сдал свои позиции, принял ответственность на себя, выполнил свой долг».

Скупые строки, но сколько в них человеческих чувств и переживаний? За пятидесятилетнюю жизнь в отрасли на долю Владимира Григорьевича выпало еще немало трудностей, приходилось переживать другие сложнейшие ситуации. Но испытания, о которых шла речь выше, были моментами наивысшего напряжения его сил, как духовных, так и физических.

Уренгойский сплав

6 июня 1966 года бригада мастера В. Полупанова пробурила первую на Уренгое разведочную скважину в одном из районов Ямало-Ненецкого автономного округа, немного южнее Северного полярного круга. Так на геологической карте страны появилось новое уникальное месторождение природного газа, третье в мире по величине газовых запасов, которые превышают десять триллионов кубических метров. Его общие геологические запасы оценивались в 16 трлн м³ природного газа и 1,2 млрд тонн газового конденсата.

Новое месторождение было названо Уренгойским. Имя было дано по названию близлежащего населенного пункта — поселка Уренгой, который затем превратился в город и центр добычи природного газа в Западной Сибири.

Но все это было потом. А начиналось все достаточно просто. В. Г. Чирсков, который в то время работал начальником Главсибтрубопроводстроя в г. Тюмени, вспоминал:

«В сентябре 1973 года состоялась моя первая поездка совместно с Сабитом Атаевичем Оруджеввым в район Уренгоя. Летели на вертолете, на борту которого находились также первый секретарь Тюменского обкома Г. П. Богомяков, начальник газового главка Е. Н. Алтунин и др.

25 сентября наш вертолет опустился в излучине реки Ево-Яхи недалеко от домика линейного обходчика на линии телефонной связи Москва — Игарка. Хотя стояла осень, но снега было по щиколотку.

Достали карту, начали определять место для начала закладки нового города. Оруджев раньше других понял значимость этого момента. Он подозвал к себе своего помощника Н. И. Белого.

— Послушай, Николай Иванович, возьми ягель с этого места и положи мне в кабинете. Пусть напоминает о том, что было на месте города, который мы, несомненно, построим.

Затем, немного подумав, Сабит Атаевич сказал:

— Но нужно еще и по-другому отметить это необычное событие. Давайте ракетницу.

Из вертолета принесли ракетницу, и Оруджев сделал из нее несколько выстрелов вверх, дал выстрелить и Богомякову. Все, по традиции, прокричали “ура”. Но Оруджев все еще находился в стадии раздумий.

— Чего-то не хватает, — наконец сказал он. — Видимо, нужно “обмыть” это событие. Принесите коньяк.

Коньяк принесли. Всем налили понемногу, но выпить не успели.

— Как можно такое большое дело, как начало освоения крупного месторождения и закладка города, начинать без женщины? — продолжал рассуждать Оруджев. — Позовите стюардессу.

Пошли за стюардессой. А она в туфельках. Пришлось от вертолета до места нести ее на руках. Расчистили небольшую площадку, поставили ее рядом с министром, поднесли бокал.

— Вот теперь все в порядке. Так давайте же выпьем за рождение нового города на карте нашей страны! — торжественно провозгласил Сабит Атаевич.

Это и было начало Нового Уренгоя и Уренгойского производственного объединения по добыче газа, которому затем присвоили имя С. А. Оруджева».

Итак, 25 сентября 1973 года на месте будущего города был забит символический колышек с табличкой «Новый Уренгой». А уже 18 декабря того же года из поселка Пангоды вышел первый автотракторный десант на Уренгой. Ответственным за его подготовку был А. Д. Марковин. По тундре шли тягачи, тракторы, мощные «Уралы», бензовозы, везли строительные материалы, вагончики. 120 трудных

километров преодолели за 7 суток, и 24 декабря автоколонна прибыла на место. В ее составе была и буровая бригада мастера Н. Д. Терещенко со всем необходимым оборудованием и материалами.

С этого момента начали обустриваться промысел и город. На площадке, расчищенной бульдозерами, встали в каре четыре вагончика, над которыми был установлен плакат: «Мы пришли к тебе, Уренгой!».

Промышленное обустройство месторождения и строительство отводящих магистральных трубопроводов, а также строительство нового населенного пункта было поручено организациям Миннефтегазстроя СССР. В рамках этой программы срочно нужно было возвести в тундре поселок Новый Уренгой (позднее он станет одним из самых крупных городов на Крайнем Севере), в кратчайшие сроки соорудить магистральный трубопровод, который связал бы Уренгой с подземными артериями, проложенными от соседнего месторождения Медвежье к центральному району страны, а также соорудить первую установку комплексной подготовки газа к транспортировке (УКПГ). При этом нужно понимать, что обычно словом «установка» обозначается сооружение или агрегат сравнительно небольших размеров. Но УКПГ с ее мощными корпусами и сложным оборудованием не уступает по габаритам иному заводу. И этот крупный объект в 1978 году вырос в тундре, вдали от обжитых мест и транспортных коммуникаций за двенадцать месяцев вместо двадцати восьми запланированных! Еще быстрее вводились в действие следующие УКПГ. К концу 1980 года на Уренгое было уже шесть таких установок. Каждая из них подготавливала к транспортировке свыше 15 миллиардов кубометров газа в год. А проектный уровень отборов 250 млрд м³ газа был достигнут в 1985 году.

Чтобы понимать, какой вклад внесло это открытие в развитие газодобывающей отрасли, нужно посмотреть на цифры. Если в 1955 году весь Советский Союз добывал всего девять млрд м³ газа, в 1960 году — 45, то в 1980-м — уже 435 млрд. При этом львиная доля добычи — из недр Большого Уренгоя. И это притом что к тому моменту на месторождении ввели в эксплуатацию всего лишь четыре газовых промысла!!!

Для работы газовых и нефтяных промыслов на территории Уренгойского месторождения была создана мощная промышленная инфраструктура, а основные мощности по сбору и подготовке сырья были созданы организация-

ми Миннефтегазстроя СССР в период с 1978-го по 1990-е годы. В состав Уренгойского энергетического комплекса вошли 22 установки комплексной подготовки газа, 33 дожимные компрессорные станции, 5 станций охлаждения газа и установка подготовки конденсатного топлива (УКПГ) мощностью 15—20 млрд м³ в год, а также порядка 1400 км межпромысловых трубопроводов.

Газовый конденсат с Уренгойского месторождения попадает на Новоуренгойский завод по подготовке конденсата к транспорту (ЗПКТ). Это предприятие принимает нестабильный конденсат и производит его дезанизацию. 75% подготовленного конденсата транспортируется по конденсатопроводу «Уренгой — Сургут» на Сургутский завод по стабилизации конденсата. Из оставшегося сырья ЗПКТ производит 14 наименований товарной продукции (моторные топлива и сжиженные газы).

Для транспортировки с Уренгоя газа организациями Миннефтегазстроя СССР в короткие сроки была создана мощная система газопроводов. Необычайно крепким орешком оказалась трасса первого газопровода Уренгой — Медвежье. Ее протяженность невелика — немногим более ста километров, — но столь трудные километры лежали перед трассовиками впервые. Даже мощные роторные экскаваторы буксовали на промерзшем грунте, в котором пришлось разрабатывать траншею для газопровода. На многих участках грунт был прочнее скального, и брала его только взрывчатка. А снегопады! Нередко сварщикам приходилось браться не за электроды, а за лопаты, для того чтобы выкопать трубы из снега.

Конечно, той одной нитки, которая весной 1978 года подключила месторождение к трубопроводу Медвежье — Центр, было недостаточно. Поскольку она худо или бедно решала топливные проблемы лишь Среднего Урала, то для северных и центральных областей европейской части страны требовалась новая газовая магистраль. Предстояло «подпитать» природным газом Южный Урал и остро нуждающиеся в топливе юго-западные районы страны. И в этом направлении в итоге газовый поток пошел по крупнейшей в мире магистрали Уренгой — Тюмень — Челябинск — Петровск — Новопсков протяженностью в 3800 км, построенной из труб диаметром 1420 см.

При строительстве этого газопровода наиболее сложным участком оказался «пролет» от Уренгоя до Челябинска. Длина трассы между двумя точками 1750 км. Стро-

ительство участка протяженностью 645 км, начиная с Уренгоя, было поручено Главсибтрубопроводстрою. Также к строительству привлекались Главзападтрубопроводстрой (553 км), Главвостоктрубопроводстрой (496 км) и всесоюзное объединение Южгазпромстрой (55 км). Строительство на протяжении более 1400 км нужно было вести в пределах северной климатической зоны, 1242 км — среди лесов, 639 км — в необжитых районах, 992 км в обводненной местности и на болотах, 320 км — на вечномерзлых грунтах. На своем пути трасса пересекала 120 рек, в том числе Обь и Иртыш.

Начиная прокладывать нитку газопровода к Уренгю, строители знали, что вслед за ней начнется прокладка другой, прямо по соседству. Это обстоятельство дополнительно дисциплинировало, заставляло относиться к земле вдоль будущего общего коридора гораздо бережней — курочить ее было бы себе дороже.

Для начала требовалось проложить к Челябинску 1500-киллометровый трубопровод от Вынгапурского месторождения, что в 400 км к югу от Уренгоя. Директивный срок был предельно жестким даже для «накатанных» условий — 12 месяцев. Но на данной трассе изрядный ее отрезок находился в северо-восточной необжитой части области, где не прокладывали еще ни одного трубопровода. Там было слабо изучено состояние болот, рек и грунтов. Поэтому знакомились с местными особенностями уже в процессе работы, и, разумеется, не обходилось без сюрпризов.

Владимир Григорьевич вспоминал, как радовались экскаваторщики, когда наконец вышли на сухое песчаное место. Вот где покажем класс! Но едва начали разрабатывать траншею, как обнаружили грунтовые воды, залегающие почти у самой поверхности. А это означало, что экскаваторщикам нельзя рваться вперед, отрываясь от укладки трубопровода. Случись морозы, и придется выдалбливать из траншеи лед.

Не было в том районе и сколько-нибудь надежных транспортных коммуникаций. Строительство железной дороги, которая в настоящее время связывает Сургут с Уренгоем, в то время безнадежно отставало от строительства газопровода. Немалую часть грузов приходилось доставлять на северное плечо трассы за 350—400 км по временным автодорогам-зимникам. Правда, южнее Оби трасса проходила вдоль железной дороги Тюмень — Сургут, но эта одноколейка не обладала требуемой пропускной способностью.

Так что и материальное обеспечение было сложнейшей проблемой.

Поблизости от коридора строительства квартировал лишь один коллектив — трест «Сургуттрубопроводстрой». Все остальные подразделения Главсибтрубопроводстроя, будучи занятыми на других объектах, находились за сотни и тысячи километров от трассы, и многие из них не имели возможности своевременно перебазироваться в нужный район в полном составе. А на тюменских трассах, как уже не раз говорилось, нельзя было запаздывать с началом работ. По нескончаемым болотам лишь зимой можно было провести тяжелую технику. Зима — основной строительный сезон. Тот, кто промедлит в эту пору, рискует по весне, в распутицу, встать «на прикол» до следующих холодов. Какой уж тут директивный срок!

Тюменский главк лучше остальных подготовился к зиме. А ему было не легче, чем другим. Отдельные его подразделения приходилось перебрасывать на челябинскую трассу из дальних уголков области. Так, от Надыма до поселка Соснового даже по прямой километров пятьсот. Но прямая — это только для вертолетов. Все оборудование для своих механизированных колонн — а это десятки тысяч тонн грузов — один из трестов тюменского главка, «Севертрубопроводстрой», вез по рекам за тысячу километров. И все-таки надымчане уже весной 1977 года начали ставить в глухой тайге городки, а в июле вышли на «линию» и до зимы успели проложить первые сорок километров магистральной. Кстати, факт немалого значения: впервые было продемонстрировано, что на этой заболоченной местности летом можно строить целые участки трубопровода большого диаметра.

Вместе с тем окончательно закрепились новшества, доставшиеся в наследство от предыдущихстроек. И здесь прежде всего нужно сказать о колоннах — крупных рабочих коллективах. Они, действуя в единой технологической цепочке, создавали широкий фронт работ смежникам и совместными усилиями ежедневно оставляли за собой до полутора километров готового трубопровода. Готового — в этом вся суть.

В уренгойском коридоре, проходящем главным образом по богом забытым местам, в работе находились две трубы диаметром 1420 мм. Поэтому строителям фактически все препятствия пришлось преодолевать дважды, а кое-где, с учетом резервных ниток, и трижды. Тем не менее

каждый из этих трубопроводов ввели в действие примерно за год, почти втрое сократив нормативные сроки. Первый из них вошел в действие в 1978 году, второй — в 1979-м. Это рекорд даже для Западной Сибири. Никогда еще ни в нашей стране, ни за рубежом магистрали такой протяженности и мощности не сооружались за столь короткое время.

Безусловно, не сбрасывая со счетов несомненный энтузиазм строителей, подобные темпы обеспечивались мощным вбрасыванием в строительство «трубы» солидных материальных средств. Так, сметная стоимость строительства одного трубопровода с системой компрессорных станций составляла 2,2 миллиарда долларов США, а трассу Уренгой — Челябинск строили более тридцати тысяч человек. Но это было только начало. Затем состоялось сооружение с Уренгоя системы газопроводов Западная Сибирь — Центр страны. А всего за пятилетие (1981—1985) от газоконденсатного Уренгойского месторождения была сооружена самая мощная за всю историю отечественного трубопроводного строительства система газопроводов общей протяженностью около 20 тысяч км. Она включала шесть газопроводов диаметром 1420 мм: Уренгой — Грязевец — Московское кольцо (2800 км, введен в 1981 г.), Уренгой — Петровск (3000 км, введен в 1982 г.), Уренгой — Новопсков (3560 км, введен в 1983 г.), Уренгой — Ужгород (4451 км, введен в 1983 г.), Уренгой — Центр I (3211 км, введен в 1984 г.), Уренгой — Центр II (3055 км, введен в 1985 г.). Производительность каждого из этих трубопроводов составляла более 30 млрд м³ газа в год.

Задачи, поставленные перед Миннефтегазстроем в одиннадцатой пятилетке, по сложности и масштабам значительно превосходят решенные в предыдущие годы. Пять магистральных газопроводов Западная Сибирь — Центр, так же как экспортный газопровод Уренгой—Помары—Ужгород, не имеют аналогов в мировой практике по срокам и темпам строительства, параметрам и масштабам применения достижений научно-технического прогресса.

Более полное представление простому читателю о параметрах системы и объемах работ могут дать следующие данные. Энергетический потенциал газа, транспортируемого по газопроводу диаметром 1420 мм с рабочим давлением 7,5 МПа, эквивалентен мощности электростанции, равной 15 млн кВт. Каждая тысяча километров такого трубопровода — это 0,7—0,8 млн т металла, компрессорные станции

общей мощностью на уровне сегодняшнего Днепрогэса — 800 МВт, 50 млн кубометров земляных работ.

Строительство газопроводов в одиннадцатой пятилетке характерно не только своими масштабами, но и рядом нововведений и новых подходов к этому сложному делу. Так, впервые была разработана целостная система организационной подготовки строительства газопроводов в едином технологическом коридоре. Она включала: отраслевой проект организации строительства трубопроводов (отраслевой ПОС) на одиннадцатую пятилетку; проекты организации работ на каждую магистраль (объектные ПОР); проекты производства работ (ППР) на отдельные участки каждой нитки; подсистему оперативного управления ходом строительства. Внедрение системы организационной подготовки строительства оказало определяющее воздействие на сокращение его сроков.

Сооружение системы газопроводов в едином коридоре позволило решить ряд временных и технических вопросов. Во-первых, увеличить активный период работы потоков за счет сокращения потерь из-за перебазировки людей и техники. Во-вторых, внедрить поточность работ. В-третьих, создать долговременные полевые городки с необходимой производственной базой и улучшить жилищно-бытовые условия строителей, но при этом сократить число объектов подсобно-производственного назначения. В-четвертых, наладить устойчивые производственные связи и отношения с местными советскими и хозяйственными органами и обеспечить постоянную на весь период строительства газопроводов транспортную схему и систему материально-технического снабжения. В-пятых, что очень важно, сократить объемы отдельных видов работ благодаря взаимному резервированию газопроводов, созданию совмещенных устройств электро- и химзащиты газопроводов от коррозии.

В результате переход отрасли на новую Генеральную схему управления позволил реорганизовать тресты, специализированные по отдельным видам работ (сварочные, землеройные и т. д.), в комплексные, ориентированные на выпуск конечной строительной продукции — готового к эксплуатации участка газопровода.

Реорганизация трестов обеспечила условия для формирования комплексных трубопроводостроительных потоков нового типа, в которых удалось реализовать преимущества перехода на более высокий уровень специализации (по-

этапную), внедрить бригадные формы организации и стимулирования труда и передать функции генерального подрядчика непосредственно потокам.

Организационная перестройка линейного строительства на основе вновь созданных мобильных строительномонтажных подразделений нового типа — комплексных технологических потоков, наиболее полно реализующих принципы поточно-скоростного строительства крупными механизированными комплексами, — позволила повысить производительность одного потока в одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой более чем в 1,5 раза и снизить трудовые затраты на 1 км трубопровода на 25 %.

Внедрение системы оперативного управления строительством с применением программно-целевых методов и ЭВМ помогло обеспечить ритмичный ход работ и своевременный ввод в действие трубопроводов на основе месячного и недельно-суточного планирования.

Широкое развитие получили хозяйственный расчет и прогрессивные формы оплаты труда первичных производственных коллективов, ориентирующие на достижение конечных целей строительного производства.

Все компрессорные станции шестиниточной системы газопроводов построены с применением комплектно-блочного метода. Наибольший уровень блочности (до 80 % сметной стоимости КС) достигнут на КС с авиационным приводом. Практическая реализация метода при строительстве этой системы позволила добиться того, что на единицу мощности, по сравнению с КС, сооруженными в одиннадцатой пятилетке в традиционном исполнении, в 1,5—1,8 раза возросла выработка на одного работающего, продолжительность строительства была сокращена на 30—35 % и на 18—20 % была снижена себестоимость сооружения компрессорной станции.

Создание в министерстве специализированных мощностей позволило выпускать более 15 тысяч блочных устройств в год, обеспечив резкое сокращение продолжительности возведения наземных объектов газовой и нефтяной промышленности и в первую очередь компрессорных станций.

Миннефтегазстрой уделял особое внимание интенсификации строительства, комплексному решению производственно-экономических и социальных задач. Единая техническая политика, хозяйственный механизм и система управления отраслью были ориентированы на дости-

жение главной цели — с увеличением добычи нефти и газа обеспечить их транспортировку из отдаленных районов Западной Сибири потребителям Урала, Центра и Запада страны.

За годы десятой и одиннадцатой пятилеток отрасль достигла высокой мобильности строительного производства, что позволило интенсифицировать освоение месторождений в новых районах нефтедобычи, ввести в короткие сроки объекты нефтяной и газовой промышленности практически на всей территории страны.

Уренгой — Помары — Ужгород

Об этой стройке немало написано и рассказано и в стране, и за рубежом. О ней сняты фильмы, и она, уникальная во всех отношениях, этого более чем заслуживает. Трансконтинентальный экспортный газопровод Уренгой — Помары — Ужгород по своим техническим параметрам превосходит все крупнейшие трубопроводы мира.

Тогда В. Г. Чирсков только-только был назначен на должность первого заместителя министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Новая должность была ответственной. Между собой сотрудники шутили: первый зам по утрам первым открывает двери министерства и последним в полночь их закрывает. Уверенность и силы ему придавало то, что рядом всегда находился министр и наставник Борис Евдокимович Щербина. Его добрые советы, четкие продуманные указания, как, впрочем, и строгий спрос и нелицеприятная критика, держали в соответствующем тоне. Но эта опека, которая ощущалась на первых порах, ничуть не ограничивала инициативы и самостоятельности Владимира Григорьевича.

Это было очень важно, потому что среди прочих обязанностей, возложенных на Чирскова, было руководство или, как тогда принято было говорить, кураторство строительства экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Его протяженность составляла 4451 км, диаметр труб 1420 мм, рабочее давление 7,5 МПа. По данной стройке Чирсков еженедельно проводил селекторные совещания с руководителями на местах. Строго контролировалось выполнение недельных заданий по каждому технологическому потоку, составлялись новые недельные задания, практи-

чески на ходу решались различные оперативные вопросы, которых было немало.

Дело в том, что строительство газопровода Уренгой — Помары — Ужгород пришлось на период резкого обострения международных отношений, поворота от политики сотрудничества к конфронтации, гонке вооружений, «крестовому походу против коммунизма». Строительство газопровода, задуманное на принципах взаимопонимания и сотрудничества, вызвало бешеную злобу администрации США. Белый дом объявил санкции и эмбарго на поставки оборудования для трубопровода. Нужно было принимать стратегические и тактические решения о том, как с наименьшими потерями преодолеть все возникшие трудности, и Владимир Григорьевич практически ежедневно отчитывался о выполненной работе перед министром, а тот, в свою очередь, перед руководством страны.

Несмотря на трудности, работы выполнялись не только вовремя, но и с опережением плана. На 1 июля 1982 года на газопровode Уренгой — Помары — Ужгород было уложено 75 км труб. Изоляционно-укладочные работы были полностью закончены 25 июля 1983-го. Ввод линейной части газопровода был намечен на апрель 1984 года. Таким образом, впервые в мировой практике газопровод такого класса был сооружен в рекордно короткий срок — всего за один год вместо трех лет по нормативам.

Нужно сказать, что отрасль была подготовлена к строительству этого газопровода благодаря достижениям отечественной науки и техники, предшествующему опыту других строек. Это позволяло трижды менять сроки ввода в действие этой транспортной магистрали в сторону их сокращения.

В связи с дискриминационными мерами, принятыми американской администрацией, ЦК КПСС и Совет министров СССР одобрили инициативу предприятий машиностроения и строительных организаций об оснащении стройки отечественным оборудованием и о досрочном вводе газопровода в эксплуатацию в декабре 1983 — январе 1984 года.

Коллективы машиностроительных предприятий в небывало короткие сроки наладили выпуск отечественного оборудования, в том числе газоперекачивающих агрегатов. Из 40 компрессорных станций 24 были укомплектованы отечественными агрегатами мощностью 16 и 25 МВт.

Выполняя принятые социалистические обязательства, организации Миннефтегазстроя СССР 17 августа 1983 года

полностью закончили испытание газопровода и подготовили его к эксплуатации.

Успешному строительству газопровода способствовали:

— высокий уровень проектной документации и своевременное представление ее строительным организациям;

— использование передового опыта предыдущих строек;

— применение новых технологий, нового сварочного оборудования и машин, высокий уровень механизации и энерговооруженности труда;

— работа, проведенная организациями и предприятиями Мингазпрома, Минвнешторга, Минчермета, Минхимпрома, машиностроительных министерств по обеспечению стройки материалами и оборудованием;

— ритмичность перевозок грузов железнодорожным, авиационным, водным и автомобильным транспортом.

В ходе сооружения газопровода был отлажен своеобразный строительный конвейер, на который работала вся страна. О масштабах выполнения работ свидетельствуют следующие данные: при строительстве линейной части газопровода было перевезено, сварено и уложено в траншею 2,7 млн т труб, а протяженность сварного шва составила около 2,2 тыс. км. Поверхность контакта стальных труб с грунтом, на которую наносилась антикоррозийная изоляция, превысила 26 млн кв. м, объем земляных работ составил около 130 млн м³. Для закрепления газопровода на проектных отметках использовано 564 тыс. м³ бетона. Для прокладки трассы от леса расчищена полоса длиной 2 тыс. км. На самом газопроводе было установлено свыше 5 тыс. запорных кранов общей массой 42 тыс. т.

Газопровод Уренгой — Помары — Ужгород был исключителен по инженерной сложности. На его трассе было построено 40 компрессорных станций, сооружено 1515 км линий электропередачи и 287 станций катодной защиты. На своем пути трасса газопровода пересекала 32 крупные реки, в том числе Обь, Волгу, Каму, Дон, Днепр и 134 малые реки, 70 железных и 323 автомобильные дороги, строителям пришлось преодолеть 360 км болот, обводненных и заболоченных участков. Наконец, на протяжении 120 км газопровод был проложен в многолетнемерзлых грунтах.

Мобильность строительства была обеспечена за счет широкого внедрения экспедиционно-вахтового метода, который наиболее полно отвечал специфике трассового строительства, позволял решать социальные и трудовые проблемы. Пример скоростного строительства показали

сибирские организации, работники которых трудились в экстремальных условиях: среди болот, тайги, вечной мерзлоты. Сибирский участок протяженностью более 1000 км впервые в практике трубопроводного строительства был сооружен за один зимний сезон, и в июне 1983 года газ был подан промышленным предприятиям Урала.

Хорошо подготовленный коллектив строителей, обеспеченный мощной современной техникой, смог перейти на скоростное строительство газопровода Уренгой — Помары — Ужгород комплексными технологическими потоками по методу бригадного подряда с использованием шекинского опыта. Это сыграло решающую роль в досрочном завершении строительства линейной части газопровода. Специализация подразделений по этапам и комплексам работ позволила значительно повысить темпы и качество строительства за счет опережающего сооружения технологически сложных участков, инженерной подготовки трассы и вывозки на трассу труб и пригрузов, обеспечения высокой технической готовности машин, улучшения контроля качества работ. Средний темп изоляционно-укладочных работ на один поток составил 12,5 км в месяц, а 13 потокам удалось достичь темпа работ, равного 17 км в месяц (до 200 км в год). На высоком организационном уровне были выполнены работы завершающего периода и проведено испытание газопровода.

Важно также и то, что одновременно с сооружением линейной части газопровода осуществлялась крупномасштабная программа обустройства Уренгойского месторождения. В 1982—1983 годах там были введены в действие четыре установки комплексной подготовки газа, в том числе три из них по 20 млрд м³ в год. За девять месяцев 1983 года вместо намеченных к вводу 17 компрессорных станций было сдано 19. В 1983 году по газопроводу уже перекачивалось до 30 млн м³ газа в сутки, что соответствовало уровню, установленному народнохозяйственным планом на I квартал 1984 года. За 1983 год сверх плана потребителям было подано около 2,5 млрд м³ газа.

Вопросы стройки газопровода Уренгой — Помары — Ужгород систематически рассматривались в ЦК КПСС. В результате этого были приняты решения, сыгравшие определяющую роль в мобилизации партийных и общественных организаций на досрочный ввод газопровода в эксплуатацию.

Важную роль в координации работ по сооружению газопровода Уренгой — Помары — Ужгород и освоению Урен-

гойского газоконденсатного месторождения сыграла деятельность Комиссии Президиума Совета министров СССР по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. На ее заседаниях, в том числе и выездных, систематически рассматривались вопросы стройки, принимались важнейшие решения по оснащению строительных организаций техникой и т. д.

Опыт, накопленный при сооружении газопровода, стал залогом дальнейшего развития трубопроводного строительства. История его строительства показала, что нет таких научных, технических и экономических проблем, которые не мог бы решить своими силами Советский Союз, и с этим придется считаться всем недругам нашей страны.

В связи с завершением строительства газопровода Уренгой — Помары — Ужгород Центральный Комитет КПСС и Совет министров СССР строителям, монтажникам, эксплуатационникам, проектировщикам, партийным, советским, профсоюзным и комсомольским организациям, всем участникам сооружения этого газопровода направили телеграмму следующего содержания:

«Дорогие товарищи!

Центральный Комитет КПСС и Совет министров СССР сердечно поздравляют вас с выдающимся достижением — досрочным вводом в действие магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород на установленную мощность.

Ускоренная сдача в эксплуатацию этого уникального в мировой практике инженерно-технического сооружения имеет большое экономическое и политическое значение, является конкретным вкладом в осуществление решений XXVI съезда партии по дальнейшему развитию топливно-энергетического комплекса, реализации Энергетической программы Советского Союза. В этой замечательной победе воплощены патриотический энтузиазм многих трудовых коллективов, строительных, газодобывающих, машиностроительных, металлургических, транспортных предприятий и организаций, мастерство рабочих и инженерно-технических работников, в совершенстве овладевших техникой и передовыми методами организации производства, творческие свершения ученых и конструкторов, большая организаторская и политико-воспитательная работа, проведенная партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями.

Центральный Комитет КПСС и Совет министров СССР благодарят всех участников сооружения газопровода Уренгой — Помары — Ужгород за самоотверженный труд и выражают твердую уверенность в том, что будет сделано все необходимое для полного завершения строительства газопровода и вывода его на проектную производительность.

Желаем вам, дорогие товарищи, новых трудовых успехов в выполнении решений ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС, принятых социалистических обязательств по успешному завершению плана 1983 года, перевыполнению заданий одиннадцатой пятилетки».

Шли годы, и Западная Сибирь становилась главным в стране центром добычи нефти и природного газа. В связи с этим в некогда необжитом краю появлялись новые промыслы, города, дороги... Нужны были люди, способные комплексно управлять их строительством, неся персональную ответственность за принятые решения. И такие люди в стране нашлись. В. Г. Чирсков был одним из тех, кого всегда манили дальние горизонты, и, стремясь достичь их, он трудился не покладая сил.

Глава шестая

МИНИСТЕРСКИЕ БУДНИ

Ответственное назначение

Безусловно, стремление к служебному росту присуще любому человеку, увлеченно занимающемуся своим делом, особенно если дело это очень востребовано и неустанно развивается. В. Г. Чирсков не был исключением. За время работы в строительной отрасли он последовательно занимал ряд руководящих должностей и на каждой из них добросовестно делал свое дело, неоднократно проявляя разумную инициативу. В советское время это приветствовалось, и вышестоящие руководители, убедившись в организаторских способностях Владимира Григорьевича, ходатайствовали о выдвижении его на новую должность с большим объемом работы и с большей ответственностью. Так, постепенно продвигаясь по служебной лестнице, он «дорос» до первого заместителя министра нефтяной и газовой промышленности СССР.

Позже В. Г. Чирсков вспоминал:

«Каждая коллегия для министерского люда — событие особенное. Снуют озабоченные клерки с папками в руках. Присматриваются к обстановке товарищи, которые впервые попали на Житную, 14: одни с отчетом, другим предстоит пройти процедуру утверждения в должности. Первая коллегия в году готовится с особенным тщанием — предстоит подвести итоги, поставить задачи. Но самое главное сейчас — доклад министра. Вчерне текст был уже готов. Но его Борис Евдокимович обычно сам дорабатывал, а то и перерабатывал свои выступления, доклады. Бывало, оставлял от подготовленного варианта “рожки да ножки” — только цифровой материал».

Накануне коллегии, первой в 1984 году, Б. Е. Шербина поздним вечером пригласил В. Г. Чирскова к себе. Направляясь к министру, Владимир Григорьевич взял с собой до-

клад, полагая, что они будут говорить о коллегии. Но Борис Евдокимович сразу сказал о другом:

— Сам читай и дорабатывай. Доклад будешь делать ты.

Видя изумление на лице своего заместителя, Щербина без особой радости продолжал:

— Я только-только вернулся с заседания Политбюро. Меня назначили зампредом правительства. Теперь ты исполняешь обязанности министра...

Наутро Борис Евдокимович собрал коллегии министерства. Сказал, что получил новое назначение. Тепло поблагодарил всех за совместную работу; высказал уверенность, что коллектив дружно будет работать над дальнейшим развитием отрасли. Затем объявил, что исполнение обязанностей министра возложено на Чирскова.

Нужно сказать, что за прошедшую ночь Владимир Григорьевич очень много передумал и в целом уже свыкся с мыслью, что ему, по крайней мере временно, придется руководить отраслью. Ее задачи он знал, направления основных усилий и объемы выполненных работ тоже, но главное — знал кадры, людей, на которых можно было опереться при решении стоящих перед ним задач. Но теперь предстояло свести все это в одну четкую систему работы огромного коллектива, разбросанного не только по всей стране, но и за ее пределами. Наблюдая за работой Б. Е. Щербины, он хорошо понимал ее сложность, объемы и, главное, ответственность, которая теперь ляжет на него. Но это было то огромное испытание, к которому он готовил себя всю предыдущую трудовую жизнь, и теперь оставалось только выдержать его с честью. Поэтому объявление, сделанное Щербиной на коллегии Миннефтегазстроя СССР, уже не застало Владимира Григорьевича врасплох. Он от имени товарищей по коллегии поблагодарил Бориса Евдокимовича, пожелал ему здоровья и благополучия в новых нелегких делах и заверил о том, что коллектив Миннефтегазстроя СССР поставится «работать дружно, чтобы его не огорчать».

Конечно, выдвижение Бориса Евдокимовича на вышестоящую должность было закономерным. Щербина был человеком государственного масштаба и мыслил по-государственному. Теперь ему поручался самый сложный и ответственный участок народного хозяйства страны — весь топливно-энергетический комплекс СССР.

Смена первого руководителя отрасли всегда вызывала много вопросов: трясет аппарат в Москве, ломают голову люди в трестах и объединениях на местах. Все гадают о том,

кто придет на должность министра. Кого приведет с собой? Кого будет менять? Какую линию будет проводить? И так далее. Нужно понимать, что ответы на эти вопросы касались не только работы подразделений отрасли, но и судеб многих людей, условий их жизни, будущего. Поэтому обсуждение их выходило далеко за рамки обычных разговоров и сплетен, которые являются непременным атрибутом любого коллектива.

В те времена на должность министра обычно рекомендовали людей, имевших богатый опыт партийной работы. Как правило, это были первые секретари крупных обкомов партии. Но у В. Г. Чирскова такого опыта не было, а в ранге первого заместителя министра он проработал меньше года. Поэтому занять освободившуюся высокую должность он не рассчитывал. Он спокойно работал и не задавался вопросом, кто будет назначен министром, решив, что как будет, так и будет.

Жизнь, однако, распорядилась по-иному. В первых числах февраля 1984 года Б. Е. Шербина сообщил Чирскову, что есть мнение назначить его министром. Владимир Григорьевич даже оторопел — нарушалась установленная традиция.

Но Борис Евдокимович, словно не замечая состояния собеседника, продолжал:

— Задержка с назначением происходит из-за болезни Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. «Добро» на назначение министров дает только он, а затем его, по сути автоматически, утверждают Политбюро ЦК и Президиум Верховного Совета СССР.

Владимир Григорьевич высказал сомнение в том, справится ли он с данной должностью, так как мало еще проработал на второй роли.

На это Борис Евдокимович только усмехнулся:

— Я, брат, знаю тебя лучше, чем ты сам...

9 февраля В. Г. Чирсков пригласил секретаря ЦК В. И. Долгих. Но в самом начале их разговора в кабинет зашел помощник Владимира Ивановича с печальным известием — умер Юрий Владимирович Андропов.

Некоторое время в кабинете стояла напряженная тишина. Чирсков даже почувствовал себя неуютно — какие уж тут разговоры в такое время? Но В. И. Долгих, видимо, знал намного больше и более объективно оценивал ситуацию. Правда, он свернул начавшийся разговор до минимума, а на прощание сказал:

— Мы тебя знаем, рекомендуем. Поэтому отбрось сомнения, берись уверенно за порученное дело. Более подробно у нас еще будет время поговорить позже.

20 февраля В. Г. Чирсков встретился с председателем Совета министров СССР Николаем Александровичем Тихоновым. Он поинтересовался обстановкой в отрасли, спросил, какие проблемы тормозят дело. Затем дал некоторые деловые советы. В завершение встречи Тихонов прямо при Чирскове позвонил новому Генеральному секретарю ЦК КПСС К. У. Черненко и доложил о результатах беседы. Положив трубку прямой связи, Николай Александрович сказал, что Константин Устинович дал согласие на назначение Чирского министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР о его назначении был опубликован в газетах 21 февраля 1984 года. В этот же день Б. Е. Щербина представил нового министра аппарату министерства.

Времени на раскачку не было. 10 марта 1984 года Н. К. Байбаков вылетел в очередной раз в Тюмень. В этой поездке его сопровождали министры Е. А. Козловский, П. С. Непорожний, В. С. Черномырдин и В. Г. Чирсков. В Уренгое их встретил первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков. Программа поездки была длительная и обширная. Вначале они посетили Уренгой, 11 марта — Ноябрьский, 12 марта — Нижневартовск, 13 марта — Сургут. Затем, 14 марта, в Тюмени состоялось заседание коллегии Госплана СССР с повесткой дня «О перспективах развития нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири», на котором были подведены итоги работы предыдущего периода и намечены конкретные задачи на ближайшее будущее.

22 марта, едва вернувшись из Западной Сибири, Владимир Григорьевич был приглашен в отдел тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС на беседу, отложенную с февраля того года. На беседе присутствовали заведующий отделом, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро В. И. Долгих, первый заместитель заведующего И. П. Ястребов, заместитель заведующего Л. М. Кузнецов. Они потребовали, чтобы В. Г. Чирсков доложил о состоянии строительных объектов и перспективах развития отрасли. Беседа длилась полтора часа. Было задано очень много вопросов по работе министерства, но также высказано и много полезных советов молодому министру.

В последующем все годы, будучи министром, В. Г. Чирсков, по его словам, всегда тесно работал с отделом тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС и всегда имел поддержку от его руководителей. Даже после развала Советского Союза он многие годы, вплоть до ухода их из жизни, общался и дружил с В. И. Долгих, И. П. Ястребовым и Л. М. Кузнецовым, ценя этих людей, их искреннюю преданность стране и народу.

20 апреля 1984 года В. Г. Чирсков с группой работников министерства посетил Туркменскую Советскую Социалистическую республику. Тогда в ее столице Ашхабаде располагалось Главное территориальное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в этой республике — Главтуркменнефтегазстрой Миннефтегазстроя СССР. Затем вместе с председателем Совета министров Туркмении С. А. Ниязовым делегация посетила города Мары, Небит-Даг и поселки Шатлык и Газ-Ачаг, побывали на крупном газовом месторождении Дулетабал-Донмезинское, запасы газа которого оценивались в 1,6 триллиона метров. Это месторождение было введено в работу в 1984 году, и министру крайне важно было лично убедиться в том, что все строительные работы на нем выполнены качественно.

Затем в Ашхабаде у В. Г. Чирскова состоялась беседа с первым секретарем ЦК КП Туркмении М. Г. Гапуровым. Были подведены итоги и намечены планы на будущее. А говорить было о чем. В период 1981—1991 годов в Туркменской ССР было обустроено и введено в эксплуатацию 17 месторождений с суммарной мощностью по добыче и транспорту 105 млрд м³ газа в год, построено более тысячи километров магистральных газопроводов с компрессорными станциями.

14 мая 1984 года состоялась поездка Н. К. Байбакова в город Астрахань и Казахстан, в которой его сопровождали министры В. А. Динков, Н. А. Мальцев, Е. А. Козловский и В. Г. Чирсков. В Казахстане к ним присоединился председатель Совета министров республики Н. А. Назарбаев. Они посетили Астрахань, Шевченко, Гурьев, Уральск, Актюбинск и Алма-Ату. В столице Казахской ССР 18 мая было проведено заключительное совещание по проблемам добычи нефти, в котором принял участие первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев.

Результаты этой поездки дали о себе знать весьма скоро. Уже в сентябре 1984 года на Карачаганском месторождении

в Казахстане были досрочно, всего за один год, построены и введены в опытно-промышленную эксплуатацию мощности по добыче 3 млрд м³ газа и 2 млн тонн конденсата в год. Здесь впервые в отечественной практике для транспорта неочищенного газа и конденсата были проложены газопровод диаметром 720 мм и конденсатопровод диаметром 377 мм, протяженностью 142 км каждый. Кроме того, была введена в строй очередь комплекса по добыче нефти с установкой сероочистки на Жанажольском месторождении.

2 августа 1984 года состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, которое вел К. У. Черненко. Оно было посвящено обсуждению постановления правительства СССР по освоению Ямбургского газового месторождения. По главному вопросу докладывал Б. Е. Щербина. На основании его доклада и принятых решений во второй половине 1984 года коллегии Миннефтегазстроя и Мингазпрома рассмотрели технический проект обустройства Ямбургского газового месторождения и утвердили мероприятия, направленные на расширение задач по его обустройству.

В ноябре 1984 года Совет министров СССР принял постановление, направленное на выполнение заданий по добыче нефти в Тюменской области. Все это накладывало на отрасль особую ответственность за своевременную сдачу в эксплуатацию нефтепромысловых мощностей. Были также приняты организационные меры по усилению работы в этом регионе. В результате в 1984 году в Западной Сибири организации Миннефтегазстроя СССР построили и ввели в действие установки подготовки нефти мощностью 33 млн тонн в год, кустовые насосные станции мощностью 314 тыс. м³ в сутки, дожимные насосные станции мощностью 121 тыс. м³ в сутки, 640 км шестикиловаттных линий электропередач, 2,3 тыс. км промысловых трубопроводов.

1984 год для Миннефтегазстроя СССР стал весьма продуктивным. Его организациями были сданы в эксплуатацию 20 тыс. км трубопроводов, в том числе 10,7 тыс. км магистральных, обеспечен досрочный ввод в эксплуатацию газопровода Уренгой — Центр (первая нитка протяженностью 1420 км, вторая — 1208 км). Также были построены и сданы в эксплуатацию газопроводы Елец — Курск — Диканька (434 км), Шебелинка — Кривой Рог — Измаил (164 км), Тежден — Ашхабад — Безмен (205 км), Минск — Гомель (322 км), Пахтакор — Янгиер (82 км), Хива — Байнеу (301 км), Шатлык — Хива (182 км) и ряд других. В соответствии с правительственным заданием

было проложено 14 газопроводов-отводов к электростанциям общей протяженностью 443 км.

Немало было сделано и для нефтяной промышленности. Были введены в действие нефтепроводы Холмогоры — Клин на участке от Кедровой до Перми (865 км), Кенкияк — Орск (122 км), Шеим — Конда (108 км), нефтепродуктопроводы Травники — Кустами — Аманкарагай (321 км), Цевки — Рязань — Тула — Орел (250 км), Сызрань — Ульяновск (137 км), Синеглазово — Свердловск (243 км), Лисичанск — Трудовая — Донецк — Жданов (111 км).

За счет ускоренного обустройства Уренгойского газоконденсатного месторождения в Западной Сибири продолжалось наращивание объемов добычи газа, которая в 1984 году достигла 205 млрд м³, в два раза превысив уровень добычи 1981 года. Там подразделениями отрасли за год были введены в действие установки по комплексной подготовке газа мощностью 35 млрд м³ газа в год.

Я даю эти цифры не для того, чтобы утомить читателя. Современнику трудно представить себе объемы тех работ, которые выполнял Миннефтегазстрой СССР всего за один год. Но если свести в единое все эти показатели, нанести на карту бывшего СССР проложенные трубопроводы и возведенные на них компрессорные и насосные станции, то она буквально расцветет различными условными знаками. А затем, умножив эти данные на десятилетия, нетрудно представить себе то, во что бы превратилась наша страна при нормальной системе управления. И это все было не условное, а реальное будущее, к которому стремились нефтегазостроительная отрасль, лично ее руководитель В. Г. Чирсков и весь трудовой коллектив министерства.

Для блага страны

В коллективах Миннефтегазстроя СССР никогда не было так называемого застоя. Поэтому вполне естественно возникал вопрос: нужна ли была им перестройка? Ведь пока в стране одни лихорадочно занимались «перестройкой», другие в привычном темпе работали на экономику страны. В числе последних был и Миннефтегазстрой СССР, который активно продолжал наращивать мощности нефтегазового комплекса страны, не думая о том, какие планы на будущее Советского государства вынашиваются политиками.

В 1985 году построили и ввели в действие 21 тыс. км трубопроводов, в том числе и магистральных 14,2 тыс. км. Важнейшие из них газопроводы Уренгой — Центр (вторая часть, участок 1879 км), Ямбург — Елец (первая нитка, участок 1283 км), Курск — Киев (485 км), Камыш-Бурун — Астрахань (361 км), Байнеу — Александров Гай (613 км), нефтепроводы Холмогоры — Клин (1303 км), Саратов — Кузьмичи (337 км), Канкияк — Орск (217 км), Лисичанск — Тихорецк (210 км), продуктопроводы Западная Сибирь — Урал — Поволжье (1500 км), Воронеж — Белгород (293 км), Пенза — Саранск (99 км), Травинки — Кустанай (162 км), конденсатопроводы с Уренгойского, Карачаганского, Оренбургского месторождений общей протяженностью 1200 км. Были сданы в эксплуатацию 49 компрессорных станций общей мощностью 2891 тыс. кВт, 19 насосных станций.

В 1985 году выполнили установленные задания по вводу мощностей на газовых месторождениях в Туркменской и Узбекской ССР. В Западной Сибири был создан крупный народно-хозяйственный комплекс по добыче, подготовке, транспорту и переработке конденсата Уренгойского месторождения. В его составе три установки комплексной подготовки газа и конденсата, установки подготовки конденсата к транспорту, завод по переработке конденсата в Сургуте и 800 км трубопроводов. Сданы мощности по подготовке 32 млрд м³ газа в год.

В 1985 году коллективы министерства выполнили подрядных строительно-монтажных работ на 9530 млн рублей. При этом удельный вес работ, завершенных в Западной Сибири, составил 54 % общего объема. Большую работу проделали коллективы трестов Главтюменнефтегазстроя, аппарат и руководство главка (М. В. Чижевский и Н. И. Наконечный). Программа работ по обустройству нефтяных промыслов в Тюменской области была успешно выполнена. Она возросла по сравнению с 1984 годом в 1,45 раза, в том числе по производственному строительству — в 1,7 раза. В 1985 году на нефтяных месторождениях в Западной Сибири выполнены задания по вводу в действие важнейших нефтепромысловых объектов. Ввод мощностей по сравнению с 1984 годом увеличился по водозаборным сооружениям в 8 раз, установкам предварительного сбора воды в 9 раз, дожимным насосным станциям в 3,5 раза, кустовым насосным станциям в 1,6 раза и резервуарным емкостям в 1,8 раза. За один год было включено в работу 15 новых

нефтяных месторождений против 12 за четыре прошедших года. Сданы в эксплуатацию 4100 км промысловых и межпромысловых нефтепроводов, почти вдвое больше, чем в 1984 году, 1000 км линий электропередач.

ЦК КПСС и Совет министров СССР 31 декабря 1985 года поздравили с победой строителей, монтажников, эксплуатационников, машиностроителей, металлургов, транспортников, проектировщиков, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации, всех участников строительства системы магистральных газопроводов Уренгой — Центральные районы страны. В поздравлении указывалось, что впервые в мировой практике менее чем за пятилетие построены шесть крупнейших магистралей из труб большого диаметра (1420 мм) общей протяженностью более 20 тыс. км, производительностью 200 млрд. м³ в год и что за счет досрочного ввода их в действие народное хозяйство получило сверх плана миллиарды кубических метров природного газа.

В 1986 году было проложено 19,6 тыс. км трубопроводов, в том числе магистральных свыше 9 тыс. км. Был обеспечен досрочный ввод в эксплуатацию газопровода Ямбург — Елец протяженностью 3146 км, а также 1600 км газопровода Ямбург — Елец II. Построены 37 компрессорных и насосных станций, 6,5 тыс. км кабельных и радиорелейных линий связи. Справилась отрасль с заданием по сооружению отводов газопроводов к электростанциям, переводимым на газообразное топливо.

В том же году были введены в эксплуатацию 11 установок комплексной подготовки газа общей мощностью 81,2 млрд м³ газа в год. Это на 18 млрд м³ больше, чем было установлено заданием. Отрасль впервые взяла такой рубеж. Уренгойское месторождение в этом году было досрочно выведено на проектную производительность — 280 млрд м³ газа в год, сданы первые мощности на 6 млрд м³ газа на Астраханском месторождении.

В 1986 году отрасль отметила и такую трудовую победу, как досрочный ввод в эксплуатацию Ямбургского газоконденсатного месторождения. Плановый срок сдачи объектов обустройства был определен 1987 годом, а уже в сентябре 1986 года топливо с Ямбура стало поступать в систему газоснабжения страны. Это помогло восполнить дефицит топливно-энергетических ресурсов, образовавшийся в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

«Ключом» к Ямбуру явилось сооружение из суперблоков установки комплексной подготовки газа (УПКГ).

Эта установка смонтирована из 28 блок-пontoнов массой 300—400 т каждый. Такие блоки были изготовлены в Тюмени (на берегу реки Туры) и с установленным на них оборудованием были доставлены по Иртышу и Оби в Ямбург. Транспортировка крупных блок-пontoнов по реке и монтаж из них УКПГ в сложных условиях Севера осуществлены впервые в практике строительства объектов газовой промышленности.

В Западной Сибири в первом полугодии 1986 года сданы в эксплуатацию 16 новых нефтяных месторождений, которые планом 1986 года предусматривалось обустроить в течение года, обеспечен также дополнительный ввод к плану семи новых месторождений. На промыслах сооружены все запланированные установки подготовки нефти, дожимные и кустовые насосные станции по перекачке нефти и воды, резервуарные парки, более 6 тыс. км трубопроводов, 2 тыс. км линий электропередачи. В том же году были созданы дополнительные мощности для переработки попутного газа на 2,5 млрд м³ в год.

В 1987 году были сданы в эксплуатацию 23 тыс. км, в том числе магистральных газонефтепродуктопроводов 11,8 тыс. км, досрочно введен в эксплуатацию газопровод Ямбург — Елец II. С опережением сроков сдан газопровод Западная граница СССР до города Ельца. Построен первый крупный на Дальнем Востоке газопровод Оха — Комсомольск-на-Амуре, что явилось весомым вкладом в реализацию долговременной программы развития производительных сил этого экономического района.

Был введен в действие газопровод Макат — Северный Кавказ, позволивший полностью обеспечить газом Закавказские республики. Построены газопроводы Кременчуг — Ананьев — Черновцы — Богородчаны и Починки — Ярославль. Сданы в эксплуатацию нефтепровод Уренгой — Холмогоры и продуктопровод Великий Анадоль — Мелитополь с отводом к Бердянску. На Ямбургском месторождении менее чем за год созданы мощности по добыче 53 млрд м³ в год. Обеспечен ввод мощностей по добыче и переработке 1,5 млрд м³ газа на газоперерабатывающем заводе в Узбекистане. На магистральных газопроводах введены в действие 46 компрессорных станций в полном объеме, то есть с запланированным числом агрегатов.

В том же году были успешно выполнены установленные задания по вводу в действие основных объектов на нефтяных месторождениях. Совместно с Миннефтепро-

мом СССР в Западной Сибири введены в разработку 24 новых нефтяных месторождения. На промыслах сданы в эксплуатацию 10 установок подготовки нефти, 6 газлифтных компрессорных станций, нефтеемкости вместимостью 1,3 млн м³, 10 тыс. км промысловых трубопроводов.

Совместно с Минхиммашем СССР в этом году была построена первая отечественная автоматизированная блочная газлифтная компрессорная на Самотлорском месторождении. Реализована программа сооружения объектов, связанных с повышением уровня использования попутного нефтяного газа в Западной Сибири, где созданы мощности на 2,7 млрд м³ в год. Введен в действие крупный комплекс по обеспечению водой Тенгизского нефтяного месторождения и прилегающих поселков в Казахстане, что позволило коренным образом изменить обстановку со снабжением водой в этом регионе. В результате работы, проделанной совместно с Миннефтепромом СССР по вводу объектов, нефтяная промышленность рассчиталась с долгами 1986 года и по итогам двух лет поставила народному хозяйству свыше двух миллионов тонн нефти сверх плана.

В 1988 году было введено в действие 22 тыс. км трубопроводов, в том числе магистральных 11,65 тыс. км. Полностью закончено строительство газопровода Ямбург — Западная граница СССР протяженностью 4366 км, сдан в эксплуатацию газопровод Ямбург — Тула I, также реализовано поручение правительства по досрочному вводу в действие 600 км на трассе Ямбург — Тула II. Построены: газопроводы Богатинская — Омск и Газли — Чимкент, Минск — Вильнюс, нефтепроводы Красноленинск — Конда, Уренгой — Холмогоры, Чимкент — Чарджоу; углепровод Белово — Новосибирск, конденсатопровод Оренбург — Уфа и др. Сооружены участки большой протяженности на трассах нефтепроводов Чимкент — Чарджоу, Тенгиз — Гурьев — Астрахань — Грозный, Ярославль — Кириши и др. Выполнена программа строительства газопроводов к Сургутской, Пермской, Запорожской, Талимарджанской ГРЭС, а также отводов к 55 городам и населенным пунктам. Введены в эксплуатацию 34 компрессорные и четыре насосные станции на магистральных трубопроводах.

В 1988 году построены резервуарные парки емкостью 1192 тыс. м³, более 9000 км кабельных и релейных линий связи. Совместно с Миннефтепромом СССР проделана значительная работа на нефтяных промыслах. Введены в эксплуатацию: 20 новых месторождений в Западной Сиби-

ри, 6 установок подготовки нефти, 104 установки по сбору и откачке нефти и поддержанию пластового давления, введены в эксплуатацию 9360 км промысловых трубопроводов. Выполнено задание по вводу в действие семи промысловых компрессорных станций в Западной Сибири. Там же были сооружены объекты по компримированию попутного нефтяного газа в Западной Сибири на 2,67 млрд м³ газа в год. На газовых промыслах введены в действие 4 установки комплексной подготовки газа мощностью 63,5 млрд м³ газа в год.

Перестройка по Горбачеву

10 марта 1985 года после тяжелой болезни умер Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. На следующий день внеочередной Пленум ЦК КПСС объявил его преемником на этом посту М. С. Горбачева. В своей первой короткой речи Михаил Сергеевич сказал, что намерен продолжить курс Андропова, направленный на ускорение социально-экономического и научно-технического развития страны, совершенствование принципов демократии.

Кончилась череда назначений лидерами партии деятелей весьма преклонного возраста. Наконец-то избрали молодого, энергичного, дееспособного и непривычно активного руководителя. Как говорится, дождались! Уже одно это поднимало настроение людей, потому что проходившие год за годом похороны то одного, то другого лидера вызывали горькие чувства буквально у всех жителей Советского Союза. Надо было с этим кончать.

И вот наступил черед молодых. Назначение М. С. Горбачева было встречено с большими надеждами и, в общем-то, положительно. Физически он казался совершенно здоровым человеком, охотно встречался с людьми, говорил без бумажки, был охоч до поездок и по стране, и за рубеж. Учитывая огромную роль, которую играло первое лицо в партии и государстве, это вполне устраивало людей. Особых похвал в адрес Горбачева тогда не звучало, но люди были готовы поддержать его и взяться за дело. И к этому он активно призывал.

Горбачев стал активно использовать положение руководителя партии и обрушил на советских людей целый каскад своих выступлений. В мае 1985 года, выступая в Ле-

нинграде, он заявил о начавшемся в стране снижении темпов экономического роста. Особенно подчеркнул наметившееся отставание отечественного машиностроения. Также говорил о необходимости повышения жизненного уровня населения. На праздновании 40-летия победы над фашистской Германией в том же месяце он впервые за 20 лет упомянул в положительном контексте имя Иосифа Виссарионовича Сталина. Упоминание этого имени вызвало бурную овацию всех присутствовавших. Все подумали, что Михаил Сергеевич решил поправить Н. С. Хрущева, внести уточнение в вопрос о роли Сталина и отношении к нему. Однако в октябре 1987 года на Пленуме ЦК КПСС Горбачев выступил с докладом, в котором впервые откровенно было сказано о «преступной» роли сталинизма. Такая двойственность и непоследовательность была свойственна и всей политике Горбачева.

В мае 1985 года, как известно, новый руководитель СССР приступил к проведению антиалкогольной кампании под предлогом борьбы с пьянством, за оздоровление людей. Два года на селе активно вырубали виноградники, которые выращивали десятки лет. Под откос было пушено все виноделие в стране. Однако разом ведь невозможно перейти с одного образа жизни на другой, поэтому в стране началось в огромных масштабах самогоноварение. Это зелье унесло жизни десятков тысяч людей. Среди широких слоев населения росло недовольство. Люди не понимали, что происходит. Запретили употреблять спиртное даже во время праздников: дней рождений, свадеб и т.п., все это походило на какую-то издевку.

В июне 1985 года М. С. Горбачев выступил на экономическом совещании в ЦК КПСС и выдвинул радикальный лозунг «ускорения». Он решил взяться за научно-техническую революцию, призвав основательно изучить эту проблему и поставить научно-техническую революцию в нашей стране на солидную основу. По этому вопросу 11 июня 1985 года в Кремле было проведено специальное совещание, принято неплохое решение, хотя оно страдало отсутствием конкретики. Однако прошло совсем немного времени, и об этом мероприятии напрочь забыли.

В начале сентября 1985 года Горбачев совершил поездку в Тюмень. Необходимость этого вызывалась тем, что добыча нефти в СССР стала падать, а это серьезно сказывалось на валютных поступлениях. К этой поездке серьезно готовились. Предварительно в Тюмень прилетели

секретари ЦК В. И. Долгих и Б. Н. Ельцин, заместители председателя Совета министров СССР Н. К. Байбаков, А. З. Антонов, министры В. А. Динков, В. С. Черномырдин, Е. А. Козловский, В. А. Брежнев, А. И. Маерц, а также В. Г. Чирсков. Лично Владимир Григорьевич многого ждал от этой поездки и тщательно к ней готовился. К тому времени в нефтегазовом строительстве накопилось уже немало проблем, и присутствие в главном районе нефтедобычи Генерального секретаря и такого количества заинтересованных министров давало надежду на решение хотя бы части из них.

Позже Владимир Григорьевич вспоминал: «4 сентября мы все встречали Михаила Сергеевича в аэропорту города Нижневартовска. Он прилетел в Тюмень с Раисой Максимовной. В те годы подобные совместные поездки были, пожалуй, единственными негативными моментами, которые раздражали людей в действиях этой четы.

Раиса Максимовна хорошо и модно одевалась. Вещи ее в ту пору были сшиты или куплены за границей и выглядела она, украшенная оригинальными драгоценностями, весьма импозантно. Однако этого рабочие, все жители Тюмени, особенно женщины, тогда не поняли. Их раздражал наряд супруги генсека, в то время, когда жены и дети нефтяников и газовиков жили весьма скромно, нередко в бараках и передвижных домиках, а одевались так просто, что всякое появление нарядной Горбачевой перед народом вызывало раздражение, глухое молчание.

Оно усиливалось тем, что в ту пору Раиса Максимовна еще не имела специальной “женской” программы пребывания. Поэтому практически везде, от буровой до совещания актива, находилась вместе с мужем. Но, как бы ни было, в тот приезд Горбачева народ встретил с ликованием. Также вместе с Горбачевым прилетели Яковлев и Разумовский.

Из аэропорта на двух небольших автобусах сразу поехали на Самотлорское месторождение. Посетили объекты строительства Миннефтегазстроя компрессорные станции номер два и три, затем посетили нефтяной промысел и буровую.

День был теплый и солнечный, и когда мы подъехали к городу, то увидели, что огромные толпы людей вышли на улицы и при первой остановке так плотно окружали машины, что пробиться к генсеку было невозможно. Люди, не привыкшие видеть высоких гостей, шли “смотреть” на Горбачевых. Трижды Михаилу Сергеевичу пришлось выходить из машины, пока доехали до горкома партии.

Массы народа радостно и громогласно приветствовали генсека. Руководство области, не ожидавшее такой активности населения, растерянно озирались, надеясь, что все обойдется благополучно и программу пребывания Горбачевых в нефтяном краю удастся выдержать».

В горкоме партии были заслушаны сообщения нефтяников и геологов этого района. Затем 5 сентября Горбачев и министры перелетели в Уренгой, где посетили установку комплексной переработки газа и завод стабилизации конденсата. Там, в Уренгос, было заслушано довольно емкое сообщение В. Г. Чирскова о работе коллективов отрасли в Тюменской области. Также он доложил о том, что в работе его министерства уже сделано, что еще нужно сделать и что этому мешает. Сообщение сопровождалось показом на карте области важнейших объектов строительства. После завершения сообщения Раиса Максимовна попросила его эту карту подарить ей на память.

На улицах Уренгоя их ждало повторение Нижневартовска — было много народа, все приветствовали Горбачева. Он также останавливал кортеж и долго беседовал с людьми. В тот же день высокие гости перелетели в город Сургут, где была подготовлена выставка машин и оборудования. По нефтяному оборудованию давал пояснения В. А. Динков, а по машинам — В. Г. Чирсков. Данная выставка была сделана для того, чтобы продемонстрировать основные образцы машин и показать, где находятся советские образцы по сравнению с импортными. Владимир Григорьевич надеялся таким образом активизировать отечественное машиностроение. И нужно признать, что в какой-то мере ему это удалось.

6 сентября 1985 года в Тюмени состоялся актив Тюменской и Томской областей. М. С. Горбачев сказал вступительное слово, затем выступили В. А. Динков, В. С. Черномырдин, Г. П. Богомяков, А. Г. Мельников и еще 10 человек. Также выступил и В. Г. Чирсков. В своем выступлении он постарался показать огромные перспективы Западной Сибири в развитии нефтегазового комплекса страны, но особенно остановился на трудностях, которые испытывает нефтегазостроительная отрасль при выполнении работ в этом регионе.

В заключительном выступлении М. С. Горбачев сказал: «Дорогие товарищи! В этом зале сегодня собрались нефтяники и газовики, геологи и строители, транспортники и энергетики, хозяйственные руководители и ученые, пар-

Чирсков В. Г. — министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. 1984 г.

Встреча на Казахской земле: Н. А. Назарбаев, Н. К. Байбаков,
В. Г. Чирсков, Н. А. Мальцев. 1984 г.

Н. К. Байбаков с группой министров СССР.
Казахская ССР, Алма-Ата, 1984 г.

Г. П. Богомяков, М. С. Горбачев, Н. К. Байбаков, В. Г. Чирсков.
Тюменская область, г. Нижневартовск, 1985 г.

Руководители государства на объектах строительства Миннефтегазстроя
СССР. Тюменская область, г. Саяногорск, 1985 г.

Правительство страны на сессии Верховного Совета СССР.
Москва, Кремль, 1985 г.

Подписание контракта на строительство нефтепровода
в Республике Йемен. *Москва, 1988 г.*

Министры СССР: Е. А. Козловский, В. Г. Чирсков, В. А. Диньков,
Н. А. Мальцев. Астрахань, 1984 г.

В. Г. Чирсков на встрече с Фиделем Кастро.
Гавана, 1987 г.

Члены последней коллегии Миннефтегазстроя СССР.
Москва, 1990 г.

В. Г. Чирсков и Генеральный секретарь ЦК КПБ Т. Живков.
София, 1986 г.

На трассе газопровода Хаси-Мессауд — Оханет в пустыне Сахара.
Алжир, 1985 г.

На строительстве нефтепровода в Йемене. 1989 г.

На севере Тюменской области: Б. Е. Щербина, Г. П. Богомяков,
И. В. Чижевский, В. Г. Чирсков, И. П. Варшавский. 1986 г.

Члены Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев, В. П. Никонов
и заместитель председателя Совета министров СССР
Б. Е. Щербина на выставке Миннефтегазстроя СССР.
Московская область, Раменское, 1989 г.

Б. Е. Шербина и В. Г. Чирсков на Красной площади.
Москва, 1989 г.

Президент Академии наук СССР академик Г. И. Марчук вручает
В. Г. Чирскову Ленинскую премию. *Москва, 1988 г.*

Встреча В. Г. Чирскова с первым заместителем премьер-министра Ирака Т. Румаданом. *Багдад, 1989 г.*

Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков на объекте Миннефтегазстроя СССР. *Тюменская область, 1988 г.*

Удостоверение В. Г. Чирскова.

Жены руководителей СССР на первомайской демонстрации.
Москва, Красная площадь, 1988 г.

Встреча В. Г. Чирскова с министром ресурсов Нигерии Лукманом, Лагос, 1989 г.

Встреча по случаю 35-летия окончания техникума. В центре — руководитель группы Мирон Данилович Пученьян. Саратов, 1990 г.

Специалисты Миннефтегазстроя СССР в Институте сварки.
Пояснения дает академик Б. Е. Патон. *Киев, 1985 г.*

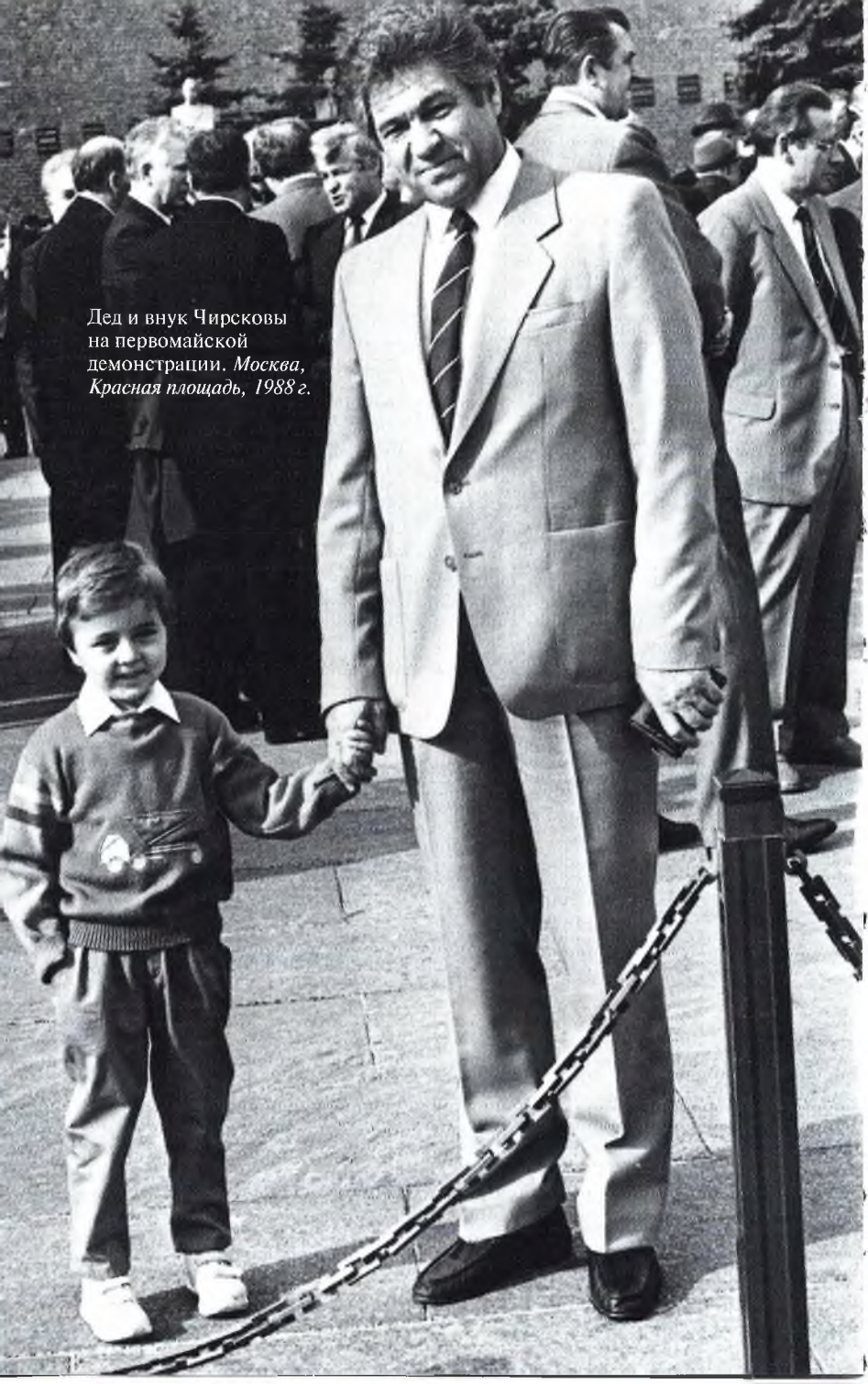
Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков
на стройках Миннефтегазстроя СССР. *Казахстан, Тенгиз, 1989 г.*

С руководителями Саратовской области: К. П. Мурениц, А. А. Хомяков,
В. Г. Чирсков, Н. С. Александров. *Саратов, 1989 г.*

Дед и внук Чирсковы
на первомайской
демонстрации. Москва,
Красная площадь, 1988 г.

тийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники Тюменской области — одного из крупнейших регионов Сибири.

Позвольте мне от имени Центрального Комитета нашей партии горячо и сердечно приветствовать вас и в вашем лице всех, кто своей самоотверженной работой, волей, энергией пробудил к жизни некогда глухие просторы и создал здесь главную топливно-энергетическую базу страны.

Для советского народа Тюмень стала символом трудового подвига сотен тысяч рабочих, специалистов, которые открыли и поставили на службу Родине богатейшие кладовые нефти и газа, в кратчайшие сроки создали среди тайги и болот, в приполярной тундре мощный индустриальный центр, преобразили облик Западной Сибири. Нефть и газ, добытые из ее недр, пришли за тысячи километров в самые отдаленные уголки нашей Родины, стали надежной основой дальнейшего роста ее экономического и оборонного могущества. Советские люди, партия гордятся вашими патриотическими делами, дорогие товарищи сибиряки!

Нефте- и газодобывающая промышленность — базовые отрасли нашей экономики, а Западно-Сибирский комплекс — сердце этих отраслей. Ритм его работы в значительной мере определяет успехи всего народного хозяйства, влияет на внешнеэкономические связи страны. Вот почему в экономической стратегии партии развитию этого комплекса отводится исключительно важная роль.

Центральный Комитет придает большое значение сегодняшнему совещанию, итогам его работы, тем практическим мерам, которые обеспечат дальнейшее развитие нефтяной и газовой промышленности, подъем производительных сил Сибири, да и в целом страны».

Затем Горбачев подробно остановился на задачах этого края. Дойдя до раздела строительства, он сказал: «Организации, которые ведут здесь работы, достаточно мощные. И коллективы строителей сложились хорошие. Опыт ими накоплен большой. Широко известно, что сибиряки — инициаторы многих начинаний, в том числе передового комплектно-блочного метода сооружения промышленных объектов. Сейчас они снова показывают пример новых решений в капитальном строительстве в условиях Крайнего Севера. Здесь на практике доказывают, что всю работу следует в основном сводить к предварительной подготовке и обустройству мест строительства, а затем — к монтажу, к сборке. Это очень правильный подход при ны-

нешних масштабах капитального строительства. А они поистине не знают себе равных. Здесь каждый год по объему работ как бы строятся два волжских автозавода, а каждые два года — БАМ».

Далее он сказал: «Мне думается, что нам надо и на уровне соответствующих министерств, и на уровне Госплана СССР отреагировать на проблемы строителей. Прежде всего речь идет о том, что у них маловато высокопроизводительной техники. И второе, что особенно беспокоит, — наиболее острое положение с жильем сложилось у самих строителей. Часть их, как мне говорили, длительное время живет в вагончиках. И в то же время мы сегодня услышали заявление министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности о том, что в планах на двенадцатую пятилетку объем жилищного строительства предусматривается меньше, чем в одиннадцатой пятилетке. Получается что-то нелогичное, не увязанное с масштабами предстоящих работ. Думаю, и вопросы технической оснащенности строителей, и вопросы улучшения их социальных условий заслуживают того, чтобы к ним еще раз вернуться и всесторонне осмыслить... Мой приезд в Тюменскую область был весьма полезный, я очень обогатил свой опыт».

Вполне понятно, что для работников Миннефтегазстроя СССР эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС звучали поручением для решения их наиболее острых проблем Госпланом и Госснабом СССР.

Я привожу отрывок из этого выступления М. С. Горбачева не случайно. Напомним, что это было вскоре после того, как он занял пост Генерального секретаря ЦК КПСС, как ему досталась огромная страна с активно развивающейся экономикой, хотя и не без проблем. Как любой опытный руководитель, он должен был выбрать направление главного удара и сосредоточить там основные усилия для того, чтобы добиться успеха. И Западная Сибирь была именно направлением такого удара, а ее потенциальные возможности и трудовые коллективы обеспечивали этот успех. Оставалось только одно — мобилизовать их на созидательный труд и всячески обеспечить материальными ресурсами. Поэтому визит Горбачева и членов правительства в Западную Сибирь в сентябре 1985 года ее жителями и всем советским народом был воспринят положительно.

В. Г. Чирсков вспоминает:

«После завершения актива у здания обкома партии Горбачев беседовал с трудящимися города Тюмени. Затем был

обед в узком кругу на озере Лебяжьем. За обедом Михаил Сергеевич сказал: «Хорошее впечатление, ехал воодушевлять, а получилось — сам воодушевился, министры молодые, дело знают». Во время проводов в аэропорту при прощании он мне сказал: «Ты понимаешь, что от строителей многое, если не все зависит, чтобы были газ и нефть, а значит, благополучие страны. Держись, мы обязательно будем помогать строителям»».

12 сентября 1985 года состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, посвященное поездке Горбачева в Западную Сибирь. Там Михаил Сергеевич сказал: «Огромное дело делается, главное впечатление — там хороший кадровый потенциал, люди — хорошие, энергетика — хорошая, есть на кого опереться; нужно помогать всей страной». Было принято одобрительное решение Политбюро, предлагающее разработать специальные мероприятия по итогам поездки.

Это была первая за всю историю поездки руководителя государства в этот важнейший для страны регион. Она дала хороший толчок для решения многих вопросов по разным направлениям дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса страны. Также надо сказать, что не всё, но многое из намеченного удалось реализовать. И это положительно сказалось на дальнейшем развитии нефтегазового региона.

В 1986 году, сразу после XXVII съезда КПСС, обстановка в партии и стране была приподнятой и творческой. Съезд выдвинул программу радикальных реформ под общей идеей ускорения социально-экономического развития общества. Эти реформы касались практически всех сторон жизни общества. Но довольно скоро выяснилось, что ускорить движение вперед, не осуществив глубоких преобразований, довольно сложно. Кроме того, существовали силы, которых вовсе не интересовало ускорение движения страны по пути научно-технического прогресса. Их больше привлекал слом существовавшей политической системы. В результате вектором приложения разнообразных сил стало камуфлирующее слово «перестройка». Из него не ясно было, что это такое, к чему приведут намечаемые довольно смутные обозначения сути перестройки. Само по себе слово в отечественном лексиконе ничего нового не представляло. Оно было в обиходе еще в 1960-х годах, а может быть и ранее. Многие помнили, как приход к власти Л. И. Брежнева потряс многие структуры управления страны, и чиновники по этому поводу шутили: «Держись стойко — началась перестройка».

Это не смущало Горбачева, а может быть, он просто не знал, что вся история послереволюционных преобразований в стране была по существу перестройкой. Это слово было снова выпущено генсеком на волю теперь уже на официальном уровне. Медленно, сначала изредка, потом все чаще оно внедрялось в обиход, символизируя, видимо, глобальные преобразования в стране. Апробировать слово «перестройка» генсек начал в одной из своих начальных поездок по Сибири и Дальнему Востоку. Сначала пару раз он употребил его в выступлении во Владивостоке. Затем широко характеризовал перестройку в стране в Хабаровске, хотя там он говорил о перестройке как ускорении социально-экономического развития общества. Расшифровку понятия «перестройки» Горбачев давал на протяжении всего времени пребывания у власти, постоянно ее изменяя.

В 1987 году, когда программа переделки Советского государства вступила в решающую стадию, Горбачев дал очередное определение этой программы: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция». Таким образом, высшее руководство КПСС видело задачу не в постепенном реформировании, а в изменении через слом, с разрывом непрерывности.

В январе 1987 года на Пленуме ЦК КПСС генсек впервые заявил, что советская система нуждается в глубокой демократизации. Он также объявил о разработке нового государственного законодательства, так как существующее, по словам Горбачева, безнадежно устарело. Первый этап перестройки (до непосредственного демонтажа структур Советского государства) представлял собой «революцию в сознании», связанную с лозунгом «гласность». Гласность была большой программой по разрушению образов, символов и идей, скрепляющих «культурное ядро» советского общества и укрепляющих гегемонию Советского государства. Эта программа была проведена всей силой государственных средств массовой информации с участием авторитетных ученых, писателей, поэтов, артистов. Успех программы был обеспечен полной блокадой той части интеллигенции, которая взывала к здравому смыслу, и полным недопущением общественного диалога — «реакционное большинство» высказаться не могло.

С приходом М. С. Горбачева стремительно рос по партийной линии А. Н. Яковлев. В июле 1985 года он был

назначен заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, в марте 1986 года избирается секретарем ЦК, в январе 1987 года — кандидатом в члены Политбюро и вскоре стал членом Политбюро. Владимир Григорьевич вспоминал: «Мое знакомство с Яковлевым состоялось во время поездки по Тюменской области. Так получилось, что в автобусах мы сидели рядом. Он задавал всевозможные вопросы, я отвечал. У меня сложилось впечатление, что этот человек совершенно не знает, чем живет страна и люди. Был удивлен, почему он занимается идеологией в ЦК КПСС».

Но, как видно, кому-то так было нужно. За короткое время Яковлев сменил руководителей многих журналов и газет. При этом главными редакторами периодических изданий назначались последовательные сторонники «десталинизации» страны. Вскоре была отменена цензура. В средствах массовой информации это получило название «политика гласности». Идеологическим стержнем «перестройки» стал евроцентризм — идея существования единой мировой цивилизации, имеющей свою «правильную» столбовую дорожку. По этой дорожке шел Запад, а Россия, особенно на советском этапе (а точнее — на этапе сталинизма и «периода застоя»), отклонялась от этого пути. Из этого выводилась концепция «возврата в цивилизацию» и ориентации на «общечеловеческие ценности». Главным препятствием на этом пути виделось «тоталитарное» Советское государство, а главной задачей — «разгосударствление».

В целом всей программе гласности был присущ крайний нигилизм — в общественном сознании был очернен образ практически всех институтов государства, включая Академию наук и детские сады, но главное — образ государственной системы хозяйства и армии. После создания негативных стереотипов началась реформа органов власти и управления.

Каждый этап реорганизации государственной системы обосновывался в ходе перестройки разными идеологическими концепциями. Они становились все более радикальными и все более отходили от главных принципов советского жизнеустройства.

По мандату долга

Авторитет отрасли нефтяного и газового строительства, завоеванный на протяжении десятилетий безупречным, крайне необходимым стране трудом, в зна-

чительной степени подкреплялся и активной советской работой. Правда, в нынешние времена слово «советский», производное, как известно, от совета, у многих россиян вызывает по меньшей мере ироническую усмешку — мол, знаем мы, кто кому советовал. Все шло оттуда, от партийной верхушки, не нуждавшейся ни в чьих советах. К сожалению, нужно признать, что так было и на самом деле.

Но также нужно признать и то, что «низы» вовсе не были бессловесными и безынициативными. Так, в системе Миннефтегазстроя депутатские обязанности разных уровней исполняли десятки тысяч рабочих и служащих. При этом подавляющее большинство из них делали эту трудную и хлопотливую работу, насколько хватало сил и полномочий, и, как правило, весьма и весьма успешно. Парадокс, но факт остается фактом, что депутат, даже получивший на безальтернативной основе пресловутые 99,9 процента голосов, выступал не как назначенец, а как доверенное лицо. Теперь, имея как бы двойной мандат доверия от рекомендовавшей его партии и пусть с большой натяжкой, но единодушно проголосовавшего за него народа, он сразу же оказывался под двойным контролем. С одной стороны, за его работой пристально следили вышестоящие партийные органы, с тем чтобы он не уронил оказанное ему доверие и тем самым авторитет партии. С другой стороны — избиратели, которые постоянно обращались к нему с различными вопросами и которые видели в нем доступного для них представителя советской власти. Поэтому были очень редкими случаи, когда народные депутаты не оправдывали оказанного им доверия.

Так и подмывает сравнить прежнюю ситуацию с ныне сложившейся. Вряд ли кто будет утверждать, что многие из сегодняшних депутатов, избранных по партийным спискам или «мажоритарке», являются большими народными заступниками, нежели прежние, «совдеповского», так сказать, призыва. И хотя внешне контроль также остается двойным, но один из контролеров с нездешней силой заставляет многих депутатов работать на себя. Это многочисленные финансовые и финансово-промышленные, а то и мафиозные группировки, интересы которых вовсе не совпадают с интересами и нуждами избирателей.

В. Г. Чирсков имел достаточно большой опыт депутатской работы, который он приобрел еще во время своего так называемого «тюменского периода». Тогда его избирали депутатом неоднократно. И он, одновременно являясь на-

чальником огромного строительного главка, по мере своих сил и возможностей старался помогать людям, тем более что многие из них были его работниками, ветеранами, членами их семей. Да и просьбы были понятны ему: в основном люди нуждались в ремонте жилья, лечении, устройстве детей в школы и дошкольные учреждения...

Когда ему однажды позвонил первый секретарь Башкирского обкома партии Мидхат Закирович Шакиров и без лишних предисловий предложил баллотироваться от республики в Совет национальностей Верховного Совета СССР, он, особо не раздумывая, согласился. Во-первых, предложение было лестным — в Башкирии, выходит, его не забыли. Во-вторых, это выдвижение было не с бухты-барашты — тогда в республике трудились несколько крупных подразделений отрасли. Наконец, Владимир Григорьевич пребывал в уверенности, что депутатская работа не только не мешает исполнению его основных должностных обязанностей, но и станет хорошим подспорьем для него, как руководителя ответственного строительства. Ведь, судя по тюменскому опыту, «отцы» города и области прислушивались к его голосу, и дело никогда не доходило до серьезных конфликтов. Он и думать не думал, что может быть по-другому.

На состоявшихся выборах Чирсков получил свои 99,4 процента голосов и уже месяц спустя посетил города Салават и Стерлитамак, чтобы в непарадной обстановке детально познакомиться с действительным положением вещей. Позже он вспоминал об этом визите: «Вот, представьте себе депутатский прием. Одни за другим входят избиратели. Пытаюсь между привычными бытовыми нащупать наиболее острые, всех касающиеся проблемы. Люди ведут себя скованно, настороженно. На дворе восемьдесят пятый год, самое начало “перестройки”... Под конец приема в кабинете объявилась целая группа немолодых уже людей “при параде” — в белых рубашках с галстуками. Интересуюсь: нужда с жильем? Отвечают, что с жильем полный порядок. Снабжение в городе отменное. Дети пристроены, хорошие заработки, престижная работа... Я уж и не знаю, о чем думать, а они говорят: воздуха здесь не хватает людям. Задыхается город, помогите!»

Владимир Григорьевич не ожидал, что к нему обратятся с этой просьбой. Но она прозвучала. И он, пожалуй, впервые подумал о том, что здесь одних его силушек не хватит. Несмотря на это, за дело взялся по привычке рьяно.

Детальная проверка с привлечением большого количества специалистов и экспертов показала, что загрязнение воздушного и водного бассейнов Стерлитамака и Салавата выше всяких пределов. Ежегодно предприятия Стерлитамака выбрасывали на головы 250-тысячного населения около двухсот тонн загрязняющих веществ. А по-иному и быть не могло, так как там не торопились выводить из эксплуатации старые производства, многим из которых было по двадцать и более лет, и они давно отслужили свое. Не лучшая ситуация наблюдалась и в здешних водах. В красивейшую реку Белую предприятия Стерлитамака и Салавата спускали каждый год свыше двухсот тысяч кубометров фактически отравленных сточных вод. Чего там только не обнаружили дотошные эксперты: и соединения хлора, и азота, и фенола, и ртути! Вся эта нечисть во много раз превышала предельно допустимую концентрацию.

Выводы были для республиканского, да и союзного руководства неутешительны. Крайне неблагоприятную экологическую ситуацию в районе Стерлитамака и Салавата специалисты объясняли систематическим нарушением плановых заданий по охране окружающей среды, отсутствием природоохранных объектов, низкой степенью оснащенности газоочистительными устройствами, систематическими нарушениями технологической дисциплины и т. д. Когда эти выводы были обнародованы, местные жители, вдохновленные депутатской поддержкой, стали открыто выражать недовольство очередной «напастью» — планируемым размещением в тех местах предприятий по производству пестицидов. Чирсков по данному вопросу решил незамедлительно встретиться с руководством Башкирии. По его признанию, очередная встреча с Шакировым была малоприятной. Он вспоминал: «Я прямо сказал Мидхату Закировичу, что в зоне бедствия придется какис-то предприятия непременно остановить, а какие-то запретить строить. Я убежден, что, выслушивая мои горячие доводы, он тогда впервые пожалел, что «пригласил» меня в депутаты. Он сказал, что я делаю чересчур скоропалительные выводы, и просил впредь не торопиться, так как значительная часть экономики республики держится на химическом производстве».

Безусловно, Шакирова можно было понять. Все эти мощности создавались при его активном участии, и ему явно было не с руки объявлять войну нарушителям экологического режима. Кроме того, нельзя было не учитывать и

такого решающего обстоятельства, что для Центра башкирская химия была предметом пристального внимания. Подрывать ее основы из-за экологических «пустяков» некоторые чиновники сочли бы слишком рискованным для своей карьеры. Все это Чирсков, конечно, брал в расчет. Тем не менее он твердо сказал Шакирову, что будет искать кратчайшие пути для решения башкирской проблемы. И хотя в это трудно поверить, ему — депутату и союзному министру, — несмотря на титанические усилия, удалось лишь немного и по мелочам сдвинуть это дело с мертвой точки. Когда он, огорченный неудачами, в очередной раз встретился с Шакировым, тот отнесся к его неудачам с пониманием. Он сказал, что здесь нужно выходить на самые верхи. При этом он, не отказывая в поддержке по ходу дела, все же не захотел быть инициатором выхода на те самые верхи.

Тогда Чирскову на помощь пришел первый секретарь Стерлитамакского горкома партии Александр Иванович Бурма. Они сообща выработали стратегию и тактику, которые не отличались особой затейливостью, но содержали некоторую «изюминку». В письме на имя М. С. Горбачева, написанном как бы жителями Стерлитамака, они, не считывая на то, что будут поняты правильно, решили проявить недозволенную по тем временам осведомленность и напомнили генеральному секретарю, что его супруга Раиса Максимовна оканчивала десятилетку в Стерлитамаке и может подтвердить, как плохо по сравнению с прежними временами обстоят дела с экологией в этом регионе.

«Мы, конечно, думали, что нам дадут по шапке за нарушение принятой этики, — признавался Владимир Григорьевич. — Но, очевидно, и здесь сказались “новые веяния”. Письмо, которое вполне могло затеряться в гигантской почте Генерального секретаря, явно благодаря упоминанию Раисы Максимовны, попало Горбачеву прямо на стол. После этого, ободренные успехом, мы организовали послание и от горожан Салавата. И машина закрутилась. Казалось, что на ноги были подняты все, кто имел хотя бы малейшее отношение к проблеме. Мигом была создана межведомственная комиссия, куда вошли представители союзных ведомств: Госкомгидромета, Минводхоза, Минхимпрома, Миннефтехимпрома, Минэнерго, Минздрава с участием ответственных работников ЦК КПСС и Совета министров...»

Я понимал, что Владимир Григорьевич сознательно перечислил всех «виновников» события, чтобы в последу-

ющем люди могли понять, как велик и непререкаем был авторитет партии, слово которой, считайте, по чистой случайности, буквально перевесило все прежние доводы специалистов, многолетние мольбы и жалобы населения, а также его депутатские усилия. Но это было такое время, и скрывать это нельзя. К сожалению, партия к тому времени уже настолько «переродилась», что подобные акции во имя народа стали большой редкостью.

Межведомственная комиссия, усиленная по настоянию В. Г. Чирскова представителями Стерлитамака и Салавата, подготовила целый ряд толковых предложений по мероприятиям, которые при соответствующей реализации могли бы к концу двенадцатой пятилетки снять уровень загрязнения атмосферы тех мест. Впрочем, окончательное решение о характере и масштабах предстоящего оставалось за Госпланом. Эти проекты вносили существенные изменения в задания пятилетки, в уже действующие постановления партии и правительства, и должны были определенным образом сказаться как на балансе сырьевых ресурсов, так и на уровне готовой продукции химических отраслей. Так что необходимое постановление Совета министров по этому поводу давалось нелегко.

Чирсков нередко встречал укоризненные взгляды: вот, мол, сам заварил кашу, сам и расхлебывай. Процесс согласований был нудным и отнимал массу времени от его основного занятия. Но он довел намеченное дело до конца. 14 июля 1987 года председатель Совета министров Н. И. Рыжков подписал постановление с обязывающим названием «О первоочередных мерах по охране окружающей среды в городах Стерлитамаке и Салавате Башкирской АССР».

Данная победа далась очень нелегко. Но тогда Владимир Григорьевич чувствовал удовлетворение. Думалось о том, что он не зря ел депутатский хлеб. Да и опыт вторжения в «чужую епархию» очень скоро ему пригодился. Бурные времена конца восьмидесятых подбрасывали всё новые и новые проблемы, которые с большим или меньшим успехом ему приходилось решать и на министерском, и на депутатском уровнях.

Глава седьмая

СЛОЖНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Городу не быть

Мощное газоконденсатное Ямбургское месторождение расположено в северо-западной части Ямало-Ненецкого округа — на Тазовском полуострове у Обской губы. Площадь его имеет форму, близкую к треугольнику, высота которого 170, ширина основания — 45 километров. Свое название эта подземная кладовая получила от существовавшей здесь фактории, которую основал в конце прошлого века известный мореплаватель и исследователь Крайнего Севера Кушелевский. Вероятно, он назвал селение Ямбургом в честь своего родного городка — ныне это Кингисепп в Ленинградской области.

Крайне суров этот заполярный тундровый край. Продолжительность зимы — не менее восьми месяцев. Морозы случаются под минус шестьдесят. Почти четыре месяца стоит глухая полярная ночь. Лето короткое и приходится в основном на июль — август. Средняя температура самого жаркого месяца составляет 13,5 градуса тепла. Здесь постоянно ощущается дыхание Арктики. Более 250 дней в году дуют сильные ветры, нередко со скоростью до 40 метров в секунду. И нет леса, который бы ослабил их напор.

Само слово «тундра» на языке коми означает «безлесная страна». Впрочем, нет на Ямбурге и «земли» в привычном понимании этого слова — сплошное болото. Набухший водой мох покрывает тонкий, в 40—50 сантиметров слой рыхлой почвы, под которой, куда ни кинь, залегает мощный пласт вечной мерзлоты толщиной 200—300 метров. По твердости такой грунт не уступает граниту. И — парадокс! — он крайне чувствителен к теплу. Все техногенные воздействия, приводящие к растоплению мерзлоты, губительны и для тундры, и для сооружаемых здесь объектов.

Эти особенности, с одной стороны, основательно затруднили бурение скважин, устройство фундаментов, рытье траншей, заставили искать новые способы строительства. С другой — обязали всех участников освоения проявлять максимум заботы о сохранении растительного покрова, надежной защите ледяной тверди от источников тепла. Экология! Фундаменты зданий и сооружений могли здесь строиться только на отсыпанных площадках. Однако местный льдистый грунт явно не годился для отсыпки дорог и территорий. Для подготовки площадок только в 1985 году пришлось доставить на Ямбург с Большой земли более миллиона кубометров песка. Правда, летом строители научились добывать и местный — когда грунт слегка оттаивал, его соскребали в карьерах в бурты и, «отцедив» воду, пускали в дело.

Но этим препятствия не ограничивались. Подземные воды Ямбура оказались непригодными не только для питья, но и для бытовых нужд. Воду пришлось брать из Обской губы, из близлежащих озер и речек. Можно представить, сколько пришлось затратить при этом труда и средств на сооружение насосных, очистных установок, сети водопроводов, снабженных специальными подогревающими устройствами.

Однако наиболее острой была все-таки проблема доставки материалов и оборудования. Лишь в конце 1986 года сюда подошла долгожданная железная дорога от Уренгоя. Еще позже вступил в строй аэропорт. Так что поначалу приходилось в основном рассчитывать на водный путь. Но и тут не все было хорошо. Навигация на Обской губе длится всего 50—60 дней. Причем здесь часто штормит. Непросто доставлялись сюда грузы и по зиме автотранспортом. В тундре надо постоянно бороться со снежными заносами — техники не напасешься, а до баз снабжения, которые находились в Пангодах и Надыме, были сотни километров.

С таким «букетом» трудностей строители встретились впервые. Многих он, мягко говоря, смутил. А некоторые дрогнули, даже из числа тех, кто прошел школу Медвежьего и Уренгоя: они-то лучше других знали, каково первопроходцам в Заполярье. «Нет, лучше уволиться, чем трубить, замерзая, на Ямбурге». Со временем страх рассеялся, во многом благодаря верно избранной стратегии обустройства капризной «кладовой».

До начала освоения Ямбура считалось само собой разумеющимся строить в нефтяных и газовых районах Севера

если не базовые города, то уж, на худой конец, поселки городского типа. Но всегда ли это было действительно нужно? Жизнь показала, что далеко не всегда. К примеру, как только истощились перспективные некогда месторождения, потеряли былое значение города Урай, Нефтеюганск, другие населенные пункты. Возникла масса проблем, в том числе содержание городов, трудоустройство их жителей. Ведь развивать на Севере производства, не связанные с добычей и переработкой местного сырья, экономически было явно убыточно.

Однако не сразу утвердилось мнение, что надо идти другим путем, осваивать труднодоступные нефтяные и газовые площади края вахтово-экспедиционным методом, используя при этом людские ресурсы «старых» нефтедобывающих районов Урала и Поволжья. А города и поселки развивать на юге Западной Сибири, что было бы важно для развития региональной экономики и больше бы отвечало интересам и потребностям человека.

Вплоть до середины 1980-х годов в крае стратегически главенствовал градостроительный вариант. Таковой была, в частности, позиция руководителей области, глубоко убежденных в том, что тюменские нефть и газ окупят любые затраты, поскольку объемы добычи обещали неуклонно расти на протяжении многих десятилетий.

«Как сейчас помню день 3 сентября 1985 года, — рассказывал Владимир Григорьевич. — В Тюменском обкоме партии — большой сбор. На совещании, посвященном проблемам градостроительства в области, присутствуют В. И. Долгих, Б. Н. Ельцин, Н. К. Байбаков, Г. П. Богомяков, В. А. Динков, В. С. Черномырдин, Е. А. Козловский, В. В. Никитин и другие. Доклад делает председатель Госгражданстроя И. Н. Пономарев. В центре обсуждения судьба Ямбурга. Тюменское начальство упорно настаивает на строительстве города.

Но мы с В. С. Черномырдиным не соглашались, упорствуем: город строить не нужно. Расчеты показывают, что на Ямбурге вполне можно обойтись хорошим вахтовым поселком со всеми удобствами. Это ускорит дело, сэкономит массу средств и, главное, избавит строителей от нечеловеческих перегрузок. По медико-географическим показателям Ямбургское месторождение находилось в зоне, абсолютно непригодной для жилья.

Противостояние длилось не один месяц. Станным образом ЦК КПСС и Совет министров СССР долго оста-

вались в этом споре в роли наблюдателей. Однако в конце концов наши расчеты, помноженные на здравый смысл, победили. Выслушав нас с В. С. Черномырдиным и доводы руководителей области, Н. К. Байбаков, В. И. Долгих и Б. Н. Ельцин принял нашу сторону — город Ямбург решено было не строить.

Совместным приказом нашего министерства и Мингазпрома все подразделения двух отраслей, осваивающие Ямбургское месторождение, были переведены на вахтово-экспедиционный метод работы».

Тогда впервые в стране громадный объем работ по обустройству и эксплуатации гигантской подземной кладовой взяли на себя так называемые «летающие бригады». И время показало, что решение, выстраданное В. Г. Чирсковым и В. С. Черномырдиным, было единственно верным. Город на Ямбурге, поглотив огромные средства и материальные ресурсы, наверняка оказался бы городом без будущего. Конечно, немалые затраты были сопряжены и с вахтовой организацией работ. Однако факт остается фактом: отказ от капитального освоения этих мест позволил сберечь более двух миллиардов долларов США, которые были истрачены на закупку нужной техники и оборудования. А сколько было сэкономлено человеческих сил и энергии — вряд ли поддается расчету.

Борьба за Ямбург

Первыми посетили Ямбургское месторождение летом 1980 года специалисты Главтюменнефтегазстроя В. П. Курамин, А. Н. Сухолюцкий, Ю. М. Луковский, К. С. Мохов, А. В. Осьмин и др. Проложив часть пути на катере и часть на вертолете, они обследовали восточное побережье Обской губы, выбирая место для сооружения причала и базового поселка. Помог местный житель, ненец Котыка Худи. Он подсказал, что лучшее место — устье впадающей в Обскую губу реки с мудреным названием Нюдямонготое-пока.

В январе 1983 года в пустынной тундре высадились первые десанты дорожно-строительного управления и автобазы Надымгазпромстроя во главе с В. Н. Бондаренко и В. Н. Фисенко. Не один месяц понадобился, чтобы отсыпать территории под базу буровиков, жилой поселок, вертолетную площадку и дороги между ними. Со сложнейшим

заданием успешно справились, героически выстояв под обжигающими морозами и вестрами, первопроходцы, имена которых нельзя не назвать. Это были П. Воронин, А. Клешнев, В. Клименко, Н. Бессонов, Н. Арсланов, Н. Белоус, В. Лукашев, А. Рыжков, С. Хейчетов.

Первые на Ямбурге объекты в блочном исполнении — котельную и водонасосную станцию, трансформаторную подстанцию и электростанцию, установку для очистки воды вводила в действие бригада ПММК-2 объединения «Сибкомплектмонтаж», возглавляемая Н. Н. Левченко.

Праздником для первопроходцев стал метельный майский день 1984 года, когда после завершения проходки первой эксплуатационной скважины был получен газ для местных нужд. После этого строители были обеспечены, пожалуй, самым большим дефицитом в тех краях — теплом, и можно было всецело отдаться работе.

Стройка перестала считаться второстепенной три месяца спустя, после постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, по которому освоение Ямбурга определялось как основное направление в реализации Энергетической программы страны.

В Надыме создается новое подразделение — Главямбургнефтегазстрой, начальником которого стал И. А. Шаповалов — опытный руководитель, один из инициаторов блочного строительства. Главным инженером назначили В. Г. Завизиона — грамотного инженера-строителя, прекрасного организатора, имевшего уже тогда многолетний опыт работы на Тюменском Севере. Благодаря этим разворотливым и решительным командирам главк сосредоточил на себе, казалось бы, все ближние и дальние интересы освоения.

Все же не будет ошибкой сказать, что по-настоящему Ямбург начинался, как говорится, в столицах — в Москве и не в последнюю очередь в Тюмени. В начале августа 1985 года на заседании Политбюро ЦК КПСС были рассмотрены вопросы увеличения добычи нефти и газа в Западной Сибири в период до 1990 года. По итогам этого заседания приняли специальное постановление. В нем были поставлены задачи по освоению Ямбургского газоконденсатного месторождения и созданию мощностей по добыче и транспорту более 200 млрд м³ газа в год. Это был один из самых крупных просктов на то время.

В начале сентября 1985 года, в разгар монтажных работ, В. Г. Чирсков предложил посетить площадку по сборке су-

перблоков в Тюмени секретарю ЦК КПСС Б. Н. Ельцину. Тот охотно принял предложение. Генеральный директор объединения В. А. Аронов подробно ознакомил Ельцина с комплексно-блочным методом строительства. После посещения площадки Борис Николаевич сказал Чирскову, что много слышал о прогрессивном методе, но то, что увидел, — полная неожиданность. Он предложил развивать этот метод, обещая свою поддержку. И после этого дело пошло. Если в 1985 году было изготовлено 29 суперблоков, то в 1988-м — уже 40.

Ну, а построенным в Тюмени с такими трудностями и заботами блок-понтам предстояло преодолеть 2560 километров водных трасс, следуя к Ямбургу по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и штормовой Обской губе. Это был нелегкий путь. Судоводителей Обь-Иртышского пароходства, буксирующих плавучие здания, ждали коварные, извилистые форватеры, мели и непогода. Все восемь блоков повел из Тюмени капитан В. Н. Бортник. У входа в Обскую губу караван пришлось расформировать, разбить на пары. В Обской губе штормило. Южные ветра, выгнав воду в Карское море, сделали почти непроходимым участок под названием Надымский бар, который можно было преодолеть только налегке. От Тюмени до Ямбурга караван шел месяц с лишним.

Непросто было доставить блоки на территорию будущей установки комплексной подготовки газа (УКПГ-2). Первая задача — выбор места выгрузки. Надо и чтобы берег был пологим, и чтобы трассу, проложенную от этой площадки до газового промысла, не пересекали реки, а их здесь множество, крутые обрывистые каньоны. И пока шла сборка суперблоков в Тюмени, не менее напряженно велись изыскательские работы в тазовской тундре. Площадку нашли в десяти километрах от Ямбургского порта, между устьями двух впадающих в Обскую губу речек. Отсюда наметили трассу к газовому промыслу, вроде бы удовлетворяющую всем требованиям.

Своеобразным «ключом» к Ямбургу стало сооружение из суперблоков первой установки комплексной подготовки газа. Эта установка была смонтирована из 28 блок-понтонных по 300—400 тонн каждый. Транспортировка по реке и монтаж из них установки комплексной подготовки газа на месте в сложных условиях Севера было осуществлено впервые в практике строительства таких объектов.

Под нажимом партийных органов строители и работ-

ники газовой отрасли осуществили досрочный ввод в строй Ямбургского газоконденсатного месторождения, плановый срок сдачи которого был намечен на 1987 год. А всего в том году было завершено строительство установок комплексной подготовки газа общей мощностью 81,2 млрд м³ газа в год. И уже в сентябре 1986 года «голубое топливо» с Ямбура начало поступать в Единую систему газоснабжения страны. Для этого в 1986 году был введен в строй магистральный газопровод Ямбург — Елец I протяженностью 3146 км и производительностью 32,5 млрд м³ газа в год.

Большой газ Ямбура был «замечен» правительствами многих европейских стран, которые были заинтересованы в его получении. Советский Союз со своей стороны был не против заключения выгодных для него экспортных договоров. 29 января 1987 года заключается советско-польское соглашение о совместном освоении Ямбургского месторождения и строительстве газопровода Ямбург — Западная граница СССР «Прогресс». Было подписано соглашение о поставках советского газа в Болгарию, Венгрию и Польшу.

В 1987 году был введен в строй второй газопровод Ямбург — Елец II (3146 км), а на месторождении созданы мощности по добыче 53 млрд м³ газа в год. В 1988 году вступили в работу газопровод Ямбург — Западная граница СССР «Прогресс», протяженностью 4366 км и газопровод Ямбург — Тула I протяженностью 2146 км. В 1989 году сдан в эксплуатацию газопровод Ямбург — Тула II, протяженностью 2146 км. И, наконец, в 1990 году был введен в строй газопровод Ямбург — Поволжье (2740 км), а на Ямбургском месторождении были введены в строй еще три (последние) установки комплексной подготовки газа

Все шесть газопроводов с Ямбура имели диаметр 1420 см и производительность 32 млрд м³ газа в год каждый. В результате много лет страна получала с Ямбура ежегодно по 180—185 млрд м³ газа, а за 40 лет с момента пуска получено более шести триллионов м³ газа, и добыча продолжается.

Создание данного крупного нефтегазового комплекса в сложных климатических условиях Арктики и строительство шести крупных газопроводов в столь короткие сроки было первым в мире. Здесь был проявлен, по-другому и не скажешь, трудовой героизм коллективов Миннефтегазстроя СССР и Мингазпрома СССР. Стройку все эти годы курировали лично министры В. Г. Чирсков и В. С. Черномырдин, которые непосредственно отвечали перед ЦК КПСС и правительством СССР за ее результаты. И, нужно сказать,

ответственность эта была весьма строгой, так как в своевременном экспорте советского газа были заинтересованы ряд стран Совета Экономической Взаимопомощи. Поэтому докладывать приходилось часто и на самый верх, где спрашивали как по партийной, так и по хозяйственной линии. Поэтому борьба за Ямбург для Владимира Григорьевича стала особым периодом его трудовой жизни, о котором он всегда вспоминал с волнением и гордостью.

«Летающие бригады»

Предыдущее повествование должно было убедить читателя в том, что при освоении труднодоступных северных земель решающим является «человеческий фактор». В самом деле, какой бы современной техникой ни обладал строитель, каким бы почетом ни окружались его деяния, если он вовремя не накормлен, не отдохнул в нормальных условиях от трудов праведных, если он подолгу живет в отрыве от родного дома, не имея возможности увидеться с родными, если, наконец, находясь в экстремальной ситуации, он лишен возможности видеть жизненную перспективу для себя и своих близких — не надейтесь на магическое свойство «длинного рубля». Изменились времена, возросли потребности, и порой человек готов поступиться заработком, предпочитая цифрам со многими нулями содержательный труд и привычные, если не комфортные, условия существования.

В этом смысле весьма показателен опыт Ямбура. Чтобы справиться с напряженными планами освоения, Главямбургнефтегазстрой должен был, кровь из носа, создать за короткий срок ряд новых подразделений, привлекая на строительство тысячи людей. Это было непросто. В Надыме и Новом Уренгое людей, ищущих работу, практически не было. Не было и возможности с ходу подготовить столько жилья, чтобы принять и поселить в этих городах требуемое количество специалистов. Проблему решил вахтово-экспедиционный метод, разработанный в деталях в Миннефтегазстрое СССР.

В Москве, Ленинграде, Киеве, Алма-Ате, Краснодаре, Уфе, Ростове, Набережных Челнах из местных жителей, желательно имеющих строительные профессии, под эгидой министерства были сформированы бригады и даже целые строительные управления. Работники этих новоявленных

подразделений, проходившие, кстати, прямо на месте необходимую профессиональную подготовку, должны были по очереди прилетать в тюменское Заполярье и, отработав свою вахту, возвращаться на отдых домой.

Выгоды были налицо. Отпадала необходимость вести в северном регионе широкое жилищно-бытовое строительство, снимать с мест тысячи и тысячи людей, которые, как ни запрещай, норовили прибыть на места работы с семьями. А это очень скоро усугубляло ситуацию, создавая проблему незанятых рук. Кто бывал в молодых северных городах, тот знает: помимо того, что на каждого работающего на стройке или на трассе приходилось по два, а то и три занятых в сфере обслуживания, без дела сидело большинство жен — при абсолютном мужском характере дееспособности на каждую рабочую мест не напасешься. Но семьи там создавались, а женщинам рожать не запретишь. В результате едва «проклюнувшиеся» города начинали расти как на дрожжах. Вернее, стремительно обрастать за счет «временки»: вагончиков, шитовок, печально знаменитого «самостроя». Словом, люди, сами того не ведая, множили неустроенность, лишали себя земных радостей, откладывали на потом учебу, самообразование.

Новый вахтово-экспедиционный метод ставил всему этому решительный заслон. Правда, сегодня можно услышать, что этот метод был применен исключительно ради экономии средств, которые, мол, бездарно вбухивались в неперспективное жилищное строительство на «северах», и забота о человеке здесь ни при чем. Весьма спорное утверждение, хотя бесперспективность иных городов была очевидна. Они умирали и продолжают умирать по мере истощения близлежащих месторождений. Именно это обстоятельство помогло Миннефтегазстрою в конце концов доказать нецелесообразность строительства города на Ямбурге. Хотя, нужно признать, вахтово-экспедиционный метод все же экономил или, правильнее сказать, щадил человеческие силы и возможности. Что до серьезной экономии государственных средств, здесь не станем особенно горячиться. Можно посчитать, во что обошлась масштабная программа, затрагивающая все аспекты вахтовой организации работ, и станет ясно, на чьей же стороне оказался выигрыш.

В Надыме — базовом городе строителей газового Заполярья — специально для вахтовиков построили просторный зал ожидания и гостиницу возле аэропорта. Общежи-

тия-гостиницы появились у каждого треста. Был построен аэровокзал и на Ямбурге. Много было сделано для улучшения условий жизни вахтовиков. Работающих обеспечили местами в столовых, построили сеть магазинов, спортивные залы, клубы. Был введен жилой модуль финской постройки на 1300 человек.

Для решения всего круга проблем, связанных с вахтово-экспедиционным методом обустройства Ямбурга и месторождений Ямала, было создано первое в отрасли и стране экспериментальное хозяйственное управление «Арктваханефетазстрой». Возглавил его заместитель начальника Главка Геннадий Григорьевич Кудрявцев — ветеран Севера, опытный организатор, высококвалифицированный специалист. Прежде всего, это подразделение взяло на себя налаживание нормального быта и отдыха людей в общежитиях-гостиницах, на аэровокзалах, в вахтовых поселках.

Немалые усилия были направлены также на упорядочение всей системы использования «летающих бригад». Наплыв желающих поработать вахтовым методом при довольно-таки сомнительном профессионализме многих был столь велик, а авиаперевозки столь дороги, что пришлось резко сократить число регионов, «поставляющих» вахтовиков. Главная же цель на перспективу состояла в том, чтобы свести к минимуму межрегиональную вахту и использовать резервы «короткого плеча»: на юге Тюменской области было достаточно своих трудовых ресурсов.

Чтобы реализовать эту программу, были резко повышены темпы строительства жилья в Надыме, откуда впредь должны были стартовать вахтовики тюменского «разлива». Решено было в перспективе построить город-спутник на юге области в Ялutorовском районе. Здесь предусматривались не только благоустроенные жилые дома, школы, детские сады, санаторий, пионерский лагерь, намечено было создать сельскохозяйственный комплекс, в котором могли бы работать члены семей вахтовиков, а продукция комплекса поставлялась бы напрямую на Север. Данное решение представлялось особо важным. С создания таких «спутников» должно было начинаться освоение отдаленных нефтегазоносных районов Сибири. Это позволило бы не только сберечь огромные денежные и материальные ресурсы, но и решить множество житейских проблем, обеспечить смычку индустриального севера и сельскохозяйственного юга региона. Для этого В. Г. Чирсков вместе с Богомяковыми и Шаповаловым побывал на месте, где

предполагалось построить этот город. Много было уже сделано для того, чтобы южный спутник Ямбурга стал на ноги. Был подготовлен проект, на отведенном участке уже создали подсобное хозяйство. Но осуществление замысла из-за сложившейся в стране обстановки в конце 1980-х годов пришлось отложить.

Тогда руководители Миннефтегазстроя СССР вплотную подступили и к решению застарелой, больной проблемы, вероятно, всех без исключения организаций, осваивающих Север. Многие из тех, кто отработал свое в тех местах и не имел на Большой земле ни кола ни двора, оказывались в незавидной ситуации — некуда было податься на склоне лет. А ситуация усугублялась, если к тому же человек был обременен семьей. Проблема, конечно, частично решалась за счет накопления «северных». Но это если человек был рачительным, а если нет — устраивайся, как Бог даст. Прямо говоря, подобная перспектива отпугивала от Севера ценных работников во все времена. С другой стороны, нельзя было не порадовать людям, которые с честью отслужили свое и по всем статьям заслужили нормальное жилье в красивом, тихом, теплом месте.

В связи с этим существовала социальная программа, предусматривающая строительство жилья для северян в разных городах страны. И кто был поактивнее, почеловечнее и поразворотливее, тот добивался своего. Здесь безо всяких оговорок можно назвать начальника арктического главка Игоря Александровича Шаповалова. По его инициативе под Ленинградом было построено и заселено три многоэтажных дома на 260 квартир. Ранее Шаповалов добился для своих работников жилья в Нефтекамске и Тюмени.

В архиве В. Г. Чирскова сохранилась вырезка из «Тюменской правды». В ней, помимо описания красот, имеются некоторые штрихи, характерные для выполнения принятой отраслью программы строительства жилья для трассовиков в центре России. Нужно признать, что там их далеко не везде встречали с распростертыми объятиями. «По этому вопросу пробовали договариваться с руководителями Калининской области, — пишет корреспондент. Видя важность проблем, за дело взялся начальник главка И. А. Шаповалов, который лично объехал несколько районов. Сначала остановились на старинном волжском городке Зубцове, но там не устроила транспортная схема. Зато полностью подошло Конаково — город, расположенный

на границе с Московской областью, в ста километрах от столицы, на правом берегу Иваньковского водохранилища, называемого еще Московским морем. Красота, особенно летом, в тех местах неописуемая, много воды, кругом леса, преимущественно это сосновые боры, где полно грибов и ягод. Словом, почти курортная зона. Естественно, поселиться в столь благодатном крае желали многие, о дачниках и говорить не приходилось. Поэтому надымчанам пошли навстречу лишь после того, как они пообещали, в свою очередь, содействовать развитию не только Конакова, но и всей Калининской области».

Для сооружения жилья в Конакове без проволочек было создано самостоятельное строительное управление. Задача была сформулирована И. А. Шаповаловым с присущим ему размахом — возвести для севзян поселок из многоэтажных домов на три тысячи человек, а также 75 особняков с приусадебными участками. И эта задача была успешно выполнена — к концу 1990 года в этом поселке справили новоселье первые семьи работников объединения «Арктикнефтегазстрой».

Необходимо обратить вниманис читателя еще на одну важную проблему. Выйдя на Ямбургское месторождение, газовики и строители не просто переместились на очередную рабочую площадку. Они оказались в уникальной природной зоне, отличающейся исключительной экологической хрупкостью. Неосторожное хозяйничанье способно было нанести ей непоправимый ущерб, долго не заживающие раны. Не случайно в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 августа 1984 года указывалось, что ускоренную разработку этого месторождения необходимо осуществлять в сочетании с мероприятиями по охране природы. К сожалению, своевременное напоминание не было подкреплено надлежащим контролем, финансированием природоохранных работ.

Неизбежность нарушений природного ландшафта предопределило уже одно то, что люди, осваивавшие тундру, не имели экологически чистой транспортной и строительной техники. Нельзя было использовать здесь обычные гусеничные машины в теплое время года: они сдирали тонкий почвенно-растительный покров, и на поврежденных участках начиналось интенсивное таяние вечной мерзлоты, образовывались непроходимые промоины. Казалось бы, этого можно было избежать, заранее отсыпав грунтом дороги и площадки. Но перед отсылкой на осваиваемой территории

должны быть проведены изыскательские работы, а они возможны лишь в летний период, когда даже легкие трактор и вездеход основательно повреждают тундровый покров. Тяжелые же строительные машины нарушают его и зимой. По сути, «ушли» (конечно, не по своей вине) от разработки природоохранных решений проектные организации заказчика — Мингазпрома.

Соответствующий раздел в проектах порой «носил чисто условный характер», как писала в 1988 году «Строительная газета». Более определенно высказался по этому поводу в той же газете управляющий трестом «Ямбургспецгазстрой» В. В. Гродзинский: «Проектно-сметная документация в ее природоохранной части десятилетиями практически не менялась. Почитайте ее и убедитесь — одни общие фразы. Запрещают ездить по тундре, но ни рубля не предусмотрено на опережающую прокладку сети технологических дорог. Даны советы по рекультивации земель... но нет ни смет, ни технологии восстановительных работ. Все то же остаточное финансирование очистных фильтрационных и утилизационных сооружений: достраивают их лишь через годы, когда уже природа потравлена и загублена...»

Миннефтегазстрой СССР в 1987 году создал здесь первое в стране специализированное управление природоохранных работ (СУНР). Его возглавил В. Н. Трофимов — один из ветеранов Севера, всегда ратовавший за бережное отношение к этой земле. Не было случайным и то, что необычное подразделение сформировали в составе треста «Ямбургспецгазстрой». Молодой управляющий трестом В. В. Гродзинский (ему было тогда чуть больше тридцати) уже не раз деятельно проявил себя, защищая природу. В главке организовали комплексный отдел научных исследований и проектирования природоохранных работ. Руководителем его стал С. Д. Масалкин.

Работа началась с изучения материалов экологических исследований, проведенных региональными отраслевыми и академическими институтами. В результате пришли к неутешительному выводу: несмотря на усилия ученых в области охраны природы Крайнего Севера, нет единой комплексной системы реализации научных разработок. Немаловажным был и такой вывод: гораздо выгоднее вкладывать средства в природоохранные мероприятия, чем в восстановительные работы.

С участием специалистов министерства, отраслевой науки и работников Главямбурггазстроя в Надыме создали

инициативную группу научных работников из ведущих отраслевых и академических НИИ. В группу вошли геологи, почвоведы, гидрологи, геоботаники, специалисты по агрохимии и земледелию. Исследования развернулись в двух направлениях: поиск оптимальных технологий опережающего природоохранного строительства, основанных на создании противозатратного, эколого-экономического механизма, и разработка технологий восстановительных работ на газодобывающих комплексах Ямбурга, Медвежьего, Уренгоя.

Провели тщательное обследование поврежденных участков. На основе анализа данных была разработана проектно-сметная документация, и началась рекультивация земель. Важно, что среди строителей был проведен экологический всеобуч, и уже в 1989 году с правилами охраны окружающей среды познакомились все работающие на Ямбургском месторождении.

Надым как бы бросил вызов существующей стратегии освоения — брать не медля и как можно больше, богатства недр всё окупят. Это, строго говоря, была стратегия на час. Когда в Надыме был открыт музей окружающей природы, когда на трассах появились патрули экологической службы, когда молодой тракторист не посмел зачерпнуть ведром из-под солярки воду из тундровой речки — тогда и наступил переломный момент в отношениях человека и природы.

...Первая на Ямбурге установка комплексной подготовки газа — УКПГ-2 — была введена в строй в 1986 году на полгода раньше установленного срока. А вскоре от Ямбурга в европейскую часть страны протянулись шесть сверхдальних трубопроводов диаметром 1420 миллиметров. Как и предыдущие шесть газовых магистралей от Уренгоя, они были построены в сжатые сроки, всего за пять лет.

Глава восьмая

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Курсом перестройки

С 25 февраля по 6 марта 1986 года в Москве проходит XXVII съезд КПСС. М. С. Горбачев называет время правления Брежнева эпохой застоя и настаивает на проведении глубоких реформ в управлении экономикой и на необходимости демократизации общества.

Съезд впервые признает, что полностью выполнить задания прошедшей 11-й пятилетки не удалось. Михаил Сергеевич не побоялся обгадить своих предшественников. Было признано, что многие отрасли, в том числе и нефтяная промышленность, не выполнили производственных задач. В то же время отмечаются достижения в газовой промышленности и в Министерстве строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. В. С. Черномырдин и В. Г. Чирсков выглядели именинниками. Сказались результаты их совместных созидательных усилий, плодотворного труда огромных коллективов работников.

На съезде принимаются новая редакция программы партии (курс на строительство коммунизма), новый устав и основные направления плана экономического и социального развития страны на 1986—1990 годы и до 2000 года. В этом плане на газовую промышленность возлагаются особые надежды. Для более динамичного развития топливно-энергетического комплекса страны при Совете министров создается специальное Бюро во главе с заместителем председателя Совета министров СССР Б. Е. Щербиной, в состав которого вошли В. С. Черномырдин, В. А. Динков, В. Г. Чирсков и другие министры. Но эта структура, созданная по конкретному направлению народного хозяйства, на практике оказалась бесправной и себя не оправдала.

20 апреля 1987 года Президиум Совета министров СССР рассмотрел вопрос о перестройке деятельности ми-

нистерств. В предложенном проекте было много противоречий. Министры предлагали главные управления в отрасли сохранить, а хозяйственный совет, как высший орган министерства (как предлагалось) не создавать, оставив коллегию. Министров поддержал Б. Е. Щербина, который резко выступил против надуманной надстройки в системе управления.

Но, судя по всему, этот «пробный шар» в Совет министров вбросил сам Горбачев. Поэтому Н. И. Рыжков, подводя итоги заседания, постарался как-то смягчить обстановку. Он сказал:

— Этот вопрос лучше принять за основу, так как министры высказали серьезные замечания по хозяйственному совету, заняв жесткую позицию. Поэтому наотмашь не нужно бить. Надо придерживаться принципа единоначалия, но необходима и демократия.

Проходили различные совещания на самом высоком уровне: секретариат ЦК, пленум «О задачах партии по улучшению управления экономикой» и т. д. При этом не было конкуретных дел, и страна «тонула» в словах. Но едва ли не на каждой кухне говорили о Б. Н. Ельцине, пересказывая его конфликт с М. С. Горбачевым. Политические разборки не оставляли места для экономики.

Правда, газовая и строительная отрасли, несмотря на общий спад экономических показателей в стране, развивались достаточно уверенно. Но М. С. Горбачев и его ближайшее окружение упорно настаивали на радикальных переменах. Все настойчивее звучало слово «перестройка». По мнению ее авторов, она должна была начать прежде всего с высших звеньев управления отраслями народного хозяйства.

Между тем интерес в мире к советскому газу все возрастал. 3 июня подписывается контракт на 1987—2011 годы с румынской фирмой «Ромгаз» о ежегодном транзите через Румынию 0,8 млрд м³ газа в Турцию и Грецию. По Ямбургскому соглашению 1986 года были начаты поставки газа в Венгрию.

25 июня состоялся Пленум ЦК КПСС с повесткой дня «О задачах партии по управлению экономикой». В своем докладе Н. И. Рыжков признал провал курса на «ускорение», на повышение самостоятельности предприятий (самофинансирование, хозрасчет). На этом пленуме укрепляются позиции М. С. Горбачева: членами Политбюро становятся Н. Н. Слюньков, А. Н. Яковлев, В. Никонов.

Правда, конкретного механизма решения назревших экономических проблем предложено не было.

В июле по итогам пленума и последовавшей за ним сессии Верховного Совета СССР было опубликовано 10 постановлений: о перераспределении полномочий по вертикали (центральные органы — министерства — предприятия) и по горизонтали (децентрализация по регионам), о смягчении системы обязательного планирования, о пересмотре цен и системы ценообразования, о постепенной замене системы централизованного снабжения оптовыми рынками, об оживлении банковской деятельности.

30 июня 1987 года выходит закон о государственном предприятии, который должен был вступить в силу с 1 января 1988 года вместо устава 1965 года. По новому закону предусматриваются выборность директора, хозрасчет и самофинансирование, возможность банкротства предприятия, учреждаются советы трудовых коллективов.

30 сентября 1987 года принимается постановление о переводе научных организаций на хозрасчет и самофинансирование. Впервые за годы советской власти отечественная наука и научные кадры лишаются государственного финансирования и переводятся в режим самовывживания в условиях надвигающегося экономического кризиса. В последующем это привело к развалу отраслевых научных центров и к оттоку лучших ученых за рубеж.

4 декабря 1987 года состоялась вторая и последняя встреча министров СССР с первым руководителем страны. Разговор шел о переходе отраслей на хозрасчет и договорную поставку материальных ресурсов.

Несмотря на экономические трудности, газовики и строители завершили 1987 год с высокими показателями. В том году было сдано в эксплуатацию 23 тыс. км трубопроводов, в том числе 11,8 тыс. км магистральных. Полностью закончено строительство магистральных газопроводов Ямбург — Западная граница СССР, Ямбург — Тула I (2946 км), Багандинская — Омск, Газли — Чимкент, а также выполнено поручение правительства по досрочному вводу в действие 600-километрового участка магистрального газопровода Ямбург — Тула II. Развернулись работы на двухниточной системе Северные районы Тюменской области (СРТО) — Урал. Сооружение первого 616-километрового участка этого газопровода с севера Тюменской области позволило начать подачу газа на Омск — Новосибирск — Новокузнецк. Построен первый крупный на Даль-

нем Востоке газопровод Оха — Комсомольск-на-Амуре, что явилось весомым вкладом в реализацию долговременной программы развития производительных сил этого экономического района.

Введен в действие газопровод Макат — Северный Кавказ, позволивший повысить обеспеченность газом Закавказские республики. Построены газопроводы Кременчуг — Анапьев — Черновцы — Богородчаны и Починки — Ярославль. Сданы в эксплуатацию нефтепровод Уренгой — Холмогоры и продуктопровод Великий Анадолъ — Мелитополь с отводом в Бердянск. По Ямбургскому месторождению менее чем за год сданы мощности 53 млрд м³ газа в год. Обеспечен ввод мощностей по добыче и переработке 1,5 млрд м³ газа на газоперерабатывающем заводе в Узбекистане. На магистральных газопроводах введены в действие 46 компрессорных станций в полном объеме, то есть с запланированным числом агрегатов.

В 1987 году выполнены установленные задания по вводу в действие основных объектов на нефтяных месторождениях. Только в Западной Сибири введены в разработку 24 новых нефтяных месторождения. На промыслах сданы в эксплуатацию 10 установок подготовки нефти, 6 газлифтных компрессорных станций, нефтеемкости вместимостью 1,3 млн м³, проложено 10 тыс. км промысловых трубопроводов.

Специалисты Миннефтегазстроя совместно со специалистами Мингазпрома в 1987 году построили первую отечественную автоматизированную блочную газлифтную компрессорную станцию на Саматлорском месторождении. Создав мощности на 2,7 млрд м³ в год, строители реализовали программу по сооружению объектов, связанных с повышением уровня использования попутного нефтяного газа в Западной Сибири. Кроме того, в Казахстане силами организаций Миннефтегазстроя был введен в действие крупный комплекс по обеспечению водой Тенгизского нефтяного месторождения и прилегающих к нему поселков.

Дорогами прогресса

Трубопроводы — древнейшее сооружение человека. И далекие наши предки, и более близкие предшественники строили их осмысленно, с высокой инженерной культурой, соответствующей знаниям своего времени.

Трубопроводный бум второй половины двадцатого столетия потребовал создания принципиально новых технологий, материалов, оборудования, изменивших привычное представление об этих инженерных сооружениях. Да это и понятно. Сама механофизикохимическая система современных трубопроводов и ее взаимодействие с природной средой представляет собой сложный наукоемкий комплекс.

Для решения проблем трубопроводного строительства потребовалось содружество наук.

Необходимо было разработать теорию расчета трубопроводов на прочность и надежность, методы защиты их от коррозии, новые технологические процессы, средства механизации, обеспечивающие повышение темпов и качества работ.

Для выполнения такого комплекса задач стала формироваться отраслевая наука. В решении этих задач важнейшую роль сыграл организованный в 1948 году Всесоюзный научно-исследовательский институт «Стройнефть». В 1958 году он был переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт по строительству магистральных трубопроводов — ВНИИСТ. Именно здесь начались планомерные и целенаправленные научные исследования по всем вопросам трубопроводного транспорта. В создании института, его организации и становлении принимали участие Н. К. Байбаков, Л. Б. Сафразян, А. К. Кнорре. Возглавил институт видный ученый, доктор технических наук, профессор, действительный член Академии строительства и архитектуры СССР Б.Н. Жемочкин.

За короткий срок ВНИИСТ превратился в головной научный центр, разработки которого оказали большое влияние на повышение технического уровня проектирования и отраслевого строительного производства.

К моменту организации Миннефтегазстроя СССР в 1972 году трубопроводными проблемами занимались ученые ВНИИСТа и специальное конструкторское бюро (СКБ) «Газстроймашина» с филиалами. Этот период характеризуется большой задолженностью науки в решении насущных и перспективных задач отрасли. К тому же министерству поручалось изучение, проектирование и сооружение систем для гидротранспорта угля и рудных концентратов, а также разработка сложнейшей проблемы по развитию транспорта на магнитной подвеске. Потребовалось серьезное научное подкрепление.

В 1974 году вышло известное постановление Центрального комитета партии и Совета министров СССР «О повышении технического уровня строительства нефтепроводов и газопроводов и об обеспечении надежности их эксплуатации». В постановлении были сформулированы основные направления технической политики в области сооружения трубопроводов. Теперь за создание нефтяных и газовых магистралей отвечали не только строители, серьезную помощь им начали оказывать машиностроители, металлурги, работники трубного производства, химической промышленности, приборостроения. Отрасль стала развиваться в тесной взаимосвязи с родственными отраслями народного хозяйства. Для этого потребовалось повысить уровень технической культуры производства, смелее внедрять достижения научно-технического прогресса.

Коллегия Миннефтегазстроя СССР понимала, что для постановки грамотных технических задач перед другими отраслями необходимо принимать действенные меры для развития и укрепления отраслевой науки. В отрасли уже были созданы новые институты и КБ. Кроме того, к работе над отраслевыми проблемами широко привлекали академическую и вузовскую науку. В результате были успешно решены крупные научно-технические задачи по строительству трубопроводных магистралей и обустройству промыслов в Западной Сибири, Средней Азии, Казахстане и других районах страны.

Особо необходимо остановиться на развитии научно-технического прогресса в отрасли в 1985—1990 годах. В эти годы лавинно нарастали новые сложные задачи. Строителям в короткие сроки предстояло обустроить уникальные месторождения нефти и газа на Крайнем Севере, отличающемся суровыми природно-климатическими условиями, на вечной мерзлоте в Ямбурге, а также в диаметрально противоположном и не менее трудном регионе — в Прикаспийской низменности. Газ и нефть Карачаганака, Тенгиза, Астрахани характеризуются небывало высоким содержанием сероводорода и углекислоты, засоленные грунты этих мест разрушают бетон и металл.

Задачи реализации обширных программ нефтегазового строительства в труднодоступных регионах диктовали необходимость новых творческих подходов к решению отраслевых научно-технических проблем. Прежде всего надо было бескомпромиссно отказаться от сложившихся стереотипов, отбросить привычное представление о том, что

строительство — по своей природе экстенсивная отрасль, заведомо отстающая от промышленности. Требовалась перестройка мышления и действий ученых, конструкторов и проектировщиков, а также многочисленного инженерного корпуса строительных организаций и отраслевой промышленности. Все это было возможно только на основе глубоких изменений и в первую очередь в работе научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, аппарата министерства как штаба научно-технического развития отрасли.

Отраслевая наука, управление и хозрасчетные отношения, которые сложились в период экстенсивного развития, по мере интенсификации производства объективно все сильнее отставали в решении стратегических задач, усилий хватало в основном на выполнение лишь мелких, частных заданий. Были близки к исчерпанию возможности действовавшей системы управления научно-техническим прогрессом. Главные ее дефекты заключались в организационном обособлении различных элементов цикла «наука — производство», в слабости горизонтальных связей, отсутствии эффективного механизма непрерывного, скорого и массового внедрения научно-технических нововведений в производство.

Задачи в области развития науки и техники по своему масштабу и содержанию уже были качественно иными, чем прежде. Помимо большой масштабности, они отличались повышенной наукоемкостью, многие из них не имели аналогов. Для решения таких задач требовалась согласованная разработка комплекса вопросов, относящихся к технике, технологии, экономике, организации, управлению, другим областям знаний. К тому же интенсификация предполагает, что сроки создания новой техники должны постоянно сокращаться, а освоение ее в производстве быть гибким и быстрым.

Одновременно делалось все необходимое, чтобы создать научно-технический потенциал, обеспечивающий решение еще более сложных задач. Крайне важно было правильно и максимально использовать возможности научно-технического прогресса, сделать его дееспособным, научиться системно им управлять.

Суть проблемы состояла, прежде всего, в новых требованиях к темпам и результативности научно-технического прогресса, для эффективного управления которым — что становилось все более ясным — уже не годились рамки старых форм и методов.

Если обобщить эти требования, то они состояли в необходимости следующего.

Во-первых, перейти к качественно иной по содержанию и масштабу конечной продукции отраслевой науки: от отдельных научно-технических разработок, внедренных новшеств — к комплексам машин, технологий и, более того, к новым технолого-экономическим системам, то есть системам строительства, в которых техническое совершенствование производства осуществляется в единстве с организационными, хозяйственными и социальными преобразованиями, обучением и подготовкой кадров.

Во-вторых, заметно сократить продолжительность инновационного цикла, иными словами — периода создания новой техники и технологии (от идеи до использования на производстве).

В-третьих, обеспечить регулярные и массовые технико-экологические преобразования, охватывающие все производство в целом и органически входящие в сам производственный процесс.

За этими, может быть, несколько теоретизированными формулировками стояли вполне конкретные проблемы управления научно-техническим прогрессом.

ВНИИПКтехоргнефтегазстрой Миннефтегазстрой СССР выполнил специальное исследование по изысканию оптимальных решений для управления научно-техническим прогрессом. Изучались зарубежный и отечественный опыт, были проанализированы функциональные взаимосвязи отраслевой системы управления научно-техническим прогрессом, вскрыты свойственные ей напряжения и противоречия. Итогом этой работы явилось «Положение об управлении научно-техническим прогрессом в Миннефтегазстрое». В нем были определены цели и задачи научно-технического развития отрасли, установлены права и обязанности функциональных служб сверху донизу, схема их взаимодействия. Но самое главное — предусматривался такой механизм включения в действие и внедрения новой техники, который напрямую увязывал результаты нововведения с показателями плана экономического и социально-го развития предприятий и организаций.

Основным элементом системы управления научно-техническим прогрессом стало сквозное планирование создания и внедрения новых видов техники, технологий, методов и форм организации производства, управления и экономической работы в отрасли, то есть эта система ох-

ватывала все процессы от исследований до массового использования научно-технических достижений. В составе пятилетних планов экономического и социального развития Миннефтегазстроя СССР разрабатывался единый план научно-технического прогресса, включавший два основных раздела: отраслевой план научно-технического развития и повышения эффективности производства по всем подведомственным организациям и подразделениям и отраслевой план развития науки и техники по каждой подведомственной научной, проектно-конструкторской и технологической организации.

Этот план экономического и социального развития министерства стал каркасом других планов, органически увязав их с помощью показателей эффективности производства. Причем он стал единым плановым документом и заменил многочисленные ранее действовавшие планы.

Чтобы разрабатывать стратегию развития отрасли на основе научно-технического прогресса, необходимы глубокие знания и определенные способности. Опыт показал, что многие специалисты трудно адаптируются к иным должностным обязанностям, не могут изменить свое мышление. Потребовалось улучшить не только механизм управления, но и мышление управляющих управлением. Понадобилась серьезная подготовка кадров и существенное их обновление: на работу приглашали специалистов, прошедших хорошую производственную школу, и специалистов с учеными степенями. Миннефтегазстрой СССР перестраивал свой аппарат и по-новому расставлял силы. Это позволило улучшить функции управления, даже, можно сказать, превратить его в творческий центр научно-технического прогресса.

В отрасли был осуществлен переход научных учреждений и проектно-конструкторских организаций на хозрасчет. В этой связи НИИ и КБ была предоставлена большая самостоятельность в формировании тематических планов. Министерство делегировало им права самим утверждать тематические планы, а за министерством осталось право утверждать основные задания, сформированные на базе общесоюзных и отраслевых научно-технических программ на определенный плановый период. Миннефтегазстрой СССР руководил двумя общесоюзными программами — надежность магистральных трубопроводов и комплектно-блочное строительство наземных объектов, принимал участие в 21 общесоюзной программе.

Методология составления общесоюзных программ имела большие изъяны. Из программ, в которых участвовал Миннефтегазстрой СССР, в период их формирования исчезали задания по созданию крайне необходимой техники, приборных средств. Миннефтегазстрою СССР, Мингазпрому СССР так и не удалось согласовать эти программы с рядом других министерств и ведомств. А Государственный комитет по науке и технике выдвигал такое согласование в качестве обязательного условия. Сам же комитет в эти дела практически не вмешивался и не помогал. Да и прав, вероятно, у него было маловато. Всесоюзные программы, как указывалось выше, были неполными, и их реализация, как правило, не позволяла до конца решить поставленные задачи.

В связи с этим ставку сделали на отраслевые целевые комплексные программы, руководителями которых стали заместители министра, члены коллегии Миннефтегазстроя СССР. Всего таких программ было пять: «Социальное развитие» (руководитель А. П. Весельев); «Трубопровод» (руководитель И. И. Мазур), «Индустриализация» (руководитель Ф. В. Мухамедов), «Новые машины» (руководитель В. М. Павлюченко), «Управление» (руководитель — первый заместитель министра Г. И. Шмаль).

Программы состояли из подпрограмм, для реализации которых были созданы рабочие группы из специалистов и ученых отрасли и координационные советы.

Отраслевые целевые комплексные программы предусматривали решение самых важных и крупномасштабных технических, экономических и социальных задач отрасли в 1986—1990 годы и на перспективу до 1995 года. Можно отметить достаточно высокий уровень подготовки этих программ, продуманную схему реализации, включавшую научные исследования, проектно-конструкторские работы и обязательно производственную часть (изготовление и внедрение). Все программы обсуждались на Научно-техническом совете министерства и большая их часть — на коллегии министерства. Было разработано и утверждено положение о системе управления отраслевыми целевыми программами в Миннефтегазстрое СССР.

Значительная перестройка была проведена в отраслевой науке. Уточнены функции всех исследовательских организаций, что полностью исключило дублирование работ. Все это нашло отражение в новых положениях. Тематика после пересмотра была ориентирована на решение самых

актуальных проблем отрасли. Была повышена требовательность к результатам исследований, что способствовало усилению связи научных и проектно-конструкторских работ с нуждами производства.

Произошло существенное «омоложение» руководства отделов и лабораторий НИИ в результате проведенных конкурсов. В три института и СКБ «Газстроймашина» пришли новые руководители: Р. М. Шакиров, Р. Ш. Кудашев, В. М. Павлюченко, Е. А. Подгорбунский. Все они имели огромный производственный опыт и стремились работать на перспективу. НИИ и КБ начали добиваться более ощутимых результатов. Правда, еще значительное время некоторые научные работники и даже руководители научных подразделений, не желавшие шагать в ногу со временем предпринимали попытки протаскать в тематику своих учреждений бесперспективные для отрасли разработки или даже не находящиеся в сфере ее интересов. Руководители министерства жестко спрашивали с тех, кто занимал в этих вопросах соглашательскую, беспринципную позицию.

Однако изменения в отраслевой науке происходили медленно. Особенно отставала психологическая перестройка. Она коснулась далеко не всего большого отряда ученых, проектировщиков и конструкторов. Оказались живучими штампы в работе. Институты все еще пытались «потчевать» стройки малоответственными документациями-рекомендациями. Иные старались приспособиться к новой ситуации.

Головной тематический план института — основа его работы. ВНИИСТ больше других научных учреждений страдал из-за непрерывных просьб помочь согласовать те или иные отступления от проектов, от нормативных документов. Аппарат министерства, а также главков и трестов действительно был способен превратить любые НИИ в «адвокатскую контору». И дело здесь было не столько в дополнительной загрузке институтов, сколько в уступках строителям в ущерб качеству и надежности возводимых сооружений. В министерстве сумели покончить с таким положением вещей.

В планах институтов и их отделов предусматривался резерв времени для того, чтобы строительные организации могли обращаться к ним по мере необходимости и получать требуемую помощь во внедрении новшеств. В результате налаживался активный контакт научных и производственных организаций.

Ориентация на внедрение новшеств, быструю отдачу от них, что становилось все более свойственным отраслевым НИИ и КБ, в то же время не должна была ослабить внимание к теоретическим разработкам, без которых нельзя создать качественно новое в технике, технологии или экономике. Пренебрежение этим чревато опасностью свести отраслевые институты к уровню Оргтехстроев. И этому был поставлен заслон.

Руководители Миннефтегазстроя СССР всегда помнили — отрыв от практики недопустим. Но также недопустимо и забвение теоретических исследований. Первое делает отраслевую науку схоластичной и в конечном счете ненужной, второе — рано или поздно отбросит министерство назад по уровню техники и технологии. Также не забывали, что развитие связей с академическими институтами способствует созданию в отрасли научного фундаментального задела, без которого наука не может идти в авангарде технического прогресса.

Известно, что внедрение научных достижений во многом зависит от министерства. от производственных организаций. Но научные открытия и разработки — это уже дело самих ученых, результат их творческих устремлений и усилий.

Задача министерства заключалась в том, что нужно создать условия и организовать научные работы в нужных для отрасли направлениях. Ошибки, недоработки — это прежде всего недобросовестность исследователей, но также и некомпетентное управление ими.

Едва ли не главным для достижений в отраслевой науке является комплектование ее научными кадрами. В отраслевых НИИ Миннефтегазстроя СССР работали и талантливые и достаточно известные ученые. Но, справедливости ради, также нужно отметить и то, что в отраслевой науке оказалось немало сотрудников средних способностей, в том числе и имеющих ученые степени. Трудно сказать, почему это произошло. Вероятно, сыграла свою роль привлекательность высокой зарплаты, которую получали как своеобразную индульгенцию работники с кандидатскими и докторскими дипломами. Это порождало желание любыми путями пробиться в науку.

Бесспорно, что только творческая атмосфера, творческий подход способствуют рождению прогрессивных идей, созданию тех принципиально новых, «прорывных» решений, которых ждут от науки. Носителями таких идей выступили ученые, рабочие, работники министерства, конструкторы.

торы и проектировщики. Этих талантливых людей, где бы они ни работали, старались отмечать, окружать заботой и вниманием, как они того и заслуживали.

Важный инструмент в системе управления научно-техническим прогрессом — научно-технические и ученые советы. В отрасли их деятельность старались максимально демократизировать. Прежде нередко важные решения, в том числе по результатам научных исследований и разработок, принимались без широкого обсуждения их учеными, специалистами и производственниками. Порой без проведения серьезного анализа одобрялись незаконченные и непроверенные разработки. Да и как мог состояться нелицеприятный разбор, если большинство участников совета являлись авторами разработки, а председательствовали на заседаниях совета зачастую руководители институтов и КБ, в которых и велись эти разработки.

Пришлось перестроить работу ученых советов институтов. Особая ответственность легла на Научно-технический совет министерства — главный орган контроля, аттестации технологических и технических новаций, экономических, управленческих, организационных и социальных решений, рекомендуемых для широкого внедрения в отрасли.

Нужно было поднимать уровень и роль научно-технического совета отрасли. Был целиком обновлен состав бюро и всех его восьми секций. В совет вошли 398 ученых и специалистов, в их числе 27 докторов наук и 94 кандидата наук. Во главе секций совета были профессора, доктора наук. Совет возглавил непосредственно министр В. Г. Чирсков. Вся оперативная работа по руководству советом была поручена заместителю председателя совета, профессору, доктору технических наук Иванцову Олегу Максимовичу. Рассматриваемые на заседаниях научно-технического совета работы проходили предварительную экспертизу, дискуссии проводились на действительно демократических началах, решения принимались обязательно на самих заседаниях. Демократизация обсуждения технических и научных проблем поставила надежный заслон волюнтаризму.

Совет стал апробировать спорные тенденции в технике и экономике, выступать в роли высокого контролера, выпускавшего в строительное производство новые технологии, машины, приборы, материалы, нормативные и проектные решения.

Были проведены совместные заседания Научно-технического совета Миннефтегазстроя СССР и других ве-

домств, посвященных важнейшим проблемам: например, с Мингазпромом СССР — по Ямбургу и Ямалу, с Госстроем СССР — по строительству на вечной мерзлоте: с участием работников Миннефтепрома СССР рассматривалась техническая политика обустройства нефтяных промыслов и сооружения магистральных и промысловых трубопроводов.

На заседаниях секций был обсужден ряд актуальных проблем. Удалось рационально организовать работу Научно-технического совета, выработать новый стиль его деятельности. Он стал реальной силой, ускорявшей технический прогресс в отраслевых организациях.

В состав Миннефтегазстроя СССР в 1985 году входило пять научно-исследовательских институтов, из которых четыре комплексных с проектными подразделениями, а также пять проектно-конструкторских организаций, одна из них с научно-исследовательской частью. Ученые отрасли имели достаточные возможности для проведения крупномасштабных, натуральных экспериментов на объектах строительства.

В целях освобождения основных институтов отрасли от решения частных вопросов, а также оперативного их рассмотрения на базе трестов Оргтехстрой были созданы проектно-конструкторские и технологические институты. В результате каждое главное строительное управление получило в своей структуре чрезвычайно важную организацию, нацеленную на внедрение научно-технического прогресса. Жизнь подтвердила правильность такого решения. В короткое время эти институты стали проводниками научно-технического прогресса в отрасли.

Прежде всего в отрасли строго определили направление деятельности каждого института и каждой проектно-конструкторской организации, внесли коррективы в их структуру. Госстрой СССР утвердил ВНИИСТ, СибНИПИгазстрой и ВНИПИтранспрогресс головными научно-исследовательскими организациями в области строительства, наметил для них основные направления исследований и научных разработок.

Однако имевшиеся научные структуры были не в состоянии охватить все направления необходимых исследований. Вопрос совершенствования сети научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических организаций Миннефтегазстроя СССР неоднократно обсуждался Государственным комитетом СССР по науке и технике (ГКНТ).

Коллегия ГКНТ во главе с академиком Г. И. Марчуком рассмотрела и одобрила проводимую Миннефтегазстроем СССР деятельность по повышению эффективности научно-технических разработок и ускорению внедрения их результатов в производство, а также поддержала предложения, касающиеся создания новых институтов в Тюмени, Сургуте, Оренбурге и Брянске, научно-производственных объединений в Киеве и Челябинске.

Отраслевая наука — в основном экспериментальная. Обновление опытной базы, оснащение современными экспериментальными установками, приборами — задача архиважная. Отрасли удалось пополнить экспериментальную базу уникальным оборудованием, включая импортное, вложив в это за период с 1985 по 1990 год 170 миллионов долларов США.

Социальная программа НИИ и проектно-конструкторских организаций также значительно улучшилась. Большое внимание при выполнении экспериментов уделялось математическим моделям, вычислительной технике. Общая производительность вычислительной техники в министерстве в 1985 году составила 9,9 млн операций в секунду, а в 1990 году достигла 22,1 млн операций в секунду. Для того времени это были большие возможности.

Прокладка мощных газопроводов в единых коридорах, строительство трубопроводов на вечномёрзлых грунтах, в заболоченной тундре, применение труб большого диаметра и других конструкций, подготовка к транспорту высоковязких нефтей, охлажденного газа, защита магистралей от коррозии — все это требовало решения сложных научно-технических проблем, что возможно только с привлечением фундаментальной академической науки.

Президиум Академии наук СССР во главе с академиком Анатолием Петровичем Александровым проявил большую заинтересованность в оказании помощи Миннефтегазстрою СССР, на своем заседании он рассмотрел основные научные проблемы трубопроводного строительства, которые были изложены в записке и докладе В. Г. Чирскова на президиуме. Разрабатывались и выполнялись программы совместных работ институтов отрасли с институтами Академии наук СССР.

В июне 1985 года в Киеве было проведено совместное заседание президиума Академии наук УССР и коллегии Миннефтегазстроения СССР. Были обсуждены программы развития научно-технического прогресса в отрасли и подведены итоги

выполнения совместных работ. В этих исследованиях принимали участие 13 учреждений АН УССР и 11 организаций Миннефтегазстроя СССР. В ходе совместных работ были получены весомые научные и практические результаты.

После заседания В. Г. Чирсков и сотрудники Миннефтегазстроя СССР посетили Институт электросварки им. Е. О. Патона, где пояснения давал сам Борис Евгеньевич Патон. Их «экскурсоводами» в Институте кибернетики, Институте процессов литья и Институте материаловедения были известные ученые соответственно Владимир Ильич Скурихин, Виктор Алексеевич Ефимов, Валерий Владимирович Скороход.

Хорошо зарекомендовала себя такая форма сотрудничества, как руководство академической наукой исследованиями, совместно проводимыми институтами отрасли и их лабораториями. Например, Академия наук УССР курировала работы Киевского филиала ВНИИСТА, а Институт микробиологии АН СССР — работы лаборатории биокоррозии и биоповреждений ВНИИСТА.

Отрасль широко использовала и научный потенциал вузов страны. Свыше пятидесяти из них вели с министерством творческую работу. Наиболее активные связи были установлены с МВТУ им. Н. Э. Баумана, МИНХ и ГП им. И. М. Губкина, МИСИ им. В. В. Куйбышева, с Уфимским нефтяным институтом.

Большой научный потенциал позволил в 1980-е годы решить ряд сложнейших научно-технических проблем, связанных с новым этапом сооружения магистральных и промысловых трубопроводов. В багаже отраслевой науки, конструкторских организаций появились принципиально новые и весьма перспективные разработки. Была создана и отработана жесткая, надежная система управления специализированной отраслью, ведущей строительство на бескрайних территориях Советского Союза.

Качественно новое масштабное развитие получил комплектно-блочный метод сооружения объектов нефтяных и газовых промыслов, насосных и компрессорных станций. На самом северном, Ямбургском газоконденсатном месторождении смонтированы мощные установки подготовки газа с применением суперблоков на специальных понтонах единичной массой до 400 тонн, поставленных в готовом виде с заводов объединения «Сибкомплемонтаж» из Тюмени по рекам на расстояние 2500 километров. Стало реальным создание суперблоков массой 600 и 1000 тонн.

При прокладке северных трубопроводов новая высокоэффективная техника стала применяться на самой тяжелой операции, сдерживающей темп строительства, — устройстве траншей в вечномёрзлых грунтах. СКБ «Газстроймашина» создавало роторный экскаватор ЭТР-307 мощностью 1100 л. с. (809 кВт), который разрабатывает в мерзлоте полнопрофильную траншею размерами 3,1×3,1 метра для газопровода диаметром 1420 мм с пригрузами. Этим же СКБ созданы и получили серийное производство болотоходы «Тюмень» грузоподъемностью 36 тонн, а также совместно с канадской фирмой болотоход «Ямал» грузоподъемностью 70 тонн. Был разработан новый способ сооружения подводных переходов методом направленного бурения под дном рек.

Отраслевой науке удалось создать основы теории конструктивной надежности трубопроводов, многое сделано для защиты трубопроводов от коррозии. Сумма накопленных знаний позволила выработать основные критерии работоспособности труб и набор обязательных тестов для гарантии качества.

Появилось много новых механизмов, материалов и приборов. Впервые разработана система организационно-технологического проектирования трубопроводного строительства в автоматическом режиме. Сформировались новые направления организационно-экономической науки: экономика и организация комплектно-блочного, экспедиционно-вахтового и мобильного строительства.

В результате системной работы по перевооружению нефтегазового строительства научный потенциал Миннефтегазстроя СССР в 1990 году достиг высокого уровня: в отрасли работало 36 научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций; 189 млн долларов США — достиг объем годовых затрат на научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации; около 10 тыс. человек было занято в научных и проектно-конструкторских организациях, в том числе 411 человек — кандидаты и доктора наук; 147 млн долл. США составила стоимость основных фондов учреждений науки.

Если говорить об эффективности отраслевой науки по общепринятому показателю — отдача на 1 рубль затрат, то она составила более 5 рублей. В сравнении с данными по другим строительным министерствам да и другим ведомствам это высокие показатели.

Особую ценность для отраслевой науки представляли ее одаренные и талантливые ученые. Основные этапы раз-

вития трубопроводных систем — это во многом результат их кропотливого труда.

Нужно отдать должное и организаторам отраслевой науки, под чьим руководством на всех этапах осуществлялась творческая деятельность коллективов. Это академик Б. Н. Жемочкин, член-корреспондент В. С. Туркин, доктора технических наук А. М. Зиневич, О. М. Иванцов, В. И. Прокофьев, К. И. Зайцев, Я. М. Каган, Р. М. Шакиров, Б. В. Перунов, кандидаты технических наук Р. Ш. Кудашев, А. И. Брун, Н. М. Белкин, Н. С. Морозов, М. С. Ройтер, И. Д. Красулин. Их труд в значительной мере способствовал становлению науки, как авангарда научно-технического прогресса страны.

Развитие отрасли серьезный вклад внесла академическая наука. Этот вклад связан с именами академиков А. П. Александрова, Б. Е. Патона, Г. И. Марчука, Я. М. Колотыркина, Н. П. Лякишева, А. И. Целикова, Н. С. Ениколопова, Г. А. Николаева и др.

Основным «двигателем» всех отраслевых программ стал главный сварщик Советского Союза, вице-президент АН СССР, президент АН УССР, академик Б. Е. Патон. Говоря о нем, В. Г. Чирсков вспоминал:

«Впервые я был ему представлен на научно-технической конференции отрасли в городе Тюмени в 1974 году, когда я возглавлял Главсибтрубопроводстрой. В тот период Борис Евгеньевич посетил наши сибирские и даже заполярные стройки. Посмотрел, чем работают сварщики на трубах диаметром 1220—1420 мм, и осознал необходимость создания принципиально иной сварочной техники. В Институте электросварки он организовал специальную группу из молодых способных инженеров во главе с доктором технических наук Сергеем Ивановичем Кучук-Яценко (впоследствии он стал академиком). Эта группа начала поиск и создание принципиально нового оборудования для сварки труб. И такие машины совместно со специалистами Миннефтегазстроя СССР были созданы — это комплексы “Север”, “Стык” и другие.

Знаю Б. Е. Патона на протяжении многих лет и не перестаю удивляться его настойчивости, чрезмерной скромности и доступности. Б. Е. Патон — эталон ученого мировой известности, его вклад в народное хозяйство Советского Союза поистине огромен».

Многое для развития научно-технического прогресса в нефтегазовом строительстве сделали и ученые МИНХ и

ГП им. И. М. Губкина доктора технических наук В. Л. Безрезин, П. П. Бородавкин, Л. Г. Телегин и др.

В развитии научно-технического прогресса отрасли важная роль принадлежала членам коллегии министерства и заместителям министра. Начало этому было заложено еще министрами Алексеем Кирилловичем Кортуновым и Борисом Евдокимовичем Шербиной. Затем их дело продолжил В. Г. Чирсков, который старался максимально использовать достижения отечественной науки в интересах отрасли.

Высшим признанием государством личного творческого вклада в развитие научно-технического прогресса страны считается присуждение премий в области науки и техники.

В Миннефтегазстрое СССР лауреатами Ленинской премии стали В. А. Аронов, Ю. П. Баталин, Н. П. Драгунов, В. Г. Жевтун, О. М. Иванцов, М. С. Ройтер, В. И. Хоменко, И. А. Шаповалов, А. Ф. Шевкопляс.

Государственные премии СССР в области науки и техники были присуждены С. К. Аракелян, А. П. Весельеву, Н. М. Ганиченко, К. И. Зайцеву, А. М. Зиневичу, А. Я. Ермолину, В. М. Игольникову, О. М. Иванцову, А. Г. Камерштейну, Я. М. Кагану, М. А. Камышеву, М. П. Карпенко, А. М. Крайзельману, Б. А. Кушке, В. П. Курамину, Ф. В. Мухамедову, Н. П. Нежданову, Н. М. Павлову, Е. М. Пеньковскому, В. Г. Пелипенко, И. П. Петрову, А. А. Рекошетову, И. Г. Сухареву, В. В. Спиридонову, Г. Н. Судобину, С. И. Станевичу, А. М. Сушнину, Г. С. Сергееву, М. Н. Сухолутскому, А. Д. Хайтуну, А. П. Хутиеву, М. В. Чижевскому, В. Д. Чернышеву, Г. И. Ширенко П. П. Шабанову. Сам Владимир Григорьевич также был удостоен Ленинской и Государственной премий СССР.

Известно, что масштабы и темпы строительства нефтегазовых объектов в 1980-е годы намного превосходили достигнутые в передовых капиталистических странах. Советский Союз стал общепризнанным лидером трубопроводного строительства. Только за 1985—1990 годы было проложено невиданных по производительности систем газовых магистралей, мощных нефтепроводов и промысловых трубопроводов столько, что ими трижды можно было бы опоясать земной шар по экватору.

Благодаря перевооружению за короткий срок строительство объектов нефтяной и газовой промышленности стало отраслью интенсивного типа. Это подтверждается

сравнением достигнутых параметров с мировым уровнем. По показателям энерго-фондовооруженности, производительности труда нефтегазовое строительство занимало передовые позиции, а темпы его были наивысшими в мире. В этом огромная заслуга рабочих, ученых, инженеров, руководителей и коллегии Миннефтегазстроя СССР.

Впервые в мире

На ручной сварке трубопроводов в отрасли работало более 15 тысяч электросварщиков. Сварка кольцевых стыков труб при монтаже является наиболее трудоемкой операцией, во многом определяющей надежность и долговечность трубопроводов.

В 1975 году в Тюмени состоялась научно-техническая конференция по проблемам создания нефтегазового комплекса в сложных условиях мерзлоты, болот и низких температур. На конференцию приехало несколько академиков АН СССР, в том числе и Борис Евгеньевич Патон.

Чирсков В. Г. вспоминал:

«Я в то время работал в Тюмени начальником Главного производственного управления по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири (Главсибтрубопроводстрой). Перед открытием конференции Борис Евдокимович Щербина представил меня Борису Евгеньевичу, который предложил встретиться после заседания.

Мы встретились, долго говорили. Борис Евгеньевич интересовался всем — условиями работы и жизни людей, подробно расспрашивал о сварке — какое оборудование, как осуществляется контроль качества и о многом другом. Рассказал мне о работах, которые идут в институте.

На следующий день полетели в Заполярье (район Надьма). Хотели показать нашу работу, но не позволила плохая погода.

Когда прощались в аэропорту в Тюмени, Борис Евгеньевич сказал:

— Я все понимаю — тяжело. Держись, найдем решение».

В результате всесторонних исследований, проведенных Институтом электросварки им. Е. О. Патона Академии наук УССР, Всесоюзным научно-исследовательским институтом по строительству трубопроводов (ВНИИСТ), Киевским филиалом СКБ «Газстроймашина» Миннефте-

газстроая, были созданы принципиально новая технология и гамма машин для контактной сварки неповоротных стыков труб диаметром 114—1420 мм. Эта технология базировалась на использовании сварки непрерывным оплавлением торцов труб с программным регулированием основных параметров процесса при низких сопротивлениях сварочной цепи.

В основу конструкции машин для контактной сварки труб диаметром более 800 мм был положен принцип внутритрубного их исполнения, что потребовало снизить до минимума их массу, обеспечить требуемую точность центровки. Первая машина такого типа К-700 прошла производственные испытания при строительстве трубопровода «Союз» диаметром 1420 мм.

В 1977 году машина К-700 поступила в Главсибтрубопроводстрой для работы в условиях Заполярья. Вместе с машиной прибыли сотрудники института им. Е. О. Патона. Работники Главсибтрубопроводстроя, для того чтобы управлять этой машиной, прошли обучение в Киеве.

Практическое применение машины К-700 началось на газопроводе Уренгой — Челябинск. Но известно, что все новое всегда требует времени на доработку. Так было и с этой машиной. Тем не менее совместно с сотрудниками института все было доработано, и данные машины были внедрены в производство на сооружении магистралей в районах Крайнего Севера. Машина К-700 получила название «Север-1».

Ручная сварка — тяжелый труд. Сварщику приходилось работать в неудобном и напряженном положении — словно отрабатывать трудный цирковой номер. Если оденется потеплей — не повернуться. Если быть налегке — заочнеешь. А «Север-1» — всепогодный механизм. Его экипаж сидит возле пульта в теплых вагончиках, и только один-два человека на открытом воздухе занимаются сборкой труб. За 4—5 минут стык готов. На это при ручной сварке специалисту высокого класса требовалась целая смена.

Комплекс по норме обслуживала бригада из двенадцати человек. Была достигнута максимальная производительность — 50 стыков в смену, стабильная средняя производительность — 25 стыков в смену. Сама технология обеспечивала высокое качество стыка.

Псковским заводом электросварочного оборудования Минэлектротехпрома в 1983 году был освоен промышленный выпуск машин К-700-1. Но строителям трубопроводов

нужен был полный комплекс установки «Север-1». Когда В. Г. Чирсков уже стал министром Миннефтегазстроя СССР, постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 августа 1984 года (№ 831) изготовление таких комплексов было поручено этому же заводу. Сотрудники министерства совместно с Минэлектротехпромом занимались расширением производственных площадей этого завода. Министерство организовывало закупку гидравлического оборудования в Японии, выделяло собственные средства для создания испытательного цеха и т. д.

Для эксплуатации новых сварочных комплексов также потребовались солидные вложения в трубопроводные главки, где были созданы специальные пусконаладочные сварочные управления. Однако комплекс был настолько эффективен, что все затраты с лихвой окупались при строительстве первых же трубопроводных систем.

Для Миннефтегазстроя СССР были также разработаны внутритрубные машины типа К-800 для контактной сварки труб диаметром 1020–1220 мм. Но их серийный выпуск, к сожалению, в связи с развалом Советского Союза не был освоен.

В 1980-е годы наряду с оборудованием для контактной сварки труб большого диаметра было создано новое поколение машин для сварки труб диаметром 114–529 мм. Машины типа К-584 позволяют сваривать трубы такого диаметра как в стационарных, так и в полевых условиях. Серийный выпуск первых машин К-584 освоил Каховский завод электросварочного оборудования. Однако мощности завода не позволяли быстро организовать выпуск необходимого количества этих машин. По этому вопросу В. Г. Чирсков совместно с руководителями Минэлектротехпрома СССР неоднократно обращались в Совет министров СССР. В 1988 году были созданы новые мощности, и в отрасль поступили первые 25 машин. Также имелась машина К-805, которая была рассчитана на сварку неповоротных стыков толстостенных труб диаметром 377–529 мм.

Прогрессивный метод сварки оплавлением давал хорошие результаты. В 1973–1990 годы стыковой сваркой оплавлением было сварено более 84 тысяч километров различных трубопроводов, в том числе около 12 тысяч километров газопроводов диаметром 1420 мм, из них более половины — в условиях Крайнего Севера. Все трубопроводы до сих пор успешно эксплуатируются, а случаи разрушения контактных стыков неизвестны.

Контактная сварка трубопроводов, являющаяся советским приоритетом в технике, получила широкое распространение. Так, американская фирма «Мак Дермотт» купила лицензию на внутритрубную технологию сварки оплавлением для морских трубопроводов. Была также продана лицензия на способ стыковой сварки трубопроводов и производства устройств для его осуществления японской фирме «Ниппон Кокан К.К.».

За создание высокопроизводительной технологии и комплекса оборудования для контактной сварки трубопроводных систем большого диаметра группе работников Института электросварки им. Е. О. Патона и Миннефтегазстроя СССР была присуждена Ленинская премия.

Исследования, разработка и практическая реализация новой технологии дуговой сварки неповоротных стыков труб с принудительным формированием шва стали возможными в результате плодотворного сотрудничества Института электросварки им. Е. О. Патона с научными и производственными организациями Миннефтегазстроя СССР. Комплекс оборудования под названием «Стык» выпускался опытным заводом Института электросварки, а затем Каховским заводом электросварочного оборудования.

В качестве сварочного материала при реализации нового способа электродуговой сварки применяли самозащитную порошковую проволоку. Поверхность сварного шва во всех положениях сварки принудительно формировалась приспособлениями типа ползуна, которые перемещались совместно со сварочной головкой орбитально по поверхности трубы и обеспечивали получение шва оптимального размера с заданной формой поверхности. При этом также использовались форсированные режимы сварки, практически соответствующие допустимым для сварки в нижнем положении. При сварке непрерывной нитки этот способ применялся в сочетании с ручной подваркой, для того чтобы не снижать темпа монтажа из-за низкой скорости сварки корневого шва.

Опыт применения комплексов в различных природно-климатических условиях показал, что способ сварки порошковой проволокой с принудительным формированием шва обеспечивал сокращение численности бригады и количество применяемых механизмов примерно на 35 процентов. Техничко-экономические показатели автоматической сварки труб диаметром 1220 и 1420 мм порошковой проволокой позволяли увеличить выработку на каждого рабочего

на 15—50 процентов при сокращении затрат труда на стык в сравнении с аналогичными показателями при ручной дуговой сварке на 15—35 процентов.

Анализ качественных показателей сварки при сооружении, испытании и эксплуатации трубопроводов показал, что работоспособность и надежность сварных стыков, выполненных автоматической сваркой порошковой проволокой (система «Стык»), существенно выше, чем при сварке вручную.

В 1986 году с применением комплексов «Север» и «Стык» было сварено 28 процентов всех неповоротных стыков магистральных трубопроводов диаметром 1220 и 1420 мм, а электроконтактной сваркой на базах ПЛТ-321—40 процентов промышленных трубопроводов. Объем применения автоматических методов сварки на магистральных трубопроводах большого диаметра в 1986 году составил 57 процентов и на промышленных — 26 процентов, а в 1990 году он достиг 70 и 50 процентов соответственно.

В результате внедрения новых механизмов и способов сварки удалось механизировать одну из самых трудоемких операций при сооружении трубопроводов, повысить качество сварных соединений и высвободить большое число квалифицированных сварщиков. В этом большая заслуга многих коллективов ученых, конструкторов, машиностроителей, строителей и прежде всего лично академика Б. Е. Патона.

В. Г. Чирсков вспоминал: «В 80—90-е годы XX столетия у меня сложились хорошие деловые и дружеские отношения с Борисом Евгеньевичем Патонам. В 1985 году я с группой работников министерства посетил по его приглашению Институт электросварки в Киеве. Потом была совместная работа института и министерства по осуществлению крупных проектов. Борис Евгеньевич, приезжая в Москву, обязательно встречался со мной. Бывал у меня дома. Мы часто созванивались, обменивались всевозможными поздравлениями. Это был удивительный, простой и доброжелательный человек».

В завершение этого раздела нужно сказать, что Б. Е. Патон за свою плодотворную научную деятельность стал дважды Героем Социалистического Труда (1969 и 1978 гг.), лауреатом Сталинской (1950 г.), Ленинской (1957 г.) премий и премии Совета министров СССР, Государственной премии Украинской ССР (1970), был членом Президиума Верховного Совета УССР.

Таким образом, работа Миннефтегазстроя СССР по сооружению магистральных газопроводов была существенно ускорена и облегчена благодаря тесному сотрудничеству и личным дружественным отношениям Владимира Григорьевича с Борисом Евгеньевичем Патоном, возглавлявшим Киевский институт электросварки имени его отца Евгения Оскаровича Патона. Эти отношения на уровне двух союзных республик и министерств в советские времена всегда давали хорошие результаты, и нужно было только умело поддерживать эти отношения и грамотно направлять работу научных и трудовых коллективов. В. Г. Чирсков хорошо понимал это и от всей души радовался достигнутым совместным успехам.

Революционное решение

Реальное повышение эффективности нефтегазового строительства, капитальных вложений, направляемых на создание основных фондов нефтяной и газовой промышленности, и прирост национального дохода от этой составляющей части топливно-энергетического комплекса страны в определяющей мере зависит от ускорения научно-технического прогресса.

Комплектно-блочный метод (КБМ) строительства представляет собой систему технических, организационных и экономических решений, направленных на достижение конечного целевого результата, состоящего в сокращении продолжительности инвестиционных процессов, уменьшении стоимости единицы мощности создаваемых основных фондов, снижении суммарных затрат труда и особенно живого труда на строительных площадках. Этот метод получил наибольшее распространение при сооружении наземных объектов добычи, подготовки, транспорта и переработки углеводородного сырья. Этот метод предусматривает совершенно иную технологию строительного производства в сравнении с традиционной. Технологической сущностью метода в широком смысле слова можно считать преобразование строительного процесса в индустриальный процесс возведения объектов из отдельных укрупненных и транспортабельных монтажных блоков, изготавливаемых в заводских условиях. На строительной площадке выполняются установка блочно-комплектных устройств (БКУ) на фундаменты (или основания) и подключение объекта к коммуникациям.

Отличительная особенность комплектно-блочного метода в том, что на заводах осуществляется процесс комплектации материально-технических ресурсов, изготавливаются сборные строительные конструкции, производится значительная часть монтажных и специальных работ. Оборудование и основная масса материалов поступает не на строительные площадки, как при традиционной технологии, а на сборочно-комплектно-блочные предприятия (заводы БКУ), расположенные в базовых городах. На заводах изготавливаются блок-боксы (с выполнением кровли и стен) из легких металлических конструкций, осуществляется монтаж технологического оборудования, выполняются работы по установке электрических, контрольно-измерительных приборов и автоматики, опрессовываются различные системы.

Комплектно-блочный метод строительства позволил уменьшить объемы земляных работ, расход кабельной продукции, металлических труб и других материалов. Так, фундаменты под все здания стали свайными, инженерные сети прокладываются надземно по эстакадам со свайными основаниями, каркасы цехов выполняются из облегченных металлоконструкций, объекты вспомогательных сооружений представляют собой единые сооружения из блок-боксов и складывающихся конструкций зданий.

За счет совмещения во времени строительных и промышленных процессов значительно изменилась очередность выполнения отдельных работ и даже этапов строительства. Так, подготовка фундаментов, изготовление боксов (ограждающих конструкций), монтаж оборудования осуществляются, как правило, одновременно. «Мокрые» процессы практически сведены до минимума, что особенно важно в условиях Крайнего Севера.

Комплектно-блочное строительство позволяет существенно интенсифицировать процесс создания производственных мощностей и повышать экономическую эффективность капитальных вложений: нормативные сроки сооружения объектов сокращаются в 2—3 раза; производительность труда в строительстве повышается в 3 раза; его сметная стоимость сокращается в среднем на 20 %, в том числе за счет снижения расходов основных материалов до 30 % и трудовых затрат на 15—20 %.

Развитие КБМ метода в 1985—1990 годах пошло по пути создания автоматизированных объектов в блочном, суперблочном и блочно-модульном исполнении, включая

вспомогательные объекты, межблочные коммуникации, электротехническое и другое оборудование. Важным резервом повышения технического уровня КБС стал новый подход к развитию метода, суть которого состоит в применении системы агрегированного технологического оборудования, формируемых по функциональному признаку. Такой подход позволял институтам нефтегазостроительной отрасли активно вмешиваться в функции проектных институтов заказчика. Они получили возможность разрабатывать конструкторскую документацию на блочные устройства, в некоторых случаях осуществлять технологическое и строительное проектирование. Эти возможности были реализованы уже при создании проекта освоения Ямбургского газоконденсатного месторождения.

Миннефтегазстрой СССР в Западной Сибири положено начало освоению технологии сооружения объектов из суперблоков массой до 1 тыс. т. Четырехсоттонные блочные устройства, изготовленные в Тюмени, были доставлены по воде в Среднее Приобье. В 1985 году объединение «Сибкомплемонтаж» выполнило 23 блок-понтон для УКПГ Ямбургского газоконденсатного месторождения общей массой около 5 тыс. т. В заводских условиях в Тюмени были изготовлены узлы и конструкции, последующая сборка которых осуществлялась на базе, расположенной на берегу реки Туры, отсюда они транспортировались на плаву к месту установки.

Улучшение технико-экономических показателей Ямбургского газоконденсатного месторождения по сравнению с Уренгойским достигнуто за счет применения крупных строительно-технологических блоков массой до 400 т 70—80%-ный заводской готовности при сооружении одного УКПГ на Ямбурге позволило сократить капиталовложения на 24,8 млн руб, снизить стоимость СМР, выполняемых на стройплощадке, на 12,8 млн руб., а также сократить численность работников непосредственно на стройплощадке на 435 человек.

Мероприятиями, разработанными совместно Миннефтегазстрой СССР, Миннефтепромом СССР и Мингазпромом СССР по увеличению объемов, расширению сферы применения блочно-комплектных устройств, по повышению технологического уровня и качества выпускаемого блочно-комплектного оборудования для объектов нефтяной и газовой промышленности, предусматривались освоение производства и комплектная поставка автоматизи-

рованных блочно-комплектных технологических объектов обустройства нефтяных и газовых месторождений, а также транспорта нефти и газа.

Анализ отечественного и зарубежного опыта показывает, что перспективным направлением является создание промышленных зданий, приспособленных к смене оборудования и технологических процессов. Блочно-модульный принцип открывает широкие перспективы в техническом перевооружении и реконструкции предприятий нефтяной и газовой промышленности, а также в других отраслях народного хозяйства.

Реализация комплекса мер, включая создание отраслевой системы комплектно-блочного строительства с сетью производственных региональных подсистем и применение программно-целевого метода, позволила Миннефтегазстрою СССР в 1975—1990 годах обеспечить высокие темпы внедрения прогрессивного способа сооружения объектов. Если в 1976—1980 годах в отрасли было изготовлено 8,6 тыс. блоков и блочных устройств, то в 1980—1985 годах — 31,3 тыс. штук, или в 3,6 раза больше, а в 1985—1990 годах — 46,5 тыс. штук, или в 1,5 раза больше, чем в прошедшей пятилетке.

Всего до 1991 года было изготовлено в отрасли и применено в строительстве около 90 тыс. блок-боксов. Начиная с 1985 по 1990 год в отрасли было произведено и впервые применено при строительстве 220 суперблоков массой от 120 до 450 т каждый.

При этом объем строительно-монтажных работ, выполненный с применением комплектно-блочного метода в 1988 году, возрос по сравнению с уровнем 1976 года более чем в 50 раз и превысил 1,6 млрд руб. в год

В Западной Сибири только Миннефтегазстроем СССР за 1973—1990 годы выполнен объем подрядных работ на 65 млрд долларов США. Осуществление в этом регионе крупномасштабной строительной программы в сжатые сроки позволило увеличить добычу нефти, включая газовый конденсат, в 1990 году в 11 раз по сравнению с 1973 годом, а природного газа — в 40 раз.

Одним из главных факторов создания в короткие сроки основных фондов для нефтяной и газовой промышленности стала широкая индустриализация нефтегазового строительства, базой которой при сооружении мощностей по добыче, подготовке и транспорту углеводородного сырья явился поистине революционный комплектно-блочный метод.

Топливо будущего

Миннефтегазстрой СССР, и, следовательно, его руководители в лице Б. Е. Щербины и В. Г. Чирскова, кроме решения задач в рамках заданий по плану развития топливно-энергетического комплекса страны, также постоянно находились и на острие научно-технического прогресса в данной области. Это, в частности, было связано с поиском новых источников энергии, поставкой их потребителю. И это несмотря на то, что Россия, помимо огромных запасов нефти (до 8 млрд т) и природного газа (до 60 трлн м³) обладала колоссальными месторождениями угля (до 241 млрд т), расположенными практически во всех регионах страны.

В соответствии с прогнозами Мирового энергетического совета ископаемые виды топлива могли обеспечивать потребности человечества в тепле и энергии в течение ограниченного периода. Так, по расчетам специалистов этой организации, при постоянно растущем уровне потребления энергии запасов нефти могло хватить на 40 лет, природного газа — на 65 лет, угля — на 250 лет.

В СССР запасы высококачественного энергетического угля в основном были сосредоточены в отдаленных районах Западной Сибири (Кузбасс), менее качественного — на Донбассе, в Подмосковье, в Кизеловском и Печерском бассейнах. Перевозка больших объемов угля в промышленные районы была весьма затратной. Поэтому неудивительно, что в качестве одного из перспективных источников энергии будущего рассматривался обычный каменный уголь. К началу 1970-х годов определенный опыт в этой области уже был. В частности, работы по созданию водоугольного топлива как альтернативы использованию нефти получили развитие за рубежом (США, Канада, Швеция, Япония, Китай и другие страны). В частности, в США в 1970 году был построен и введен в эксплуатацию углепровод Блэк — Меса длиной 440 км, диаметром 457 мм и производительностью 4,8 млн т в год.

Для изучения возможностей транспорта угля на значительные расстояния в 1977 году в США была направлена делегация советских специалистов. После ее возвращения советским руководством (постановление Совета министров СССР от 7 сентября 1979 года) было принято решение о строительстве углепроводов в СССР. Первоначально углепровод был запроектирован Минуглепромом СССР по

американской технологии, реализованной на углепроводе Блэк — Меса. Но в 1983 году постановлением Совета министров СССР функции генпроектировщика были возложены на Миннефтегазстрой — ВНИИПИгидротрубопровод. Тогда же было принято решение об использовании иной технологии приготовления и транспортировки суспензии в виде водоугольного топлива (ВУТ).

По технологии Блэк — Меса у потребителя на ТЭЦ-5 должен был выполняться большой объем работ по обезвоживанию угля, очистке и утилизации воды. Доказывалась целесообразность гидротранспорта высококонцентрированной водоугольной суспензии с применением специальных добавок и прямого сжигания ее на Новосибирской ТЭЦ-5. Это был совершенно новый подход к транспорту угля.

Также важно то, что реализация на головных объектах водоугольного топлива позволяет практически без изменения конструкций топливопотребляющих агрегатов (котлов, печей, топок сушильных установок и др.) перевести их с традиционных видов топлива (уголь, газ, нефтепродукты) на экологически чистое водоугольное топливо, что даст возможность резко улучшить экологическую обстановку в районах их размещения и существенно повысить эффективность использования угля.

В отличие от исходного угля ВУТ на всех стадиях его производства, транспортировки, хранения и использования является пожаро- и взрывобезопасным. Наконец, важно и то, что конечная стоимость ВУТ (в тоннах условного топлива) на 30—50% ниже стоимости мазута, на 10—20% — природного газа, и лишь на 15—20% выше стоимости исходного угля. При этом нужно учитывать, что ВУТ является готовым топливом, не требующим дополнительной подготовки у потребителя, в отличие от принятой на Западе системе, требующей дробления угля при его разгрузке и использовании, смерзшегося при перевозке и т.д.

Нужно было решить вопросы, связанные с применением необходимого отечественного и импортного оборудования. В 1983 году была создана специальная комиссия во главе с заместителем министра внешней торговли СССР В. Н. Сушковым, в которую вошли от Госплана СССР заместитель председателя В. П. Бирюков, от Миннефтегазстроя СССР В. Г. Чирсков, как первый заместитель министра, и Е. П. Олофинский — директор ВНИИПИгидротрубопровода, а также эксперты от Минуглепрома СССР, Минэнерго СССР, Минхимпрома СССР. Эта делегация на 20 дней

была командирована в Европу для переговоров с иностранными фирмами. Надо было определить, какое готовое оборудование можно купить, а какое следует создать самим. Нужен был и технологический проект.

В СССР и Европе в переговорах участвовали фирмы «Снампроджетти», «Италимпьянти», «Энел», «Франко Този» (Италия); «Зальцгиттер», «Клекнер», «Маннесманн» (ФРГ); «Комбашев Инжениринг», «Бектель», «Фостер Уиллер» (США); «Текнип» (Франция); «Карбогель», «Флюидкарбон» (Швеция); «Мицуи», «Кобе Стил» (Япония); «Ингерсол Рэнд» (Канада) и ряд других.

В течение 1983—1985 годов ВНИИПИ гидротрубопровод совместно с итальянской фирмой «Снампроджетти», имевшей в то время наиболее проработанную и проверенную в стендовых условиях технологию, были разработаны проект и рабочая документация по приготовлению и транспортированию высококонцентрированной водоугольной суспензии (ВУТ). По этой технологии ВУТ с концентрацией угля до 52% (по массе) подается на форсунки котлоагрегата ТЭЦ по мазутной схеме.

В соответствии с проектом опытно-промышленный углепровод Белово — Новосибирск имел следующие характеристики: протяженность трубопровода с диаметром трубы 530 мм — 262 км, производительность — 3 млн т в год по сухому углю, в том числе первая очередь — 1,2 млн т; комплекс приготовления водоугольного топлива (ВУТ) — 7 линий; первая очередь — 4 линии (две на импортном и две на отечественном оборудовании); 3 насосные станции — головная в городе Белове и две промежуточные — в поселках Красное и Лебедеве, резервуарный парк на ТЭЦ-5 в Новосибирске; комплекс подачи ВУТ в котлы ТЭЦ-5 (котлы ТПЕ-214 паропроизводительностью 670 т в час), для управления технологическими процессами приготовления транспорта и сжигания предусмотрена автоматическая система.

Основными целями создания подобного крупного научно-промышленного комплекса являлись: промышленная реализация технологии приготовления нового вида жидкого топлива, гидротранспортирование его на расстояние более 250 км и сжигание по мазутной схеме; проведение широких научных исследований с целью оптимизации процессов создания, транспортирования, хранения и сжигания нового вида топлива; отработка отдельных стадий, узлов, агрегатов комплекса; создание научно-технической

и технологической базы для широкого внедрения ВУТ в энергетику нашей страны и за рубежом; получение исходных данных для технико-экономического обоснования строительства промышленных комплексов производства и транспорта ВУТ большой мощности.

В течение 1986—1988 годов было осуществлено строительство первой очереди углепровода и сопутствующих сооружений. Линейную часть соорудил трест «Новосибирск-трубопроводстрой» (управляющий Ф. Л. Доброскок). Завод по производству ВУТ в Белове — трест «Нефтепроводмонтаж» (управляющий А. С. Максимов). Насосные станции в Красном и Лебедеве возведены трестом «Востокнефтепроводстрой» и «Омскнефтепроводстрой» (управляющие Б. Ф. Бобрик и Н. А. Степанов). Вместе со строительством трубопровода создавалась и инфраструктура: жилые дома, школы, медпункты и т.п.

В 1989 году был осуществлен пуск углепровода под руководством генерального директора НПО «Гидротрубопровод» Я. М. Кагана, при активном участии сотрудников и специалистов объединения А. П. Петракова, Б. Н. Бельских, А. С. Кондратьева, Г. С. Ходакова, Е. П. Олофинского и других. Уже в период с 1990 по 1992 год по углепроводу было перекачано и сожжено в котлах ТЭЦ-5 Новосибирска около 400 тыс. т ВУТ.

Все процессы сопровождалась тщательной научной проработкой, анализом проблем и их решением. Для этой цели на углепроводе (в Белове и Новосибирске) были созданы научные лаборатории, оснащенные самым современным отечественным и импортным оборудованием. На углепроводе работали первоклассные специалисты из Москвы, Киева, Новокузнецка, Новосибирска, Красноярска и других городов нашей страны, а также специалисты из других стран, в частности из Италии. Над проблемами приготовления и использования ВУТ трудились доктора наук, ученые с мировым именем: Г. С. Ходаков, А. С. Кондратьев, Г. Н. Делягин, Б. Е. Чистяков, А. С. Макаров, Б. И. Вайнштейн, Г. А. Овчинников, Б. И. Рабинович, Н. Б. Урьев и многие другие.

Проблем было немало: углепровод Белово — Новосибирск — первое в мире подобное предприятие. Задачи, решаемые на нем, были уникальны и требовали взвешенного, научно обоснованного, часто нетрадиционного подхода. В ходе строительства, пусконаладочных и научно-исследовательских работ сложился деловой, творческий коллек-

тив, который успешно завершил создание комплекса. За работой на первом в мире углепроводе такой мощности с большим интересом наблюдали во всем мире.

Владимир Григорьевич вспоминал: «В июле 1985 года мне позвонил В. И. Долгих и сообщил, что американцы проявили интерес к участию в нашем проекте углепровода Белово — Новосибирск. Я сказал, что мы знакомы с углепроводами США, у нас технология гораздо лучше, все ясно и с комплектацией проекта и американцы нам не нужны. Владимир Иванович говорит: “Если ты убежден в своей правоте, то так и будем поступать, но все же я прошу тебя принять и выслушать доктора Арманда Хаммера, который был у Михаила Сергеевича и поднял этот вопрос; может быть, во время беседы ты узнаешь что-то полезное”.

Я, конечно, имел представление о том, кто такой Хаммер, и с удовольствием его принял. Состоялась очень интересная беседа. Я твердо сказал ему, что уже все решено по проекту углепровода Белово — Новосибирск. Но мы готовы участвовать вместе с американцами в реализации новых проектов в любой стране мира.

Мне впоследствии пришлось еще два раза принимать Арманда Хаммера (один раз по просьбе Н. И. Рыжкова). Доктор Хаммер произвел на меня впечатление человека умного, делового, обладающего хорошей памятью, несмотря на свой преклонный возраст, и глубоко верящего в дружбу американского и советского народов».

От успешного пуска углепровода зависело заключение крупных контрактов, в частности на строительство аналогичного (но более мощного) комплекса в Китае в провинции Шэньси (город Бинсянь). В 1988—1989 годах министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР В. Г. Чирсковым и министром энергетических ресурсов КНР Хуан Ичаном были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве между двумя странами по вопросам строительства комплексов по производству и гидротранспортированию водоугольного топлива. Тогда же НПО «Гидротрубопровод» и Объединенный центр по технике водоугольных суспензий (Китай) приступили к разработке технических предложений для обоснования строительства сети магистральных углепроводов. Вначале рассматривался углепровод Бинсянь — Ухань длиной 860 км (суммарной производительностью 15—20 млн т угля в год) с выделением первого этапа строительства Бинсянь — Вайхэ (135 км, 2 млн т угля в год)

для доставки водоугольного топлива на тепловые станции Вайхэ (провинция Шэньси), Синьяна (Хэнань) и Уханя (Хубэй). В 1990 году были начаты предпроектные проработки на трассе будущего углепровода и комплекса приготовления ВУТ в городе Бинсень. В период с 1988 по 1992 год в Китай неоднократно выезжали руководители и специалисты Миннефтегазстроя и ВНИИПИ гидротрубопровод: Г. Н. Судобин, В. Р. Конечный, Я. М. Каган, А. П. Петраков, В. Д. Черепанов, В. В. Галактионов и многие другие.

Выполненные при проектировании и строительстве углепровода Белово — Новосибирск исследования позволили приступить к проектным разработкам магистральных гидротранспортных систем большой мощности.

Распоряжением Совета министров СССР от 26 февраля 1987 года Миннефтегазстрою СССР было поручено подготовить технико-экономическое обоснование реконструкции тепловых электростанций Кемеровской области и Алтайского края в целях перевода их на водоугольное топливо. В ТЭО предполагалось рассмотреть возможность и целесообразность перевода на водоугольное топливо ряда объектов Кузбассэнерго и Барнауленерго: Томь-Усинскую ГРЭС, Южно-Кузбасскую ГРЭС, Беловскую ГРЭС, Кемеровскую ГРЭС, Новокемеровскую ТЭЦ, Западно-Сибирскую ТЭЦ, Бийскую ТЭЦ. Строительство трубопроводных систем предполагалось осуществить в течение 1992—2000 годов.

В соответствии с Постановлением Совета министров (№ 76) от 20 января 1983 года ВНИИПИ гидротрубопроводом совместно с организациями Минуглепрома СССР и Минэнерго СССР были разработаны материалы, обосновывающие целесообразность проектирования и строительства гидротранспортной системы производительностью более 50 млн т в год. Система предназначалась для снабжения топливом в виде ВУТ 16—18 крупных электростанций Урала и европейской части страны. Среди них ТЭЦ и ГРЭС городов: Челябинск, Пермь, Йошкар-Ола, Киров, Ижевск, Ульяновск, Тольятти, Тула, Владимир, Иваново, Шатура, Кашира, Ворошиловград, Кривой Рог и др. Протяженность трассы — около 6000 км.

Предварительно планировалось выделить первую очередь системы, протяженностью около 3500 км, для перевода на ВУТ пяти ТЭС с суммарным потреблением около 12 млн ВУТ в год, затем — вторую очередь перевода одиннадцати ТЭС с суммарным потреблением около 24 млн ВУТ в год.

Полное развитие системы предусматривалось обеспечить подключением восемнадцати потребителей. Суммарный расход используемого ими топлива (водоугольного) должен был составить более 50 млн ВУТ в год.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, направленные на получение технических решений по гидротранспорту водоугольного топлива велись в соответствии с общесоюзной научно-исследовательской программой, утвержденной постановлениями Государственного комитета по науке и технике и Госплана СССР.

Проектные решения в ТЭО разрабатывались на основе вариантной проработки сырьевой базы, грузопотоков, технологии приготовления ВУТ, трасс углепроводов, оборудования, этапности ввода системы.

Заданием были предусмотрены требования к применению современных методов организации строительства, внедрению новой техники и технологии, охране окружающей среды, строительству объектов жилищного и гражданского назначения, разработке предложений по системе управления эксплуатацией углепровода.

Генеральной проектной организацией по созданию ТЭО углепровода Кузбасс — Урал — Европейская часть СССР и Кузбасс — Алтайский край был определен ВНИИПИгидротрубопровод Миннефтегазстроя СССР. В качестве соисполнителей к работе были привлечены научные и проектные организации Минуглепрома СССР, Минэнерго СССР, МПС СССР, Госплана СССР, Минтяжмаша СССР, АН СССР и других министерств и ведомств.

Предполагалось рассмотреть результаты разработок по технико-экономическому обоснованию углепроводных систем Кузбасс — Урал — Европейская часть страны и Кузбасс — Алтайский край в первом квартале 1989 года на Научно-техническом совете Бюро Совета министров СССР по топливно-энергетическому комплексу. Однако этого не произошло... Работы по проектированию магистральных углепроводов были полностью свернуты в 1991 году. А в 1994 году энергетический комплекс Белово — Новосибирская ТЭЦ-5 был полностью остановлен и решением «Росугля» поставлен на «консервацию». Также были прекращены плановые научно-исследовательские работы в этой области. Все попытки НППО «Гидротрубопровод» перевести часть комплекса на его баланс успехом не увенчались.

Нужно сказать, что и после ликвидации Миннефтегазстроя СССР В. Г. Чирсков переживал за судьбу отрасли и продолжал внимательно следить за всеми шагами, связанными как с ее развитием, так и упадком. В числе волновавших его вопросов был и проект транспортировки водоугольного топлива. В 1997 году он, обеспокоенный создавшимся положением с углепроводом, обратился к председателю правительства РФ В. С. Черномырдину с просьбой рассмотреть возможности продолжения соответствующих работ. Тогда по указанию Виктора Степановича была создана специальная комиссия под эгидой Минтопэнерго РФ и Минэкономики РФ. К сожалению, деятельность этой комиссии не дала никаких результатов в решении проблем углепровода.

Страна, можно считать, потеряла приоритет в таком перспективном направлении энергетики, как создание и внедрение искусственного жидкого топлива на основе угля — топлива будущего. Время показало, что путь был выбран правильный, однако идем по нему не мы, а другие страны. США и Япония строят сейчас углепроводы в Китае. Именно эти страны создают экологически чистые ТЭЦ нового поколения, основанные на применении водоугольных суспензий в Европе и Америке. Финляндия и Швеция являются мировыми законодателями моды в разработке и внедрении новых технологий сжигания нетрадиционных, в том числе и суспензионных видов топлива.

По состоянию на 2001 год доля угля в мировом производстве электроэнергии составляла примерно 50%. Лидировали в этом ЮАР — 95%, Австралия — 86%, КНР — 71%. Но Россия стала единственной страной мира, где за 10 лет после развала СССР добыча угля упала вдвое: с 450 до 230 млн т. В 2001 году доля угля в российском топливно-энергетическом балансе составляла лишь 12%, а в выработке электроэнергии — 26%.

В настоящее время в мире 44% тепла и электроэнергии производят из угля, а в США и Германии эти показатели достигают 56—58%. В Российской Федерации они постоянно снижаются.

В каком состоянии находится отечественная тепло- и электроэнергетика — общеизвестно. Более 70% станций работают на газе и мазуте. Запасы газа не бесконечны, и значительная часть его идет за рубеж — прежде всего в ту же Западную Европу. Износ оборудования «угольных»

ТЭС достиг критического уровня, и они доживают свои последние годы, изо всех сил загрязняя окружающую среду. «К счастью», на угольных ТЭС производится только 28% электроэнергии и тепла. Что же дальше? Мы будем втридорога закупать современные экологически чистые технологии производства тепла и энергии из угля у Запада?

Решение о проведении полномасштабных исследований процессов получения, транспортирования и использования нового вида суспензионного угольного топлива свидетельствовало о глубоком понимании правительством СССР проблем топливно-энергетического комплекса, перспективном видении задач мировой энергетики. Это было сделано в годы господства в топливном балансе СССР и всего мира нефти и газа, когда об их возможном исчерпании не было речи. Поддерживая и продвигая идею нового вида топлива, выдающиеся руководители экономики государства А. Н. Косыгин, В. И. Долгих и Б. Е. Щербина понимали, что, владея передовыми технологиями топлив на основе угля, топлив будущего, мы обеспечиваем стратегическую безопасность нашей страны.

Еще живы в России люди, которые многие годы отдали разработке нового вида топлива. Поэтому Владимир Григорьевич неоднократно заявлял, что, пока еще не поздно, целесообразно вернуться к концепции по внедрению водоугольного топлива как одного из самых перспективных топлив XXI века.

Создатели машин

Основные этапы создания и внедрения специальных машин, механизмов, устройств и оборудования для трубопроводного строительства обусловлены задачами интенсификации нефтегазового комплекса, а это было вызвано интересами народного хозяйства и в конечном счете связано с увеличением диаметра сооружаемых трубопроводов. С этой целью в Миннефтегазстрое СССР активно работало специальное конструкторское бюро, именуемое с 1985 года «Газстроймашина» и ориентированное на строительство трубопроводов.

В начале 80-х годов прошлого века рост масштабов и темпов трубопроводного строительства потребовал расширения объемов конструкторских работ. Настала пора организационных преобразований в отраслевой проектно-

конструкторской структуре, необходимо было приблизить конструкторские бюро к производственным базам. Сначала в Ленинграде и Киеве, а затем в Брянске и Тюмени были созданы филиалы СКБ «Газстроймашина».

Ленинградский филиал СКБ был образован на базе Ленинградского механического завода и специализировался на создании машин для очистки и изоляции трубопроводов, установок горизонтального бурения, земснарядов и другой техники. Конструкторы этого филиала много сделали для облегчения труда трассовиков. Очистные машины, разработанные под руководством заведующего отделом Б. И. Кроля, изоляционные — под руководством И. В. Азявчикова, земснаряды — под руководством М. П. Ямщикова, хорошо зарекомендовали себя на стройках нефтяной и газовой промышленности. В результате Ленинградский механический завод освоил серийный выпуск многих машин и механизмов, разработанных филиалом СКБ.

Киевский филиал СКБ, созданный на базе Киевского экспериментального механического завода (КЭМЗ), специализировался на создании всего комплекса сварочного оборудования и различных средств малой механизации, его возглавил главный конструктор и бессменный директор М. Р. Униговский. Михаил Робертович пришел в отрасль из оборонной промышленности с огромным знанием конструкторского дела. В. Г. Чирсков хорошо знал этого человека, которого отличали удивительный интерес и любовь к отрасли, ее делам и людям, острый ум и доброжелательность. Киевский экспериментальный механический завод освоил выпуск различных типов оборудования для сварки трубопроводов, где были использованы разработки как Киевского филиала СКБ, так и Института электросварки им. Е. О. Патона.

За время своей активной деятельности коллектив СКБ «Газстроймашина» создал сотни наименований различных машин. Его комплексы специальных машин и механизмов обеспечивают высокие (до 90 процентов) уровни механизации строительно-монтажных работ при сооружении трубопроводов диаметром от 89 до 1420 мм. Все они были освоены производством на машиностроительных заводах как Миннефтегазстроя СССР, так и других ведомств. Технический уровень многих из них, и в первую очередь землеройных машин, соответствовал мировым стандартам.

СКБ «Газстроймашина» была единственной конструкторской организацией в СССР, разрабатывавшей ротор-

ные экскаваторы для рытья траншей под магистральные трубопроводы. В серийное производство было внедрено 14 основных моделей и 13 модификаций роторных экскаваторов.

Московским экспериментальным механическим заводом выпускался роторный экскаватор ЭТР-254 мощностью 220 кВт для разработки траншей глубиной 2,5 м и шириной 1,8—2,1 м. Машина позволяет разрабатывать траншеи с промерзанием грунта на всю глубину. На талых грунтах производительность достигает 1200 м³ в час. На базе этого экскаватора были созданы усовершенствованные модификации, в том числе экскаватор ЭТР-254-01. Эта модель в те годы была лучшей в мире.

СКБ «Газстроймашина», Московским экспериментальным механическим заводом и ПО «Звезда» был создан самоходный дизель-электрический экскаватор непрерывного действия ЭТР-307, способный в вечномерзлых грунтах отрывать траншеи глубиной и шириной по 3,1 м для размещения газопроводов диаметром 1420 мм с пригрузами. Экскаватор имел мощность 880 кВт (1200 л. с.), мощность на копание 650 л. с., диаметр ротора 4,5 м и массу 150 т. Его опытная эксплуатация в районе Ямбурга позволила усовершенствовать как сам экскаватор, так и технологию рытья траншей. По новой технологии траншеи в вечномерзлых грунтах стали разрабатываться дифференцированным способом, двумя экскаваторами. Первый прорезывает узкую траншею шириной 1,2 м, а второй дорабатывает ее до размеров 3×3 м. Для этой цели был создан энергонасыщенный комплекс машин ЭТР-309 мощностью 650 л. с. с суммарной мощностью на копание 1100 л. с. и массой обеих машин 124 т.

Для производства земляных работ были созданы новые технологии и машины по рекультивации, засыпке и уплотнению грунта, по организации снежных дорог и зимников, новые снегоболотные шасси и другие виды техники. Только за 1989—1990 годы в СКБ отрасли было спроектировано 51 и внедрено более 35 образцов новых специальных машин и механизмов. В СКБ работало более тысячи человек, 305 конструкторских разработок СКБ получили авторские свидетельства СССР и 9 — зарубежные патенты.

За годы существования в СКБ «Газстроймашина» были разработаны комплексы специальных машин для строительства промысловых и магистральных трубопроводов диаметром от 89 до 1220 мм. В сжатые сроки в 1969—1971 го-

дах было разработано и запущено в серийное производство более 30 типов специальных машин и оборудования для строительства трубопроводов диаметром 1420 мм. В этот комплекс вошли роторные траншейные экскаваторы, машины для бурения шпуров в талых и мерзлых грунтах, плетевозы, очистные изоляционные машины, центраторы. Такая комплексность чрезвычайно важна для стабильной работы строителей на трассах. Она обеспечила высокие темпы отечественного трубопроводного строительства.

В середине июня 1988 года в Канаде, в городе Калгари, проходила национальная нефтяная выставка, которая начиная с 1968 года проводилась каждые два года. В тот раз Н. И. Рыжков поручил В. Г. Чирскову возглавить делегацию нефтяников, газовиков, геологов и строителей СССР. Нужно отметить, что нефтяные выставки в Калгари проходили под эгидой провинциального и федерального правительств Канады. Территория выставки была местом, где ежегодно проводилось самое большое в мире соревнование ковбоев — ридео. По числу участников выставка была самой крупной в Северной Америке. За три дня ее посетило 37 тысяч человек из 58 стран мира, 1083 фирмы рекламировали здесь свою продукцию.

Первым советским экспонатом на этой выставке было детище Миннефтегазстроя СССР — 36-тонный болотоход «Тюмень». Миннефтегазстрой СССР и «Формоуст» (канадская компания, ведущая в мире по созданию снегоболотоходов) образовали совместную советско-канадскую рекламно-сбытовую фирму «Формоуст-Прогресс» с целью продвижения снегоболотоходной техники совместного производства на рынки как в СССР, Канаде, так и в других странах. В качестве первого шага в развитии деятельности совместного предприятия с рекламной целью отгрузили в Канаду снегоболотоход «Тюмень» для проработки спроса на рынках Северной Америки. Миннефтегазстрой подписал соглашение с фирмой «Формоуст» о совместном создании болотохода грузоподъемностью 70 т. Болотоход получил название «Ямал» в честь того, что готовились выйти на освоение месторождений нефти и газа на полуострове Ямал. Два опытных «Ямала» к тому времени уже прошли испытание на севере Тюменской области. Первые грузы — несколько стальных резервуаров массой 60 т каждый — были успешно перевезены на расстояние 400 км.

По мнению советских и канадских специалистов, испытания снегоболотохода «Ямал» прошли нормально, но

В. Г. Чирсков.
2010 г.

В. И. Долгих, В. Г. Чирсков, Е. К. Лигачев. *Москва, 2007 г.*

Члены последней коллегии Миннефтегазстроя СССР
на фоне здания министерства. *Москва, ул. Житная, 2001 г.*

А. К. Протазанов, Л. Ю. Рокетский, В. Г. Чирсков, В. С. Черномырдин,
И. И. Мазур, В. М. Павлюченко. *Москва, 1999 г.*

Работники Миннефтегазстроя СССР — ветераны Великой
Отечественной войны. Встреча в честь 50-летия Победы.
Московская область, д. Аксаково, 1995 г.

Мари
Прокофьевне
Чирсковой —
90 лет.
Москва, 1996 г.

Встреча друзей
юности. *Саратов,*
1999 г.

Супруги Чирсковы.
Москва, 1993 г.

Встреча
ветеранов создания
нефтегазового
комплекса страны.
Москва, 2000 г.

Супруги Чирсковы с праправнуком Мишей
в день 80-летия Владимира Григорьевича. Москва, 2015 г.

Открытие памятника Б. Е. Щербине. Тюмень, 2004 г.

На Новодевичьем кладбище 5 ноября в день рождения Б. Е. Щербины.

Золотая
свадьба —
50 лет вместе.
2009 г.

Семья
Чирсковых

Открытие памятника А. К. Корзунову. *Салехард, 2007 г.*

Посещение Саратовской области председателем правительства России В. С. Черномырдиным. *Краснокутский район, 1993 г.*

Супруги Чирсковы. В день 80-летия Марии Владимировны.
Москва, 2015 г.

III съезд Российского союза нефтегазостроителей. Москва, 2012 г.

В. А. Чирсков, В. Г. Чирсков, В. А. Рунов. Москва, 2010 г.

Супруги Чирсковы на отдыхе в горах. *Словения, 2015 г.*

Семья Чирсковых: родители Владимир Григорьевич
и Мария Владимировна, дочь Ираида, внук Владимир.
Москва, 2000 г.

В день 40-летия Миннефтегазстроя министры СССР: А. А. Ежовский, В. Г. Чирсков, Е. А. Козловский, М. С. Шкабардня, Н. А. Паничев, Г. Д. Колмогоров. Москва, 2012 г.

Торжественное собрание по случаю 100-летия со дня рождения Б. Е. Щербины. *Москва, 2019 г.*

Младшее поколение Чирсковых: внук Владимир, его жена Юлия, правнуки Михаил, Максим, Андрей.

Книги В. Г. Чиркова

В. Г. Чирсков.
Москва, 2012 г.

нужны были небольшие доработки конструкции. К сожалению, сложившееся к 1991 году в стране положение не позволило российским и канадским конструкторам довести эту крайне необходимую для освоения заболоченных территорий машину до серийного выпуска.

В. Г. Чирсков, который много лет проработал главным механиком треста, управляющим трестом механизации и, будучи заместителем министра, курировал конструкторские бюро, хорошо знал лично практически всех создателей строительных машин. В этой области в 1980-е годы достойно себя проявили Е. П. Ковалев, Е. А. Подгорбунский, А. М. Сушкин, Е. И. Романов, А. А. Калугин, Э. Л. Ажгиревич, В. Н. Шпекторов, В. Н. Осипов, О. Н. Туманян и др.

Владимир Григорьевич вспоминал, что часто задавал себе вопрос: «Отраслевое машиностроение — оправданно ли это?» И приходил к выводу, что оправданно. Без своего специализированного машиностроения Миннефтегазстрой СССР не мог бы существовать, так как ни одна машиностроительная отрасль не имела производства для трубопроводного строительства.

В отрасли создавали траншейные роторные экскаваторы, трубовозы и транспортные средства высокой проходимости по болотам и в тундре, трубогибочные установки, очистные и изоляционные машины, машины для горизонтального бурения переходов под дорогами, средства и оборудование для строительства подводных переходов. Нужны были машины и оборудование для сварки труб и для их испытания. При этом, учитывая огромные расстояния, на которых велось строительство трубопроводов и его массивность, объемы этого машиностроения были весьма значительны.

Работа в этом направлении была проделана колоссальная. В конце 1980-х годов строители трубопроводов имели более 300 типов машин и механизмов. Практически весь спектр специальных работ, кроме трубоукладочных большой грузоподъемности, был обеспечен машинами и механизмами, созданными в отраслевых конструкторских бюро и изготовленных на машиностроительных и ремонтных заводах министерства.

В середине 1980-х годов в отрасли создали промышленно-производственное объединение «Трубопроводмаш». В него, кроме СКБ «Газстроймашина», вошли машиностроительные заводы: Московский экспериментально-механи-

ческий (МЭМЗ), Киевский экспериментально-механический (КЭМЗ), Львовский экспериментально-механический (ЛЭМЗ), Кропоткинский экспериментально-механический «Ухтагазстроймаш», московский «Газстроймаш». Это объединение ускорило процесс внедрения создаваемых машин. Годовая программа машиностроения превысила 250 млн долларов США. Машиностроители отрасли поставляли на стройки нефтяной и газовой промышленности ежегодно до 100 роторных экскаваторов, 150 трубоукладчиков 1100 трубопроводов и сотни наименований других машин и механизмов.

За всеми этими цифрами стояли люди. Тысячи преданных делу трубопроводного строительства людей — главных механиков строительно-монтажных организаций, рабочих-механизаторов, механиков, конструкторов и исследователей — все они заслуживают слова признания и благодарности за оснащение отрасли сложной современной техникой.

Глава девятая

ТРУДНЫЕ ВИРАЖИ

По странам мира

Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР постоянно направляло свои усилия на расширение экономического сотрудничества с зарубежными странами и повышение его эффективности. Это сотрудничество нашло свое отражение как в возрастающем объеме строительства за рубежом нефтяных и газовых объектов на подрядных условиях «под ключ», так и в оказании технического содействия (проведение совместных научно-исследовательских и конструкторских работ, командирование специалистов, организация поставок строительных машин и оборудования).

На подрядных условиях или при техническом содействии организаций отрасли сооружено свыше 50 нефтяных и газовых объектов в 17 странах мира. Эти стройки были под особым контролем министерства.

Сотрудничество Миннефтегазстроя СССР с Республикой Куба началось в мае 1984 года. Тогда в министерстве принимали министра базовой промышленности Кубы Маркоса Порталя Леона. Он высказал ряд просьб, в числе которых были просьбы проложить нефтепровод на Кубе, оказать содействие в организации строительства силами кубинцев, обучить на имеющейся базе в СССР рабочих разных профессий и т. д.

В те годы все, что было связано с Кубой, в СССР считалось первостепенным делом. Поэтому на коллегии Миннефтегазстроя в приоритетном порядке были рассмотрены просьбы кубинского министра и намечен ряд мер для оказания содействия в строительстве трубопроводов и подготовке руководителей. Для этого заместитель министра Марат Хайрутдинович Хуснутдинов поехал на Кубу и приступил к исполнению обязанностей советника министра

базовой промышленности. Также на Кубу была направлена большая группа специалистов министерства для изучения на месте всех поставленных вопросов и выработку необходимых мер.

О начале взаимоотношений можно судить по следующему письму министра Кубы, адресованному В. Г. Чирскову:

«г. Гавана

3 августа 1984 г.

Год XXV Годовщины победы Революции

Дорогой брат Чирсков!

Прежде всего хочу выразить нашу благодарность за ускоренный темп, в котором выполняются договора, принятые нами в апреле, и за практическую форму выполнения поставленных задач Вашими представителями.

Хочу довести до Вашего сведения, что лично проинформировал товарища Фиделя и товарища Рауля о высшей степени положительных результатах нашей встречи и передал обоим медаль Строителя нефтепродуктопроводов, посланную Вами для них.

Затем сразу же были отданы распоряжения об отборе из рядов Вооруженных сил молодых кубинцев для подготовки из них в СССР строителей нефтепродуктопроводов. Мы уже привлекли 1200 человек, из числа которых отберем 500 с наибольшим культурным уровнем, они, начиная с сентября, будут готовы к отправке в подведомственные Вашему министерству школы.

Товарищ Чирсков, могу сообщить Вам также, что делегация специалистов, направленная Вами, выполнила эффективно интенсивную программу работ, проанализировав на месте технические, материальные и трудовые условия, которыми мы располагаем на сегодняшний день. Вместе с ними мы разработали протокол-программу работ, который, по нашему мнению, может служить руководством для непосредственного осуществления совместной работы обоих министерств.

Я не забыл Ваших слов относительно того, что совместными усилиями создадим на Кубе мощный филиал строителей нефтепродуктопроводов, способный в будущем осуществлять работы от лица совместного предприятия Куба — СССР в других странах, и могу заверить Вас, что с нашей стороны будут приняты все меры для реализации этой задачи.

Не хочу закончить эту короткую, личного характера записку, не повторив Вам еще раз, что наша Коммунистиче-

ская партия, товарищи Фидель и Рауль в первую очередь занимаются этими проблемами, учитывая не только их экономическое значение, но и их роль в укреплении оборонной мощи нашей страны. Военная оборона нашей страны теперь и до тех пор, пока существуют янки, является основной задачей.

Товарищи из нашей делегации смогут изложить Вам больше детального материала по этому вопросу.

От всего сердца крепко обнимаю Вас.

Маркос.

P.S. Передайте привет Б. Е. Щербине».

Намеченные совместные мероприятия успешно осуществились. С министром Маркосом Порталем Леоном В. Г. Чирсков систематически поддерживал личный контакт. В соответствии с решением директивных органов с 11 по 18 мая 1987 года он с группой специалистов министерства посетил Республику Куба, где ознакомился с рядом предприятий топливной промышленности, энергетики и некоторыми объектами обороны страны.

В период пребывания на Кубе состоялись встречи Владимира Григорьевича с Фиделем Кастро, заместителем председателя Совета министров, членом Политбюро ЦК Педро Миретом, секретарем ЦК Хайме Кромбетом и другими руководителями страны. Кубинские товарищи выразили удовлетворение сотрудничеством с Советским Союзом в области становления и развития топливной индустрии Кубы. Были высказаны просьбы оказать содействие в разработке специальной программы строительства 1500 км трубопроводов разного назначения на период до 2000 года, осуществить совместное проектирование и строительство магистрального нефтепровода Матансас — Сьенфуэгос диаметром 720 мм, протяженностью 200 км, расширить техническое содействие в строительстве на Кубе объектов трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов, продолжить обучение рабочих в учебных центрах Миннефтегазстрой СССР.

В. Г. Чирсков вспоминал: «При посещении Кубы на меня огромное впечатление произвело любовное отношение в стране к детям, а также уважительные взаимоотношения людей, их патриотизм в защите своей свободы. Неизгладимое впечатление осталось и от встреч с руководителями Республики, особенно с Фиделем Кастро. Она проходила с 23 часов 45 минут до 1 часа 15 минут. Состоялся подробный разговор о наших взаимоотношениях с Мини-

стерством базовой промышленности Кубы. Затем Фидель Кастро задал мне массу вопросов, касающихся различных сфер жизни и деятельности советского народа. Особенно его интересовала политика нашего правительства по дальнейшему, после Чернобыля, отношению к атомным станциям. Этот вопрос был, конечно, связан прежде всего с тем, что наши специалисты на Кубе строили атомную станцию (я ее посетил, один блок был уже практически закончен строительством).

Мое впечатление от встречи с Фиделем Кастро: человек он весьма умный, умеет слушать, мысли излагает кратко и понятно, к советским людям и нашей стране относится с любовью, внимательный хозяин. Когда он меня провожал до выхода из Дома революции, по коридорам шли с бумагами люди, и казалось, что был разгар рабочего дня, а не второй час ночи».

Крупной зарубежной стройкой министерства в середине 1980-х годов был газопровод в Алжире. В октябре 1985 года В. Г. Чирсков с группой специалистов посетил Алжирскую Народную Демократическую Республику (АНДР), где ознакомился с ходом строительства в пустыне Сахара газопровода Альдар — Тинфуге — Хасси-Мессауд диаметром 1066—1220 мм протяженностью 654 км. Для этого в один из дней ему пришлось проехать на автомобилях по Сахаре по трассе газопровода Хасси-Мессауд — Оханеш — за 16 часов около 800 км. Во время ознакомления с ходом работы состоялись многочисленные встречи Владимира Григорьевича со строителями газопровода. У них было много трудностей: во-первых, очень высокие температуры воздуха, во-вторых, скальный, тяжелый для разработки грунт, который находился под песком Сахары. Арабы с уважением говорили, что только русские могут работать летом в Сахаре.

По возвращении из пустыни у Чирскова состоялись встречи с премьер-министром АНДР Абдулхамидом Брахими, министрами тяжелой промышленности Саади, планирования и обустройства территорий Али Убузаром, торговли Абдельазизом Хеллером. С министром энергетики и нефтехимии Белькасемом Наби они подробно рассмотрели ход выполнения заключенных контрактов, наметили перспективные направления сотрудничества и подписали соответствующий протокол. Кроме названного газопровода в Алжире были построены наземные сооружения южной части газопровода Хасси — Рамель — Арзев.

В Болгарии коллективы Миннефтегазстроя СССР работали на протяжении двадцати лет. При помощи специалистов отрасли там была создана организация по строительству трубопроводов. В. Г. Чирскову неоднократно приходилось бывать в Болгарии. Там он встречался с первым секретарем Болгарской коммунистической партии Тодором Живковым, председателем Совета министров Г. Атанасовым, заместителями Совета министров А. Лукановым и Г. Стоичковым, министром по строительству Г. Григорьевым. У него сложились дружеские отношения с послами Болгарии в СССР Д. Жулевым и Г. Панковым. Нужно сказать, что в то время болгары высоко ценили работу специалистов Миннефтегазстроя СССР и всегда встречали их с большим радушием.

Строителям Миннефтегазстроя СССР довелось вести работы и в Нигерии по контракту, который 10 января 1977 года был подписан советской стороной с Нигерийской национальной корпорацией по сооружению на условиях генерального подряда двух систем нефтепродуктопроводов протяженностью более 807 км (в процессе строительства по согласованию с нигерийцами протяженность увеличена до 922 км). Цена контракта составляла 118 млн долларов США. Эти системы трубопроводов с насосными станциями предназначены для транспортировки нефтепродуктов (бензин двух сортов, дизельное топливо и керосин) при рабочем давлении 10 МПа и диаметре труб 114-406 мм. Генеральным подрядчиком выступило объединение «Зарубежнефтегазстрой» Миннефтегазстроя СССР.

Проектирование объекта осуществлено на условиях субподряда английским отделением международной фирмы «Аймег». Консультантом инозаказчика и разработчиком тендерной документации являлась англо-итальянская фирма «Текинт». Поставка технологического оборудования и технологических материалов осуществлялась из третьих стран. Закупку труб произвели в Японии. В сентябре 1979 года и в августе 1980 года системы нефтепродуктопроводов (922 км трубопровода с девятью насосными и замерными станциями) были пущены в двухгодичную гарантийную эксплуатацию, а в декабре 1981 года и в октябре 1982-го сданы в постоянную эксплуатацию. Все обязательства по объекту советские организации выполнили. В 1986 году стало известно, что нигерийская сторона намерена в ближайшее время снова объявить международные торги на строительство в 1988—1989 годах нефтепродуктопровода

Порт-Харкорт — Бенин протяженностью около 500 км с четырьмя насосными и замерными станциями, а также резервуарным парком.

Политико-экономические (включая предстоящий тендер на строительство) отношения СССР с Нигерией повлияли на общественную деятельность В. Г. Чирскова. В конце декабря 1986 года ему было предложено возглавить Общество дружбы «СССР — Нигерия», которое было учреждено еще в 1970 году. Это было первое в Советском Союзе общество дружбы со страной тропической Африки. По приглашению Ассоциации нигерийско-советской дружбы, во главе делегации Общества дружбы «СССР — Нигерия» в период с 24 по 30 октября 1987 года Чирсков посетил Нигерию, где принял участие в мероприятиях, посвященных 70-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Там он встретился с министром нефти и министром информации страны.

Позже Владимир Григорьевич вспоминал: «Меня, конечно, больше интересовала встреча с министром нефти, который в то время был и президентом ОПЕК. Первое, что я услышал от него, были слова благодарности за построенную систему трубопроводов, которая уже 10 лет работала надежно. Это меня порадовало. Но затем он сообщил, что в ближайшее время новых тендеров по строительству трубопроводов, как ожидалось, не будет. После этого мне стало ясно, что нового крупного контракта для отрасли не будет, но взамен мне остались только хлопоты президента Общества».

Природный газ из Советского Союза начал поступать в Финляндию в 1974 году. На первом этапе строительства трубопровода работы велись на юго-востоке Финляндии, от советской границы до района города Котки. Ко второму этапу строительства приступили весной 1985 года. Работы начались вблизи города Коуволы. Было проложено более 400 км газопровода стоимостью 850 млн марок. От основной магистрали провели два отвода: один — к Тампере, другой — к Хельсинки. Построили 39 газораспределительных станций и 19 объектов связи. Трубопровод прошел по территории более двух тысяч землевладельцев. Магистральный трубопровод построили 300 советских строителей-профессионалов, финские строители на субподряде выполнили земляные работы. В день прокладывали до 1 км трубопровода.

В ноябре 1986 года правительством Финляндии В. Г. Чирсков был приглашен на торжественный пуск в работу советскими строителями очередного газопровода. Последние сва-

рочные огни на трассе погасли еще в сентябре, а 22 сентября 1986 года город Тампере начал получать газ. На торжественное открытие газопровода собрались в холодный зимний день гости с Запада и Востока. Министр внешней торговли Финляндии Ерму Лайне, нажав специальную кнопку, зажег газовые фонари в парке и три факела, которые осветили Ратинский плес и публику, собравшуюся на торжественное мероприятие. В честь прихода природного газа в Финляндию были подняты синие бокалы и держались речи, полные надежд. Полные потому, что после завершения второго этапа строительства уже планировался следующий этап: вести работы на юго-западе Финляндии и далее через Балтийское море проложить газопровод в Швецию.

Также нужно вспомнить о строительстве нефтепровода и связанных с ним сооружений в Народной Демократической Республике Йемен (НДРЙ). Авансовый контракт на проектирование и строительство нефтепровода, а также объектов обустройства месторождений был подписан 11 января 1988 года на сумму 39 млн долларов США. Стоимость всего контракта предполагалась в пределах 500 млн долларов, в том числе по нефтепроводу — 81 млн долларов. Срок завершения работ по контракту — декабрь 1989 года. Это была очередная директива руководства страны, хотя нормативный срок составлял не менее трех лет. Но указание требовалось выполнять.

В марте 1988 года с группой специалистов В. Г. Чирсков посетил НДРЙ, побывал на промысле, проехал по трассе будущего нефтепровода. Трасса не из легких — пустыня, затем горы и ровное скалистое плато у моря. На месте были определены сроки изыскателям и проектировщикам, а также возможные варианты технических решений. Рассмотрели и вопросы организации строительства, создали управление строительства нефтепровода, генеральным директором назначили прекрасного специалиста из Сургута — Василия Никифоровича Гришкова.

Сжатые сроки строительства и функции сопредседателя комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству между СССР и НДРЙ (сопредседателем с йеменской стороны был заместитель председателя Совета министров Абу Бакр Бен Хусейнун) обязывали В. Г. Чирскова систематически лично заниматься этой стройкой не только в Москве, но и в Йемене. В связи с этим три раза он выезжал непосредственно на строительство нефтепровода и промысловых объектов.

Коллектив специалистов Миннефтегазстроя СССР во главе с генеральным директором этой стройки строго в установленный срок и при хорошем качестве сдал «под ключ» линейную часть магистрального трубопровода диаметром 530 мм и протяженностью 214 км, головную насосную станцию, конечный пункт приема нефти с резервуарным парком, морской нефтепровод и морской беспричальный пункт налива нефти в танкеры, доказав тем самым профессиональные возможности Миннефтегазстроя СССР.

Владимир Григорьевич рассказывал: «Каждый раз, бывая в Йемене, я встречался с Генеральным секретарем ЦК ЙСП Али Салем аль-Бейдом, председателем Президиума Верховного народного совета Хейдар Абу Бакр аль-Аттасом, премьер-министром НДРЙ Ясин Саид Наоманом, заместителем премьер-министра Салех Абу Бакр Бен Хусейнун. Все встречи проходили в дружественной обстановке, обсуждались конкретные вопросы. Эти руководители республики оставили у меня хорошее впечатление. Но развал Советского Союза оборвал отношения с этой страной».

В ноябре 1989 года с группой специалистов министерства В. Г. Чирсков посетил Ирак. Данная поездка преследовала две цели: первая — участие по поручению правительства СССР в праздновании Дня Советского Союза на Багдадской международной ярмарке и открытии советского павильона; вторая — рассмотрение хода выполнения контракта по комплексному освоению нефтяного месторождения Западная Курна (первая очередь производительностью 11 млн т добычи нефти в год). Стоимость данного контракта составляла 470 млн долларов США. Для выполнения этого контракта и других в Ираке работало более четырех тысяч наших специалистов. Советские специалисты посетили объекты обустройства месторождения Западная Курна, компрессорную станцию газопровода Румейла — Багдад и другие объекты. Встречались с коллективами строителей Миннефтегазстроя СССР.

В Багдаде состоялись встречи Владимира Григорьевича с членом Совета революционного командования, первым заместителем премьер-министра Ирака Таха Ясин Рамаданом (должность премьер-министра занимал президент страны Саддам Хусейн), министром нефтяной промышленности Исамом Абдсль Рахимом аль-Челяби, министром торговли доктором Мухаммедом Мехти Салехом и президентами ряда нефтяных компаний. Во время этих встреч были обсуждены ход выполнения действующих контрактов

и перспективы на будущее. Все эти встречи были весьма доброжелательные и полезные.

В Ираке Миннефтегазстроем СССР был построен ряд объектов, заложивших основу развития национального сектора нефтяной промышленности. К ним относились три очереди нефтепромысла Северная Румейла общей производительностью 42 млн т нефти в год, нефтепровод Северная Румейла — порт Фао протяженностью 140 км, нефтепромыслы Нахр-Умр и Лухей с общим объемом годовой добычи 4 млн т нефти, нефтепродуктопровод Багдад — Басра (540 км), газопровод Северная Румейла — Насири (около 140 км), промышленный комплекс для закачки воды на месторождении Северная Румейла производительностью 120 млн м³ воды в год, нефтебаза Новый Карх с резервуарным парком емкостью 170 тыс. млн м³.

В годы, предшествовавшие иракско-кувейтской войне 1991 года, коллективы Миннефтегазстроя СССР вели широкомасштабное обустройство нефтяного месторождения Западная Курна. Всего в Ираке организациями Миннефтегазстроя СССР было построено более трех тысяч километров магистральных трубопроводов, компрессорная станция, девять кустовых насосных станций, резервуарных парков на 516 тыс. млн м³ емкостей и другие объекты.

Политические отношения между СССР и Кувейтом, установленные 11 марта 1963 года, развивались стабильно и ровно, постепенно охватывая все новые сферы совместной деятельности. Соглашение о создании постоянной советско-кувейтской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству было подписано в октябре 1987 года. В ноябре 1989 года СССР и Кувейт совместно решили повысить роль данной комиссии. Председателями комиссии назначаются министры: с советской стороны эти функции должен был выполнять В. Г. Чирсков, с кувейтской — министр нефти Али аль-Халифа аль-Азби ас-Сабах, правнук эмира Мухаммеда I.

Сразу после назначения Владимиру Григорьевичу было предложено активизировать работу комиссии. Учитывая, что у него уже была запланирована в ноябре 1989 года поездка в Ирак, Чирсков решил посетить и Кувейт, чтобы встретиться с министром нефти и договориться о дальнейшей работе комиссии, а также рассмотреть ход выполнения советскими строителями первого советского контракта в Кувейте. Программа быстро была согласована. Встреча с министром нефти и минеральных ресурсов Кувейта, пред-

седателем правления Кувейтской нефтяной корпорации Али аль-Халифа аль-Азби ас-Сабахом прошла в обстановке взаимопонимания. Были намечены и меры по активизации работы межгосударственной комиссии, очередную встречу на уровне ее председателей предполагалось провести в 1990 году в Москве. Кроме того, представители Нефтегазстроя СССР также посетили нефтяные промыслы и рассмотрели ход выполнения советского контракта, встретились с коллективом строителей. Сооружением объектов руководили В. М. Дода и Т. А. Атаев.

Впервые в истории советско-кувейтских отношений в ноябре 1988 года советские организации подписали контракт с «Кувейт Ойл Компани» на строительство в Кувейте в городе Мена аль-Ахмади четырех установок по подготовке (обессоливанию и обезвоживанию) нефти. Общая сумма контракта составляла 60,5 млн долл. США. Работы предстояло выполнить за 23 месяца. Однако выполнение контракта шло не так, как планировалось. Оказалось, что недостаточно изучены условия страны, многие вопросы не нашли отражения в контракте. Например, была очень жесткая квота на специалистов, пребывающих на работу по контракту. Эту проблему удалось снять только при вмешательстве министра нефти Кувейта.

В. Г. Чирсков понимал, что первый контракт всегда самый сложный, но и самый главный: это своего рода визитная карточка в новой стране. При осмотре установок подготовки нефти, сооружаемых советскими строителями, он остался доволен качеством их работы. Хорошо оценивали эту работу и представители кувейтской нефтяной компании, так как было с чем сравнивать — рядом возвышались аналогичные установки, построенные французами. Тогда строители Миннефтегазстроя СССР приняли решение: если даже ничего не заработаем — установки нужно сдать в срок и при хорошем качестве, чтобы иметь перспективу на новые контракты. А данная перспектива, учитывая, что В. Г. Чирсков стал сопредседателем комиссии по Кувейту, была реальной. К великому сожалению, осуществлению этих планов помешала ирако-кувейтская война.

29 ноября 1990 года был подписан контракт между международным консорциумом, лидером которого являлось объединение «Зарубежнефтегазстрой» Миннефтегазстроя СССР, и греческой Государственной корпорацией (ДЕПА) на строительство магистрального газопровода на территории Греции. Общий объем работ консорциума со-

ставлял 175 млн долларов США, в том числе 90 млн долларов — доля «Зарубежнефтегазстроя». Протяженность магистрального газопровода от границы Греции с Болгарией до города Афины 515 км.

Первые переговоры с министром промышленности, ресурсов и технологии Греции господином Ставросом Димасом состоялись в Москве. Затем В. Г. Чирсков с группой специалистов посетил Грецию. На машинах они проехали всю трассу газопровода, которая оказалась очень непростой. Несмотря на это, сооружение данного газопровода было успешно завершено. Возглавлял стройку бывший заместитель министра Сергей Карапетович Аракелян.

Коллегия Миннефтегазстроя СССР всегда уделяла большое внимание зарубежным стройкам. Отраслевые научно-исследовательские институты активно сотрудничали с зарубежными научными центрами по проблеме сооружения трубопроводных систем. Особенно активной была работа советских ученых с учеными немецкого концерна «Маннесманн». В конце сентября 1990 года В. Г. Чирсков выступал с основным докладом на XXIV конференции Международной ассоциации строителей трубопроводов в Мюнхене (Германия), где доложил об организационной структуре, системе управления, научных проработках, создании комплекса машин и о проблемах, которые нужно решать совместно. Тогда его доклад вызвал неподдельный интерес, было много вопросов и встреч.

Миннефтегазстрой СССР была самой крупной в мире компанией по строительству трубопроводов, а уровень ее работы признавался как мировой стандарт. К тому же сооружение зарубежных объектов в установленные контрактами сроки и при высоком качестве работ являлось лучшей рекламой отрасли и страны. Поэтому зарубежные заказчики и трубопроводные компании относились к советским строителям с большим уважением, а заработанные ими значительные валютные средства ежегодно поступали в бюджет страны. Жаль, что в последующем этот потенциал был во многом потерян.

Последний успех

В начале января 1988 года в Совете министров СССР состоялось первое крупное совещание по Ямалу, которое вел Б. Е. Щербина. По решению правительства

страны газ с Ямала нужно было дать к 1991 году. В то же время не было даже технико-экономического обоснования этого проекта, стоял ряд и других серьезных проблем. Эти вопросы в своих выступлениях подняли В. С. Черномырдин и В. Г. Чирсков, но не получили на них ответа. Тем не менее было принято решение подготовить проект постановления правительства по Ямалу.

В начале января Совет министров обсудил итоги работы народного хозяйства в 1987 году и задачи на 1988-й. Была отмечена стабильная работа отраслей топливной энергетики в 1980—1987 годах. За два года в стране прирост промышленной продукции составил 8,9 процента. Весь прирост был обеспечен за счет увеличения производительности труда. Национальный доход вырос на 8 процентов. Украина, Узбекистан, Грузия сократили свою долю в национальном доходе страны.

Итоги января были неутешительны: из 163 видов продукции план выполнен по 90 видам.

— Министрам нужно управлять директорами, — сказал председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, комментируя этот провал.

Но попробуй управлять, когда эти директора почти всюду уже избраны трудовыми коллективами, которые неуклонно набирали силу. Советы трудовых коллективов не только избирали директоров, но и решали, какой принимать план. Многие министры не понимали такие шаги руководства страны и не принимали их. Да и сам Николай Иванович на одном из совещаний возмущался тем, что на крупном машиностроительном заводе директором избрали пивовара. Быть может, тот директор умел хорошо варить пиво, но управлять сложным огромным производством... Однако вакханалия выборов продолжалась и определенно разрушала страну.

В феврале Президиум Совета министров СССР рассматривал вопрос о лесозаготовках. В стране создалась сложная обстановка с поставками древесины. В 1987 году Миннефтегазстрой недополучил 56 тысяч кубометров пиловочника. На 1988 год при потребности в миллион кубометров пиловочника запланировали на самозаготовку 500 тысяч кубометров, централизованные поставки составили 250 тысяч кубометров а еще 250 тысяч остались на разрыве, так как восполнить их было делом малоресальным. Нефтегазостроителей обязали создавать леспромхозы и самим заготавливать древесину. Сначала обязали са-

мим обеспечивать своих рабочих продовольствием, затем товарами народного потребления и услугами — а теперь еще и заготовка леса. Все это, очевидно, входило в план горбачевской перестройки.

4 марта 1988 года состоялось совещание в ЦК КПСС по Южному Йемену. Докладывал Б. Е. Щербина, что вполне понятно. Годом раньше было заключено генеральное соглашение между СССР и НДРЙ, а реализация этого соглашения была поручена Щербине. Соглашением предусматривалось и проектирование, и строительство нефтепровода Западный Аяд — побережье Индийского океана. С одобрения Бориса Евдокимовича объединение «Обырубопроводстрой» стало генподрядчиком по строительству нефтепровода в этой экзотической стране, а объединение «Гипронефтепроводстрой» — генеральным проектировщиком. Внимание к этой стройке было огромным. Неоднократно ход строительства рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. Нефтепровод был построен досрочно и с хорошим качеством.

8 апреля 1988 года состоялось совещание у Н. И. Рыжкова о создании большой химии в Западной Сибири. 11 апреля там же прошло совещание по Тенгизу, на котором докладчиком был Б. Е. Щербина. А 16 апреля прошло совещание у Щербины по Астраханскому комплексу. В конце апреля состоялось заседание Президиума Совета министров СССР, которое вел Н. И. Рыжков. Обсуждался вопрос «О государственном заказе на 1989 год». Многие министры оказались не готовы отказаться от жесткого планирования всей номенклатуры выпускаемой продукции и перейти, после выполнения обязательного госзаказа, к свободной торговле. Развернулась очень резкая дискуссия, в ходе которой перед Рыжковым был поставлен ряд принципиальных вопросов, на которые он не смог ответить. Были даны сроки на доработку и обдумывание, но до конца эта проблема решена не была.

В середине мая вместе с Б. Е. Щербиной, Ю. П. Баталиным, В. К. Гусевым и другими руководителями отраслей В. Г. Чирсков сопровождал Н. И. Рыжкова в поездке по Тюменской области. В Сургуте посмотрели, как сооружаются завод по переработке конденсата и завод моторного топлива, побывали на площадке строительства нефтехимического комплекса. Затем в городе посетили общежитие и школу. Все эти объекты были возведены коллективами Миннефтегазстроя. Затем переехали в город Новый Урен-

гой. Там побывали на установке комплексной подготовки газа, заводе конденсата, в кинотеатре, магазине и школе.

Подводя итоги осмотра, глава правительства сказал:

— Назрела необходимость подумать над перспективой развития этого района. Огромное дело делаете. За семь лет построить город — это непросто. Всегда ценили и будем ценить ваш труд. Радует то, что заводы за два-три года строят. Опыт богатый, очень хорошо, его нужно использовать в стране. Мы думаем о новом направлении развития района — это химическое производство. Строители Миннефтегазстрой здесь неплохие, рвутся в бой, разговоры пора кончать. Правительство поможет.

Переехали в Нижневартовск, где Н. И. Рыжков посетил газлифтную компрессорную станцию № 3. Там произошла очень интересная встреча. Станцию сооружала известная Миннефтегазстрой бригада Героя Социалистического Труда Николая Павловича Нежданова. Оказалось, много лет назад, когда Н. И. Рыжков работал на заводе «Уралмаш» еще начальником цеха, Н. П. Нежданов работал в этом цехе кузнецом.

На совещании в Нижневартовском горкоме партии были заслушаны сообщения руководителей нефтяных и строительных организаций. В заключение Н. И. Рыжков сказал:

— Ваш район — основной поставщик нефти, без вас страна не могла бы развиваться. По нефти еще раз посмотрим все вопросы, где надо, поможем, но будем и требовать. Наступил новый период для Тюмени — необходимо сырье перерабатывать на месте. Для этого потребуются создавать здесь химические предприятия. Это надо объяснить народу. Хорошее настроение было по этому поводу у строителей Миннефтегазстрой, но это не означает, что им не нужно помогать. Мы должны делать все добротнo. Надо беречь землю, решать социальные вопросы. Думал, Нижневартовск лучше Нового Уренгоя, который строился семь лет, или Сургута, но оказалось наоборот.

В Тюмени председатель Совета министров посетил завод объединения «Сибкомплектмонтаж» Миннефтегазстрой, беседовал с рабочими, побывал в магазине объединения, где продавались товары, изготовленные на предприятиях отрасли. Там же Николаю Ивановичу показали блочный цех по переработке мяса. Пояснения давал лауреат Ленинской премии, генеральный директор объединения Валерий Александрович Аронов. Директор института

лауреат Ленинской премии Михаил Савельевич Рейтер представил новые разработки института: дом из блоков с использованием цементно-стружечных плит и вахтового комплекса для Севера с конструкциями суперблока. Н. И. Рыжков остался доволен посещением объединения. Относительно выпуска блочных цехов по переработке мяса он дал указание подготовить постановление правительства. Такое постановление было подписано и успешно выполнялось.

Итоги поездки Рыжков подвел на собрании партийно-хозяйственного актива Тюменской области. Он сказал:

— Поездка по области нас обогатила пониманием проблем района. Западная Сибирь работает на всю страну, и вся страна вкладывает средства в Западную Сибирь. Ритм работы области определяет жизнь страны. Устойчиво стала работать нефтяная промышленность. Наступило время создать в Западной Сибири нефтегазохимические комплексы (Сургут, Новый Уренгой, Тобольск, Нижневартовск, Ярково). Ямал — особенно сложный район. Министрам Черномырдину и Чирскову нужно принять окончательные решения и подать газ в начале 1991 года. Создание в системе Миннефтегазстроя специального экологического управления на Севере — это хорошо. Но работы на социальном фронте у вас непечатый край — 120 тысяч семей живут в балках. Нужно резко увеличить объемы строительства жилья.

В конце июня 1988 года на XIX Всесоюзной партконференции по инициативе М. С. Горбачева были приняты резолюции о реформе государственной и правовой систем, о гласности, о борьбе с бюрократизмом, о перестройке. Рекомендовалось расширить права республик и автономий, активизировать урегулирование межнациональных конфликтов. Тогда же остро встал вопрос о разделе функций между партийными и советскими организациями. Было предложено освободить высшее партийное руководство на местах от хозяйственных вопросов. Но при этом оставалось неясным, смогут ли советские органы взять на себя такую ответственность. Реально создавалась угроза двоевластия, а точнее — безвластия, что и случилось в итоге.

В сентябре состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос «О газификации нечерноземной зоны РСФСР». Вел заседание Е. К. Лигачев, а с докладами выступили председатель Госплана Ю. Д. Маслюков, министры В. С. Черномырдин и В. Г. Чирсков. Была принята крупная программа, которая впервые предусма-

тривала газификацию российской глубинки, прежде всего села. В данный проект входило сооружение 2400-километрового магистрального газопровода Ямал — Нечерноземье диаметром 1420 мм, 8500 км газопроводов-отводов высокого давления, 50 тыс. км газораспределительных сетей низкого давления. Стоимость данного проекта оценивалась в 14 млрд долларов США. Но при его реализации следовало ожидать колоссального экономического эффекта, который был столь необходим в условиях надвигающегося кризиса. К сожалению, он также остается нереализованным.

На внеочередной сессии Верховного Совета, прошедшей в начале октября, М. С. Горбачев вместо А. А. Громыко стал председателем Президиума Верховного Совета и объявил об ускорении темпов перестройки. 2 декабря того же года государственным предприятиям и кооперативам было разрешено заключать контракты с инофирмами без посредничества внешнеторговых организаций. Это создает реальную угрозу оттока многих товаров с внутреннего рынка за рубеж без возврата валюты обратно в страну.

8 декабря министры В. С. Черномырдин, В. А. Динков и В. Г. Чирсков обращаются к председателю Совета министров СССР Н. И. Рыжкову с письмом, в котором выражают озабоченность по поводу обеспеченности программы строительства объектов газовой и нефтяной промышленности в 1989 году материально-техническими ресурсами. Так, по сравнению с 1988 годом были уменьшены лимиты на поставку: труб большого диаметра — на 43%, алюминиевого проката — на 39%, автомобилей — на 47%, экскаваторов — на 51%, бульдозеров — на 45%. Министры предупреждали, что создавшаяся обстановка ставит под угрозу срыва реализацию возрастающих заданий социальной программы, по вводу объектов на месторождениях в Тюменской области и Прикаспийской низменности. Делался вывод о том, что указанный спад повлияет на объемы добычи нефти и газа в 1989 году и особенно в последующие годы.

Но их голоса услышаны не были. На страну неумолимо надвигался экономический и политический кризис. Несмотря на то что в СССР за три предыдущих года сверх плана было добыто 40 млрд м³ газа, 50 млн т угля и 10 млн т нефти, 1988 год закончился с дефицитом бюджета в 34 млрд долларов США, а бюджет 1989 года впервые был утвержден с дефицитом в 54 млрд долларов США.

Одни болтали и бастовали, другие работали. Для коллектива Миннефтегазстроя СССР 1988 год стал вершиной

развития отрасли. За год было выполнено строительно-монтажных работ на 12 миллиардов 250 миллионов долларов США, в 3,2 раза больше, чем в 1973 году.

В том году ввели в действие 22 100 километров трубопроводов, в том числе 11 650 километров магистральных. Было полностью закончено строительство газопроводов Ямбург — Западная граница СССР протяженностью 4366 км, сдали в эксплуатацию газопровод Ямбург — Тула I (2946 км). Было выполнено поручение правительства по досрочному вводу в действие 600-километрового участка магистрального газопровода Ямбург — Тула II. Построили газопроводы Богадинская — Омск, Газли — Чимкент, Минск — Вильнюс, нефтепроводы Ямал — Нечерноземье (2400 км), газопроводы-отводы высокого давления протяженностью 8,5 тыс. км, 50 тыс. км распределительных газовых сетей низкого давления. Общая протяженность магистральных газопроводов превысила 214 тыс. км. Выполнена программа строительства газопроводов к Сургутской, Пермской, Запорожской, Талимарджанской ГРЭС, а также отводов к 55 городам и населенным пунктам. Введены в эксплуатацию 34 компрессорные и четыре насосные станции на магистральных трубопроводах. Кроме того, в 1988 году были построены резервуарные парки емкостью 1192 тыс. м³, проложено более 9 тыс. км кабельных и релейных линий связи.

Совместно с Миннефтепромом СССР была проделана значительная работа на нефтяных промыслах. Введены в эксплуатацию 20 новых месторождений в Западной Сибири, шесть установок подготовки нефти, 104 установки по сбору и откачке нефти и поддержанию пластового давления, 9360 км промысловых трубопроводов. Выполнено задание по вводу в действие семи промысловых компрессорных станций в Западной Сибири. Там же сооружены объекты по компримированию попутного нефтяного газа на 2,67 млрд м³ газа в год. На газовых промыслах введены в действие четыре установки комплексной подготовки газа мощностью 63,5 млрд м³ газа в год.

В 1988 году в Советском Союзе было добыто 770 млрд м³ газа и 624,3 млн т нефти, в том числе в Западной Сибири — 415 млн т. Эти рекордные цифры стали достоянием отечественной истории. Но именно с 1988 года власть в стране начали прибирать к рукам другие силы. В руках «реформаторов» постепенно оказались ведущие средства

массовой информации, которые работали по специальным программам, направленным на разложение советского общества. Были ликвидированы отраслевые отделы в ЦК КПСС и затем — по всей партийной вертикали.

Правящая партия добровольно уходила из экономики. Заведующие лабораториями и другие «деловые» работники уже начинали делить общенародную собственность, вроде бы, по их утверждениям, совсем неэффективную. К разрушению экономики СССР активно подключились США и ряд стран Запада. Все это стало причиной того, что с 1989 года добыча нефти стала снижаться довольно быстрыми темпами. В 1990 году в СССР получили 587 млн т, в том числе в Западной Сибири — 375 млн. т. Это было, соответственно, на 6 процентов и на 9,6 процента ниже уровня 1988 года.

Не нужно искать каких-то особых объяснений этому. После 1988 года произошла подмена понятий. Вместо того чтобы устранять недостатки и упущения в экономике, в частности в нефтяной промышленности, руководство СССР занялось «революционной перестройкой» общества. Но фактически это была борьба со здоровыми силами общества, направленная на замену общественного строя, а в итоге на развал Советского Союза.

Не зря в народе говорят, что нельзя быть врагом огня только за то, что он иногда жжется, — нужно помнить, что он всегда греет. А об этом тогда забыли — или не хотели помнить. Невольно вспоминаются слова великого русского историка Ключевского: «Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее».

Армянское потрясение

Как правило, беда не приходит одна. Не успела страна оправиться от Чернобыля, как на нее обрушилось новое несчастье — страшное землетрясение в Армении. Произошло оно 7 декабря 1988 года, в 11 часов 41 минуту, 23 секунды. Точное время назвали сейсмологи, оно застыло и на «мертвых» электрических часах на площади разрушенного Лениакана (ныне Гюмри).

Примерно в течение часа после землетрясения В. Г. Чирсков связался по телефону с управляющим трестов Миннефтегазстроя СССР в Ереване Сеником Вазгеновичем Геворкяном. Тогда никто еще толком не знал, насколько

серьезны последствия, кому и что нужно делать. Но уже было понятно, что меры надо принимать немедленно.

Владимир Григорьевич сказал Геворкяну:

— Всё, что есть наготове из техники и людей, немедленно направляйте в Спитак. Туда же поезжайте и сами. Представьте с места необходимую информацию.

Однако, как позже выяснилось, министр опоздал с наставлениями. У Геворкяна была отличная школа: опытнейший работник отрасли, он и в труде, и в беде был оперативен и скор на оптимальные решения.

— Я говорю с вами уже из машины, — ответил он. — Нахожусь на полпути к Спитаку.

Еще один человек тоже был на пути к этому аду — Борис Евдокимович Щербина. Он в это время находился в командировке в Армении и через два часа был на месте. Энергично, не теряя ни минуты на словопрения, он, выслушивая на ходу необходимые для принятия решения подробности, опытным глазом определял масштабы беды и тут же по развернутой радиостанции раздавал задания.

Ужаснуться и впасть в состояние ступора было отчего. Большая часть еще вчера цветущих городов — Ленинакана, Кировакана, Степанавана — превратилась в руины. Полностью были разрушены город Спитак и все ближайшие к нему села. Погибли десятки тысяч человек. Десятки тысяч были ранены. Более ста тысяч потеряли буквально всё.

Спрятав эмоции как можно дальше, Щербина взялся за дело: паника прекратилась, начался тяжелый, изнуряющий труд.

Землетрясение произошло в полдень 7 декабря, а уже через шесть часов в районе Спитака были строители геворкяновского треста «Зактрубопроводстрой», базировавшегося в Ереване. Они прибыли туда со всем необходимым: кранами, бульдозерами, блок-домами. Взгляду строителей предстала страшная картина. Подобного, рассказывали потом ветераны, они не видели и во времена войны...

Поначалу нужно было попытаться спасти оставшихся под развалинами людей, вытащить и захоронить мертвых. Работа началась. Тут следовало торопиться. Мороз стоял под минус пятнадцать градусов, и надежда, что заживо похороненные не погибнут, час от часу таяла. Без сна и отдыха трудились крановщики из треста Геворкяна А. А. Русанян, Г. А. Минасян, рабочие А. С. Азизбегян, С. С. Барсегян. Самоотверженно работал начальник автобазы треста «Зактрубопроводстрой» А. С. Шахназаров, при личном участии

которого были спасены 35 детей — их нашли под развалинами школы.

Утром 8 декабря В. Г. Чирскову позвонил Б. Е. Щербина. После короткого приветствия он сразу же перешел к делу:

— Обстановка очень тяжелая, — сообщил Борис Евдокимович. — Нужны краны, жилые модули. Срочно направляй!

В первую очередь решалась задача отправки воздухом тяжелых автомобильных кранов, которые были крайне необходимы для разбора завалов, а также отгрузки вагонодомиков. Стояли морозы, а жить было негде. Нельзя было обойтись и без блочных котельных. Тяжелые транспортные гражданские и военные самолеты в считанные дни перебросили из Тюмени в аэропорт Ленинскана пятнадцать котельных установок, изготовленных на заводе объединения «Сибкомплектмонтаж». Всего было выполнено более тридцати рейсов.

Позже Владимир Григорьевич вспоминал: «Я смотрю свои записи, относящиеся к первому месяцу после землетрясения. Цифры впечатляют. Тогда в Армению подразделениями отрасли было переброшено 110 единиц строительной и автомобильной техники, свыше 1000 жилых модулей, более 53 блочных котельных, десятки бань-саун, восемь красных уголков, десять магазинов, две столовые, пять вагонов с оборудованием для медсанчасти. На ликвидацию последствий землетрясения отрасль направила 1600 человек. Девятнадцать подразделений министерства командировали в Армению “передовые отряды” для быстрого развертывания жилых поселков, куда предстояло разместить основной контингент строителей».

Для того чтобы оценить состояние дел на месте, уточнить объемы работ, В. Г. Чирсков с группой специалистов выехал в район бедствия. То, что он увидел, не шло ни в какое сравнение с ранее услышанным. Руины и могилы в городах и поселках, нескончаемое выражение скорби на лицах всех от мала до велика. Женские рыдания, которые не давали сомкнуть глаз по ночам. Холодные декабрьские рассветы и люди, которые отрешенно, как привидения, бродили среди руин Спитака, словно в надежде на то, что вот-вот вернуться ушедшие навсегда...

Убийственное настроение можно было преодолеть только утроенной энергией в работе. Энтузиазм здесь подогре-

вался нестерпимой болью за судьбы обездоленных людей, желанием хоть чем-то помочь им в столь трудное время.

Тогда же Чирсков посетил Эчмиадзин — резиденцию армянской апостольской церкви — и имел продолжительный разговор с католикосом всех армян Вазгеном I. Для отрасли вовсе не лишней была помощь армянской диаспоры США, и на встрече обсудили ее возможности.

Главная работа была впереди. Миннефтегазстрою СССР предстояло построить за два года жилые дома общей площадью 160 тысяч квадратных метров, несколько школ на две тысячи учеников, детский сад и ясли. Кроме того, нужно было проложить сети водопровода, канализации и теплоснабжения в Кировакане, Спитаке, Дилижане, Алаверди и рабочем поселке Гугарк.

Итогом поездки группы стала утвержденная приказом по министерству программа, предусматривающая буквально все, начиная с изыскательских и проектных работ и заканчивая сроками сдачи объектов. От экстренной помощи подразделения Миннефтегазстроя переходили к планомерной деятельности. Первым шагом было преобразование и укрупнение треста С. В. Геворкяна, до тонкостей знающего местные условия, который и стал генеральным подрядчиком по сооружению жилья и инженерных сетей, строительство которых было возложено на мощные, надежно работающие объединения — «Уралтрубопроводстрой» и «Обьтрубопроводстрой».

Главное координационное управление, начальником которого был назначен Н. А. Жуков, тоже хорошо знавший условия работы на юге страны, решили перебазировать из города Шевченко, где оно прежде постоянно находилось, в Степанаван. Управлению предоставили фактически неограниченные права: координацию деятельности всех организаций министерства в Армении; контроль за выполнением мероприятий министерства; маневрирование материально-техническими и трудовыми ресурсами. Была разработана оптимальная система связи сторон и передачи информации. За всем этим надзирал заместитель министра Григорий Николаевич Судобин. К слову сказать, почти два года заместители министра, сменяя друг друга, ежемесячно несли вахту в районах землетрясения, и если учесть те трудности, с которыми столкнулись коллективы отрасли, во многих случаях присутствие первых руководителей на месте событий имело определяющее значение. А трудностей было достаточно.

На объектах Армении в районе землетрясения работало 4,5 тысячи строителей Миннефтегазстроя СССР. Из поступивших волоколамских и бугульминских жилых модулей они в темпе развернули полевые городки строителей — «Прометей-1» в Спитаке, «Прометей-2» и «Прометей-3» в Степанаване. Каждый городок имел полный комплекс жизнеобеспечения: бани, столовые, медпункты, котельные.

В Армении подразделения Миннефтегазстроя СССР оставили о себе хорошую память. На спитакской базе были возведены автоматизированный склад приема и отпуска цемента с тремя тупиками (общая протяженность железнодорожных развязок составила 3,5 км), база сборного домостроения. Промбаза в Степанаване выдавала от 300 до 500 кубометров бетона в сутки. В строй вошло и другое детище министерства — Ереванский полигон для крупнопанельного домостроения, который обеспечивал строительство 40 тысяч квадратных метров жилья ежегодно. Этот полигон был расположен рядом с Разданским цементным комбинатом, что позволяло работать стабильно, обеспечивая Армению жильем на протяжении долгих лет.

Таким образом, коллективы министерства, работая в Армении, действовали как бы в двух направлениях. С одной стороны, они оказывали щедрую, безвозмездную помощь своим братьям, участвуя в восстановлении разрушенного. С другой — создавали долговременные строительные мощности, что имело исключительно важное значение для экономики Армении.

Помимо промбаз и полигона для крупнопанельного домостроения, коллективы отрасли за первый год построили в Степанаване 20 тысяч квадратных метров жилья. В 1989 году там, на правом берегу реки Зараген, был заселен компактный благоустроенный поселок. В этом поселке имелись детский сад на 140 мест, школа на 392 учащихся. В Гуковане были введены в эксплуатацию 10 тысяч квадратных метров жилья из объемных деревянных панелей. В Спитаке возведены корпус швейной фабрики, канализационные сооружения, насосная станция водоснабжения города. В Кировакане в сжатые сроки были построены семь километров теплотрассы с теплопунктами и ответвлениями до районов, водоводы и три километра канализационного коллектора. И это только основные объекты — а всего прочего и не перечислить.

Казалось бы, много ли скажут все эти сухие цифры? Но не надо особенно напрягаться, для того чтобы понять, что за ними — не работа на износ как способ заработать как можно больше денег, а сознательный жертвенный груд, продемонстрировавший крепость нравственных основ теперь уже ушедшего в историю советского строя. Характерно, что не было ни одного случая, когда работники Миннефтегазстроя СССР, ссылаясь на обстоятельство, не откликнулись бы на горе-злосчастье, постигшее дружественный армянский народ. Безо всякой корысти была проявлена забытая ныне интернациональная солидарность, искреннее желание помочь соседу в беде.

Утраченные иллюзии

13 января 1989 года. Заседание Бюро по ТЭКу. Подводятся итоги за 1988 год и ставятся задачи на 1989-й. Слово предоставляется Б. Е. Щербине. Он говорит жестко, прямо:

«Пока министерства топливно-энергетического комплекса удержали управление своими отраслями, но министерства машиностроения уже не управляют своими подразделениями. Это чревато большими проблемами, нельзя сдать командные высоты. В настоящее время среднее звено управления значительно ослабло. Нельзя подкупать работников рублем, надо платить только заработанную сумму. В стране создается опасное положение с научно-техническим прогрессом. Не забывайте берегающие технологии, разумно совершенствуйте структуры. Ради выживания создавайте банки, смелее принимайте решения по убыточным предприятиям. Мы должны признать, что еще много у нас совещаний, много бумаг пишем. Нужно найти время для творчества, для поиска рациональных систем управления...»

14 января. Заседание Совета министров СССР. Подводятся итоги последних трех лет (1986—1988), снова ставятся задачи на 1989 год. Отмечается, что ТЭК за три года дал сверх плана 50 млн тонн угля, 40 млрд кубометров газа, 10 млн тонн нефти. А за это время машиностроители отстали от плана на 6 млрд рублей. В стране 15 процентов убыточных предприятий, а это 10 млрд рублей убытков в год. Но так как 70 процентов сверхплановой прибыли остается на предприятиях, то они принимают заниженные планы.

Между тем ошибки раз от раза множились. 25 апреля 1989 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривался организационный вопрос. Из 540 членов и кандидатов в члены ЦК, а также членов ревизионной комиссии, избранных в 1986 году на XXVII съезде КПСС, 122 человека «ушли» или отправили на пенсию. Людей, горячо преданных партии, поочередно вызывали «наверх» и вынуждали писать заявление о выводе из Центрального Комитета. Таковую унижительную процедуру исполнили 105 человек, остальные в знак протеста отказались. Тогда некоторых из «неподписантов» стали подбивать выступить на пленуме, представив дело так, будто бы они покинули ЦК по доброй воле, несмотря на то, что многие из членов ЦК отнеслись к этой акции Горбачева крайне отрицательно. Позже Владимир Григорьевич заявил: «Я до сих пор считаю все это разгромом дееспособной организации, на лучшую часть которой решено было взвалить вину за неуспехи перестройки».

Правда, на этом пленуме, несмотря на пугающий характер оргвопроса, прозвучала и острая нелюбезная критика в адрес руководителей страны. Разговор, в частности, шел о том, что экономическая реформа топчется на месте, что наступила разбалансированность в народном хозяйстве, что партии необходимо укрепить единство своих рядов. Говорилось о том, что выборность руководителей госпредприятий в большинстве случаев приносит только вред — выбирают не последовательных, опытных хозяйственников, а рвачей, нацеленных на получение прибыли любой ценой. Подавляющее большинство выступавших заявили, что параллельно с развитием демократии нужно укреплять дисциплину, авторитет партии в народе упал, демократы устраивают митинги о разделе СССР, идеология страны разложилась. Заявляли, что не следует браться за все сразу, а лозунгами и призывами ничего не решить. Необходимо заканчивать затянувшуюся и не всегда оправданную реорганизацию структур в «верхах» и принимать решительные меры по наведению порядка в партии и стране.

На следующий день после пленума состоялось заседание Совета министров СССР. Рассматривались итоги работы народного хозяйства в первом квартале. Председатель Совета министров Н. И. Рыжков отметил, что экономика страны переживает сложный период, идет ломка старого и рождается новое. Новый хозяйственный механизм не отвечает требованиям сегодняшнего дня, медленно перестраиваются экономические ведомства. Без твердого порядка и

дисциплины страна не сможет существовать. Свое выступление Рыжков закончил так: «Сегодня мы проводим последнее заседание Совета министров СССР в этом составе — остался один месяц до сложения полномочий данного правительства. Нам было оказано высокое доверие — стоять у истоков перестройки. Благодарю членов нынешнего правительства за работу и желаю всем вам хорошего здоровья».

Вскоре после этого, в самый разгар выполнения государственного заказа, происходит значительная корректура капитальных вложений в отрасли ТЭК. В частности, снимаются капитальные вложения со строительства таких крупных магистральных газопроводов, как северные районы Тюменской области — Урал, Ямал — Торжок — Ужгород, Ямбург — Поволжье. Это произошло несмотря на то, что на данные стройки уже было поставлено 1000 км труб и сосредоточены основные силы и средства организаций Миннефтегазстроя СССР.

25 мая 1989 года открылся I съезд народных депутатов СССР, на котором М. С. Горбачев был избран председателем Верховного Совета СССР. Было сформировано правительство, которое снова возглавил Н. И. Рыжков. Ответственным за экономическую реформу страны назначается академик Л. И. Абалкин.

2 июня состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором Н. И. Рыжков выступил с предложением по персональному составу нового правительства СССР. Он сильно обновился — сразу 45 министров были отправлены на пенсию. В результате не у дел оказались работоспособные опытные специалисты, крайне необходимые для своих отраслей. Среди них оказались министр нефтяной промышленности В. А. Динков, министр геологии Е. А. Козловский и др. При этом было всем известно, что Динков и его заместитель В. Ю. Филановский, без преувеличения, были стержнем нефтяной отрасли. На пленуме предложили кандидатуру Ю. П. Баталина на пост руководителя строительным сектором, но против этого резко выступили несколько секретарей обкомов и крайкомов, указывая главным образом на его слабые деловые качества.

Было также решено персонально утверждать кандидатов в члены правительства на заседаниях Верховного Совета СССР. Но до этого кандидатуры министров должны были рассмотреть на комитетах и комиссиях Верховного Совета. Но данная процедура была крайне плохо органи-

зована — будущий министр сидел и ждал, когда и какой комитет пригласит его на собеседование.

Наконец, 20 июня подошла очередь В. Г. Чирскова. Вспоминая этот день, Владимир Григорьевич рассказывал:

«Меня пригласили в комитет Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры. Председателем этого комитета был Б. Н. Ельцин. Перед заседанием я позвонил ему и спросил, какой порядок рассмотрения. Он сказал мне, что необходимо будет сделать информацию о работе министерства минут на двадцать. Поэтому я сделал сообщение об отрасли, затем ответил на вопросы. Много было вопросов по экологии, а также не относящихся к деятельности нашего министерства.

Б. Н. Ельцин в тот период был главным демократом, поэтому заседание проходило сумбурно, практически неорганизованно. Депутаты ходили, выкрикивали реплики с мест. После моего выступления стали говорить депутаты. Многие из них, очевидно, впервые видели так близко члена правительства и, получив право дать оценку его деятельности, применили все свое «красноречие», порой переходящее в личное оскорбление.

Я смотрел на это собрание случайных людей и думал, до чего дошла наша страна, когда совершенно некомпетентные люди в делах отрасли дают оценку работе полумиллионного коллектива. Правда, Б. Н. Ельцин в своем заключительном слове постарался немного сгладить это балаганное рассмотрение. После его выступления меня решили рекомендовать».

С 28 июня по 6 июля 1989 года ежедневно на заседаниях Верховного Совета рассматривались кандидатуры членов правительства. 5 июля очередь дошла до В. Г. Чирскова. Были вопросы и ответы. Затем выступили шесть депутатов. Последним взял слово Б. Н. Ельцин — это было единственное выступление по кандидатам в члены правительства. Он сказал, что лично знает Владимира Григорьевича с положительной стороны и рекомендует утвердить его кандидатуру. При голосовании из 385 депутатов «за» проголосовал 341. Затем последовали утверждения других министров.

Так демократическим путем в июле 1989 года было сформировано последнее правительство СССР. В новом правительстве было 57 министров и руководителей комитетов (вместо 82 в старом), количество отраслевых министерств сократилось с 52 до 32. В составе правительства произошли кардинальные изменения и в персональном от-

ношении, из членов правительства образца 1984 года в нем осталось всего 11 человек. Зато в состав правительства также вошли ученые, общественные деятели, творческие работники. В Совете министров работали восемь академиков и членов-корреспондентов, около 20 докторов и кандидатов наук. Многие оценивали это правительство как самое образованное в истории России.

В то же время усиливались сепаратистские настроения в республиках. В течение 1989 года в Азербайджане и Молдавии государственным языком признается национальный язык. Верховный Совет СССР вынужден был принять закон об экономическом суверенитете Латвии, Литвы и Эстонии, а позже ввести поправки в Конституцию, разрешающие этим республикам самим определять свое внутреннее устройство. В Тбилиси войсками разгоняется несанкционированный митинг, во Львове проходят выступления сторонников униатской церкви. Летом начинаются вооруженные столкновения в Абхазской АССР, входящей в состав Грузии. После упразднения комитета по управлению Нагорным Карабахом возобновляются волнения в Армении и Азербайджане. В Узбекистане возникают стычки на национальной почве между узбеками и турками-месхетинцами, в которых гибнет множество людей. Проходят волнения местного населения в Казахстане.

Между тем сентябрьский Пленум ЦК отказывается предоставлять республикам суверенитет и дает согласие на подготовку нового Союзного договора по формуле «сильный центр — сильные республики». Но при этом 9 октября принимается закон СССР о порядке разрешения коллективных трудовых споров, признающий право на забастовку. В стране проходят забастовки рабочих с требованиями повышения оплаты труда, а также забастовки шахтеров Кузбасса, Донбасса, Печоры и Караганды с политическими и экономическими требованиями. В связи с этим выходит указ об уголовной ответственности за «преступления против государства».

В завершение 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР (12—24 декабря) выступает Н. И. Рыжков с программой двухэтапного длительного перехода к рыночной экономике. Утверждается 13-й пятилетний план развития страны, и 29 декабря выходит Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о регулировании цен на товары и услуги.

3 января 1990 года состоялось совещание у Н. И. Рыжкова. На нем присутствовали Ю. Д. Маслюков, Л. А. Во-

ронин, П. И. Мостовой, Л. Д. Рябев, В. С. Черномырдин и В. Г. Чирсков. Для Владимира Григорьевича это совещание было крайне важным — рассматривался план работы Миннефтегазстроя СССР на 1990 год.

Сначала выступил В. С. Черномырдин. Он доложил о состоянии газовой промышленности, определил, что нужно для ее развития, и твердо высказался за необходимость решения вопросов Миннефтегазстроя СССР.

Затем слово было предоставлено В. Г. Чирскову. В своем выступлении он подробно обосновал целесообразность выделения отрасли дополнительных капитальных вложений и ресурсов, показал схему резкого сокращения численности работающих. В конце выступления Владимир Григорьевич прямо поставил вопрос — сегодня он, как министр, должен знать, нужна ли отрасли стране в качестве специализированной строительной организации или не нужна. Ответ требовался незамедлительный, так как уже в январе придется решать вопрос о сокращении численности работников, а в связи с этим и судьбе ряда городов в Западной Сибири.

Он напомнил, что еще в августе 1989 года обращался в правительство с просьбой рассмотреть план 1990 года, но она осталась без внимания. Тогда в его записке говорилось о том, что объемы строительства магистральных трубопроводов с 1988 по 1990 год упали почти в шесть раз (3,3 до 0,5 миллиардов рублей), что приведет к вынужденному сокращению более 76 тысяч высококвалифицированных рабочих, к негативным явлениям во многих трудовых коллективах в разных регионах, а также потере созданного потенциала по строительству магистральных трубопроводов. Вынужденная консервация в 1990 году ряда важнейших газовых магистралей приведет к потерям около двух миллиардов рублей. Одновременно высвобождаются основные фонды (тяжелые трубоукладчики, сварочные комплексы «Свер», очистные, изоляционные и другие специальные машины) стоимостью 2,7 млрд рублей, годовая амортизация которых составляет 606 млн рублей. Общие потери и дополнительные затраты составят более четырех млрд рублей.

Это было деловое совещание, и могло казаться, что все вопросы решены. Но В. Г. Чирсков, конечно, понимал, что на дворе январь 1990 года, а не 1984-го, и многое из задуманного, вероятнее всего, так и останется на бумаге. Но он не сдавался, и 28 марта 1990 года настоял на личном приеме у Н. И. Рыжкова. Вопросы были прежние: не выделены ресурсы на 2,8 млрд рублей для обеспечения плана строитель-

но-монтажных работ, не предоставлено 130 млн долларов США для закупок за рубежом, не открыто финансирование по стройкам на 1,6 млрд долларов. В завершение этой встречи Владимир Григорьевич прямо сказал: «Николай Иванович, по всем вопросам вы давали своим заместителям указания, но они не выполняются».

Действительно, в отрасли создалась кризисная ситуация. В министерстве не увольняли несколько десятков тысяч рабочих, надеясь, как обещали, что все будет улажено, но этого не случилось. Безусловно, Рыжков тяжело переживал сложившуюся ситуацию, но в системе управления народным хозяйством страны уже наступил кризис.

После этой встречи Н. И. Рыжков на повышенных тонах, чего с ним раньше не случалось, дал очередное указание П. И. Мостовому, Л. Д. Рябеву, Л. И. Абалкину, С. А. Ситаряну, потребовав «в трехдневный срок найти нужное решение». Еще через месяц на очередном совещании Николай Иванович попросил Мостового доложить о выделении ресурсов Миннефтегазстрою СССР. Тогда председатель Госснаба заверил Рыжкова, что этот вопрос решится в ближайшие дни...

Все понимали, что наступил критический момент. Министерства с легкой руки Горбачева фактически хоронят — это уже яснее ясного. В. Г. Чирскова постоянно мучил вопрос: что будет с отраслью дальше? Главная забота — сохранить кадры, искать новые структуры организации и управления строительством, свое место в рыночной экономике. Значительную часть сил Миннефтегазстрою предстояло переориентировать на комплексное развитие регионов, в частности на создание Западно-Сибирского нефтегазохимического комплекса с мощно развитым сельскохозяйственным производством. В этих условиях лучший вариант — попытаться сохранить отрасль как государственный концерн.

13 июня 1990 года Н. И. Рыжков провел совещание по проверке своих протоколов от 28 марта и 23 апреля. Выступая на этом совещании, В. Г. Чирсков вынужден был, уже при обширной аудитории, сказать, что указания председателя Совета министров СССР по Миннефтегазстрою СССР уже полгода никто не выполняет. Поэтому, к великому сожалению, министерство вынуждено начать увольнение кадровых рабочих. Как последний крик о помощи, он предложил ускорить подписание постановления по льготам для лиц этой категории.

Глава десятая

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Источник благосостояния

В середине 1960-х годов наша страна сделала очень важный технологический шаг, настоящий прорыв вперед, настоящий рывок в будущее, а именно — шагнула из эпохи угля в эпоху нефти и газа. Огромную роль в этом сыграл Западно-Сибирский нефтегазовый регион, который формировался в 1960—1980-е годы и охватывал территории Тюменской и севера Томской областей.

Начало формирования нового добывающего района относится к 1964 году, когда в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 4 декабря 1963 года началось создание основ нового добывающего района — организация нефтедобывающих предприятий, строительных подразделений, открытие высшего учебного заведения для подготовки кадров, развернулись строительство нефтепровода Шаим — Тюмень и подготовительные работы на газопроводе Игрим — Серов, была проведена пробная эксплуатация нефтяных месторождений.

Радостный гудок над обскими просторами буксира с нефтеналивной баржей возвестил о том, что время разговоров о громких геологических открытиях осталось позади. Западная Сибирь однозначно определялась в качестве главного энергетического плацдарма страны. Начиналось главное — освоение разведанных месторождений, обустройство территории, создание промышленной базы, чтобы ускоренными темпами добывать нефть и газ, прокладывать магистрали, строить жилье и соцкультбыт для людей.

Однако все это вместе взятое должно было прежде всего замкнуться на какие-то мощные организующие структуры. Растущему топливно-энергетическому комплексу срочно нужны были свои мощные организации с местными штабами. В 1965 году они появились: Главтюменнефтегаз,

Главтюменгеология, Главтюменнефтегазстрой. Основная задача последнего — строительство объектов нефтяной и газовой отрасли на территории поистине бескрайнего и совершенно необжитого региона.

События развивались быстро. Подтверждались огромные запасы нефти, открытые на месторождениях Приобья. Салютовали первыми фонтанами газовые гиганты — в 1966 году Уренгой, затем Медвежье. Сроки их ввода в промышленную разработку зависели прежде всего от возможностей строителей. Поэтому на месте прежних маломощных управлений создавались крупные тресты, способные «закрыть» строительными работами перспективные районы.

В год создания главка в его системе были организованы производственный трест автомобильного и водного транспорта и трест по комплектации и материально-техническому снабжению. Затем в 1966 году были созданы тресты «Сургутгазстрой», «Мегионгазстрой», «Тюменгазстрой», «Спецгазстрой». Год спустя — «Тюменгазмеханизация», «Нефтеюганскгазстрой», «Ямалгазстрой». В 1969 году — «Тюменгазмонтаж» и «Севергазстрой».

Формировался работоспособный грамотный аппарат управления главка, который быстро превратился в подлинный штаб, руководящий ходом строительных работ на огромной территории в сотни тысяч квадратных километров. В результате коллектив Главтюменнефтегазстроя стал крупнейшей строительной организацией области. Он ежегодно выполнял установленные народно-хозяйственные планы, В установленные сроки, а нередко и досрочно сдавал стройки в эксплуатацию. Главтюменнефтегазстрой с 1966 по 1990 год выполнил строительно-монтажных работ на 10 млрд 923 млн рублей, или более 17 млрд долларов США. Годовые объемы строительных работ по главку выросли в 1988 году по сравнению с 1966 годом в 9,3 раза.

Трудно переоценить заслуги Главтюменнефтегазстроя в становлении и развитии нефтегазовой Сибири. Достаточно подвести основные итоги его деятельности. С 1965 по 1990 год при участии подразделений главка было обустроено более ста нефтяных и газовых месторождений. Построены и введены в действие мощности по добыче и подготовке нефти на 314 млн т в год, 100 млрд м³ газа, около семидесяти газокомпрессорных и нефтеперекачивающих станций на магистральных трубопроводах, 15 газоперерабатывающих заводов мощностью 21,6 млрд м³ газа в год. Всего коллективом главка с 1966 по 1991 год было по-

строено 96 установок по подготовке нефти производительностью 318 млн т в год, 364 дожимные насосные станции производительностью 3182 тыс. м³ в сутки, 433 кустовые насосные станции по закачке воды в пласт производительностью 4093 тыс. м³ в сутки, а также промысловые резервуары емкостью 7,6 млн м³.

Подразделения главка долгое время были основными застройщиками городов Сургута, Надыма, Нового Уренгоя, Нефтеюганска, Лабитнангов, Мигиона. Ноябрьска, Стрежевого, Когалыма и многих рабочих поселков. Их силами было введено в эксплуатацию 5,5 млн кв. м жилой площади, школ на 100 тысяч мест, детских дошкольных учреждений на 44 тысячи мест, больниц на 5 тысяч мест и многие другие объекты.

Коллектив Главтюменнефтегазстроя стал родоначальником многочисленной армии строителей северного края. Им выращены подразделения и рабочие кадры, которые явились ядром многих мощных специализированных организаций, работающих здесь. Этот коллектив стал и кузницей руководящих кадров не только тюменских строек, но и всего Миннефтегазстроя СССР. Достаточно сказать, что министр, четыре заместителя министра и пять членов коллегии министерства ранее трудились в Главтюменнефтегазстрое. В середине 1980-х годов в главке было 18 строительных организаций, в которых работало 49 тысяч человек.

Развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, ставшего третьим по счету в истории нефтяной промышленности страны после Азербайджанско-Грозненского и Урало-Волжского нефтедобывающим и крупнейшим газодобывающим районом страны, в 1960—1980-е годы находилось под влиянием как внутренних экономических и политических факторов, так и ситуации на международной арене. Его становление, с одной стороны, стало реализацией государственного курса на развитие производительных сил восточных районов страны, освоение природных ресурсов отдаленных от центра территорий. С другой стороны, оно было частью политики на увеличение добычи нефти и газа, потребность в которых обуславливалась переходом в мире на новые источники энергии, сокращением потребления угля. Со временем на процесс развития нефтяной и газовой отраслей страны, как и на развитие нового добывающего района, все большее влияние стали оказывать международные факторы, такие как рост мировых цен на нефть, рост потребления нефти в мире, возросший интерес

в Европе к нефти и газу, стремление СССР укрепить свои экономические и политические позиции в мире, в том числе и Европе, используя экспорт нефти и газа.

В 1970-е годы все более явно обозначился курс на рост экспорта энергоресурсов. Заключение договоренностей на поставку советских нефти и газа в Европу стало стимулировать наращивание добычи этих видов сырья, и как следствие, обусловило переход к форсированному развитию добывающих отраслей. Получение все больших объемов нефти и газа и удовлетворение экспортных потребностей связывалось прежде всего с западносибирским добывающим регионом. Реализация курса на создание нефтегазодобывающего района в Западной Сибири изначально оказалась за пределами региональных масштабов, став задачей государственной. Наращивание объемов добычи нефти и газа выступало лишь вершиной айсберга, в основании которого находились такие факторы, как укрепление экономических и политических позиций СССР, повышение его роли в Европе как восточной, так и западной.

Распоряжением Совета министров СССР от 1 июня 1973 года № 1040 в составе Миннефтегазстроя СССР было организовано территориальное Главное управление по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири — Главсибтрубопроводстрой (на хозяйственном расчете) с местонахождением в городе Тюмени.

Подземные топливные трассы Западной Сибири на значительном расстоянии приходилось прокладывать в заболоченной тундре и вечномёрзлых грунтах. Строительно-монтажные работы велись только в зимнее время. Суровый климат, слаборазвитые дорожно-транспортная сеть и производственная база, недостаток трудовых ресурсов, отсутствие социальной инфраструктуры — все это усложняло организацию строительства и требовало принципиально нового подхода к решению всего комплекса производственно-экономических и социальных вопросов.

Запланированный объем строительства нельзя было выполнить без использования новой техники и нестандартных методов организации работ, которые опять-таки опирались на новую технологию, новые машины, оборудование... И все это нужно было решать в предельно сжатые сроки.

В Главсибтрубопроводстрое прошли проверку и были внедрены многие новые системы организации и технологии строительства трубопроводов в сложных условиях Севера. В короткие сроки был создан работоспособный

коллектив строителей трубопроводных систем, который в начале 1980-х годов состоял из 36 тысяч человек. Он успешно решил поставленные задачи. В начале 1981 года за досрочное выполнение десятого пятилетнего плана (1976—1981) по сооружению объектов нефтегазового комплекса в Западной Сибири Президиум Верховного Совета СССР наградил территориальное Главное управление по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири высшей государственной наградой — орденом Ленина.

Коллективы Главсибтрубопроводстроя построили в Западной Сибири более 30 тыс. км трубопроводов, в том числе 20 тыс. км магистральных трубопроводов, 100 компрессорных и насосных станций и другие объекты. Всего же за этот период было выполнено строительно-монтажных работ более чем на 20 млрд долларов США.

За годы работы организации главка построили головные, самые сложные участки газопроводных систем и компрессорные станции на них. С газовых месторождений Медвежье, Уренгойское и Ямбургское было построено 20 магистральных трубопроводов большого диаметра. Так же были построены головные участки крупных нефтепроводов с тюменских промыслов: Самотлор — Тюмень — Альметьевск, Нижневартовск — Куйбышев, Сургут — Полоцк; нефтепроводы Холмогоры — Сургут, Шаим — Конда, Уренгой — Холмогоры, Красноленинск — Конда и др.; конденсатопроводы Уренгой — Сургут, Ямбург — Уренгой. О строительстве каждого из этих трубопроводов нужно было бы написать книгу.

Была выполнена большая строительная программа по обустройству месторождений: газовых — Медвежьего, Уренгойского, Ямбургского, Вынгапурского, Похрамского; нефтяных — Самотлорского, Федоровского, Холмогорского, Усть-Балыкского, Красноленинского, Варьеганского, Мегионского и др.

В 1974 году создается Главное управление по строительству жилых домов и объектов соцкультбыта в полном сборном исполнении Главсибжилстрой Миннефтегазстроя СССР (Тюмень). В главке были созданы тресты в городах Сургут, Новый Уренгой, Надым, Нефтеюганск, Ноябрьск, Урай, Тюмень. Были построены и действовали заводы КПД общей мощностью 753 тыс. кв. м жилых домов в год. Они находились в городах Сургуте (473 тыс. кв. м), Надыме (150 тыс. кв. м), Урае (46 тыс. кв. м), Тюмени (87 тыс. кв. м).

В городе Сургуте был проектный институт этого главка. За 1980—1989 годы этим управлением было построено жилых домов площадью более 6 млн кв. м.

При этом Миннефтегазстрой СССР только в 1985—1989 годах построил в Западной Сибири жилых домов на 6234 тыс. кв. м, школ на 62,7 тыс. мест, детских учреждений на 47,6 тыс. мест, больниц на 4,0 тыс. мест. В данном главке работало более 31 тысячи человек, в результате их труда на некогда безлюдных, труднодоступных просторах Сибири выросли десятки городов и поселков.

Решением Совета министров СССР в 1974 году в Тюмени было создано Главное территориальное специализированное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в блочно-комплектном исполнении — Главсибкомплект-монтаж Миннефтегазстроя СССР. Это была уникальная структура, в рамках которой осуществлялся практически весь цикл сооружения в районах освоения Тюменского Севера промышленных объектов, связанных с добычей, первичной подготовкой нефти и газа к транспортировке. Начиная с комплектации и изготовления в заводских условиях отдельных составляющих этих объектов блок-боксов, их доставкой к местам назначения и кончая монтажом блок-боксов непосредственно на строительной площадке. Заводскую составляющую объединения «Сибкомплект-монтаж» представляли прежде всего специализированные на производстве блок-боксов крупные промышленные предприятия в Тюмени: завод БКУ и комсомольско-молодежный экспериментальный завод блочных устройств КМЭЗБУ. А монтаж объектов непосредственно на северных строительных площадках вели укрупненные комплексные бригады.

От работы быстро крепнувшего главка стали напрямую зависеть темпы обустройства всех новых сибирских нефтегазовых кладовых, вводимых в оборот. Понятно, что на развитие объединения государством через Миннефтегазстрой СССР выделялись значительные средства, и они эффективно осваивались. Объемы производства блок-боксов росли стремительно: если в 1976—1980 годах в отрасли (а это в основном Сибкомплектмонтаж) было изготовлено 8600 блоков и блочных устройств, то в 1980—1983 годах их количество возросло до 31,3 тысяч — увеличение в 3,6 раза. А в пик работ по созданию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — в 1985—1990 годы производство блок-

боксов возросло до 46,5 тысячи штук — рост еще в 1,5 раза по сравнению с предыдущим пятилетием.

В 1981 году решением Совета министров СССР было создано Главное территориальное управление по строительству трубопроводов в Среднем Приобье — Главтрубопроводстрой Миннефтегазстроя СССР (Сургут). В сложных условиях Тюменского Севера главк стал мощной строительной организацией. В его состав вошли десять строительных трестов, солидная производственная база, два проектных института, управление механизации, автобаза, управление строительства в Народно-Демократической Республике Йемен и другие организации. В главке работало более 30 тысяч человек. Всего за пять лет, с 1985 по 1989 год, этим главком было построено 35 тысяч километров промысловых и межпромысловых трубопроводов, обустроено 96 новых нефтяных месторождений.

В 1981 году Советом министров СССР было создано Главное управление для строительства объектов газовой промышленности на Севере Тюменской области — Главуренгойгазстрой Миннефтегазстроя СССР (Новый Уренгой). В его структуре было создано шесть строительных трестов, в которых работало более 16 тысяч человек. Этот коллектив полностью обустроил самое крупное Уренгойское месторождение газа и создал город Новый Уренгой.

В 1984 году Совет министров СССР создал Главное управление по обустройству северных нефтегазовых месторождений — Главямбургнефтегазстрой Миннефтегазстроя СССР (Надым). В главке было семь строительных трестов, в которых работало 17 тысяч человек. Данный коллектив в сложных условиях Арктики полностью обустроил Ямбургское месторождение, развил города Надым и Лабитнанги.

Удельный вес капиталовложений в строительномонтажные работы в Тюменской области в общем объеме капиталовложений в смете материальных расходов (СМР) по РСФСР вырос в эти годы с 1,1 до 12,3%, то есть в 11,2 раза. А всего в строительномонтажные работы, осуществляемые на территории Тюменской области с 1965 по 1990 год, было вложено 4 948 255,9 млн руб., а собственно в строительство — 8 752 822,7 млн руб. Ввод мощностей в Тюменской области в рассматриваемый период вырос в 51,6 раза. Таким образом, капиталовложения в развитие Западной Сибири в одной десятой пятилетке превысили те, что были вложены в БАМ, Атоммаш, ВАЗ, Тольятти, вместе взятые.

И это только в одной пятилетке! А их было вон сколько, пятилеток.

Еще один момент, чтобы читатель мог лучше представлять себе, что это такое. Только один газопровод диаметром 56 дюймов (1420 мм) по своему энергетическому потенциалу был равен всем гидроэлектростанциям, построенным в Сибири и на Дальнем Востоке (Красноярская, Братская, Иркутская, Саяно-Шушенская). И это всего один! А таких трубопроводов было построено из Западной Сибири двадцать один! Можно себе представить, какая огромная энергетическая река потекла с севера Тюменской области в Центральный район страны и на экспорт.

Освоение территории сопровождалось постоянным наращиванием объемов жилищного строительства, вводом объектов социально-бытового и культурного назначения. При росте населения Тюменской области в 2,5 раза ввод жилья в рассматриваемый период вырос в 5,4 раза.

Высокими темпами велось строительство населенных пунктов. В частности, во второй половине 1980-х годов велось строительство 19 городов, 19 рабочих поселков, 14 поселков геологов, 32 поселков при компрессорных станциях и 46 вахтовых поселков, многие из которых имели тенденцию к превращению в поселки постоянного типа. В частности, в районе нефтедобычи на территории Томской области буквально с нуля был построен город нефтяников Стрежевой. Если к середине 1960-х годов на территории Тюменской области имелось всего семь городов, возникших в период с конца XVI века до середины XX, то на протяжении 1960—1980-х число городов на территории области увеличилось до 16, из них 10 было образовано в 1980-е годы. Одновременно в положительную сторону менялась ситуация с обеспеченностью населения жильем — она росла по мере того, чем старше становился город. Кроме того, существенное развитие получило в регионе и коммунальное хозяйство.

Обустройство края положительно сказывалось на результатах работы трудовых коллективов. Только за первые 25 лет (до 1990 г.) тюменский комплекс поставил народному хозяйству около 6 млрд т. нефти, 5 трлн м³ газа, много другой ценной продукции всего на 200—220 млрд рублей. Капитальные вложения составили около 90 млрд рублей. Уже в 1970 году средняя стоимость добычи нефти в Западной Сибири была ниже отраслевой, и это при высоком качестве западносибирских нефти и газа.

Выросла электроэнергетика, которая была представлена двумя Сургутскими ГРЭС, Тобольской и Тюменской ТЭЦ. Кроме них в стадии строительства находились еще пять электростанций. Производство электроэнергии в рассматриваемый период выросло в 62 раза.

Была построена сеть автомобильных дорог, протяженность которых увеличилась в 75 раз и составила 15 тыс. км. При этом важно то, что магистральные дороги строились с ответвлением на все важнейшие нефтяные центры. В 1985 году открылось движение пассажирских поездов до главного центра газодобычи — города Новый Уренгой, а в 1986-м началось движение грузовых поездов на Ямбург. Авиационное сообщение имелось с основными центрами нефтегазодобычи, в большей части из которых были аэропорты.

Было построено десять газоперерабатывающих заводов, и еще два находились в стадии строительства. Был введен в строй завод по стабилизации деэтанализованного конденсата в Сургуте. С 1980 года стал действовать Томский нефтехимический комбинат, начавший производство полипропилена, а с 1981 года — этилового спирта. На этом заводе в 1980-е годы были введены мощности по производству этилена, полиэтилена, карбамидных смол. В 1984 году начал функционировать Тобольский нефтехимический комбинат. Там была введена установка по разделению нестабильного бензина, а в 1988 году вступил в строй завод по производству бутадиена. Была создана машиностроительная база комплекса, ориентированная на ремонт техники и оборудования, с центрами в городах Сургуте, Уренгое, Надыме, Тюмени. Сформировался мощный строительный комплекс, общее количество организаций которого достигло 400 единиц.

Зерно первых строительных коллективов, созданных в 1966—1970 годах, успешно проросло. В конце 1980-х годов на территории Тюменской области, в системе Миннефтегазстроя СССР работало семь главных строительных управлений, 70 строительных трестов, 11 научных и проектных институтов, два специальных конструкторских бюро, промышленные предприятия, организации рабочего снабжения, образования, медицинского обслуживания, связи. В них трудились 234 тысяч человек. В год выполнялось строительно-монтажных работ на сумму более 7 млрд долл. США.

Созданные этими коллективами мощности обеспечили в Западной Сибири в конце 1980-х годов годовую добычу

409 млн т нефти (включая газовый конденсат), что в 13 раз больше добычи 1970 года, и 569 млрд м³ газа, что больше в 63 раза, чем в 1970 году. По нефти эта добыча составила 65% общей добычи по стране, а по газу — 67%. Нефть транспортировалась по шести нефтепроводам, газ — по 20 газопроводным системам, общая протяженность трубопроводов составила 28 тыс. км.

Ускоренное формирование нового нефтегазодобывающего комплекса на базе месторождений Западной Сибири стало возможным в стране мощного производственно-технического потенциала. При этом важную роль сыграло капитальное строительство. В результате на необжитой территории площадью примерно 1,5 млн. кв. км в тяжелейших природно-климатических условиях были созданы производственные фонды, обеспечивающие более половины общесоюзной добычи нефти и природного газа. В Западной Сибири только Миннефтегазстроем СССР был выполнен объем подрядных работ на 67 млрд долларов. Осуществление в этом регионе крупномасштабной строительной программы в сжатые сроки позволило увеличить добычу нефти, включая газовый конденсат, в 1990 году — в 11 раз по сравнению с 1973 годом, а природного газа — в 40 раз.

Одним из главных факторов создания в короткие сроки основных фондов для нефтяной и газовой промышленности стала широкая индустриализация нефтегазового строительства, базой которой при сооружении мощностей по добыче, подготовке и транспорту углеводородного сырья явился поистине революционный комплектно-блочный метод, разработанный и внедренный в отрасли.

Труженники Миннефтегазстроя СССР совместно с нефтяниками и газовиками освоили необжитый край, обустроили месторождения — взяли тюменские нефть и газ, построили города. Теперь мы должны признать, что страна не выжила бы без тюменского топлива и без этих людей. Как бы ни внедряли достижения научно-технического прогресса в строительство объектов, но главная роль оставалась за человеком.

Север выпестовал, выковал и подарил стране тип человека особой закалки. Ибо именно экстремальность и первопроходческий дух предьявляет тем, кто ступил на путь освоения, требования по самому высшему счету. Железная воля, выносливость, мужество и, если хотите, отвага были присущи трассовикам. Живя иногда по полгода в командировках, вдали от семьи, среди болот и песков, они строили.

Без их героического труда не было бы ничего и никакая современная техника не работала бы. И то, что пока страна не знает бед ни с бензином, ни со светом и теплом, — безусловно, заслуга этих людей.

Труд многих работников и целых коллективов Миннефтегазстроя СССР, работавших в Западной Сибири, был по достоинству оценен государством. За систематическое выполнение поставленных задач по увеличению добычи нефти и газа в 1976 году коллектив Главтюменнефтегазстроя и в 1981 году коллектив Главсибтрубопроводстроя были награждены орденом Ленина. Орденом Трудового Красного Знамени были награждены коллективы объединения «Сибкомплектмонтаж», трестов «Нефтеюганскгазстрой», «Казымгазпромстрой» и «Тюменгазмонтаж», трест «Мегионгазстрой» был награжден орденом «Знак Почета».

Наращивание объемов нефте- и газодобычи в Западной Сибири повлияло на развитие экономики страны в целом. В структуре энергоресурсов прочно заняли ведущие места нефть и газ, а рост их добычи в Западной Сибири позволил существенно увеличить экспорт этого ценного продукта за рубеж. В результате экспорт топлива и энергетики из СССР за 1960—1980-е годы увеличился с 16,2% в 1960 году до 52,7% в 1985-м. В 1989 году экспорт энергоресурсов составил 42,1%, при этом на нефть и газ приходилось 34,5%. При этом наиболее существенной была доля топлива и энергетики в торговле с капиталистическими странами.

Под влиянием экспорта энергоресурсов из СССР менялась и структура их потребления в мире, прежде всего на Европейском континенте. Если до конца 1970-х годов в энергопотреблении росла нефтяная составляющая, то в 1980-е в большинстве развитых стран произошло снижение доли нефти и увеличение доли газа. Еще в большей степени этот процесс происходил и в Советском Союзе.

Таким образом, с полной уверенностью можно сказать о том, что основным источником благосостояния советского народа в 70-е и 80-е годы XX века, наравне с электричеством, стали нефть и газ, добыча и транспорт которых постоянно росли. Ведущую роль в этом играли Миннефтегазстрой СССР, его структуры, расположенные на территории Западной Сибири, основу которых составляли их трудовые коллективы, многие сотни тысяч людей, добросовестно трудившихся на благо отрасли и своей страны. Все это в целом и можно назвать главным источником благосостояния, которым была сильна Советская страна в те годы.

К тому времени удельный вес потребления газа среди энергоресурсов в России уже превысил уровень 50%, что стало возможно в результате многократного увеличения его добычи. В существующих прогнозах на отдаленную перспективу Россия занимает место ведущей газовой державы мира, что обусловлено тем, что на ее долю приходится почти 30% мировых запасов газа. В условиях постсоветского развития, определяемого как переходный, ТЭК страны смог устоять, опираясь на ту материальную базу, которая была создана в последнюю четверть XX века. Роль энергетического сектора возросла, он укрепил роль ведущего сектора нашей экономики, который обеспечивает жизнедеятельность всех отраслей народного хозяйства, инструментом проведения внешней и внутренней политики.

Отрасли ТЭК во многом оказались тесно связаны с новым экономическим подъемом в стране в конце 1990-х годов. В начале XXI века высокие мировые цены на топливо усилили преобладающую роль ТЭК в экономике страны, который обеспечивал почти $\frac{2}{3}$ экспортной выручки, 40—50% консолидированного бюджета страны. Ведущая роль в составе топливно-энергетического комплекса России принадлежит нефтяной и газовой отраслям Западной Сибири, производственная база которых была создана в рамках советского периода, в период формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

В. Г. Чирсков начиная с 1966 года на протяжении 25 лет практически ежедневно активно занимался созданием этого комплекса. Первые 13 лет он проживал и работал в Тюмени — это были самые сложные годы освоения огромных необжитых территорий области. Затем, уже работая в Москве, он продолжал курировать все нефтегазовые стройки данного региона. В обустройстве практически каждого месторождения, в строительстве новых городов и поселков, в прокладке трубопроводов был его непосредственный вклад.

Не хлебом единым

В Миннефтегазстрое СССР была принята первопроходческая идеология. Она подразумевала пионерное положение строителей при освоении новых регионов, что соответствовало действительности: до строителей на осваиваемых территориях побывали лишь отдельные партии

геологоразведчиков да изыскатели проектных организаций. Настоящее дело начиналось только тогда, когда высаживался головной десант строителей и забивался первый колышек в разметку первого здания или сооружения. А следом шли основные силы, разворачивался весь фронт работ. Это потом, когда заработают скважины, промышленные сооружения, появятся дороги, аэродромы и порты, поднимутся города и поселки, люди будут потрясенно говорить: неужели здесь были сплошные болота, тайга, тундра?

На такие свершения были способны только люди, одержимые идеей, люди сильные духом, самоотверженные, честные в поступках, тяготеющие к коллективной работе и ответственные за выполнение поставленных перед ними задач.

Но стоял вопрос: где взять таких людей? В первые годы освоения Тюменщины туда приезжали люди из других регионов, нередко готовые к такой миссии. Они становились руководителями бригад, управлений, трестов, главков. За ними тянулись новые пополнения, иногда заведомо слабые и не приспособленные к такой работе. Происходил естественный отбор: кто не выдерживал испытаний — уходил, кто оставался — тот оставался навсегда. Формировался новый тип строителя — человека, сильного духовно и физически, обладающего высоким профессионализмом, умеющего работать с людьми, не пасующего перед трудностями, а их преодолевающего.

На определенном этапе, когда сформировалось понимание масштабности работ, их сложности и значения, стало ясно, что без организации системы нравственного и трудового воспитания трудящихся в нефтегазовом строительстве не обойтись, как не обеспечить только рублем, заработком и материальными благами ответственное отношение к делу, самоотверженность, коллективизм. Очень скоро выявилось, что действительно не хлебом единым живет человек, что моральный фактор и высокое сознание играют такую же роль в жизни, как и материальные стимулы.

Начиная с 1970-х годов в отрасли формируется система воспитательной работы. Учитывая мобильный характер производства, необходимость проведения воспитательной работы в коллективах, подверженных частым перемещениям, ввели должности заместителя руководителя организации по кадрам и воспитательной работе на всех уровнях, начиная с управляющего трестом и кончая начальником главка.

Другим важным организационным решением было создание Комиссии по идеологической работе Миннефтегазстроя. Комиссия утверждалась совместным решением коллегии и парткома министерства и возглавлялась заместителем министра по кадрам и воспитательной работе. Комиссия являлась координирующим и методическим центром. Основной ее задачей была организаторская работа по методическому руководству воспитательной работой в отрасли, оказание помощи в проведении мероприятий по трудовому, нравственному и культурному воспитанию. Кроме того, комиссия осуществляла координацию деятельности партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций на местах и средств массовой информации. Таким образом, хотя в названии комиссии и присутствовал явно политический аспект и она выполняла в значительной части функции идейного органа партии, в жизни она больше занималась воспитательной работой.

Следующим важным фактором в организации воспитательной работы было сотрудничество с местными партийными органами административных районов, на территории которых осуществлялись стройки. К примеру, в ходе строительства газопровода Уренгой — Помары — Ужгород был накоплен положительный опыт совместной работы комиссии с пятнадцатью областными комитетами партии, где проходила трасса, по координации воспитательной работы, информационному и культурному обслуживанию строителей. Этот опыт получил распространение и на других важных стройках, в частности при обустройстве Ямбургского месторождения. На основе совместных мероприятий отраслевой комиссии с партийными органами на трассах трубопроводов и строительных площадках были организованы еженедельные выпуски газет «Правда Украины», «Горьковская правда», «Звезда» (Пермь), «Туркменская искра». Во втором квартале 1987 года начался специальный выпуск газеты «Тюменская правда». Газеты регулярно поступали в трудовые коллективы.

Пропаганде деятельности министерства в средствах массовой информации уделялось огромное внимание. Центральные газеты, радио и телевидение регулярно информировали страну о делах нефтегазостроителей. Немалый интерес проявляли к стройкам и зарубежные СМИ. Регулярно практиковались пресс-конференции для отечественных и зарубежных журналистов, многие корреспонденты солидных зарубежных изданий регулярно бывали на местах и,

несмотря на политическое противостояние тех лет, подавали материалы о свершениях нефтегазостроителей преимущественно в положительных и даже восторженных тонах. Это благотворно сказывалось на трудовом настрое в коллективах, помогало людям осознать общественную значимость своего труда.

Был составлен и осуществлен план совместной работы с издательством «Плакат» по выпуску агитационно-пропагандистских изданий по различной тематике. В 1987 году была выпущена серия плакатов о строителях тюменского нефтегазового комплекса, продолжился выпуск материалов по вопросам экономии и бережливости на производстве, о достижениях научно-технического прогресса в отрасли. В помощь лекторам и руководителям предприятий и организаций был организован систематический выпуск информационных и методических материалов, которые рассылались в главки, объединения, тресты.

Эти материалы широко использовались для проведения воспитательной работы на местах. Силами местных отделений всесоюзного общества «Знание» проводилась работа по активизации лекционной работы в подразделениях отрасли.

В целях пропаганды достижений отрасли совместно с Государственным историческим музеем была организована уникальная выставка, рассказывающая о строителях экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. В истории музея это была единственная экспозиция, созданная для популяризации трудового подвига тружеников строительного производства. Выставка имела оглушительный успех, ее посещали все слои нашего общества — от учеников школ до руководителей партии и правительства. Мало того, она экспонировалась во Франции и Федеративной Республике Германии, встретила там теплый и заинтересованный прием. По оценкам музейных работников, с выставкой ознакомилось свыше двух миллионов человек. На ней достойно был представлен и Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, прежде всего тюменские нефтегазостроители.

Системность и плановость в работе по культурному шефству над строителями появились в 1982 году после принятия совместного постановления коллегий министерств «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания строителей магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород».

Особое внимание уделялось организации культурного досуга трудящихся и членов их семей в Западно-Сибирском регионе. С этой целью к культурному обслуживанию активно стали привлекаться творческие союзы, в связи с чем был осуществлен ряд государственных заказов на создание художественных произведений о строителях нефтегазовых объектов: оратория В. Гороховского на стихи А. Сафронова «Время», песни В. Золотарева «Над стройкой заря золотая», «Вечерний Уренгой», цикл песен В. Пестова «Письма на Уренгой», сценарии эстрадных представлений, монологи и музыкальные фельетоны для артистов разговорного жанра. Более 80 работ о строителях магистралей выполнили художники. На строительство объектов Ямбургского газоконденсатного месторождения приехала группа художников из Ленинграда. На киностудиях страны были сняты фильмы о строителях газовых магистралей. Для Центрального телевидения Д. Белов, А. Летунов и Р. Андреев — всдушие тележурналисты — подготовили и показали серию фильмов о строителях Западной Сибири.

Широко практиковалось шефство над стройками творческих учебных заведений. В труднодоступные районы Тюменской области выезжали со своими фильмами студенты ВГИКа, художественный факультет института помогал в оформлении полевых городков. В красных уголках трассовых поселков проводили творческие встречи студенты Театрального училища им. Щепкина.

О трудовых подвигах строителей в Западной Сибири был создан ряд драматических произведений, которые были включены в репертуары театров, в том числе «Брусника на снегу» В. Повалеева и Э. Медведкина, «Пришествие на северном ветре» А. Гафана и Е. Рыка, «За шаг до цели» Л. Митрофанова, «Золото Лонгьюгана» С. Мальцева. Проводились музыкальные фестивали, праздники национального искусства, встречи с писателями, композиторами, художниками, артистами непосредственно на строительных площадках и в полевых городках. И все они отмечали, что не встречали более чутких и благодарных зрителей, что они взаимно получали огромный творческий заряд.

В апреле 1986 года Миннефтегазстрой с Союзом художников РСФСР провели в Тюменской области «Неделю изобразительного искусства». Тогда же в области был проведен Всесоюзный фестиваль «Тюменский меридиан», в котором приняли участие ведущие творческие коллективы и исполнители.

Миннефтегазстроем СССР и Минкультуры СССР была подготовлена долгосрочная программа по коренному улучшению культурного обслуживания нефтегазостроителей Тюменской области на 1986—1990 годы. Реализуя эту программу, в гастрольных поездках по Тюменской области приняли участие творческие коллективы и исполнители, в том числе хор имени Пятницкого, хореографический ансамбль «Березка», ансамбль «Русские узоры», ансамбль народного танца «Лаутары», оркестр старинной музыки Литовской филармонии, певица Ксения Георгиади, группа артистов Государственного академического Большого театра, певец Николай Соловьев и другие артисты. Большой популярностью среди строителей пользовались выпущенные фирмой «Мелодия» альбом грампластинок и компакт-кассета с записями песен, посвященных труженикам отрасли.

Проводимая работа по укреплению связей с творческими коллективами позволила по-настоящему заинтересовать и сплотить вокруг Миннефтегазстроя группу творческих работников, которые посвятили свои произведения строителям. Среди них композитор В. Левашов и поэт С. Гребенников, художники В. Яковлев и М. Саттаров, кинорежиссер Ю. Лебедев и многие другие.

Необходимость расширения культурно-просветительской работы потребовала создания соответствующей материальной базы. Миннефтегазстрой к 1985 году имел в Тюменской области десять домов культуры и клубов на три тысячи мест. С 1986 года освоен выпуск культурно-спортивных комплексов с клубными помещениями на 160 мест из быстросборных конструкций.

Для улучшения культурного обслуживания сибиряков Миннефтегазстроем СССР были построены Дворец молодежи в Сургуте, Дворец культуры в Новом Уренгое, Дом техники в Нефтеюганске, четыре кинотеатра, клубы на 300 мест в поселке Локосово и на 400 мест в поселке Винзиль, четыре культурно-оздоровительных комплекса.

В них культурная жизнь была ключом — художественные коллективы домов культуры трестов «Нефтеюгансгазстрой», «Сургутгазстрой», «Мегионгазстрой» на протяжении ряда лет получали звания лауреатов различных смотров. Они сгруппировали вокруг себя большой культурно-просветительский актив, стали центрами лекционной и культурной работы.

Здесь систематически проводились различные общественно-политические чтения, устные журналы, народные

университеты, лектории, тематические вечера по пропаганде различных видов искусства, слеты передовиков производства, вечера трудовой славы, встречи с интересными людьми. Возросла массовость, усилилась роль коллективов художественной самодеятельности в становлении полноценного досуга. Отсюда и результаты: практически были изжиты в этих организациях нарушения трудовой дисциплины, поднялась культура общения, сведены на нет сквернословие, пьянство. Заметно улучшились и производственные показатели.

Здоровая моральная атмосфера в тресте «Нефтеюганскгазстрой» поддерживалась во многом благодаря активистам дворца культуры «Строитель». Клуб политической информации «Мир сегодня» собирал в общежитиях сотни слушателей, лектории «Пульс планеты», «Человек и закон», «Здоровье», альманах «На орбите времени» и другие создавали атмосферу откровенности, доверия, доброжелательности, побуждали к общественной активности. То же самое можно сказать о работе коллективов художественной самодеятельности — татарского ансамбля танца «Юганские зори», народного театра, вокально-инструментального ансамбля «Глобус». Только за один год участники художественной самодеятельности Дворца культуры дали 118 концертов, из них половину — на трассовых участках.

А разве не являлись могучим средством воспитания прекрасного в человеке передвижные выставки изобразительного искусства? В нескольких десятках трассовых городков Тюменской области состоялись выставки на темы «Художники театра и кино», «Художники РСФСР», «Советская Армения» и др. Государственный Русский музей из Ленинграда направил на трассу выставки «225 лет Академии художеств СССР», «Советский портрет 1920—1980 гг.», «Русская живопись XVIII—XIX веков», «Графика советских художников». Каждая выставка, как правило, сопровождалась лекциями сотрудников Государственного Русского музея.

Интересно прошел фестиваль искусств в Новом Уренгое. В нем приняли участие бригады артистов Государственного академического театра им. Евгения Вахтангова, Государственного академического Большого театра, ансамбля скрипачей Сибири, другие коллективы.

По всесоюзному гастрольно-концертному плану прошли концерты для нефтегазостроителей народного артиста РСФСР Л. Власенко, камерного ансамбля «Виртуозы Мо-

сквы», заслуженного деятеля искусств РСФСР Л. Ройзмана, ВИА «Тип-Топ». Всесоюзное объединение «Союзконцерт» организовало спецвыезды коллективов и исполнителей: выступали артисты ГАБТ СССР Г. Калинина, В. Мальченко, инструментальный квартет театра.

Большой интерес вызвало в строительных коллективах Тюменской области совместное с Союзом композиторов СССР выездное заседание редколлегии журнала «Советская музыка». Оно послужило широкой популяризации на трассе таких известных произведений, как симфонические поэмы Б. Чайковского «Ветер Сибири», Ю. Тер-Осипова «По зову сердца», оратория О. Фельцмана на стихи Р. Рождественского «Это время», оратории Л. Бобылева «Шестая часть земли» и Р. Габичвадзе «Поэма о человеке», симфоническая увертюра Р. Читашвили «Любям труда — слава».

При проведении воспитательной работы использовались совершенно новые формы. Так, совместно с ЦК ВЛКСМ был создан агитпоезд «Молодогвардеец». Участие в мероприятиях, проводимых этим мобильным культурно-просветительным центром с участием опытных лекторов, ведущих творческих коллективов, ветеранов отрасли сделали его популярным среди строителей. Его ждали в бригадах, технологических потоках, в клубах полевых городков.

Другим мобильным и весьма эффективным средством агитации была созданная в Миннефтегазстрое агитационная машина. На базе мощного тягача был запроектирован огромный салон, способный принять целиком бригаду или часть технологического потока. Этот салон был начинен всей необходимой аппаратурой — музыкальным центром, видеосистемой для показа фильмов, киносъёмочной аппаратурой. На бортах машины были предусмотрены специальные стенды, на которых размещалась разнообразная информация — от освещения международных событий до сведений о новой технике и рационализаторской работе, итогах социалистического соревнования на конкретном объекте.

Прибыв в бригаду или технологический поток на три-пять дней, машина раскрывала свои «крылья» с наглядной агитацией, которая всегда вызывала большой интерес. Экипаж, в который входили лектор, культурный организатор, художник и журналист, проводил лекции, дискотеки. Люди узнавали, что происходит в мире, в стране, в отрасли, получали разъяснения по наиболее сложным вопросам.

Иногда это происходило в форме теплой беседы у костра после трудной смены. Но особенно важна была оперативная информация о ходе строительства на всей трассе. Люди узнавали, как обстоят дела у соседей, кто вырвался вперед, кто отстал. А это очень важно — чувствовать локоть друга. Ведь стройка растянулась на сотни и тысячи километров, а закончить ее надо всем в срок.

Мощным стимулом в мобилизации коллективов на трудовые свершения, на решение ключевых задач было социалистическое соревнование. Соревнования организовывались на всех ступенях производства. Соревновались между собой бригады, технологические потоки, на низовом уровне производства. Соревновались тресты, объединения, главки. Активно участвовали коллективы и во Всесоюзном социалистическом соревновании. Получение бригадой или потоком переходящего вымпела, а трестом — знамени министерства приносило в коллектив дух приподнятости и праздника. А получение переходящего Красного Знамени ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ расценивалось как важная этапная победа всего коллектива. Многие крупные подразделения завоевывали эти знамена неоднократно, получили их на вечное хранение и до сих пор хранят как свидетельства высших достижений в их истории.

Соревнования организовывались по-разному. Это было живым делом, в целом ряде коллективов возникали новые собственные инициативы. Ведущей формой трудового соперничества на сооружении газопровода Уренгой — Помары — Ужгород стала «Рабочая эстафета». В ней участвовали промышленные предприятия и комплексные технологические потоки, коллективы строителей участков магистрали и предприятия, организации республик и областей, на территории которых велась стройка, а также коллективы предприятий — поставщиков оборудования и строительной техники из 28 министерств и ведомств. Организующей основой «Рабочей эстафеты» был договор о творческом сотрудничестве.

Правильно делают те, кто возрождает сегодня соревновательность и состязательство в труде. Люди с удовлетворением воспринимают это явление, справедливо видя в нем мощный моральный стимул, приводящий к успеху в труде и самоутверждению личности. В Миннефтегазстрое СССР широко практиковались моральные меры поощрения, начиная с вручения вымпелов, дипломов, значков, медалей,

почетных грамот и кончая правительственными наградами, орденами и медалями. Многим добившимся успехов в своей профессиональной деятельности присваивались почетные звания, звания лауреатов различных премий.

Одной из самых, казалось бы, простых мер поощрения были благодарственные письма семьям. Но именно они позволяли душевно, без лишней формальности сказать доброе слово о человеке, честно и добросовестно исполняющем свою работу. Эффект от таких писем был ошеломляющим. К примеру, возвращается после вахты сварщик и говорит: «Дома меня ждал сюрприз. В школу, где учится дочь, пришло письмо из треста, где сказано о том, как и где я работаю. Учительница зачитала его всему классу. И надо было видеть глаза дочки! Сколько в них было восхищения и гордости за своего папу, который строит нужный людям газопровод. Эта самая большая для меня награда».

Планомерная и системная организация воспитательной работы содействовала воспитанию в людях осознанного отношения к труду, если хотите, гордости за свои дела, возвышала человека духовно, что, конечно, благотворно влияло на повышение эффективности и качества работы, ускорение строительства объектов нефтяной и газовой промышленности. В конечном счете все это позволяло с опережением сроков обеспечивать запланированные приросты добычи нефти и газа — основы экономики страны.

В Миннефтегазстрое СССР всеми средствами поднималась роль руководителей всех уровней. От каждого из них требовалось как первейший долг активно вести воспитательную работу в своем коллективе, быть примером в труде и личном поведении, проявлять внимание к нуждам тружеников, повышать культуру взаимоотношений, требовательность и дисциплину. И, как показала практика, личный пример любого руководителя в труде и поведении, в отношении к людям всегда давал положительные результаты.

На подступах к Ямалу

Бованенковское газовое месторождение, расположенное в 40 километрах от побережья Карского моря, в нижнем течении рек Се-Яха, Морды-Яха и Надуй-Яха, было открыто в 1971 году и названо в честь леген-

дарного советского геофизика Вадима Бованенко. Оно вошло в пятерку крупнейших в мире по начальным запасам газа — 4,9 триллиона кубических метров.

Освоение месторождений полуострова Ямал выдвигалось в качестве крупнейшей строительной программы 1986—1995 годов. Многониточные трубопроводы Ямала должны были стать последней мощной газотранспортной системой, сооруженной в XX веке и базирующейся на новейших научно-технических достижениях, соответствующих требованиям 20—30-летней перспективы. Еще в 1974 году были разработаны варианты строительства магистральных трубопроводов от Харасавэйско-Бованенковской группы месторождений. Особо детально рассматривались два варианта — морской и полярный. Первый — подводная прокладка газопровода через Байдарскую губу с выходом в район железнодорожной станции Хальмер-Ю. Второй — прокладка газопровода вдоль западного берега полуострова с выходом на Полярный Урал. Второй вариант впоследствии лег в основу проектных разработок.

Максимальный уровень добычи газа на полуострове Ямал был принят равным 194 миллиардам кубометров в год. Намечалось начать добычу газа из Бованенковского месторождения в 1991 году. Затем планировалось выйти на максимальный уровень с подключением Харасавэйского месторождения в 1996 году. Крузенштернское, Нейтинское, Арктическое и Северотамбейское месторождения планировалось разрабатывать несколько позже — в 2010 году.

Следовательно, в ограниченные сроки на полуострове Ямал надо было создать мощный промысел. Далее — построить шестиниточную систему газопроводов из труб диаметром 1420 миллиметров, протяженностью 15905 километров со 138 компрессорными станциями. Всего по данному проекту предстояло освоить капитальных вложений на сумму свыше 67 миллиардов долларов США, в том числе организациям Миннефтегазстроя СССР — более чем на 46 миллиардов долларов.

С самого начала было принято вроде бы единственно правильное решение — путь к Бованенковскому месторождению должен проходить через реку Сабетту. Для этого в кратчайший срок на восточном побережье был построен причал, обработаны первые баржи с грузом, развернуты стальные резервуары и принято около 5 тысяч тонн горюче-смазочных

материалов. Были оборудованы первые склады для приема продовольственных товаров, зажил обычной жизнью пионерный поселок на 350 человек со столовой и баней. Однако, внимательно изучив акваторию Ямала, уже в весеннюю навигацию 1987 года начали отправлять грузы на Бованенково по маршруту Мурманск — устье реки Морды-Ях, что на западном побережье полуострова. Это позволило сократить путь доставки оборудования и материалов для строительства головных сооружений месторождения втрое по сравнению с маршрутом из Се-Яха или Сабетты. При этом исключалась сложнейшая схема протаскивания 300-тонных суперблоков по зимнику на расстояние почти 200 километров. Приплыв по Оби из Тюмени, они по воде огибали полуостров и опять-таки через Морды-Яху попадали на место. При этом не исключался вариант максимального использования других рек для доставки грузов в летний период.

Серьезные трудности строительства на Ямале связаны с чрезвычайно сложной гидрогеологией грунтов и возможностью развития неблагоприятных мерзлотно-геологических процессов при возведении и эксплуатации зданий и сооружений. Повышенная льдистость грунтов, их интенсивное морозное растрескивание, соли флюкция и другие процессы значительно ужесточают требования к конструктивным решениям фундаментов и технологии их устройства. Опыт, приобретенный Миннефтегазстроем СССР при освоении Уренгойского и Ямбургского газоконденсатных месторождений, на Ямале, к сожалению, оказался неприемлемым. Здесь требовались иные подходы.

Главным направлением инженерного поиска стала ставка на строительную площадку полносборных блоков повышенной массы. Учитывая это обстоятельство, а также низкую несущую способность грунтов основания, необходимо было повысить несущую способность самих свай за счет увеличения их размеров. По самым скромным подсчетам, затраты, связанные с работами нулевого цикла, превышали в арктических условиях на 100—110 процентов стоимость наземной части промышленного и гражданского здания. Надо было, не теряя времени, совершенствовать конструкции фундаментов, увеличивая их несущую способность. В качестве свай решено было использовать стальные трубы — самые экономичные конструкции в условиях Крайнего Севера.

Вполне понятно, что организационно-экономическая схема освоения Ямала предусматривала высочайший уро-

вень индустриализации, широкое применение экспедиционно-вахтового метода работы строителей и эксплуатационников. Это было возможно только при создании мощной промышленной базы и жилых комплексов в опорно-тыловых городах. Для этого максимально планировалось использовать мощности, ранее созданные для освоения Уренгойского и Ямбургского месторождений. Это были прежде всего предприятия по изготовлению и монтажу суперблоков и блочно-комплектных устройств объединения «Сибкомплектмонтаж» в Тюмени, предприятия и жилые комплексы Надыма и Нового Уренгоя. Должны были получить развитие производственные и социальные базы в Коми АССР (Ухта, Вуктыл).

Гипроспецгаз в своих проектных проработках отдал предпочтение подземной прокладке газопроводов на участках вечномерзлых грунтов. К наиболее тяжелым с точки зрения обеспечения требуемой несущей способности газопровода при его подземной прокладке следует отнести погребенные льды, высокольдистые торфяники, толщиной 3—4 метра, расчлененные термокарстовыми озерами, а также засоленные грунты и рассолы.

Впервые в отечественной практике заблаговременно был выполнен гидравлический расчет для всех шести магистральных трубопроводов, которые должны были подавать газ Ямала. Это были магистрали Ямал — Ужгород (4186 км), Ямал — Торжок (2639 км), Ямал — Грязовец I и II по 2243 км каждая, Ямал — Центр I и II по 2292 км каждая. Данный гидравлический расчет позволил оптимизировать производительность каждой магистрали, существенно сократить резерв на компрессорных станциях и удешевить их строительство.

И, конечно же, первой задачей, вставшей перед строителями, было сохранение уникальной природы Ямала. Экстремальность условий здесь вызвана прежде всего недостатком тепла и избытком влаги. Всякие техногенные воздействия на полуострове приводят к необратимым нарушениям природного равновесия. Поэтому проектным и научно-исследовательским организациям было поручено со всей ответственностью подойти к изучению и анализу экологической системы полуострова и разработать фундаментальные природоохранные мероприятия. Даны были строжайшие указания: ни один проект не принимать в производство без детальной проработки конкретных природоохранных мероприятий. В проекте освоения Ямала

впервые в советской истории экологический вопрос был рассмотрен глобально и скрупулезно, учтены основные затраты на природоохранные мероприятия.

Не последними были и проблемы коренных жителей Ямала — ненцев, селькупов и хантов. Для лучшего понимания этих проблем В. Г. Чирсков лично выехал в данный регион, для того чтобы встретиться с руководителями совхозов (их на всем полуострове насчитывалось шесть) и председателями сельских советов. На этих встречах всегда присутствовал начальник объединения «Арктикнефтегазстрой» И. А. Шаповалов. Это объединение должно было выполнять основные работы по обустройству месторождений Ямала, и поэтому обстановка изучалась до мелочей.

Владимир Григорьевич и Игорь Александрович внимательно выслушали все просьбы местного руководства, которые, к слову, были очень скромные. Они сводились к оказанию помощи по строительству жилых домов, школ, объектов культурно-бытового назначения. В результате были подписаны взаимные обязательства, включая, конечно, и экологические вопросы. Так местные и «пришлые» стали партнерами, по сути дела, определяющими программу промышленного освоения края. Именно так, идя навстречу друг другу, как тогда заметил председатель Сеяхинского сельсовета И. Окотэтте, можно быстрее добиться отдачи от освоения богатых залежей Ямала при максимальном сохранении его первозданности и целостности.

Кто хоть раз побывал в тех местах, знает, что условия труда и проживания на Ямале чрезвычайно суровые. К примеру, коэффициент дискомфорта, учитывающий суммарное воздействие температуры воздуха, осадков и ветра на условия труда и быта рабочих, на Ямале выше, чем в центре страны и на Ямбурге соответственно в 3,5 и 1,3 раза. Потенциал охлаждения человека, определяющий длительность вынужденных внутрисменных простоев, на севере Ямала на 20 процентов больше аналогичного показателя в районах Надыма и Уренгоя. У адаптировавшихся работников производительность труда здесь ниже примерно на 30 процентов, а у новичков — почти вдвое.

Подбор кадров для Ямала, формирование строительно-монтажных организаций должны были обязательно базироваться на психологическом и медицинском отборе, учитывающем особенности деятельности и сложные природно-климатические условия. Важное место в изучении

человеческого фактора применительно к освоению полуострова было отведено научно-производственной программе «Ямал». В отрасли был даже организован специальный медицинский центр, занимавшийся проблемами адаптации.

Для координации работ по Ямальскому проекту был создан межотраслевой центр. Отрасли в нем были представлены на уровне первых заместителей министров СССР. Мощная в те годы система страны была «раскручена» на Ямал. Благодаря этому нефтегазостроителям на первый газопровод успели поступить (в основном из ФРГ) свыше 1000 километров труб диаметром 1420 миллиметров.

Тогда ни у кого не было сомнений в том, что газ Ямала, как и других месторождений, будет подан потребителям в директивный срок, то есть в 1991 году. И вряд ли кто мог предположить, что, учитывая ситуацию, сложившуюся в стране в результате горбачевской перестройки, Политбюро ЦК КПСС в марте 1989 года своим решением прекратит финансирование Ямальского проекта. В. Г. Чирсков совместно с В. С. Черномырдиным видели абсурдность данного решения и старались убедить руководителей государства в том, что средств на окончание проекта нужно меньше, чем на его консервацию. Но они не были услышаны.

В завершение данного раздела нужно сказать, что только через 20 лет после развала СССР правительство Российской Федерации решило вернуться к Ямальскому проекту. Первоначально его запуск был намечен на 2008 год, затем — на третий квартал 2011-го. Но в июне 2009 года, в связи с глобальным экономическим кризисом и снижением спроса на природный газ, срок был отложен на третий квартал 2012 года.

23 октября 2012 года первый газовый промысел на Бованенковском газовом месторождении Ямала был официально введен в строй, а в декабре 2014-го — второй, в декабре 2018 года — третий. По газопроводу Бованенково — Ухта-2 голубое топливо начало поступать потребителям во все нарастающем объеме: 2012 год — 4,9 млрд м³, 2014-й — 42,8 млрд м³, 2017 год — 82,8 млрд м³. В 2022 году с Бованенковского месторождения было подано 115 млрд м³ газа. Таким образом, проект, некогда успешно начатый Миннефтегазстроем СССР, был завершен, став одним из крупнейших и наиболее перспективных газовых проектов современной России.

18 лет без застоя

На рубеже 1970-х годов в стране назрела необходимость создания крупного топливно-энергетического комплекса Западной Сибири, а также интенсивного освоения нефтяных и газовых месторождений Средней Азии, Коми АССР, Оренбургской области и др. Это направление имело большое значение для развития народного хозяйства страны, социалистического лагеря, а также для мировой политики.

Руководство СССР понимало, что одним из основных инструментов решения ускорения добычи нефти и газа является строительство. Но его существовавшая структура и масштабы сдерживали развитие нефтяной и газовой промышленности. Требовалась совсем иная стратегия обустройства северных районов Сибири, создания магистрального высокоэффективного транспорта нефти и газа, развития инфраструктуры в районах нового освоения.

В те же годы, по существу, рождалось новое топливное направление — газовая индустрия. Ее организация, темпы развития, технологии требовали специфических научных и проектных подходов, а главное — особого внимания. Строительные организации, подчиненные тогдашнему Мингазпрому СССР, естественно, не могли равнозначно уделять внимание нефтяной промышленности и успевать за постоянно растущими запросами газовой промышленности. Само строительное производство нуждалось в освоении более высоких форм индустриализации, основанных на глубоких научных исследованиях, создании соответствующих производственных структур. Требовалась концентрация сил и средств в едином специализированном министерстве.

20 сентября 1972 года Законом Союза Советских Социалистических Республик было образовано общесоюзное Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР (Миннефтегазстрой СССР) во главе с А. К. Картуновым. Министерству было поручено осуществлять на территории страны и за рубежом обустройство нефтяных и газовых месторождений; строительство магистральных и промысловых трубопроводов; сооружение других промышленных предприятий; создание объектов жилищного и социально-бытового назначения.

Отрасль формировалась с большим трудом. Стартовый масштаб не обеспечивал запросов на строительство. Воз-

можный объем строительно-монтажных работ едва превышал два миллиарда рублей. В составе отрасли был лишь один научно-исследовательский институт — ВНИИСТ. Слабосильная, не отвечающая запросам база не могла обеспечить производство. Технологии и организация строительства требовали коренной модернизации. Программа освоения нефтяных и газовых месторождений Сибири требовала значительных капитальных вложений, новой стратегии и высоких темпов. Однако организация производственных коллективов, их энерговооруженность не позволяли обеспечивать ни темпов, ни качества, а значит надежности. Условия быта строителей даже в старых районах были плохими, смена кадров во многих коллективах достигала 60 процентов.

Но нужно признать, что министерство создавалось не на голом месте — уже имелись сложившиеся коллективы ряда трестов, промышленных предприятий. Имелся костяк кадров, преданных профессии и призванию. Был опыт сооружения первых трубопроводов в Западной Сибири.

В июне 1974 года Центральным Комитетом партии и Советом министров СССР было принято Постановление «О повышении технического уровня строительства магистральных газонефтепроводов и об обеспечении надежности их эксплуатации». Оно стало поворотным в развитии отрасли. В относительно короткие сроки в Миннефтегазстрое СССР была создана эффективная система организации и управления строительством объектов нефтяной и газовой промышленности, которая позволяла оперативно маневрировать трудовыми и материальными ресурсами на огромных территориях страны и успешно выполнять поставленные задачи.

Основой того, что многие годы успешно создавались уникальные по своей сложности и масштабам объекты нефтяной и газовой промышленности, были трудовые коллективы строительных и монтажных организаций. Специфика нефтегазового строительства обусловила особые требования к подбору работающих. Это в первую очередь — высокий профессионализм, способность к быстрой физической и психологической адаптации к новым условиям, смене объектов труда. В связи с этим средний возраст работников не превышал 35 лет.

Отрасль всегда представляла интерес для молодежи. Значительная роль в пополнении организаций отрасли кадрами принадлежала комсомолу. Миннефтегазстрой СССР —

единственное министерство, принимавшее все ударные комсомольские отряды начиная уже с 1978 года, а всего их было семь. Только в 1980-е годы в составе таких отрядов на стройки нефтяной и газовой промышленности прибыли 36 тысяч добровольцев. Комсомольцы и молодежь — самые активные участники освоения нефтяных и газовых месторождений нашей Родины. В организациях и на предприятиях Миннефтегазстроя СССР в 1990 году трудились около 200 тысяч юношей и девушек в возрасте до 30 лет. Для многих из тысяч молодых энтузиастов путевки на ударные стройки нефтяной и газовой промышленности стали поистине путевками в жизнь.

Проблемам социального обустройства в отрасли практически всегда уделялось самое серьезное внимание. Было четкое осознание того, что основа производственного благополучия лежит в своевременном решении бытовых вопросов, в заботе о человеке. Другое дело, что возможности в отрасли на первых порах были относительно скромными. Так что со всей ответственностью можно утверждать, что в отрасли вышли на учет «человеческого фактора» намного раньше перестройки с ее шумихой по поводу заботы о человеке. И не потому, что ее руководители были такими прозорливыми, а потому, что этого требовали сама жизнь и дело.

Социальная инфраструктура имела в отрасли два плацдарма. Первый находился непосредственно вблизи строительных площадок и рабочих мест. Уже там нужно было организовать хороший отдых работников, питание, бытовые услуги. Второй — основной — базовое жилье. Только в 1981—1985 годах в отрасли построили для своих рабочих 3,5 миллиона квадратных метров жилья, а в 1985—1991 годах — 4,9 миллиона квадратных метров.

На трассах трубопроводов вблизи строительных площадок создавали полевые базовые городки. Год от года, по мере того как промышленность отрасли осваивала вахтовые жилые модули и индустриальные конструкции культурно-бытового назначения, условия в таких городках улучшались. Можно сказать, что уже на трассах, начиная с Уренгоя, Миннефтегазстрой СССР вышел на принципиально новую модель такого поселения, в корне изменив ситуацию. Решили проблему комплексно. В министерстве было около 600 полевых городков.

Предметом особой заботы строителей были дети. За 1980—1985 годы в отрасли ввели 18 тысяч мест в детских дошкольных учреждениях, за 1986—1990 годы — 72 тысячи

мест. В 1991 году в отрасли было 430 детских дошкольных учреждений на 82 тысячи мест. Набранные темпы позволили уже в 1991 году обеспечить местами в детских дошкольных учреждениях самых нуждающихся в них.

Отрасль имела собственные медицинские подразделения. В ее подразделениях функционировали 22 медсанчасти, более 500 медпунктов. В Тюмени находились стационар на 1300 коек, поликлиника на 650 посещений. А всего в управлении работало две тысячи медицинских работников, из них 540 врачей. В отрасли было более 60 баз для отдыха и лечения трудящихся, 4 Дворца спорта, 41 стадион, 103 спортивных зала, 24 плавательных бассейна, 650 спортивных площадок. На Кавказе, на берегах Черного и Азовского морей в 1990 году строились санатории, пансионаты и базы отдыха на 12 тысяч мест, в дополнение к тем, что уже имелись. Ежегодно в отраслевых здравницах отдыхали 54 тысячи человек. В пионерских лагерях проводили лето более 300 тысяч детишек. Строилось еще 37 пионерских лагерей на 11 тысяч мест.

На производственной базе организаций и предприятий министерства действовали 280 общеобразовательных школ и 32 средних профессионально-технических училища. Ежегодно мощности четырех специализированных учебных центров (в Челябинске, Уфе, Железнодорожном и Павловском Посаде Московской области) и 67 учебно-курсовых комбинатов позволяли обучать около 100 тысяч человек. В отрасли было четыре техникума, действовал институт повышения квалификации руководящих кадров и специалистов. Руководителям была предоставлена возможность повышать свою квалификацию в Академии народного хозяйства СССР.

Миннефтегазстрой СССР имело свою торговую сеть, где более чем на 100 предприятиях было занято 23 тысячи человек, действовала своя система общественного питания. Годовой товарооборот отраслевой системы рабочего снабжения в 1989 году был эквивалентен 1,7 миллиарда долларов.

Известная ситуация, сложившаяся в стране с продуктами питания в 1970—1980 годах, привела к необходимости развития в отрасли подсобного хозяйства. Было создано 121 сельскохозяйственное предприятие, в том числе 40 совхозов. На каждого работающего в отрасли в 1989 году было произведено 15 кг мяса и 40 л молока.

Реализация всех социальных мероприятий способствовала стабильности коллективов. Как бы ни внедряли до-

стижения научно-технического прогресса в строительство объектов, главная роль оставалась за человеком. Север выпестовал, выковал и подарил обществу тип человека особой закалки, ибо именно экстремальные условия и трудности первопроходцев предъявляют тем, кто ступил на путь освоения природных богатств, требования по самому высшему счету. Железная воля, выносливость, мужество и даже отвага были присущи трассовикам. Живя иногда по полгода в командировках, вдали от семьи, среди болот и лесов, они строили. Без их труда не было бы ни магистралей, ни их систем, не работала бы никакая современная техника.

Основой отрасли был и остается рабочий человек, трудовой коллектив. Но не меньшее достояние и гордость представлял и кадровый инженерно-технический «пласт». В отрасли работало много тысяч талантливых руководителей, внесших значительный вклад в ее становление и развитие. Особо необходимо отметить заслуги в этом министров Алексея Кирилловича Кортунова и Бориса Евдокимовича Шербины, а также продолжившего начатое ими дело Владимира Григорьевича Чирскова. Также большой вклад внесли в развитие Миннефтегазстроя СССР заместители министров и члены коллегии.

Интенсивное вовлечение в народное хозяйство нефтяных и газовых месторождений стало центральной задачей всей экономики СССР. Но практическое претворение в жизнь этой задачи государственной важности осложнялось тем, что основные потоки нефти и газа из северных районов Западной Сибири, отличающихся экстремальными природно-климатическими условиями, надо было направлять главным образом в центр страны. Подземные нефтяные и газовые магистрали на значительном протяжении приходилось прокладывать в заболоченной тундре и вечномерзлых грунтах. Строительно-монтажные работы велись только в зимнее время. Суровый климат, слабо развитая дорожно-транспортная сеть и производственная база, отсутствие социальной инфраструктуры — всё это осложняло организацию строительства и требовало принципиально нового подхода к решению комплекса производственно-экономических и социальных вопросов.

На помощь пришла наука. Сейчас невозможно даже бегло очертить то, чем она предопределила переход к индустриальным методам обустройства нефтяных и газовых месторождений, строительства многониточных трубопроводных систем. Начинали с одного института, а в конце 1980-х

годов имели уже 38 институтов. Конечно, сами по себе эти цифры ни о чем не говорят. Но в Миннефтегазстрое СССР не плодили вывески, а наращивали свой научный потенциал, приближали науку к конкретным региональным программам, к конкретным крупным перспективным направлениям, и в этом немало достигли. Из 38 институтов и конструкторских бюро только восемь общепромышленных были центрального подчинения — остальные принадлежали объединениям и были на них ориентированы.

Отраслевая наука — в основном экспериментальная. Обновление опытной базы, оснащение современными экспериментальными установками, приборами — задача архиважная. Руководителям удалось пополнить эту базу уникальным оборудованием, включая импортное. Только за пять лет (1985—1990) в научную базу было вложено 170 миллионов долларов. Научный потенциал Миннефтегазстроя СССР в 1990 году достиг высокого уровня: 189 миллионов долларов — объем годовых затрат на научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, в которых было занято около 10 тысяч человек, в их числе 411 кандидатов и докторов наук.

В развитие отрасли серьезный вклад внесла академическая наука. Этот вклад связан с именами академиков Л. П. Александрова, Б. Е. Патона, Г. И. Марчука, Я. М. Колотыркина, Н. П. Лякишева, А. И. Целикова, Н. С. Ениколопова, Г. А. Николаева и др. Отрасль широко использовала и научный потенциал вузов страны. Свыше 50 из них сотрудничали с Миннефтегазстроем СССР. Наиболее активные творческие связи были установлены с МВТУ им. Н. Э. Баумана, МИНХ и ГП им. И. П. Губкина, МИСИ им. В. В. Куйбышева, с Уфимским нефтяным институтом.

Высшим признанием со стороны государства личного творческого вклада в развитие научно-технического прогресса страны считается присуждение премий в области науки и техники. В Миннефтегазстрое СССР лауреатами Ленинской премии стали 10 человек. Государственные премии СССР в области науки и техники были присуждены 42 работникам отрасли. В Миннефтегазстрое СССР работали десятки одаренных, талантливых ученых. Основные этапы развития трубопроводных систем — во многом результат их кропотливого труда.

За основу организации строительного производства в Миннефтегазстрое СССР были приняты максимальная индустриализация, поточная технология, комплектно-

блочный метод, межрегиональное использование трудовых ресурсов, планирование и оценка деятельности предприятий и организаций по конечной продукции.

В конце 1980-х годов в отрасли была создана сеть проектных институтов. Самое рациональное, когда одна организация сама проектирует и строит, сдавая объекты «под ключ», сама поставяет оборудование и его испытывает. Два объединения министерства по этой схеме строили трубопроводы. Пять объединений «под ключ» сооружали жилье, объекты соцкультбыта и передавали их эксплуатирующим организациям. В этом смысле в отрасли переходили на здравую модель: отраслевая продукция — законченный объект. Снимались все неувязки с проектированием, поставками, заказчиком. Все оказывалось в одних руках.

Отрасль в конце 1980-х годов — это 22 специализированных строительных и два проектно-промышленных объединения, включавших 146 строительно-монтажных трестов, производственных и проектно-строительных объединений, 73 промышленных предприятия. В пик развития отрасли в 1988 году было выполнено организациями Миннефтегазстроя СССР строительно-монтажных работ на 12 миллиардов 250 миллионов долларов, в том числе в Западной Сибири на 7 миллиардов 650 миллионов долларов. В сравнении с другими министерствами страны — это самые крупные объемы строительно-монтажных работ. В мире также не было, да и сейчас нет аналогичной организации.

В 1988 году отраслевая промышленность выпустила продукции на 1 миллиард 100 миллионов долларов США. В основном это строительные конструкции и трубные детали, специальная техника. Специальные машины, ориентированные на строительство трубопроводов, в отрасли сами проектировали, сами создавали опытные образцы и на своих заводах выпускали нужные партии. Годовая программа машиностроения превысила 250 миллионов долларов. Всего за период 1973—1990 годы организациями министерства выполнено строительно-монтажных работ на 130 миллиардов 150 миллионов долларов.

Миннефтегазстрой СССР стал крупной отраслью с высоким научно-техническим потенциалом, развитой сетью структур и организаций, возросшей энерговооруженностью и современной индустриальной базой. Всего за эти 18 лет были созданы мощности по ежегодной добыче и подготовке к транспорту 760 миллиардов кубических метров газа и 509 миллионов тонн нефти.

Одним из главных факторов создания в короткие сроки основных фондов для нефтяной и газовой промышленности стала широкая индустриализация нефтегазового строительства, базой которой при сооружении мощностей по добыче, подготовке и транспорту углеводородного сырья явился поистине революционный комплектно-блочный метод, разработанный и внедренный в нашей отрасли.

Сформировались и новые самостоятельные транспортные отрасли народного хозяйства — Единые нефтегазодобывающие системы страны. Развитие сети трубопроводов опережало темпы добычи нефти и газа. Было введено в действие 329 тысяч километров трубопроводов, в том числе 195 тысяч километров магистральных; 324 нефтеперекачивающих и 660 компрессорных станций; 31 подземное хранилище газа с активной емкостью 81 миллиардов кубических метров и суточным отбором 440 миллионов кубических метров, газоперерабатывающие заводы мощностью 41 миллиард кубических метров переработки газа в год. В начале 1980-х годов отрасль уже располагала потенциалом, делавшим реальностью переход к строительству многониточных систем трубопроводов. К этому периоду отрасль обладала мощной техникой и производственными коллективами, укомплектованными отличными специалистами. Уже был опыт и научные идеи, вселявшие уверенность в успехе перехода к качественно новой в организационном смысле фазе трубопроводного строительства.

Переход к сооружению систем повлиял на темпы трубопроводного строительства, которые возросли в 1,5 раза. Соответственно ускорилась окупаемость трубопроводного транспорта. Сооружение мощных газопроводных систем в одном коридоре было реализовано впервые в мировой практике. Отечественное трубопроводное строительство обрело новое качество и заняло лидирующее положение в мире. Только из северных районов Тюменской области была проложена 21 газовая магистраль, 18 из них диаметром 1420 мм, и пять нефтяных магистралей диаметром 1020—1220 мм. Из 142 тысяч километров построенных магистральных газопроводов 55 тысяч километров были сооружены из труб диаметром 1420 мм. Последние годы перед развалом Советского Союза Миннефтегазстрой СССР ежегодно строил 20—21 тысячу километров трубопроводов в год. Столько же трубопроводов по пропускной способности строили в то время все остальные страны мира, вместе взятые.

В нефтегазодобывающих районах были построены десятки современных городов. Среди них Октябрьский и Нефтекамск в Башкирии; Альметьевск и Лениногорск в Татарии; Урай, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьский, Когалым, Сургут, Нефтеюганск, Нягань, Белоярский в Тюменской области; Отрадный в Самарской области; Вуктыл, Ухта, Усинск в Коми АССР; Небит-Даг в Туркмении и др. В этих городах были введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 31 миллион квадратных метров, школы на 35 тысяч учебных мест, дошкольные учреждения на 201 тысячу мест, поликлиники на 45 тысяч посещений и другие объекты.

Созданные мощности обеспечили годовую добычу в конце 1980-х годов 624 миллионов тонн нефти (включая газовый конденсат) и 815 миллиардов кубометров газа, что больше, чем в 1970 году соответственно в 1,8 и 4,2 раза. СССР прочно занимал первое место в мире по ежегодной добыче нефти и газа. Экспорт нефти и нефтепродуктов с 1970 года возрос в 2 раза, а газа почти в 30 раз. Грузооборот всех видов транспорта СССР увеличился в 2 раза, а трубопроводного транспорта в 6,4 раза и достиг 32,2% общего грузооборота в стране. Необходимо отметить, что в США на этот период он составлял только 18,5%.

Миннефтегазстроем СССР решались и зональные строительные задачи. Были сооружены крупные объекты автомобилестроения — заводы-спутники КамАЗа, ВАЗа, предприятия машиностроения, химической индустрии, фарфоро-фаянсовые заводы, хлопкопрядильные фабрики и другие предприятия легкой промышленности. Выполнялись значительные объемы работ на объектах, составляющих материальную базу агропромышленного комплекса. Сдавались в эксплуатацию крупные предприятия пищевой и мясо-молочной промышленности — заводы, комбинаты, холодильники. Для сельского хозяйства строились животноводческие комплексы, тепличные комбинаты, водоводы и др. Был сооружен крупный народно-хозяйственный комплекс — магистральный аммиакопровод Тольятти — Одесса протяженностью 2400 км. По этой магистрали ежегодно можно было транспортировать 2,5 миллиона тонн жидкого аммиака — ценнейшего химического удобрения. Эта уникальная по техническому решению автоматизированная система могла обеспечить жидким аммиаком многие сельскохозяйственные районы РСФСР и Украины.

В отрасли было создано новое суспензионное топливо на основе воды и угля. Была разработана технология его производства, транспорта и сжигания. Был построен и введен в эксплуатацию углепровод Белово — Новосибирск протяженностью 262 километра диаметром 530 мм, производительностью по сухому углю 3 миллиона тонн.

Коллективы отрасли успешно работали за рубежом. Было выполнено более 50 контрактов по нефтегазовым объектам в 17 странах мира. Это Иран, Ирак, Нигерия, Ангола, Алжир, Афганистан, Куба, Финляндия, Йемен, Ливия и др. На международном рынке отрасль была конкурентоспособна, особенно в трубопроводном строительстве. Услуги высоко котировались, а конкуренты относились с должным профессиональным уважением. Миннефтегазстрой осуществлял крупное интеграционное строительство со странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи. В некоторые годы на объектах министерства работало до 60 тысяч человек из этих стран.

За всеми этими достижениями Миннефтегазстрой СССР — огромный труд его 500-тысячного коллектива. Основной отраслью являлся рабочий человек, трудовой коллектив, но и кадровый инженерно-технический «пласт» — не меньшее достоинство, гордость отрасли. Многие выросли из рабочих, мастеров, бригадиров. Это наиболее ценная категория специалистов — «золотой запас» отрасли.

Большой вклад в развитие отрасли вносили члены коллегии Миннефтегазстрой СССР. Коллегия — это люди, совмещающие высокую квалификацию и компетентность с большим практическим организаторским опытом и высокой ответственностью перед государством за работу отрасли. Из 15 членов последней коллегии 7 — кандидаты и доктора наук, 8 — лауреаты Ленинской и Государственной премий, 6 — заслуженные строители РСФСР. Коллегия отражала национальный состав страны, в ее составе были русские, украинцы, армяне, евреи, татары.

Труд многих работников и целых коллективов Миннефтегазстрой СССР по достоинству был оценен государством — они были отмечены высокими правительственными наградами. Орденом Ленина были награждены коллективы Главтюменнефтегазстрой, Главсибтрубопроводстрой, трестов Нефтепроводмонтаж и Мосгазпроводстрой. 18 организаций были награждены орденом Трудового Красного Знамени, одна — орденом «Знак Почета». Семидесяти работникам было присвоено звание Героя Социалистического

Труда, 14 человек стали полными кавалерами ордена Трудовой Славы трех степеней, а всего орденами и медалями СССР за безупречный труд было награждено более 18 тысяч человек. Государственной премии удостоены 60 человек, а еще более 500 работникам были присвоены звания «Заслуженный строитель РСФСР», «Заслуженный строитель УССР», «Заслуженный экономист РСФСР», «Заслуженный машиностроитель РСФСР» и др.

И это были не просто награды, а знаки заслуг государственного уровня. Труженики отрасли освоили необжитой край, обустроили месторождения — взяли тюменские нефть и газ, построили города. Страна не выжила бы без тюменского топлива и без этих людей.

Необходимо отметить, что отрасль не есть нечто замкнутое, развивающееся само по себе. Она не сложилась бы в ее возможностях и потенциале, если бы была изолирована от общего технического прогресса в стране. Параллельно с ней развивалась металлургия. Осваивались новые марки стали, становились реальностью трубопроводы новых диаметров. Развивалась химическая промышленность. Она предоставила новые материалы для изоляции трубопроводов. Развивался транспорт — были созданы машины, открывшие совершенно новые возможности, как в повышении грузоподъемности и надежности, так и в использовании в экстремальных природных условиях. Все, что стало возможным в 1970-е и 1980-е годы в сооружении объектов нефтяной и газовой промышленности и развитии отрасли, базировалось, как на фундаменте, на потенциале всех отраслей промышленности страны, всей науки, включая академическую. Становление отрасли шло комплексно по разным направлениям вместе с прогрессом всей отечественной науки и промышленности. Работники отрасли ежедневно чувствовали поддержку нефтяников, газовиков, транспортников, металлургов, химиков, машиностроителей, энергетиков, лесников, партийных и советских организаций, средств массовой информации и др.

Работники Миннефтегазстроя СССР гордились принадлежностью к своей отрасли, постоянно наблюдая результаты своего труда. А они проявлялись наглядно. Во-первых, в том, что страна занимала первое место в мире по ежегодной добыче нефти и газа. Во-вторых, в Советском Союзе имелось 300 тысяч километров магистральных, примерно столько же промысловых и разводящих трубопроводов. Эта единая мощная система пронизала страну, как

кровеносные сосуды, подавая нефть и газ от месторождений к потребителям на тысячи километров. Она давала свет, тепло, сырье промышленности. Можно без преувеличения сказать — бесперебойная работа нефтегазовой отрасли обеспечивала стабильное развитие всего народного хозяйства.

Создание топливно-энергетического комплекса Советского Союза — это самый крупный проект прошлого века в мире. И все трудящиеся Миннефтегазстроя СССР могут по праву гордиться своим непосредственным участием в его создании.

К сожалению, в последние годы ушедшего века сравнительно узкой группой лиц, входивших в высшее руководство страны, вопреки воле народа, убедительно выраженной на общесоюзном референдуме, был сознательно разрушен Союз Советских Социалистических Республик и осуществлена смена социально-политического строя. С развалом Советского Союза была утрачена и создаваемая годами крупнейшая в стране и мире специализированная строительная отрасль, а также и ее штаб — Миннефтегазстрой СССР. Но жизнь показала — если бы не было этого мощного комплекса, то многие страны СНГ, в том числе и Россия, просто не выжили бы в годы лихолетья после развала Советского Союза. Поэтому дела коллектива Миннефтегазстроя СССР и имена людей, проложивших непростой путь к большой нефти и газу, не подлежат забвению.

Глава одиннадцатая

НА ПЕРЕВАЛЕ

Государственная ошибка

После июньского 1987 года Пленума ЦК КПСС, посвященного коренной перестройке управления экономикой, совсем неплохо работающая и, пожалуй требующая только качественного совершенствования схема управления отрасли претерпела ряд существенных корректировок. В Миннефтегазстрое СССР не возражали: если есть возможность что-то улучшить — почему бы и нет? Обескураживало другое. Основная работа по корректировке проводилась с экономическим отделом Совмина СССР, где не было ни одного специалиста, знающего строительное производство. В этом виделось стремление спешно, «сверху» кое-как отбыть номер — лишь бы доложить об исполнении. Выручило то, что на заключительном этапе к работе подключился разумный специалист — заместитель начальника экономического отдела Владимир Щербakov.

Новая, уже скорректированная генеральная схема управления отраслью, над которой не торопясь работали, внося определенные улучшения, была утверждена в мае 1988 года специальным постановлением правительства. Но, к сожалению, век ее был недолог. Где-то с середины 1989 года над министерскими структурами стали сгущаться тучи. И депутатский корпус, в котором верх тогда взяли так называемые «демократы» и многие поддерживающие их средства массовой информации, с фактического благословения М. С. Горбачева начали настоящую «охоту на ведьм». Эта охота заключалась в том, что они усмотрели главного врага перестройки в министерствах, в которых видели «оплоты бюрократии» и «монстров стагнации». Дело дошло до прямого науськивания. На встрече с рабочими Норильского комбината Горбачев призвал своих слушателей кончать с министерскими структурами.

— Давайте вы их снизу, а мы — сверху! — призвал он.

Сигнал был очень тревожный, и В. Г. Чирсков понял, что до развала отрасли остались считанные дни. Он стал искать выход, который бы позволил сохранить коллектив, уменьшить ожидаемые потери, вписаться в рынок. По этому вопросу Владимир Григорьевич долго говорил с Виктором Степановичем Черномырдиным, который, как и он, твердо стоял за идею создания концерна на базе Газпрома СССР. Именно за этими образованиями им виделось будущее.

Но с Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности было намного сложнее. Система управления концерном, созданным на его базе, должна была учитывать исключительное своеобразие нефтегазового строительства, в частности особый характер продукции, а также технологическую обусловленность большей, чем в других аналогичных структурах, централизации производства. И здесь нужно было принимать в расчет ряд серьезных обстоятельств.

Во-первых, основная товарная продукция отрасли, будучи масштабной и неделимой на части, создавалась, как правило, за счет кооперации нескольких предприятий, в данном случае строительных трестов. При этом каждый трест в отдельности товаропроизводителем в полном смысле слова не являлся. Доля такого родастроек — магистральных трубопроводов и нефтегазопромыслов сметной стоимостью более 140 миллионов долларов США — превышала в программе министерства 40 процентов, а по заказам «Газпрома» достигала всех 90 процентов.

Во-вторых, сооружение объектов относилось к программам стратегического характера, изменяющим пропорции и темпы развития всего народного хозяйства, и здесь по логике вещей все подчинялось сильному централизованному регулированию, которое разрушалось буквально на глазах.

В-третьих, при размахе деятельности Миннефтегазостроя СССР не избежать было и высокого уровня централизации при размещении заказов, координации участников строительства, маневрирования производственными мощностями и трудовыми ресурсами. Хорошо, к примеру, известно, что при использовании экспедиционно-вахтового метода межрегиональное маневрирование мощностями обеспечивало 43 процента программы Миннефтегазостроя.

Отсутствие единого координирующего органа едва ли позволило выполнить такую сложную работу.

Наконец, последнее: технический базис нефтегазового строительства претерпевал к тому времени масштабную перестройку, сопровождаемую серьезными экономическими и организационно-хозяйственными сдвигами. И это достаточно эффективное обеспечение адаптивности и производства к меняющимся условиям стало возможно именно в рамках более крупных производственных структур, обладающих потенциалом для интенсивного воспроизводства на качественно новой технической основе.

Тем не менее указанных производственных и технологических предпосылок было явно недостаточно для обеспечения целостности такой новой организационной структуры, как концерн. Требовалось большее — замена административных средств экономическими методами, главным образом на базе имущественно-организационной общности. Этот подход отличался от уже реализованных к тому времени в народном хозяйстве. Там основной упор делался на договорной характер отношений предприятий и организаций, тогда как для концерна в нефтегазовом строительстве интеграцию его подразделений намечено было осуществлять прежде всего через отношения собственности (имущества). При этом в качестве ведущей предусматривалось использование акционерной формы организации государственной собственности с включением аренды и кооперативных отношений.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны. Уже в начале 1990 года в отрасли действовало 398 кооперативов, 67 арендных предприятий, пять совместных предприятий (два из них — за рубежом). Таким образом, всерьез был развернут процесс диверсификации видов собственности. Но, как уже говорилось, нефтегазовому строительству в силу его особенностей свойственны крупные производственные структуры. Стремление радикально разукрупнить их в подражание общестроительным отраслям ради каких-то внешних эффектов могло лишь разрушить накопленный производственный и хозяйственный потенциал. Поэтому задача виделась в том, чтобы, не отдавая дань моде, максимально обогатить ранее трудом и потом созданный потенциал новым экономическим содержанием, обеспечить необходимые внутренние структурные преобразования, отвечающие критериям рыночной среды.

Согласно разработанной схеме концерну передавались полномочия по управлению государственным имуществом предприятий и организаций бывшего Миннефтегазстроя. На часть этого имущества концерн мог выпускать акции, распространяемые преимущественно среди своих — то есть среди тех предприятий и коллективов, которые входили в его состав. Другие подразделения, в том числе организации отраслевой инфраструктуры, непосредственно подчиненные министерству, получали статус филиалов или представительств акционерного общества с правами или без прав юридического лица. Все вместе они, будучи системообразующими элементами единого хозяйства, обеспечивали общеотраслевые функции, обслуживали внутриотраслевой и внешний рынок. Что же касается государственного управления концерном, а также входящими в его состав юридическими лицами (организациями), то оно осуществлялось в порядке, установленном для акционерных обществ.

Таким образом, в соответствии с замыслом, структура отрасли, сохраняя организационную основу и имущественную целостность, наполнялась иным экономическим содержанием и приобретала новое качество, которое должно было способствовать преодолению причин недостаточной эффективности управления, ускорению темпов научно-технического прогресса, устранению деформации в развитии специализации и кооперирования.

Эти и другие материалы о положении дел в отрасли и структурных изменениях, предлагаемых коллегией министерства, были направлены во все организации Миннефтегазстроя СССР на обсуждение и совет. Месяц спустя в министерство поступили протоколы собраний всех трудовых коллективов, строительных и промышленных объединений, институтов, заводов, предприятий рабочего снабжения, сельского хозяйства, транспорта, учебных заведений. Решение было единодушным — создать государственный концерн «Нефтегазстрой». Имея на руках такое решение, коллегия министерства подготовила проект постановления Совета министров СССР, и 29 апреля 1990 года соответствующее письмо было направлено в правительство на имя Н. И. Рыжкова. В нем указывалось:

«В целях обеспечения перехода на экономические методы управления в условиях регулируемого рынка и поддерживая инициативу трудовых коллективов, коллегия Миннефтегазстроя СССР вносит предложения:

— образовать государственный концерн нефтегазового строительства «Нефтегазстрой», упразднив Миннефтегазстрой СССР;

— предоставить концерну полномочия государства — собственника имущества, находящегося в ведении и пользовании государственных предприятий и организаций бывшего Миннефтегазстроя СССР;

— отношения концерна с предприятиями и организациями, входящими в его систему, построить с учетом различных форм собственности;

— создать при концерне коммерческий банк для стимулирования деловой активности входящих в концерн предприятий и организаций.

Прилагаемый проект постановления Совета министров СССР согласован...»

Данное письмо было рассмотрено и одобрено. Получив поддержку правительства, сотрудники Миннефтегазстроя СССР не замедлили приступить к работе по переходу на принципиально новую структуру.

Дело это было непростое. Перво-наперво нужно было определиться в главном. Само собой разумелось, что организационно-экономический механизм концерна должен обеспечить переход от пассивной исполнительской ориентации на выполнение спущенных сверху директив к активному предпринимательству, поиску высокоэффективных сфер приложения деятельности и капитала. И тут невозможно было обойтись без жестких преобразований организованной системы с фиксированной функциональной структурой в адаптируемую и изменяющуюся в экономической среде организацию.

В отрасли шла многотрудная работа по переходу к новой структуре, и все, казалось бы, обещало успех. Однако депутатский корпус не торопился дать отрасли, так сказать, волю. 12 июня 1990 года Верховный Совет отложил рассмотрение этого вопроса, требуя присутствия Н. И. Рыжкова. На следующий день А. И. Лукьянов снова предложил депутатам обсудить просьбу правительства в присутствии Рыжкова. Для сообщения дали слово В. Г. Чирскову, который постарался максимально доходчиво объяснить проблему и предложения, ранее изложенные в письме правительству. Однако после его выступления было высказано немало недружелюбных, не относящихся к делу слов. В связи с этим до сих пор остается загадкой, почему Рыжков промолчал, не выступил в поддержку своего же постановления. В итоге

Верховный Совет «завернул» вопрос, поручив ряду вновь назначенных комитетов и комиссий проработать и рассмотреть его дополнительно. Перспективное дело явно заматывалось...

В. Г. Чирсков не рассчитывал на успех, ибо веры М. С. Горбачеву уже не было, но все же скрепя сердце написал ему письмо. Как и следовало ожидать, ответа не последовало. Очевидно, президенту СССР тогда было уже совсем недосуг разбираться с такой «мелочовкой», как какой-то там концерт. Земля уже буквально горела у него под ногами. Пытаясь как-то спасти свой престиж, он поспешно «сдал» тогдашний состав правительства, таким образом сделав министров козлами отпущения за многочисленные собственные ошибки и промахи.

Но Владимир Григорьевич не сдавался. Позже он вспоминал: «В начале декабря я пришел к Николаю Ивановичу Рыжкову, решив не уходить из его кабинета до тех пор, пока не добьюсь поддержки своего, прямо скажем, авантюрного, однако спасающего отрасль плана. Я употребил все свое красноречие, чтобы убедить Николая Ивановича подписать постановление о создании концерна, не дожидаясь принятия решения Верховным Советом о ликвидации министерства. К моему удивлению, Рыжкова не пришлось долго упрашивать. В результате 7 декабря 1990 года постановление об образовании государственного концерна «Нефтегазстрой» было подписано».

Итак, на первый взгляд победа была достигнута. Но Чирсков понимал, что цена этой победы невелика. Дело в том, что с появлением концерна создавалась парадоксальная ситуация, связанная с наличием в отрасли двух органов управления: министерства, которое официально возглавлял министр, и концерна, руководить которым стал первый заместитель министра Г. И. Шмаль.

Впрочем, чего только не случалось в этот непредсказуемый период горбачевской перестройки. Однако итог был утешительным — худо или бедно отрасль осталась в живых. Но оставался вопрос: надолго ли хватит?

Агония власти

3 января 1990 года у Н. И. Рыжкова состоялось уже упоминавшееся ранее совещание, посвященное вопросу строительства объектов нефтяной и газовой про-

мышленности, на котором в числе прочих присутствовали В. С. Черномырдин и В. Г. Чирсков. На этом совещании руководители ГК «Газпром» и Миннефтегазстроя СССР четко высказали необходимость выделения дополнительных капитальных вложений в газовую и строительную отрасли, с тем чтобы сохранить их мощности и кадры. Было принято решение поддержать требования министров и выделить необходимые ресурсы. Но в то время в стране уже не было четкого механизма выполнения решений правительства.

18 января в Кремлевском дворце съездов открылось двухдневное Всесоюзное совещание представителей рабочих, крестьянских и инженерно-технических работников. Делегаты призывали к решительной борьбе с анархией и теневой экономикой, спрашивали, кто развалил экономику и почему в стране не хватает продовольствия. М. С. Горбачев и другие члены правительства не смогли вразумительно ответить на эти вопросы.

5 февраля состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос «О проекте платформы партии к XXVIII съезду КПСС». На нем было отмечено, что по ряду объективных и субъективных причин партия подошла к черте, за которой просматривается кризис. Многие были не согласны с линией Политбюро по осуществлению перестройки в стране. Все эти несогласные вскоре на съезде по требованию Горбачева были выведены из состава ЦК КПСС. Зато на февральском Пленуме впервые прозвучало мнение Михаила Сергеевича о необходимости ввода в стране президентского правления.

5 марта 1990 года у Н. И. Рыжкова состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос «О передаче госпредприятий в аренду». На это совещание было приглашено несколько министров и ученых. У многих из них сложилось мнение, что в очередной раз поднимается вопрос, предварительно не изученный и не проработанный специалистами. В частности, В. Г. Чирсков высказал мнение о том, что данный процесс может «захлестнуть» основные отрасли страны, существенно снизив тем эффективность их работы. Нетрудно было себе представить, что «арендованное» мелкое предприятие по экономическим или другим соображениям может отказать от выполнения подряда, исключительно важного на данном этапе строительства. Также остро встал вопрос о том, кто выступит в качестве основного арендатора — коллектив или физическое лицо.

В последнем случае фактически легально будет утверждена частная собственность на средства производства. Но высшие руководители власти, казалось, не замечали происходящего.

В марте 1990 года на III Чрезвычайном Съезде народных депутатов были приняты поправки к Конституции об отмене руководящей роли Коммунистической партии, введении многопартийности, об учреждении поста Президента СССР. М. С. Горбачев был избран на этот пост сроком на пять лет.

Сегодня уже мало кто задумывается о том, что реально это означало. А означало это очень многое. В том числе переход от коллегиальности обсуждения актуальных вопросов к принятию единоличного решения, право назначать и распускать правительство, верховное командование всеми Вооруженными силами страны и, наконец, вхождение во всемирный негласный клуб президентов на равных правах с другими лидерами ведущих стран мира. Функции «теневого правительства» в этом случае выполняет администрация президента, которая готовит и неформально утверждает все основные решения как политического, так и экономического характера. Таким образом, «замах» со стороны Горбачева на власть в стране был сделан нешуточный. Только позже стало понятно, что это был один из хорошо продуманных шагов на пути к уничтожению КПСС и развалу СССР.

И он фактически стартовал. В конце мая того же года Б. Н. Ельцин избирается председателем Верховного Совета РСФСР, а через две недели принимается Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Такие же декларации принимают союзные и автономные республики: в июне — Узбекистан, Молдавия, в июле — Украина, в августе — Армения, Таджикистан, Татарская АССР, Карелия, Абхазия и другие, в октябре — Казахстан, Киргизия, Башкирия, Калмыкия, Чувашия, в ноябре — Чечено-Ингушская АССР. В этих условиях М. С. Горбачев предложил начать переговоры о заключении нового союзного договора.

Продолжалось стремительное разрушение социалистического лагеря. В июне после отстранения компартий от власти в странах Восточной Европы было принято решение превратить Варшавский договор с оборонного союза в политическую организацию. При этом Венгрия заявила о своем намерении до конца 1991 года выйти из его состава.

В течение года принимаются соглашения о выводе советских войск из Чехословакии (95 тысяч человек), Венгрии (52 тысячи человек) и бывшей ГДР (380 тысяч человек).

2—13 июля 1990 года прошел последний XXVIII съезд КПСС, который уже не решил ни одного принципиального вопроса. Экономический кризис неумолимо нарастал, несмотря на то что в августе был собран рекордный урожай зерна — 240 млн т. Но из-за недостатка средств и зернохранилищ значительная его часть была обречена на гибель. В результате за восемь месяцев 1990 года недопоставки по договорам составили 8 млрд рублей, экспорт продукции сократился на 5 млрд рублей, нефтяная промышленность недополучила 17 млн т нефти, значительно ухудшился продовольственный рынок. При этом доходы населения возросли на 13%, а выпуск товаров народного потребления — всего на 7%.

5 сентября 1990 года состоялось заседание Совета министров СССР, на котором речь шла о программе перехода страны к рыночной экономике. Эта программа готовилась по решению Съезда народных депутатов СССР в течение года. Несмотря на это, нерешенных вопросов оставалось очень много. Параллельно с ней по инициативе М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина группой во главе с академиком Шаталиным готовилась другая программа, получившая название «500 дней». По этой программе за год нужно было продать частным лицам основных фондов на 130 млрд рублей. Предлагалось распустить убыточные совхозы и колхозы. Поразительно то, что, несмотря на ее экономический характер, на этапе разработки эту программу министры не видели, хотя она должна была от имени правительства представляться в Верховный Совет. Поэтому большинство участников заседания высказали просьбу организовать встречу с М. С. Горбачевым и рассмотреть вариант ухода их в отставку в случае непринятия программы правительства.

11 сентября 1990 года состоялось заседание Верховного Совета СССР, на котором Н. И. Рыжков выступил с докладом «О переходе к рыночной экономике». После этого М. С. Горбачев сообщил, что имеется альтернативная программа академика Шаталина. Депутаты оказались в сложном положении и запросили десять дней для определения позиции. Но уже через четыре дня эта проблема была поставлена на Президиуме Совета министров СССР. Выступая на нем, академик Л. И. Абалкин призывал ми-

нистов к компромиссу с Президентским советом. Но министры настаивали на своей программе, угрожая в случае ее отклонения уйти в отставку. Н. И. Рыжков обещал твердо стоять на защите мнения членов правительства, но 21 сентября, на сессии Верховного Совета СССР, он неожиданно для многих министров также заговорил о необходимости компромисса. В результате отставки правительства не последовало, а президенту были предоставлены чрезвычайные полномочия для обеспечения перехода к рыночной экономике — право издавать указы в течение 18 месяцев.

19 октября 1990 года состоялась сессия Верховного Совета СССР, где рассматривались основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике. Выступая на нем, М. С. Горбачев сказал, что правительство страны вносит дезорганизацию в повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. При этом о программе правительства уже не вспоминали.

Осенью 1990 года усилился дефицит продовольствия и вводятся талоны на продукты питания. В конце октября СССР предоставили кредиты Испания и Франция (7,5 и 5 миллиардов франков). В декабре США дали кредит (1 миллиард долларов) для закупки продовольствия. 26 октября М. С. Горбачев издал указ о размерах иностранных инвестиций, доля которых в капитале предприятий могла достигать 12%. С 1 ноября вступил в силу новый коммерческий курс рубля — 1,8 руб. за 1 доллар США. Увеличивались учетные ставки на рублевые вклады. Затем последовал указ, предписывающий советским предприятиям продавать государству по коммерческому курсу 40% валютной выручки.

16 ноября того же года очередная сессия Верховного Совета СССР обсуждала положение в стране. На нем Горбачев заявил, что в условиях ухудшения положения в стране некоторые силы стремятся прийти к власти, и ратовал за обновление союзного правительства. А на следующий день Президент СССР выступил с предложением наделить Совет Федерации полномочиями, необходимыми для руководства страной, а исполнительную власть подчинить непосредственно ему, избрав вице-президента. На деле это означало ликвидацию Совета министров СССР.

Таким образом получалось, что, для того чтобы продержаться в своем «высоком» кресле, Горбачев «сдал»

Н. И. Рыжкова и возглавляемое им правительство, с членами которого, несмотря на многочисленные просьбы, он так и не нашел времени встретиться на протяжении всего 1990 года. Но депутаты Верховного Совета СССР, как не удивительно, в очередной раз, поддавшись красноречию Президента, поддержал его предложения. Но «капитаны» производства решили бороться до конца. 6 и 7 декабря 1990 года в Кремлевском дворце съездов состоялось Всесоюзное собрание руководителей государственных предприятий. Большинство выступлений было пронизано критикой руководства страны и тревогой за судьбу ведущих отраслей экономики, в том числе газовую и нефтяную.

В середине декабря того года начал работу IV Съезд народных депутатов СССР. В повестку дня был включен вопрос «Об отставке Президента СССР М. С. Горбачева». За это предложение проголосовали 426 депутатов и 183 воздержались. В результате Михаил Сергеевич удержался во власти. Вице-президентом был избран Г. И. Янаев.

Итак, к концу 1990 года страна пришла без Совета министров — высшего органа исполнительной власти, на плечах которого лежала ответственность за состояние экономики страны. Члены старого правительства до формирования нового должны были исполнять свои обязанности. Но эффективно управлять отраслями при отсутствии мощного регулирующего центра было практически невозможно.

С 1 января 1991 года началась реформа цен, в результате которой оптовые цены на продукты питания и товары первой необходимости были увеличены в два раза. Правда, по заверению правительства СССР, «это не должно отразиться на розничных ценах». Одновременно вводился пятипроцентный налог с продаж на потребительские товары и услуги, кроме продовольственных товаров (его отменят только в апреле, когда уже будут повышены в 3—4 раза цены на мясо, колбасу, хлебобулочные изделия). В результате инфляция при дефиците товаров и продуктов начала ускоряться галопирующими темпами.

3 января неожиданно члены старого правительства были приглашены на совещание в Кремль. Никто из них не знал причины этого приглашения. На встречу с ними прибыли секретари ЦК КПСС О. С. Шеин, О. Д. Бакланов и заведующий отделом ЦК А. В. Власов. Совещание вел Шеин, который сразу же сообщил, что М. С. Горбачев, к сожалению, не может встретиться с министрами. Но он поручил посоветоваться о кандидатуре будущего премьер-ми-

нистра, предложив на этот пост В. С. Павлова, Ю. Д. Маслюкова и В. И. Щербакова (кандидатура Н. И. Рыжкова не рассматривалась).

В условиях надвигающегося кризиса данные вопросы не были актуальными. Поэтому все министры в своих выступлениях дали негативную оценку экономическому положению страны и не поддержали ни одну из выдвинутых кандидатур. Это была последняя встреча министров в ЦК КПСС. Все последующие вопросы экономического развития страны уже решались без их участия.

11 января был принят бюджет СССР на 1991 год, но многие республики отказались вносить в него свою часть и конфликтовали с центральной властью по поводу уплаты налогов. Встает вопрос о том, где взять деньги.

14 января по решению М. С. Горбачева премьер-министром был назначен В. С. Павлов, бывший до этого министром финансов. Вскоре после этого из оборота были изъяты 50- и 100-рублевые купюры (якобы в целях борьбы с теневой экономикой и из-за того, что большое количество купюр этого достоинства находится за рубежом) и ограничилась выдача наличных денег с частных вкладов. В стране начался психоз, связанный с заменой денег. Люди теряли последние трудовые сбережения.

Вопреки мнению народа

В декабре 1990 года IV Съезд народных депутатов СССР принял постановление о проведении все-союзного референдума по вопросу о сохранении СССР. Сама постановка вопроса носила провокационный характер, в нем не было никакой нужды. Для широких масс этот вопрос не существовал — они не выступали против Союза. Более того, у людей вызывало удивление, а то и возмущение, когда кто-либо высказывал сомнение в необходимости сохранения Союза. Союзное государство устраивало подавляющее большинство граждан, и его существование воспринималось как естественное состояние.

Но разрушители Союза готовили его развал со всех сторон, и им было важно обозначить хотя бы сам вопрос. Съезд народных депутатов явно попался на эту удочку, и Верховному Совету ничего не оставалось, как назначить дату проведения референдума — 17 марта 1991 года, когда он и состоялся. Сегодня, спустя много лет после этого со-

бытия, уместно будет напомнить вопрос, вынесенный на референдум. Он звучал так: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которых будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?».

Сам вопрос сформулировали настолько запутанно, что простому человеку разобраться в нем было довольно сложно. Подкупали слова «сохранение», «гарантия права и свободы человека». Кто же будет возражать против этого? Поэтому особой агитации с призывом дать положительный ответ на поставленный вопрос не было. В результате сам народ решил, какой ответ следует дать, несмотря на активные действия противников Союза.

В то время селекторные совещания в Миннефтегазстрое СССР по крупным стройкам или группе строек были одним из основных методов управления. Для этого в отрасли существовала своя система связи, которая позволяла при необходимости иметь селекторную связь со всеми ее организациями и даже с технологическими потоками. Но наиболее острая необходимость селекторной связи возникла на стадии ликвидации министерства 13 марта 1991 года, и вызвана она была предстоящим референдумом, назначенным на 17 марта. На этот последний селектор Миннефтегазстроя СССР были приглашены члены коллегии министерства, руководители всех трестов, объединений, заводов, институтов.

Селекторное совещание, как и полагалось, открыл министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР В. Г. Чирсков. В своем вступительном слове он сказал:

«Сегодня мы вас пригласили на необычный селекторный разговор. Вам известно, что на 17 марта назначен референдум, итоги которого трудно переоценить для будущего нашей страны. Быть или не быть Союзу ССР — это зависит от каждого из нас.

Референдум будет проходить в сложной обстановке, в условиях острой политической борьбы. Резко обострился национальный вопрос, происходит сплочение антисоциалистических и националистических сил. В некоторых республиках формируются националистические режимы, взявшие курс на отрыв от Союза ССР. Создаются не предусмотренные законодательством вооруженные формирования. Национал-шовинисты увеличивают давление на

силы, которые отстаивают демократию, гуманизм, социалистический выбор и интернационализм. Война законов, эскалация межнациональных конфликтов грозят распадом союзного государства.

Нам всем известно, что в процессе формирования единого народно-хозяйственного комплекса страны сложились разветвленные кооперационные связи между республиками, которые носят не только межрегиональный, но и широко межотраслевой и внутриотраслевой характер.

Мне нет необходимости вас в этом убеждать. Вы знаете, где работают наши коллективы, что и откуда они получают — практически здесь завязаны все союзные и автономные республики. Сейчас эти связи катастрофически рушатся. В стране царит экономический и управленческо-правовой хаос. Серьезно ослаблены федеральные органы, координирующие роль Союза. Государственная, экономико-правовая власть, ранее державшаяся на партийных структурах, не дошла до Советов?».

В зале коллегии Миннефтегазстроя СССР царила тишина, все с большим вниманием и даже внутренним напряжением слушали слова министра. По большому счету он говорил то, что знал каждый. Но политическое лавирование руководства СССР, постоянное проявление на всех уровнях «демократических», по сути разрушительных течений, которые постоянно набирали силу, создавали немалые трудности в определении верных ориентиров дальнейшего развития страны. Владимир Григорьевич, по крайней мере на уровне отрасли, четко определял эти ориентиры, предупреждал о возможных последствиях. Он четко сказал: «Страна приближается к роковой черте, и скорейшее заключение нового союзного договора, возможно, принесет нашей многострадальной родине согласие и стабильность, остановит распад государства».

При этом Чирсков отметил: «В течение многих столетий страна наша складывалась как многонациональное, целостное государство. Таким оно досталось нам. Много пережито вместе, много накоплено сообща.

В стране сложилась уникальная цивилизация. Несмотря на давление всевозможных сепаратистских сил, народы стремятся жить в едином, целостном государстве — СССР. Все наши республики многонациональны. Почти 75 миллионов советских людей, то есть каждый четвертый, живут в национально-государственных образованиях, в названиях которых не отражена национальность. Безумие — поку-

шаться на этот единственный результат исторического развития. А ведь покушаются!!!

Мы должны постоянно помнить, что единый Союз — основа материального благополучия всех национальностей. Все переплетено сложными связями, республики и регионы зависят друг от друга в экономическом отношении. Советский Союз обладает огромным научным и культурным потенциалом. Это духовное богатство тоже результат совместного творчества народов. Многого лишатся те, кто отсечет себя от Союза. От разрушения Союза пострадает безопасность всех народов, населяющих его. Исчезнет кредит доверия к нашей стране как мощному государству. Нам надо сохранить и укрепить Союз. Альтернативы этому нет!»

Затем, выдержав небольшую паузу для того, чтобы слушатели лучше осмыслили и запомнили сказанное, Владимир Григорьевич уже несколько другим, более доверительным тоном продолжал: «Известные в стране силы стремятся превратить референдум о судьбе СССР в референдум двух лиц — Горбачева и Ельцина. Этого допустить нельзя. Руководители приходят и уходят, а тысячелетняя страна, ее народы остаются!

Товарищи! Коллегия Миннефтегазстроя СССР верит в вашу убежденность в необходимости единого обновленного государства и призывает вас провести разъяснительную работу в трудовых коллективах по этому архиважному вопросу.

Необходимо довести до сознания каждого нашего трудящегося, что с ликвидацией Союза наша союзная отрасль также прекратит свое существование.

Мы призываем вас 17 марта сказать твердое “да” обновленному Союзу!»

Хочется напомнить читателю еще раз, что данное секторное совещание Миннефтегазстроя СССР состоялось 13 марта 1991 года. Старшее поколение россиян хорошо помнит это непростое, а точнее, очень сложное время — страна буквально бурлила, раздираемая на части различными политическими силами. Уже заявили о своем отходе от Советского Союза ряд его республик, простой народ уже устал от многолетних испытаний экономическими трудностями и готов был на многое ради того, чтобы они закончились. К распаду Советского Союза он готов не был.

Лучше других связанные с этим опасности понимали руководители Миннефтегазстроя СССР, организации ко-

торого работали на территории всего Советского Союза и за пределами страны, туго переплетенные между собой экономическими, научными, культурными и человеческими связями. Разрушение этих связей грозило гибелью не только отрасли, но и ее структурных подразделений, многих трудовых коллективов. Кто мог желать этого?

Вполне понятно, что руководители организаций отрасли довели до каждого трудящегося то, о чем говорилось на последнем селекторе министерства. И труженики отрасли вместе со всеми народами СССР сказали свое твердое «да» Советскому Союзу. Несмотря на то, что в ряде республик — Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Армении, Грузии — официальными властями референдум игнорировался, более 76% граждан, участвовавших во всенародном голосовании, дали на вопрос положительный ответ. Такого результата не ожидали ни оппозиция, ни сами власти. Он превзошел самые оптимистические прогнозы.

23 апреля 1991 года в Ново-Огареве М. С. Горбачев заключил соглашение с представителями девяти республик, готовых идти на договор с центральной властью, так называемое «соглашение 9+1». Но многие из этих представителей уже не имели достаточной власти на местах, где господствовали националистические настроения, и голоса большинства населения заглушались выкриками с высоких трибун, которые раздувались средствами массовой информации в стране и за рубежом.

12 июня президентом РСФСР избирается Б. Н. Ельцин, вице-президентом становится А. В. Руцкой. Так в самом центре СССР возникает еще один политический центр по развалу Советского Союза, который сразу же примечается зарубежными «друзьями». Те немедленно помогают стране залезть в долговую яму, под предлогом благотворительности финансируя разрушительные программы и поддерживая нужных им людей. Так, 11 июня 1991 года США предоставляют СССР очередной кредит в 1,5 млрд долл. якобы для закупки продовольствия, но реально — для деятельности по развалу страны.

В то же время отдельные руководители СССР под предлогом принятия «конкретных мер» предлагают установление более жесткого порядка. Так, 17 июня на заседании Верховного Совета СССР В. С. Павлов главными причинами деградации экономики называет политическую нестабильность, падение дисциплины, забастовки и требует дать Кабинету министров чрезвычайные полномочия. После

этого на закрытом заседании председатель КГБ В. А. Крючков указывает, что если не будут приняты чрезвычайные меры, страна прекратит свое существование. Но 21 июня парламентарии голосуют против предоставления Кабинету министров таких полномочий.

В это время международное значение СССР катастрофически падает. 28 июня в Будапеште был распущен СЭВ — последний действенный рычаг экономического сотрудничества стран социалистической ориентации, которое СССР выстраивал многие годы. Теперь оно быстро теряет свою силу. СМИ заявляют, что к августу 1991 года долг СССР составлял 32,1 млрд долларов США, и что на его обслуживание ежегодно уходит от 3 до 5 млрд долларов. После этого даже простым обывателям становится понятным трагизм того положения, в которое ввело страну ее руководство. Наивно было рассчитывать, что народы других стран пожелают идти по такому же пути.

Последующие события стали результатом успешно проведенной операции на политическом, экономическом и идеологическом фронтах. Сегодня события августа 1991 года описаны достаточно подробно многими авторами, и нет необходимости их переписывать в очередной раз. Достаточно сказать, что в результате «августовского путча» практически все механизмы союзной власти оказались парализованы, а власть Президента СССР стала абсолютно условной. Правда, вскоре после августа М. С. Горбачев совершил последний официальный визит в Мадрид, где встретился с лидерами западного мира и заручился их поддержкой по спасению Союза.

Затем, 25 ноября 1991 года, был подготовлен вариант Союзного договора, в котором были учтены новые реалии жизни многонационального советского общества. Но начавшаяся дискуссия политических руководителей остановилась на определении характера будущего государственного образования. Горбачев выступал за «союзное государство» с новым центром, которому решением членов Союза будут отведены соответствующие полномочия. Но президенты России и Белоруссии выступили против единого государства. Сложившаяся ситуация для Горбачева оказалась непреодолимой. Он уже никак не мог влиять на события, происходившие в стране.

8 декабря 1991 года в «голосовании» за весь советский народ, состоявшемся в Беловежской Пуще, участвовали всего три лица — президент РСФСР Б. Н. Ельцин, прези-

дент Украины Л. В. Кравчук и председатель Верховного Совета Белоруссии С. С. Шушкевич. Тогда они, подбодрив себя, как говорят свидетели, большим количеством выпитого, экспромтом устроили заговор против СССР. Но даже на этом этапе решающее слово принадлежало Верховному главнокомандующему Горбачеву, который мог дать команду правоохранительным органам и остановить этот сговор. Но он этого не сделал. И если Михаил Сергеевич не имел к сговору прямого отношения, то подготовке условий для него он активно способствовал, и потому несет прямую ответственность за разрушение Советского Союза. С уверенностью можно сказать о том, что сегодня в этом не сомневается уже ни один здравомыслящий человек.

Таким образом, три политика, собравшиеся в Беловежской Пуше, решили судьбу почти 300-миллионного населения страны. На этом примере люди имели возможность еще раз убедиться в том, что народы не определяют своего пути, сколько бы их ни уверяли в обратном. За них это делают отдельные люди, часто движимые личными шкурными интересами. Так и те трое из Беловежской Пуши грезили превращением себя из второстепенных политических деятелей в политических звезд первой величины. Правда, последующая история показала истинную значимость этих «звезд».

Итак, маховик разрушения был запущен. Через 13 дней после беловежского сговора на встрече в Алма-Ате главы 11 бывших республик СССР подписали Декларацию в поддержку беловежских соглашений и заявили о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) без каких-либо совместных органов — законодательных, исполнительных, судебных. На этом Союз Советских Социалистических Республик прекратил свое существование и произошла смена социально-политического строя.

25 декабря 1991 года М. С. Горбачев ушел с поста президента СССР и стал президентом «Международного фонда социально-экономических и политологических исследований» (Горбачев-фонд). Страна обрела новое название, новые символы. Разрушились многие хозяйственные структуры, но нефтяная и газовая промышленность пока сохраняла свою целостность и дееспособность. И когда простая домохозяйка в своей квартире включала газовую плиту или газовую колонку, она невольно ощущала это и с надеждой смотрела в будущее.

По просьбе земляков

В начале 1990 года неожиданно для В. Г. Чирскова его земляки из Краснокутского района Саратовской области предложили выдвинуть его кандидатом в народные депутаты РСФСР. Это предложение заставило его серьезно задуматься — у министра и без того дел было немало. Но отказать своим землякам он не мог и дал согласие.

Депутатские обязанности он выполнял неоднократно еще в Тюмени, но тогда эта работа была отнюдь не напряженной, даже в удовольствие. Командуя строительным главком, он, как хозяин большого производства, мог оказывать своим избирателям и содействие, и помощь. Ведь в основном они нуждались в решении простых бытовых проблем и изредка в отстаивании своих интересов на городском или областном уровне. Какое-то время Владимир Григорьевич был депутатом Верховного Совета СССР от городов Салавата и Стерлитамака (Башкирия). Тогда ему, как уже говорилось, удалось решить основную просьбу избирателей — значительно улучшить экологию этих городов. Но теперь наступали новые времена, и роль депутатов Советов разных уровней менялась.

Что же представлял собой Заволжский национально-территориальный избирательный округ под № 69? Это девять городов и 28 сельских районов, 263 колхоза и 258 совхозов с населением более миллиона человек, более тысячи избирательных участков. Он был весьма пестр этнически. Помимо того что там проживали представители более шестидесяти национальностей, три города и семь районов ранее входили в Республику немцев Поволжья. Треть избирателей были пенсионного возраста. Кроме В. Г. Чирскова кандидатами по этому округу были выдвинуты Комаров Виктор Михайлович — военный летчик в звании майора; Наперсток Иван Яковлевич — председатель городского союза кооператоров (г. Энгельс) и Полякова Ольга Акимовна — секретарь партийной организации Красноармейской ткацко-отделочной фабрики им. К. Либкнехта.

Для того чтобы победить в этой кампании, необходимо было за два месяца как можно больше повстречаться с избирателями, а для этого нужно время, которого у министра катастрофически не хватало. Владимир Григорьевич вспоминал: «Стал думать, что делать. Проиграть выборы — значит подвести земляков. Нужен был доверенный человек,

который смог бы, находясь в области, возглавить группу моих доверенных лиц и постараться донести мою избирательную платформу до каждого избирателя. Перебрав не один десяток лиц, я пришел к решению, что с такой задачей мог бы справиться только Владимир Павлович Зинченко. Я пригласил его и рассказал подробно, в какой оказался ситуации по выборам, и попросил его помочь. Без раздумий он дал согласие и взялся за это непростое дело. Мы вместе с ним полетели в округ, провели встречу с жителями Краснокутского района, которые выдвинули меня, организовали группу доверенных лиц, наметили обширные мероприятия. Мне еще удалось дважды ненадолго перед выборами прилетать в округ. Встречался с избирателями в Красном Куте, Питерке, Ровном, Ершове, Пугачеве, Красноармейске, Петровске, Аткарске и других населенных пунктах. Владимир Павлович в эти два месяца в основном находился в Саратовской области».

Первый тур выборов состоялся 4 марта 1990 года. После подсчета голосов В. П. Зинченко позвонил В. Г. Чирскову и сообщил, что за него проголосовало 32,5%, за В. М. Комарова — 29,7%, за И. Я. Наперстка — 7,5% и за О. А. Полякову — 11,2%. 18 марта 1990 г. состоялся второй тур голосования. На этот раз за Чирскова проголосовало 53,9% избирателей, за В. М. Комарова — 37,7%.

Владимир Григорьевич воспринял свое избрание как большое доверие к нему земляков, которых он не имел право подвести. Ведь на той земле он не был «варягом» — родился и учился в Саратовской области, часто навещался туда к родным, да и построенные его организациями магистральные газопроводы проходили через те места. Поэтому нужды земляков ему были известны не понаслышке. Ему было известно, что местное население терпит хронические перебои с углем. В магазинах нередко отсутствует такие повседневные продукты, как чай и сахар. В Питерке, где он родился, было очень плохо с промтоварами. Кривоярская школа, которую Владимир Чирсков окончил в 1951 году, все так же размещалась в окончателно обветшалом помещении.

Но были и гораздо более существенные нужды. Население, как говорится, «от жажды умирало над ручьем». Саратовскую область пересекали магистральные газопроводы, а вот разводка газа по населенным пунктам не была сделана. Правда, еще в 1989 году Миннефтегазстрой со-

вместно с Саратовским облисполкомом пошли на риск и выработали совместную программу, по которой министерство в обмен на продовольствие для северян обязалось газифицировать ряд сельских районов и населенных пунктов области. Согласно сводным данным, в 28 сельских районах, вошедших в избирательный округ В. Г. Чирскова, за пять лет планировалось построить 480 километров газопроводов-отводов и около четырех тысяч километров межпоселковых сетей.

В Саратове находилось объединение «Приволжскнспф-тегазстрой» Миннефтегазстроя СССР, которое было полностью сориентировано на газификацию области. Кроме этого, к процессу газификации были привлечены областные строительные организации из Куйбышева и Волгограда. Над выполнением обширной программы газификации был установлен жесткий контроль. Владимир Григорьевич считал, что выполнение этой программы было его личным долгом перед избирателями. В итоге за три года было сделано все, что было запланировано.

Ободренный успехом в газификации области, Чирсков решил воскресить свою старую задумку — газифицировать сельские районы России. Нужно признать, что на то время Россия, имевшая колоссальные запасы газа и экспортирующая «за кордон» миллиарды кубометров «голубого золота», держала на голодном пайке своих кормильцев. Только девять процентов населенных пунктов сельских районов республики имели возможность пользоваться природным газом.

Владимир Григорьевич написал обстоятельное письмо Б. Н. Ельцину, 5 июля 1990 года встретился с ним и был выслушан с пониманием. Даже было предложено разработать программу газификации республик и областей РСФСР на период с 1991 по 2000 год. На первый случай посчитали целесообразным создать под эгидой Верховного Совета комиссию по разработке Программы газификации сельских районов России, которая была бы представлена очередному съезду народных депутатов. Видимо, должным образом оценив инициативу строителей, Борис Николаевич без лишних слов начертал резолюцию: «Внести отдельным докладом на съезд НД по аграрным вопросам».

В. Г. Чирскову на съезде было предоставлено слово и, судя по сохранившейся стенограмме от 29 ноября 1990 года, в своем выступлении он был достаточно резок в оценках. Так, в частности, он сказал:

«Чтобы избежать более глубокого продовольственного кризиса, обществу необходимо радикально изменить свои подходы к решению аграрных проблем. Много лет мы говорили и обещали поднять село, укрепить крестьянское хозяйство. Результат известен. Веры у людей больше нет. Нужны незамедлительные и решительные действия. Как и в любом деле, речь, прежде всего, должна идти о человеке. Мы потеряли хозяина земли. Сейчас необходимо решить главную проблему — остановить отток людей из села, а затем обеспечить их приток в деревню. Для этого необходимо в первую очередь быстро решить социальные вопросы деревни, переоснастить сельскохозяйственное производство».

Затем Владимир Григорьевич в доказательство своих слов привел ряд цифр. Он заявил, что из 88 тысяч населенных пунктов в сельской местности природным газом пользуются всего пять тысяч. В то же время 76 газопроводов-отводов общей протяженностью свыше двух тысяч километров не эксплуатируются из-за отсутствия разводящих сетей.

Затем он продолжал: «В сельской местности подлежат газификации семь миллионов домов, для чего потребуются построить 300 тысяч километров газопроводов... Для выполнения столь обширной программы нужно создать режим, который был бы привлекателен. Здесь, несомненно, сыграют свою роль госзаказ и льготное налогообложение. Не обойтись и без создания консорциума “Газификация российского села”».

Наступательный характер выступления Чирскова не замедлил аукнуться. Несмотря на то, что в решениях съезда было дано поручение правительству в короткие сроки разработать программу газификации сел республики, правительство явно не торопилось. Только после его повторного обращения к Ельцину вопрос был вынесен на заседание Президиума Верховного Совета РСФСР, и колесо как будто закрутилось.

Владимир Григорьевич радовался: проект постановления правительства был вроде бы хорош, хотя и нуждался в некоторой доработке. Радость, однако, была преждевременной. Исполнительная власть, видимо, уже успела хорошо оседлать свою ветвь. Рассмотрение проекта шло поверхностно, поправки без объяснений отбрасывались. В результате от проекта остались только рожки да ножки.

Но Чирсков не сдавался. По его настоянию вопрос о газификации российского села был вновь включен в повест-

ку заседания Совмина. Но непосредственно накануне заседания он был снят без всякого объяснения причин. И это неудивительно. Ельцин и его ближайшее окружение были заняты совсем другими проблемами, связанными с удержанием власти, подготовкой к переделу собственности... Где уж тут заниматься проблемами какого-то села?

Владимир Григорьевич, конечно, внимательно отслеживал процессы, происходившие в стране, по-своему реагировал на них. В то же время он, как непосредственно отвечающий за работу огромной отрасли, постоянно был занят ее проблемами. Но и депутатские обязательства перед земляками не давали покоя. Потом он писал о судьбе его проекта ставшему главой правительства Виктору Степановичу Черномырдину, также хорошо знакомому с проблемой газификации сельских регионов. Но и его указание аппарат спустил на тормозах...

Между тем Саратовская область, где успешно стартовало чирковское начинание, вошла во вкус, год от года наращивая темпы газификации. О результатах выполненных работ земляки постоянно рапортовали своему депутату, а он в своем депутатском дневнике делал соответствующие записи. В нем, в частности, указано: «В 1991 году в области введено 750 километров межпоселковых газовых трубопроводов. В 1992 году — 600 километров. В последующие три года — 1347 километров». Очевидно, саратовцы оказались намного деловитее и предусмотрительнее тогдашнего российского правительства, чересчур увлеченного дележом сфер влияния.

В 1993 году в Саратовской области был хороший урожай зерновых, но уборка шла очень плохо. Сказывались нехватка автотранспорта, перебой с горючим и другие проблемы. Руководители области считали, что сами эти проблемы не решат, и вновь обратились за помощью к Владимиру Григорьевичу. Он решился на крайнюю меру — пошел к В. С. Черномырдину и уговорил его поехать в область для решения этих вопросов. Они вылетели в Саратов, взяли руководителей области и на вертолетах добрались до Краснокутского района. Сели прямо на поле, где работали комбайны. В свите Черномырдина были люди, которые получили по всем необходимым вопросам строгие указания. Урожай в области был спасен.

В то время избирателей Чиркова очень беспокоило начавшееся активное движение за возрождение в Поволжье немецкой автономной республики. На момент его избра-

ния депутатом этот вопрос уже перерос стадию взаимных претензий и норовил перейти в нецивилизованное русло. Мотивы требующих автономии людей из общества «Возрождение» были просты и понятны. Они считали необходимым сохранять и развивать традиции немецкой культуры, которая, как и право нации на самоопределение, по их мнению, ущемлялась.

В то же время межобластной комитет представителей трудовых коллективов «Россия» от имени 400-тысячного населения семи районов Саратовской области решительно протестовал против активно ведущейся подготовки воссоздания немецкой автономии. Организация немецкой автономии происходила в сложной для Советской России военно-политической и международной обстановке, велась административным путем, с учетом интересов только немецкого населения, а интересы населения других национальностей полностью игнорировались. Исходя из этого, комитет «Россия» призывал всячески препятствовать возврату к прежнему, настаивая единственно на справедливом обеспечении немцам равных прав со всеми другими гражданами страны.

В СССР проживали два миллиона немцев, из них 800 тысяч — в РСФСР. По состоянию на 1990 год численность населения в семи районах Саратовской области и двух районах Волгоградской составляла 700 тысяч человек, в том числе немецкой национальности — 32 тысячи. Отсюда вопрос: это много или мало?

Для Владимира Григорьевича этот вопрос, кроме государственного, носил еще и личный характер. Ранее уже писалось, что он родился и провел юношеские годы именно в тех районах и был достаточно хорошо знаком с проблемой и мнениями обших сторон. Несмотря на это, ему пришлось срочно вникать в суть назревающего конфликта. Прежде всего он побывал в ряде районов и повстречался там со сторонниками и противниками автономии. При этом выяснилось, что значительная часть простых людей вовсе не против того, чтобы немцы вернулись на земли, где жили их предки. Беспокоило другое: если у власти станут люди только немецкой национальности, то подавляющее число жителей окажутся ущемленными. Но было еще и другое — Чирсков вскоре пришел к выводу, что этот непростой вопрос решают в Москве, не удосужившись поинтересоваться мнением местного населения.

Реально так оно и было. Комиссии Верховного Совета СССР и Совета министров СССР, созданные для рассмотрения судьбы советских немцев, вели работу в основном формально, в Поволжье даже не выезжали и держали жителей в полном неведении. Такая «деятельность» работала только на обострение ситуации. Чирсков, хорошо это понимая, решил, что необходимо срочно принимать какие-то нетрадиционные меры, иначе не миновать межнационального конфликта. 5 июня 1990 года на приеме у Б. Н. Ельцина он подробно рассказал о складывающейся в Поволжье обстановке и попросил принять группу руководителей всех семи районов Саратовской области, выслушать их оценку происходящих событий и попытаться помочь разрядить обстановку. Борис Николаевич дал согласие. 10 июня такая встреча состоялась. Мнение Ельцина было однозначно: спешить с созданием республики не будем, пока не разберемся во всем детально. Он просил передать это всем жителям Саратовской области.

Однако население Саратовской области продолжало бурлить. Несмотря ни на что, общество «Возрождение» готовило съезд немцев СССР, который вскоре состоялся, записав в своем решении: «Мы однозначно за безотлагательное восстановление нашей республики на Волге». Такая категоричность еще более накалила обстановку. Нарастал поток митингов, участились призывы к забастовкам. Сторонники создания республики решили вынести этот вопрос на рассмотрение очередного Съезда народных депутатов России. Понимая, что нужно принимать соответствующие ответные меры, В. Г. Чирсков собрал народных депутатов от Саратовской и Волгоградской областей и предложил им подписать памятную записку на имя председателя Верховного Совета РСФСР. Затем он 18 января 1991 года встретился с Б. Н. Ельциным и вручил ему эту записку. Об этой встрече Владимир Григорьевич в своем дневнике записал: «Во время этой встречи его (Ельцина. — В. Р.) поведение и состояние оставили у меня тяжелое впечатление. Впервые за многие встречи с ним я явно почувствовал, что он теряет ход мысли (или тяжелая болезнь или похмелье)».

Тем не менее с повестки дня съезда вопрос об автономной Республике немцев Поволжья был снят. Тогда казалось, что при сложившемся взаимопонимании между президентом и депутатским корпусом и впредь удастся избежать межнациональных конфликтов. Однако вскоре от-

ношения между ветвями власти разладились, к тому же на горизонте замаячило кровавое зарево чеченской войны...

Но все это было несколько позже. Тогда же, в начале рокового для СССР 1991 года, В. Г. Чирсков, как народный депутат, испытывал определенное чувство удовлетворения. В огромном ворохе надвигавшихся на страну проблем ему удалось успешно решить по крайней мере две из них: добиться начала газификации сельских районов Саратовской области и приостановить процесс роста националистических и сепаратистских движений на его малой родине. В то время даже такие победы были большой редкостью, но понять их истинную цену можно было только годы спустя.

Глава двенадцатая

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Войны можно было избежать

М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин разрушили вертикаль власти в государстве, что привело в конечном счете к развалу СССР и его экономики. В стране начались разброд и шатание, обозначилось стремление некоторых республик выйти уже из состава России.

Начало этому процессу положила Чечня. Ее взбудораженное национальное сознание, подогретое давними обидами, при первом удобном случае взорвалось. Думали, что советский генерал Дудаев будет чище и надежнее других местных политиков. Но он тут же призвал к себе всех мафиозников-теневиков и взял курс на противостояние России. Но Москва повела себя амбициозно — она по-старому ждала, что местный феодал явится в Кремль на поклон.

Но другой путь был. С трибуны Верховного Совета Российской Федерации к Б. Н. Ельцину еще в ноябре 1991 года шли просьбы отбросить амбиции и пригласить Дудаева на переговоры во имя того, чтобы на Кавказе не было войны. А Президенту в это время «специалисты» из его окружения навязывали величие и невозможность подать руки «чеченскому сепаратисту». Не меньшими оказались и амбиции самого Дудаева. Став главой Чечни, он вооружил людей, проводил учения, смотры, парады. Россия и весь мир спокойно за этим наблюдали. «Потешные войска» Чечни постепенно превращались в боеспособную армию. А в это время федеральные и частные структуры продолжали качать нефть из Сибири в Грозный, а деньги шли Дудаеву и мафиозным лидерам Чечни. С обеих сторон вместо четкой и последовательной работы господствовали амбиции, претензии и волонтаризм.

В то же время обе стороны противостояния прощупывали ситуацию, пытаясь решить конфликт мирными сред-

ствами. В. Г. Чирсков невольно оказался в эпицентре одной из таких попыток. Об этом он вспоминал:

«С генералом Дудаевым меня познакомил в 1992 году в перерыве съезда народных депутатов Мамадаев — бывший управляющий нашего Волгоградского треста. Это была обычная дежурная встреча без серьезного разговора, и за то короткое время, которое мы общались, у меня не сложилось какого-то определенного мнения об этом человеке.

В начале января 1994 года мне из Грозного позвонил бывший наш управляющий треста “Грознефтегазстрой” Майрбек Абдулмежидович Мугадаев и сказал, что он сейчас является первым заместителем председателя правительства Чеченской республики, то есть первым заместителем генерала Д. Дудаева. Затем он вкратце обрисовал обстановку в республике и сказал, что на протяжении длительного времени никто из руководства Российской Федерации с ними не разговаривает и отказывается их принимать. В завершение нашего разговора он попросил меня поговорить об этом с председателем Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдиным.

Я встретился с Виктором Степановичем и рассказал ему о разговоре с Мугадаевым. Он спросил меня, что за человек этот Мугадаев? Я пояснил ему, что Майрбек Абдулмежидович 15 лет руководил трестом “Грознефестрой” и это вполне надежный и серьезный человек. После этого В. С. Черномырдин дал согласие с ним встретиться.

Я позвонил Мугадасу, просил его прилететь в Москву и подсказал, какие документы он должен иметь при себе для разговора, с тем чтобы заинтересовать Кремль его предложениями. 18 января Майрбек Абдулмежидович прилетел в Москву и приехал ко мне домой, где мы долго и подробно обсуждали с ним все вопросы непростой ситуации взаимоотношений властей Российской Федерации и Чеченской республики. С собой он привез проект договора разграничения полномочий, который состоял из одиннадцати пунктов, девять из которых можно было бы сразу подписать, даже не обсуждая. Также важно было и то, что у Мугадаева была доверенность на право ведения переговоров, подписанная Д. Дудаевым.

19 января Мугадасу принял В. С. Черномырдин. Была длительная беседа, которая закончилась тем, что Виктор Степанович пообещал организовать встречу Б. Н. Ельцина с Д. Дудаевым. Когда после этой встречи я зашел к Чер-

нoмьрдину, он поблaгoдaрил мeня зa oргaнизaцию этoй встpeчи. Он тaкжe скaзaл: “Мугaдaев дeйствитeльнo тoлкoвый чeлoвeк, и, eсли мнe бyдeт пoрyчeнo пpoвeсти пeрeгoвoры с Дyдaевым, я дyмaю, мы нaйдeм пoлoжитeльнoe рeшeниe пo вceм вoпpocам нoрмaлизaции oтнoшeний”.

Нo пpoхoдит мeсяц, мнe звoнит из Грoзнoгo Мугaдaев.

— Вce тихo, никaкиx движeний нeт, — сoбщaет он, и пpoсит, при вoзмoжнoсти, пpoзoндирoвaть чeчeнский вoпpoc.

Я пoexaл к Чepнoмьрдинy. Едвa выслyшaв мeня, Виктoр Стeпaнoвич скaзaл: “Мнe зaпpeтили зaнимaться этим вoпpocoм”. Зaтeм, явнo испытывaя нeлoвкoсть, он пoпpoсил мeня: “Ты oбъясни свoeмy Мугaдaey, чтo я ни oт oднoгo свoгo слoвa нe oткaзaлся, нo ничeгo сдeлaть нe мoгy. Тoлькo тeбe скaжy, чтo рядoм с пpeзидeнтoм нaхoдятся лyди, кoтoрыe всячeски пpoтивятся этoмy”.

Тaким oбрaзoм, вce мирoтвoрчeские yсилия В. С. Чepнoмьрдинa и В. Г. Чирскoвa, пpeдпpинявших пoпыткy нaлaдить пeрeгoвoрный пpoцeсс с дyдaевскoй стopoнoй в Чeчнe, был рeшитeльнo пpeсeчeн в Кpeмлe, и нe вызывaeт сoмнeний тoт фaкт, чтo Б. Н. Ельцин был в кyрсe этoгo. Слeдoвaтeльнo, eгo личнaя винa зa нaчaлo Чeчeнскoй вoйны сoмнeний нe вызывaeт, кaк и тo, чтo при жeлaнии ee мoжнo былo избeжaть. К сoжaлeнию, истoрия, кaк извeстнo, нe тeрпит сoслaгaтeльных нaклoнeний.

Внештрупoпpoвoдстpой

ООО «Внештрупoпpoвoдстpой» былo oбpaзoвaнo в 1990 гoдy нa бaзe 27 стpyктypнoх пoдpaздeлeний Миннeфтeгaзстpoя СССР. В мae 1991 гoдa В. Г. Чирскoв был избpaн пpeзидeнтoм этoй нoвoй oргaнизaции.

Истoрия oргaнизaции кoмпaнии, oпpeдeлeниe oснoвнoгo пpeдмeтa ee дeятeльнoсти, стpyктypa и бизнeс-мoдeль пpeдпpиятия сoздaвались в 1990-е гoды, кoгдa в стpaнe в oснoвнoм рaзpyшaли, a нe сoздaли. Oриeнтирoвaться нa стpoитeльствo в пepвoe вpeмя былo нeрaзyмнo, пoэтoмy рeшили зaнятьcя пpoизвoдствoм. В пepвoe вpeмя нe гнyшaлись ничeм, чтo пoльзoвaлoсь спpocoм и былo выгoднo в экoнoмичeскoм плaнe. Вoт тoлькo oдин пpимep. Кyпили в Австpaлии yстaнoвкy пo пepeрaбoткe нeфти пpoизвoдитeльнoстью 100 тыcяч тoнн дизeльнoгo тoпливa в гoд. Снaчaлa нeфть, дoбyтyю нa мeстoрoждeниях, тpaнспoртирyют

к месту переработки, а потом дизельное топливо везут за тысячи километров обратно туда, где добывают нефть. Работники «Внешне трубопроводостроя» эту установку привезли и смонтировали в Томской области в поселке Стрежевое. Крайне необходимое для развития региона топливо организации начали закупать на месте.

Второй пример: в стране возникла потребность в обоях высокого современного качества. Для производства таких обоев в Московской области построили небольшую фабрику по производству 30 млн кв. м в год. Оборудование приобрели в Канаде. Стали осваивать рынок, искать, где взять хорошую бумагу, где выгоднее продать произведенную продукцию.

Руководители тюменских предприятий «Внешне трубопроводостроя» предложили совместно создать за рубежом предприятие по переработке леса, которого много в Тюменской области. Это было выгодно. Нашли на севере Швеции вполне современное лесопильное производство мощностью 1,5 млн м³ сухих лесопильных материалов высокого качества в год. В складчину купили это предприятие. Мэра города Тюмени назначили директором. Однако на первых порах далеко не все шло успешно. Владимир Григорьевич вспоминал: «Помню, как меня пригласили в очередной раз поехать в Швецию. Там происходило очень важное событие: прибыл первый огромный корабль с тюменским лесом. Приехали мы группой на причал, где стоял этот корабль. Всех пригласили на борт. Я сказал, что побуду на берегу. Когда все вернулись с корабля, я поинтересовался у главного специалиста шведа: «Как лес, хорош?» Он мне в ответ: «Леса нет, это дрова, Я думаю, что лучше не выгружать, так как нам это не нужно». Вот такая нелегкая была наша дорога в капитализм».

Правда, итальянцы оценили хорошее качество лесоматериалов. Создали в Краснодарском крае совместное предприятие — завод по производству 50 тыс. комплектов мебели в год из монолитной древесины и 100 тыс. м³ шпона и сухих пиломатериалов из твердых пород. Поставку и наладку оборудования производила итальянская сторона. В Тульской области построили предприятие по производству удобрений на основе бурых углей. Оригинальная технология (ноу-хау) и оборудование — немецкие. Это предприятие успешно работало, но недолго. Сельское хозяйство было брошено государством, не было денег на удобрения.

Был еще один крупный проект. После развала Советского Союза республики Средней Азии (Узбекистан, Туркмения) лишились доступа к газопроводам для поставки своего газа в страны Европы. Но в этих республиках были советские люди — и газовики, и строители. Они по старой памяти, обратились за помощью к Владимиру Григорьевичу. Во «Внештрубопроводстрой» состоялась встреча с представителями Узбекистана, Туркмении и Украины. Решили создать консорциум с участием этих стран и представителей России. Идея состояла в том, чтобы по территории России построить транзитный 700-километровый газопровод от границы среднеазиатских республик до границы с Украиной.

В. Г. Чирсков повстречался с председателем Совета министров России В. С. Черномырдиным. Он поддержал это предложение и сразу же, прямо при Владимире Григорьевиче, позвонил Р. И. Вяхиреву, чтобы «Газпром» принял участие в данном проекте. Затем В. Г. Чирсков встретился с Р. И. Вяхиревым и все ему детально рассказал. Но Вяхирев наотрез отказался принимать участие в этом проекте, так как побоялся конкуренции со стороны партнеров. Черномырдин не смог убедить его в обратном. Государство неудержимо теряло рычаги управления крупными корпорациями даже во вред национальным интересам — такое было время. В последующем жизнь показала, насколько недальновидным был Вяхирев.

В середине 1990-х годов ушли в прошлое славные достижения Миннефтегазострой СССР по строительству крупных, масштабных, технологически сложных нефтегазовых объектов (в том числе из разряда первых в мире). На рынок Российской Федерации массово пришли западные крупные инжиниринговые фирмы. Они были вооружены развитыми компетенциями строительства и, что важно, владели новейшими строительными технологиями, технологиями контроля за ходом работ, знаниями по подготовке сложных комплексных контрактов. Западные фирмы хорошо ориентировались в мировом рынке специализированного строительного оборудования и специализированных поставщиков такого оборудования.

Руководство ООО «Внештрубопроводстрой» приняло решение об интеграции с немецкой фирмой F&B, зарегистрированной в Лейпциге, для работы на территории Российской Федерации. Это решение позволило ООО «Внештрубопроводстрой» и фирме F&B в короткий срок завоевать

рынок в России по строительству подводных переходов трубопроводов нефти и газа через крупнейшие водные преграды (Волга, Обь, Кубань и др.). В дальнейшем через фирму FАВ ООО «Внешне трубопроводстрой» удалось выйти на сотрудничество с другими передовыми западными фирмами: НАКА (Австрия) и XERENKNEXT (Германия). Так, опираясь на две «ноги» — компетенции интегратора строительства и владение через партнера (FAB) новейшими трубопроводными технологиями, — ООО «Внешне трубопроводстрой» вошло в рынок нефтегазопроводного строительства. Последующие годы подтвердили правильность выбранного пути. Консорциум «Внешне трубопроводстрой» / FAB вел строительство промышленных объектов с применением передовых технологий и современного оборудования.

Одним из направлений в деятельности консорциума являлось строительство магистральных и межпромысловых трубопроводов для транспортировки нефти и газа, включая проектирование и строительство переходов трубопроводов через водные и другие преграды методом горизонтально-направленного бурения (ГНБ). Консорциум обладал значительным опытом линейного строительства, а также строительства переходов нефте- и газопроводов через крупные реки России и Западной Европы, строительства других объектов «под ключ» (забытый ныне термин) и пусконаладочных работ.

Нефтегазовое строительство — технически довольно сложное дело. На стройках, как правило, территориально удаленных от промышленных центров страны, заняты организации, выполняющие работы различной компетенции: строительные, монтажные, электромонтажные, телемеханические, связи, транспортные, а также десятки сторонних организаций — поставщиков технологического оборудования. Работы требуют четкой координации деятельности, единой системы управления, и эту функцию выполняло министерство Миннефтегазстрой СССР. На нем лежала ответственность за управление строительством объектов от начала до конца.

После ликвидации Миннефтегазстроя СССР на рынке осталось множество хорошо оснащенных предприятий, способных выполнить определенный круг работ, но их компетенций было недостаточно для строительства объектов в целом. Таких организаций не было и на всем нефтегазовом рынке России. Поэтому ООО «Внешне трубопро-

водстрой» принял решение восполнить этот пробел и начал наращивать компетенции и обучать персонал для работы в этом сегменте рынка.

* * *

Хочется несколько подробнее рассказать об экологически чистых технических решениях, применяемых на строительстве нефтегазопроводов. Речь пойдет о пересечении водных преград методом горизонтально-направленного бурения (ГНБ), который впервые был применен при строительстве в России консорциумом «Внештрубопроводстрой»/FAB.

В отличие от традиционного способа строительства с углублением дна, разработкой и последующей засыпкой траншеи, метод ГНБ является бестраншейным. Он практически не влияет на естественное состояние участка производства работ, не требует приостановки судоходства на период строительства, а его сооружение занимает значительно меньше времени. Примером можно считать работу «Внештрубопроводстрой»/FAB на Каспийской трубопроводной системе (КТК). Трасса этой системы пересекает более 30 рек и водотоков. Из всех переходов 11 были выполнены методом ГНБ, в том числе самые сложные и протяженные — под руслом рек Волги и Кубани.

В частности, переход через Волгу был завершен в конце апреля. Он был построен взамен двух существующих ниток перехода, выполненных ранее традиционным методом укладки трубопровода по дну реки. Протяженность перехода 1359 м. Глубина залегания трубы — 80 м ниже поверхности воды и 30 м ниже уровня размыва дна. Для перехода использовалась труба повышенной прочности с продольным швом. Для труб диаметра 40 дюймов это самое протяженное и глубокое в мире подводное пересечение. Параллельно створу нефтепровода был пробурен еще один канал, в котором проложена труба диаметром 150 мм для волоконно-оптического кабеля магистральной системы связи трубопровода.

Несмотря на то что метод ГНБ является природоохранным сам по себе, «Внештрубопроводстрой» / FAB при его проведении осуществлял строгий контроль за соблюдением всех мер и требований охраны окружающей среды.

Проект 11 переходов, включавший полный комплекс работ от проектирования и поставки материалов до испытания готового участка трубопровода и сдачи его заказчику,

осуществлял консорциум в составе ООО «Внештрубопроводстрой» и фирмы ФАБГмбХ (Германия).

В числе наиболее крупных проектов, выполненных консорциумом с момента его создания методом ГНБ, можно выделить следующие:

— газопровод Газли — Нукус с переходами через реку Амударью (диаметр 1420 мм, протяженность 1300 м; диаметр 1020 мм, протяженность 970 м), заказчик Узбекистан;

— напорный нефтепровод К201 Приобского месторождения;

— ПНС «Северный Салым» протяженностью 77 км, включая реку Обь (диаметр $530 \text{ мм}^3 \times 1400, 3 \times 500, 3 \times 750, - 730 \text{ мм}^2 \times 450,1 \times 600$), заказчик ОАО «НК «ЮКОС»;

Напорный нефтепровод «ЦПС-2 Правобережный — ЦПС-1 Левобережный», включая реку Обь ($500 \text{ мм}^2 \times 1400,2 \times 845,2 \times 640; 2 \times 450$), заказчик ОАО «НК «ЮКОС».

ООО «Внештрубопроводстрой» специализировалось на управлении крупными строительными проектами в нефтегазовой отрасли России. Общество выполнило работы на строительстве объектов:

— Балтийская трубопроводная система (линейная часть 1020 мм—105 км), заказчик ООО «Балтнефтепровод»;

— магистральный нефтепродуктопровод Кстово — Ярославль — Кириши — Приморск, включая линейную часть 530 мм — 253 км и четыре насосные станции), заказчик ОАО «Транснефтепродукт»;

— Балтийская трубопроводная система — БПО на НПС «Невская» и БПТОиК в городе Всеволожске, заказчик ОАО АК «Транснефть»;

— крупный железнодорожный нефтеналивной терминал годовой производительностью 9 млн тонн на станции Уяр Красноярского края, заказчик ОАО «Энергоактив»;

— крупный пункт подготовки и сдачи нефти в магистральные нефтепроводы «Южная» в Самарской области, заказчик ЗАО «Самара-Нефть»;

— две крупные базы производственно-технического и производственного обслуживания в Ленинградской области, заказчик ООО «Балтнефтепровод»;

— резервуарный парк «Староликеево» в Нижегородской области, заказчик ОАО АК «Транснефть».

Также были построены другие, менее значимые объекты. При этом важно отметить и то, что «Внештрубопроводстрой» был укомплектован опытными кадрами, прошедшими специальное обучение в области управления проектами.

Хранить память

Деятельному человеку мало прожить отведенные ему Богом годы жизни, свершить то, что он выбрал в качестве своей профессии, вырастить детей, внести свой вклад в воспитание внуков. Хотя лозунг «построить дом, вырастить сына и посадить дерево», как правило, оправдывает жизнь многих. Но для людей, чей дом — целая страна и отрасль, семья — сотни тысяч ее работников, а дерево — огромные стройки стратегического масштаба, как видно, этого мало. Все это — великое ДЕЛО, которым этот человек живет очень долгие годы, в которое вкладывает все свои силы и которое в итоге становится истинным смыслом его жизни.

Стремительно меняется мир, поменялась наша страна, радикально изменилась ее жизнь. И это не только бурный прогресс во многих областях науки и техники, не только перекраивание границ, приоритетов в области экономик. Основные изменения происходят в сознании людей, у которых появляются новые идеалы, идеи, стремления. Одновременно неудержимо отмирают многие старые, даже несмотря на то, что по своему содержанию они были очень неплохи. На арену жизни выходят новые поколения, которые почему-то всегда думают, что они умнее прежних, и быстро забывают прошлое, своих предков, тем самым безжалостно обрубая корни, с которых растет их дерево.

Мне довелось пережить взлет и падение СССР, становление на его территории нового, а по сути давно уже не нового капиталистического общества с его устоями и порядком. И если вначале я только переживал в душе трагедию некогда великой страны, то теперь вообще с полным основанием боюсь за ее будущее, за будущее своих детей и внуков. В таком же состоянии находится очень много знакомых мне людей, особенно старшего поколения. Ведь всё, чему они посвятили свою жизнь, сегодня находится под угрозой разрушения, а то и полного исчезновения.

Я давно уже стараюсь лишней раз не посещать кладбища. И не потому, что не уважаю память, и не потому, что с возрастом эти места всегда навевают грустные мысли. Меня огорчает другое — на подавляющем количестве памятников между датами рождения и смерти человека стоят черточки и нет больше никакой информации о том, кто покоится на этом месте. А ведь он прожил многие годы и также строил свой дом, растил детей, сажал деревья...

Кому-то может показаться неуместным это небольшое вступление к завершающему разделу книги о моем герое, но это не так. Владимир Григорьевич Чирсков сделал очень многое для того, чтобы о великих делах прошлого осталась память, а «черточки» в судьбах многих людей наполнились содержанием. Причину этого он лично объясняет в одной из своих книг, и я считаю, что должен без каких-либо купюр просто дать отрывок из нее:

«Засыпает дачный поселок. В окнах дома напротив гаснет свет. Все звенящей становится тишина в комнате. И все явственнее ощущается, как замирает жизнь. Только неумные часы бесстрастно отсчитывают невозвратные секунды. Взгляд магнитом притягивает стопка чистой бумаги, возвышающаяся на столе. Мысли роятся, выстраиваясь в логическую цепочку.

Каждый человек рождается для какого-то дела. Каждый, кто ходит по земле, имеет свои обязанности в жизни. И еще. Человек смертен, и его единственная возможность стать бессмертным состоит в том, чтобы оставить после себя нечто бессмертное. Правда, и это еще не гарантия его личного бессмертия. Мы не знаем имен изобретателей колеса или иного столь же великого открытия. Но мы знаем, что это дело разума и рук человека. По крохотной песчинке, по малому камешку, тысячелетие за тысячелетие неустанно мостил и мостил он свой путь к сегодняшнему всемогуществу.

В каждом человеке скрыта мудрая сила строителя, и нужно ей дать волю развиваться и расцвести. Не знаю, Бог или природа предопределили земное назначение человека творить, созидать, строить, оберегая, дополняя, совершенствуя уже содеянное предками. Но именно за этим приходит человек в этот мир. В этом его земное призвание и назначение. Как-то русский поэт и ученый Валерий Брюсов сказал: “Если можешь, иди впереди века, если не можешь, иди с веком, но никогда не будь позади века”.

Трудно идти вровень с веком. Но еще труднее тем, кто оказывается впереди века. Их ноша удваивается, утраивается, их роль в развитии общества все возрастает и возрастает.

Однако и в этом строю ведущих, зовущих, вершащих не все одинаковы. И там есть замечательные люди, выдающиеся, стремительно обгоняющие время, его погонщики и герои.

Жизнь наша круто изменилась. Новые веяния, новые взгляды. Вдруг оказалось, что мы делали все не так или не

совсем так. Не так жили, не так работали. И вообще, какая может быть работа в “застойные” времена? То, что делалось руководством страны и партии в недалеком прошлом, подверглось такому тотальному и предвзятому пересмотру, такому перетряхиванию грязного белья, такому перемалыванию всяких досужих домыслов и откровенных сплетен, что, по-моему, и сами организаторы этой “демократической” вакханалии запутались в своих оценках.

Понимаю, в принципе хотели они совершить благое дело — отделить зерно от шелухи. Да в шелухе и увязли. Накрыла их самих эта мутная волна с головой. Выше не поднялись. Вместо честного, трезвого и обстоятельного анализа прожитых лет, в обстановке всеобщей дезорганизации, начали активно распространяться искаженные представления о том, чем занималась и какую роль в общественной жизни играла партия, весьма вольно трактоваться деятельность отдельных партийных и государственных руководителей. Под прикрытием плюрализма были предприняты попытки очернить всю историю становления нефтегазового комплекса Западной Сибири, представить ее в виде непрерывной цепи бездумного расточительства недр, головоупяства, экологического разбоя и победных реляций с обильными дождями высоких наград и званий. Достается всем — геологам, эксплуатационникам, нам — строителям.

Это — грубая ложь. Считаю себя не вправе обойти такой вопрос. Критический анализ, самая основательная критика всегда были и будут только полезны. Исповедую эту точку зрения и сейчас, исповедовал ее и ранее.

Важно качество критики, четкое сознание того, кто и во имя чего критикует: аргументированная, сознанием ли дела критика, или мы имеем дело с досужими толками, обывательскими полусплетнями. Это существенно. Результатами первой может быть только оздоровление дела, экономики, экологии. Результатом второй — хаос, развал дела, неминуемый топливный кризис.

Настораживают не критика, а критиканство, незнание дела и демагогия, рассчитанные именно на взвинчивание страстей, огульное очернение огромного дела. Но ведь давно и хорошо известно, что, не зная своего прошлого, попросту игнорируя его, невозможно понять подлинный смысл настоящего, а главное — и цели будущего.

Кто в этом мире может уберечься от завистников? Чем выше стоит человек во мнении своих сограждан, чем важнее и почетнее пост, который он занимает, тем быстрее он

становится мишенью для злобной зависти. На него изливаются целые потоки грязи, океаны клеветы.

Читая сегодня книги некоторых ранее уважаемых мною людей, слушая их выступления, интервью, в которых речь идет о событиях более или менее далекого прошлого, нередко ловлю себя на мысли: на самом деле ведь все обстояло иначе. Или несколько иначе. Ведь у каждого поступка был свой мотив, свои обстоятельства, следовательно, и свое объяснение.

И все же, кто из нас неправ, кто и зачем лукавит? Что это — “прозрение” после глубочайших “заблуждений” или проявление истинных взглядов, тщательно замаскированных до поры до времени?

Конечно, смотреть на прошлое из настоящего просто, хотя иногда и больно. Естественно и то, что, обращаясь к прошлому, мы смотрим на него глазами сегодняшнего дня, применяем для его оценки сегодняшние критерии. И поневоле хочется этим обогащенным опытом и зрением вооружить того, кто остался там, за пеленой прошедших лет. Но судить людей надо или по абсолютным нравственным нормам, или по нормам времени, в котором они жили. Только не по нормам времени, в котором живем мы. Увы, это обшая и, как мне кажется, неизбежная беда тех, кто берется за воспоминания. Печать времени — самая неизгладимая печать.

Вот с таким соблазном и я борюсь, пытаюсь призвать в соавторы, насколько могу, конечно, свою совесть. Ведь известно, что высший суд — суд совести, и свою память, чтобы поведать о прошлом.

Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Не понимать этого и не ощущать прошлое — значит, не понимать настоящее. Недаром говорят, что человечество идет в будущее со взором, обращенным в прошлое.

Прекрасно понимаю субъективность любых воспоминаний. Разные бывают ситуации, время по-новому расставляет акценты, а то и сами правила игры меняет. Отсюда и различные оценки людей, о которых приходится писать. Наверное, существует немало точек зрения, отличных от моей. Но когда очевидцы молчат, рождаются легенды, а зачастую просто небылицы.

К сожалению, нет в живых Н. К. Байбакова, В. Э. Дымшица, Б. Е. Щербины, А. К. Кортунова, С. А. Оруджева, В. А. Динкова. Они не могут ответить на критиканство и

объективно рассказать правду о создании нефтегазового комплекса Советского Союза и людях, его создававших. Поэтому я посчитал, что просто обязан постараться донести до общества правду по этому вопросу. Все мои книги являются воспоминаниями о периоде создания самого крупного в мире нефтегазового комплекса Советского Союза.

Была великая социалистическая держава с самыми человечными и гуманными идеалами свободы, равенства и братства. В Союзе Советских Социалистических Республик реально действовал принцип “От каждого по способностям, каждому — по труду”. Не было чудовищного социального расслоения, прививались высокие нравственные и моральные ценности. Жизнь не была “серой”, закомплексованной, люди не боялись думать, говорить, влюбляться, делать глупости... Советские люди вели более нравственный образ жизни, не знали порноиндустрии, секс-шопов, массовой проституции. Наконец, Советский Союз развил такую самодостаточную экономическую и военную мощь, которая позволила ему стать спасителем мира от коричневой чумы.

Мне 85 лет... Для меня основа жизни — труд, творчество, созидание. Родился, учился и активно работал я в Советской стране. Мало осталось людей той эпохи. Поэтому пусть мои книги будут свидетельскими показаниями на суде истории. Все, о чем я пишу, чистая правда».

* * *

В тепер уже далеком 1998 году, работая над книгой «Алексей Картунов», я впервые встретился с Владимиром Григорьевичем Чирсковым по совету моих знакомых, которые в то время работали в РАО «Газпром». Идя на Октябрьскую площадь, я подготовился соответствующим образом — ведь предстояла встреча с министром СССР, доктором наук, автором ряда капитальных научных трудов в области строительства объектов нефтегазового комплекса СССР. Я надеялся в лучшем случае получить несколько казенных ответов на заранее оговоренные вопросы.

Но «казенной» встречи не произошло. Незадолго до назначенного дня мне принесли только что изданную книгу В. Г. Чирскова «Трасса жизни. Записки министра» и, прочитав ее, я понял — можно рассчитывать на встречу с человеком несколько другого склада, чем мне это представлялось поначалу. На фоне истории целой отрасли мне удалось

увидеть ЧЕЛОВЕКА с его судьбой, родными, близкими, друзьями, соратниками, планами, работой.

К счастью, я не ошибся. Владимир Григорьевич долго и подробно рассказывал мне не только о работе первого министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР А. К. Кортунова, но и вообще об этом необыкновенном человеке, который много сделал для страны, отрасли и с которым он встречался лично. После этой встречи я понял, что в лице Чирскова имею дело не просто с чиновником высокого ранга, а с человеком, очень неравнодушным к истории страны, отрасли и, главное, к судьбам людей.

Прошло совсем немного времени после выхода в свет книги «Алексей Кортунов», и Владимир Григорьевич предложил мне заняться подготовкой к изданию уже написанной им книги «Уроки Щербины». В то время это была первая книга, посвященная Борису Евдокимовичу, и я, признаться, поначалу думал увидеть перед собой расширенный хвалебный очерк в духе подобных книг советского периода. И снова ошибся. Кроме рассказа о жизни и деятельности Б. Е. Щербины, это была искренняя благодарность ученика своему учителю за полученные уроки. Работая над этой книгой, я впервые увидел масштабы личности Бориса Евдокимовича на фоне того времени и задач, которые ему довелось решать. И если для меня это стало открытием, то, уверен, и для очень многих читателей тоже. В. Г. Чирсков любит правду и, что особенно важно, умеет доносить ее до других людей.

Так, объясняя свое желание написать книгу о Б. Е. Щербине, Владимир Григорьевич сказал:

«Каждый год пятое октября... Будь то тихий и солнечный или ненастный и промозглый день, но после 1990 года всегда в этот день на Новодевичьем кладбище у могилы Бориса Евдокимовича Щербины обязательно собираются люди. Собираются, чтобы здесь, за импровизированным столом, в его день рождения, почтить память этого замечательного человека, чья личность стала легендарной в нефтегазовой отрасли, знаковой в нашей стране.

Ведь помнить — это все равно что понимать, а чем больше понимаешь, тем более видишь хорошего. Ведь в судьбе нет случайностей. Человек скорее создает, нежели встречает свою судьбу. История человеческого труда и творчества гораздо интереснее и значительнее истории человека. Человек умирает, не прожив и сотни лет, а дело его живет

века. Но история любого дела — это всегда история человека. Наши дела разделяют нашу судьбу, и книги не составляют исключения.

Я хочу написать книгу, в которой бы отразились события жизни Бориса Евдокимовича Щербины. Сама по себе его жизнь не представляла бы широкого интереса, не оказалась она волей обстоятельств связанной с решающими периодами в жизни нашей страны и мировой политики. Истории было угодно создать такую ситуацию, чтобы во главе энтузиастов, открывателей и покорителей богатств Западной Сибири, создателей энергетической мощи страны встал Борис Евдокимович.

Душа человека заключается в его делах. Соглашусь с теми, кто считает, что эпоха исторических переломов рождает людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Таким человеком, такой незаурядной личностью был Борис Евдокимович Щербина, и таким он остается в нашей памяти, в том числе и благодаря книге».

* * *

Известно, что в 1990-е годы отечественная нефтегазовая отрасль, практически не развиваясь, в то же время оставалась основным источником валютных поступлений для страны, пытавшейся перестроить свою экономику на капиталистические основы. При этом многие прежние подходы к делу и особенно люди, ранее создававшие направления развития отрасли, были забыты. В. Г. Чирсков даже в тех сложных условиях делал все возможное для того, чтобы оставить память об отрасли и ее работниках. Из-под его пера выходят книги «Забвению не подлежит» (2002), «Артерии жизни» (2003), «Жизнь на опережение» (2004). В каждой из них — рассказ о развитии нефтегазостроительной отрасли СССР, Миннефтегазстрое СССР, его проектах и людях.

Параллельно продолжалось и мое сотрудничество с Владимиром Григорьевичем по различным темам истории нефтяной и газовой промышленности СССР. Он щедро поделился своими воспоминаниями о встречах с министром газовой промышленности СССР С. А. Оруджевым, книга о котором вышла в свет в 2002 году. Благодаря Чирскову я познакомился и взял большие интервью у таких выдающихся людей, как В. И. Долгих, Н. К. Байбаков, Ю. П. Баталин, В. А. Динков и многих других. Затем я был удостоен чести

стать соавтором Владимира Григорьевича в таких книгах, как «Газовая промышленность СССР» (2006), «Тюменгазмеханизация» (2007), «Строители нефтегазового комплекса Советского Союза» (2009). И снова в основе каждой книги — история отрасли, ее организации и ее люди.

Но, как видно, со временем Владимир Григорьевич понял, что одного краткого упоминания о человеке недостаточно для полного и многогранного раскрытия его личности. Он стал инициатором создания серии книг «Бесценный капитал Миннефтегазстроя СССР», в которых были помещены расширенные очерки о работниках нефтегазостроительной отрасли. Я был одним из авторов этих очерков. Первая такая книга вышла в 2014-м, вторая — 2017-м, третья — в 2020 году.

Очерк о книгах В. Г. Чирскова я хочу завершить рассказом об одной из наших бесед, которая состоялась в процессе работы над очередной из них. Тогда я впервые спросил Владимира Григорьевича о том, не вел ли он дневники, работая на различных должностях. Он задумался, а затем рассказал, как во второй половине 70-х годов XX века к ним на тюменские стройки приехал известный советский поэт Роберт Рождественский. У них состоялся довольно объемный разговор, после которого поэт сказал: «Сколько интересного в жизни у вас!», — и спросил: «Вы ведете дневник?» Чирсков тогда ответил? «Нет». Спустя какое-то время Рождественский прислал ему стихотворение, в котором были такие строки:

Есть толк
в корявых строчках,
законам вопреки...
Ведите дневники
на самых главных стройках!
Пусть эта блажь в судьбе
вам будет наказаньем.
Но о самих себе
должны сказать вы сами!..
В горах и у реки,
в болотах и пустыне
ведите дневники,
не думая о стиле.
От городов вдаль,
равняя слово к слову,
ведите, как вели
дорогу к Самотлору...
Нельзя повременить.

Усталость не кляните.
Ведите эту нить,
не обрывайте нити!..

Время идет неудержимо, и человек, как бы он ни крепился, подвластен времени. Появляются проблемы со здоровьем, порой не хватает сил для того, чтобы начинать новые большие дела. Но время не мешает человеку думать, вспоминать, оценивать... Словно в калейдоскопе времени мелькают события, лица, пробуждаются связанные с ними эмоции, и хочется поделиться ими с другими людьми, возбудить у них интерес к тому, что человек когда-то пережил сам. Но как это сделать? Слова можно не услышать, со временем они забываются. Остаются книги.

Владимир Григорьевич прекрасно понимает это. Во время одной из наших бесед он сказал: «Без прошлого нет будущего. Хотелось бы чтобы наши внуки и правнуки знали, в какой семье и стране они живут. Воспоминания — нормальная практика для различного возраста. Это процесс, через который многим людям необходимо пройти, если они хотят разобраться в собственной жизни. С течением времени даже самые любимые люди и важнейшие переживания нашей жизни начинают забываться. И попытки вспомнить детали своей биографии и историй, хранящихся в твоём роду, — это способ найти свое место в мире. Поэтому, если вы не знаете истории своей семьи, не представляете, откуда пошла ваша фамилия, кто были ваши предки, срочно покупайте диктофон и опрашивайте близких людей. Начинайте создавать хронику семьи. При этом не стоит считать, что за написание мемуаров следует браться только на склоне лет. «Ведите дневники...»

А теперь о книгах. Мы все в большей или меньшей степени ответственны за то, что происходит в нашей стране, пока мы здесь живем, работаем, любим... Каждый человек может сказать о чем-то, что видел только он! Именно поэтому его воспоминания бесценны.

И еще о некоторых закономерностях в жизни. Вещи живут во времени. Время живет в книгах. Время мудрее вещей. Книги мудрее времени потому, что время, попавшее в книгу, застывает в ней таким, каким его видел автор — свидетель происходившего. Поэтому время покорно книгам. Иногда оно сжигает их, топчет в отчаянии или злобе. Пепел и грязь остаются на страницах. Но время уходит, а книги по-прежнему шелестят крыльями...

Время покорно книгам. В них встречаются те, кто не со-
впал во времени. В них тот, кто еще не родился, встретится
с тем, кто ушел навсегда. Они встречаются через время, на-
ходят друг друга для беседы. Поэтому пишите книги».

Но память о людях хранят не только их дела и книги.
Наиболее достойные из них заслужили того, чтобы им были
воздвигнуты памятники, их имена выбиты на мемориаль-
ных досках, вошли в название улиц, судов, самолетов...
В. Г. Чирсков много сделал для этого и, нужно признать,
добился немало.

Все началось со стремления Владимира Григорьевича увековечить память первого министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР А. К. Картунова. Благодаря его усилиям в 1985 году памятная доска была открыта на доме, где Алексей Кириллович жил с 1956 по 1973 год. Затем имя Картунова было присвоено пассажирскому судну, которое долгие годы бороздило просторы Каспия. В 2007 году бюст Картунова был установлен в Салехарде, а в 2008 году — в Новочеркасске. Была учреждена и премия имени Картунова.

Огромный личный вклад внес В. Г. Чирсков в дело увековечивания памяти Бориса Евдокимовича Щербины. Мемориальные доски с его именем были установлены в Тюмени на доме, где он жил, в Москве на здании Миннефтегазстроя, где он работал, и в Ухте на Доме культуры, где он пятнадцать лет встречался с избирателями округа, как депутат Верховного Совета СССР, а также в городе Дебальцево (ныне ДНР), где он родился.

В Тюмени есть бульвар Бориса Щербины, а в центре города стоит прекрасный памятник Борису Евдокимовичу. В городе Гюмри (Ленинакан) в Армении ему также поставлен памятник, именем Щербины названа улица, и ему посмертно присвоено звание Почетного гражданина города Гюмри. Бороздит водные глади морей сухогрузный теплоход «Борис Щербина». Имя «Борис Щербина» присвоено также одному из самолетов ВВС. В Ханты-Мансийском автономном округе его именем названо нефтяное месторождение, а в столице округа, городе Ханты-Мансийске, его имя занесено на Аллею звезд — выдающихся людей нефтяной Югры. В городе Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа есть улица Щербины. Его имя носят Дом культуры в Ухте и благотворительный фонд «Ветеран нефтегазового строительства» (Москва). Кроме того, учреждены памятная медаль, премии и стипендии имени Щербины для студентов вузов нефтегазового профиля.

Память, память... Ее хранят стройки, книги, памятники, названия улиц, судов... Но еще живы многие люди, которые создавали то, что достойно этой памяти. И министр Чирсков не забывал о них. Ради этого был создан Союз нефтегазостроителей, который объединил в своих рядах сотни ветеранов отрасли. Периодические их встречи всегда дают очередной импульс памяти, положительным эмоциям, продлевающим жизнь этим заслуженным и, к сожалению, уже забытым людям.

Забота о ветеранах нефтегазового строительства стала еще одним важным направлением деятельности В. Г. Чирскова в 1990-е и начале 2000-х годов. Дело в том, что после ликвидации Миннефтегазстроя СССР возникла совершенно новая для отрасли проблема — оказалась под угрозой судьба ее ветеранов. Бывшие рабочие, инженерно-технические работники, руководители организаций и предприятий, да и всей отрасли, отдавшие созданию и развитию нефтегазового комплекса долгие годы жизни и свое здоровье, достигнув пенсионного возраста, оказались никому не нужными, влачили жалкое существование.

Владимир Григорьевич всеми силами пытался помочь этим людям. По его инициативе в 1993 году группа физических лиц, в основном руководителей отрасли и крупных организаций, решила организовать общественное объединение «Благотворительный фонд ветеранов нефтегазового строительства». Расчет состоял в том, чтобы путем сбора пожертвований от организаций и предприятий нефтегазового строительства, нефтяных и газовых компаний, а также частных лиц создать финансовую базу, которая позволила бы оказывать поддержку ветеранам, не имеющим возможности обеспечить себе приемлемые условия жизни.

Фонд был создан, зарегистрирован и начал свою работу. В. Г. Чирсков возглавил попечительский совет фонда, его заместителями стали Ю. П. Баталин и И. И. Мазур, исполнителем директором — А. П. Весельев. Благотворительный фонд стал собирать средства и развернул работу по оказанию помощи ветеранам. И они вскоре почувствовали реальную поддержку — появилась организация, куда можно обратиться, где тебя выслушают и помогут в случае крайней нужды.

Первым крупным мероприятием фонда стало проведение в 1995 году празднования 50-летия Великой Победы. Тогда в Москве удалось собрать более 160 участников войны, бывших работников Миннефтегазстроя СССР со

всех республик уже несуществовавшего Советского Союза. Кроме обширной программы патриотической направленности (посещение Могилы Неизвестного Солдата и Вечного огня у Кремлевской стены, Мавзолея В. И. Ленина, могилы И. В. Сталина, памятника Г. К. Жукову, Новодевичьего кладбища), были проведены и другие мероприятия.

Уже в 1997 году создалась сложная обстановка по финансовой поддержке фонда. Но и тогда Владимиру Григорьевичу удалось продолжить работу в данном направлении уже в рамках Некоммерческого благотворительного фонда поддержки ветеранов нефтегазового строительства. А в 1998 году создается региональный благотворительный общественный фонд «Ветеран Роснефтегазстроя», который возглавил Л. Г. Ширяевский. В 1999 году при поддержке фонда удалось провести масштабные мероприятия, посвященные 80-летию Б. Е. Щербины.

В 2012 году фонд «Ветеран Роснефтегазстроя» был переименован в региональный благотворительный общественный фонд «Ветеран нефтегазстроя» имени Б. Е. Щербины. Фонд продолжал оказывать поддержку ветеранам отрасли путем предоставления им материальной помощи, организации дополнительного медицинского обслуживания и т.д. А в 2014 году в Тюмени был также создан региональный благотворительный фонд «Ветеран нефтегазстроя» по Тюменской области, который возглавил бывший работник Миннефтегазстроя СССР Виталий Михайлович Аксенов.

Таким образом, после ликвидации Миннефтегазстроя СССР В. Г. Чирсков еще многие годы продолжал вести работу, направленную на увековечивание памяти организаторов отрасли, сохранение памяти о ее сотрудниках, по поддержке ее ветеранов. К сожалению, с годами по независящим от него причинам эффективность этой работы постоянно снижалась. Неумолимо наступали другие времена, и люди старшего поколения, внесшие огромный личный вклад в развитие нефтегазового комплекса страны, оказывались ненужными. И только ПАМЯТЬ, запечатленная в памятниках, книгах и добрых делах, остается вечной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая книгу о Владимире Григорьевиче Чирскове, я долго думал о том, чем ее завершить. Повторять ранее сказанное уже не хотелось, но не подытожить свое повествование я тоже не мог. Нужно было придумать что-то новое и притом очень емкое. Но что-то более емкое, чем результаты работы Миннефтегазстроя СССР, найти было сложно. Получалось, что в главах книги уже сказано все и на этом можно завершать работу.

Но на дворе XXI век, и страна продолжает жить уже в новых условиях, решая новые проблемы, и старшее поколение по-прежнему не безразлично к судьбе страны. Владимир Григорьевич также входит в число этих неравнодушных. Но при этом он с высоты своего возраста и опыта видит намного больше и значительно дальше других. Поэтому хочется закончить книгу короткой выдержкой из его книги «Семейные записки»:

«Закончился непростой XX век, наполненный великими свершениями и открытиями, большими и малыми трагедиями в истории как человечества в целом, так и отдельных стран, в том числе и России. Нам довелось жить и работать, деля радости и печали со своим народом. Большинство моих коллег добросовестно, с большой отдачей, чувством высокой личной ответственности работали в одной из ключевых отраслей экономики страны — строительстве объектов нефтяной и газовой промышленности СССР. Нам еще предстоит осмыслить и век XX, и нашу жизнь в нем, чтобы взять все лучшее в век XXI и избежать в будущем ошибок прошлого... Но то, что сделали работники Миннефтегазстроя СССР в далекие 70-е и 80-е годы, до сих пор надежно служит людям и еще не один год будет служить им в будущем».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Г. ЧИРСКОВА

- 1935, 24 апреля — родился на станции Питерка Питерского района Саратовской области.
- 1949 — вступил в члены ВЛКСМ.
- 1951 — окончил с отличием Кривоярскую семилетнюю школу.
- 1951 — 1955 — учеба в Саратовском нефтепромысловом техникуме.
- 1955 — механик СУ-4 треста «Туймазанефтьстрой» Миннефтестроя СССР, г. Октябрьский.
- 1955 — 1958 — служба в Советской армии.
- 1958 — вступил в ряды КПСС.
- 1958 — механик, главный механик СУ-3 треста «Туймазынефтьстрой» Башкирского совнаркома (г. Октябрьский).
- 1959, апрель — вступил в брак с Марией Владимировной Федоровой.
- 1959 — 1966 — главный механик треста «Башнефтепромстрой» (г. Нефтекамск).
- 1960, 31 января — рождение дочери Ираиды.
- 1962, июнь — смерть отца Григория Григорьевича Чирскова.
- 1966 — награжден медалью «За трудовую доблесть».
- 1966 — 1971 — учеба во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте.
- 1966, сентябрь — начальник отдела механизации Главтюменнефтегазстроя Мингазпрома СССР (Тюмень).
- 1967 — 1973 — управляющий трестом по механизации строительных работ «Тюменгазмеханизация» (Тюмень).
- 1971 — награжден орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение пятилетнего плана в развитии газовой промышленности СССР.
- 1973 — 1978 — начальник территориального Главного производственного управления по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР (Тюмень).
- 1973 — награжден орденом Октябрьской Революции за успешное выполнение заданий при строительстве нефтепровода Самотлор—Альметьевск.
- 1973 — 1979 — депутат Тюменского городского Совета депутатов трудящихся.
- 1974 — 1978 — член Тюменского областного комитета КПСС.
- 1977 — присуждена Государственная премия СССР за освоение в короткие сроки Самотлорского нефтяного месторождения.
- 1978, май — защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование технологии и организации строительства магистральных трубопроводов в условиях Западной Сибири».
- 1978 — 1982 — заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

- 1979 — награжден медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».
- 1983, май — 1984, февраль — первый заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.
- 1984, февраль — 1991, апрель — министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.
Июнь — рождение внука Владимира.
Ноябрь — награжден медалью «40 лет социалистической Болгарии».
- 1985, апрель — награжден медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне».
- 1985 — награжден орденом Ленина за заслуги в области строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Присвоены звания «Почетный работник Миннефтегазстрой», «Почетный нефтяник», «Почетный работник газовой промышленности», «Почетный разведчик недр», «Почетный строитель Главмосстроя», «Почетный работник Минэнергопромаша».
- 1986, январь — избран депутатом Верховного Совета СССР от Башкирской АССР.
Февраль — делегат XXVII съезда КПСС от Тюменской области.
- 1986 — 1991 — избран членом ЦК КПСС.
- 1986, март — член Бюро по топливно-энергетическому комплексу Совета министров СССР.
- 1986 — 1990 — президент Общества дружбы «СССР — Нигерия».
- 1988, апрель — присуждена Ленинская премия за создание высокопроизводительной технологии и комплекса оборудования для контактной сварки трубопроводных систем большого диаметра.
Июнь — делегат XIX Всесоюзной конференции КПСС от Тюменской областной организации.
- 1988 — награжден медалью «От благодарного афганского народа».
- 1989 — защита диссертации на тему «Научные основы организационно-технологического проектирования систем магистральных трубопроводов», доктор технических наук.
Председатель советской части Постоянной комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству между СССР и Государством Кувейт.
- 1990 — избран действительным членом Инженерной академии.
- 1990, июнь — июль — делегат XXVIII съезда КПСС и Российской партийной конференции от Саратовской области.
- 1990 — 1993 — депутат Верховного Совета РСФСР от Саратовской области.
- 1991, май — 2005 — президент внешнеэкономической ассоциации «Внешне трубопроводстрой».

- 1991, май — присвоено звание профессора в области организации строительства.
Декабрь — избран действительным членом Международной инженерной академии.
- 1995, апрель — награжден Почетной грамотой Правительства Российской Федерации за большой вклад в развитие газовой и нефтяной промышленности страны.
- 1998, февраль — смерть матери Марии Прокофьевны Чирсковой.
Декабрь — награжден медалью Мхитара Гоша (Армения) за вклад в дело ликвидации последствий землетрясения в Армении в декабре 1988 года.
- 2000, апрель — награжден почетным знаком губернатора Саратовской области «За любовь к родной земле».
- 2001, октябрь — присвоено звание «Почетный гражданин Краснокутского района Саратовской области».
- 2005, апрель — награжден Почетной грамотой Правительства Российской Федерации за большой вклад в развитие топливно-энергетического комплекса страны и в связи с 70-летием со дня рождения.
- 2005 — 2012 — президент некоммерческой организации «Российский союз нефтегазостроителей».
- 2007 — присвоено звание «Почетный строитель Тюменской области».
- 2008 — присвоено звание «Почетный профессор Новочеркасской государственной академии им. А. К. Корунова».
- 2011, сентябрь — родился правнук Михаил Чирсков.
- 2012 — избран почетным президентом Российского союза нефтегазостроителей.
- 2014, октябрь — родился правнук Максим Чирсков.
- 2015 — награжден орденом Почета за достигнутые трудовые успехи, многолетнюю добросовестную работу и активную общественную деятельность.
- 2018, апрель — родился правнук Андрей Чирсков.
- 2020, май — смерть жены Марии Владимировны Чирсковой.

Биография продолжается...

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Чирсков В. Г., Постников В. В. Организация строительства магистральных трубопроводов Западной Сибири. М., 1983.

Чирсков В. Г., Николаев С. Н. Организация ремонта и технологического обслуживания машин по сооружению магистральных трубопроводов. М., 1984.

Щербина Б. Е., Чирсков В. Г., Шмаль Г. И. и др. Трансконтинентальный газопровод «Уренгой — Помары — Ужгород». М., 1985.

Чирсков В. Г., Иванцов О. М., Кривошеин Б. П. Сооружение системы газопроводов Западная Сибирь — Центр страны. М., 1986.

Комплексно-блочное строительство объектов нефтегазовой промышленности. / Под ред. Чирскова В. Г. М., 1986.

Чирсков В. Г. Организационно-технологическое проектирование сооружения системы магистральных трубопроводов. М., 1989.

Чирсков В. Г., Бородавкин П. П., Муленко В. Н. Транспортное обеспечение строительства магистральных трубопроводов. М., 1990.

Чирсков В. Г., Павлюченко В. М., Шапиро В. Д. Инженерные решения в нефтегазовом строительстве. М., 1990.

Чирсков В. Г., Березин В. Л. и др. Строительство магистральных трубопроводов. Справочник. М., 1991.

Строители трубопроводов. / Под ред. Чирскова В. Г. М., 1995.

Чирсков В. Г. Трасса жизни. Записки министра СССР. М., 1998.

Чирсков В. Г. Уроки Щербины. М., 1999.

Чирсков В. Г. Забвению не подлежит. М., 2002.

Чирсков В. Г. Артерии жизни. М., 2003.

Чирсков В. Г. Жизнь на опережение. М., 2004.

Чирсков В. Г., Рунов В. А. Газовая промышленность СССР. М., 2006.

Чирсков В. Г., Басов Е. А., Рунов В. А. Тюменьгазмеханизация. История. События. Люди. М., 2007.

Чирсков В. Г., Рунов В. А. Строители нефтегазового комплекса Советского Союза. М., 2008.

Андрианов В. И., Чирсков В. Г. Борис Щербина. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).

Чирсков В. Г. Трасса жизни. Записки министра СССР. М., 2012.

Нефтегазстрой. История и современность / Под ред. Чирскова В. Г. М., 2012.

Чирсков В. Г. Нагаев В. Г. Борис Евдокимович Щербина (95 лет со дня рождения). М., 2014.

Чирсков В. Г. Служение людям. М., 2016.

Чирсков В. Г. Миннефтегазстрой в лицах. М., 2016.

Чирсков В. Г. Бссценный капитал Миннефтегазстроя СССР. М., 2018.

Чирсков В. Г., Нагаев В. Г. Слово о Борисе Щербине. М., 2020.

Чирсков В. Г. Семейные записки. М., 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Глава первая. Корни</i>	9
Старшее поколение	9
Моршанка	11
Питерский район	14
Родители	15
<i>Глава вторая. Детство и юность</i>	23
Детские годы	23
Возвращение на родину	26
Город Саратов	28
Учеба в техникуме	31
<i>Глава третья. Экзамены на зрелость</i>	36
Армейская служба	36
Башкирские университеты	41
<i>Глава четвертая. Тюменский штурм</i>	49
Сложное начало	49
Уроки Медвежьего	62
Новорожденный главк	66
Повышенная сложность	83
<i>Глава пятая. Дальние горизонты</i>	90
Новые назначения	90
Лично испытано	93
Уренгойский сплав	99
Уренгой — Помары — Ужгород	108
<i>Глава шестая. Министерские будни</i>	114
Ответственное назначение	114
Для блага страны	120
Перестройка по Горбачеву	125
По мандату долга	133
<i>Глава седьмая. Сложные поручения</i>	139
Городу не быть	139
Борьба за Ямбург	142
«Летающие бригады»	146
<i>Глава восьмая. На финишной прямой</i>	153
Курсом перестройки	153
Дорогами прогресса	156

Впервые в мире	172
Революционное решение	177
Топливо будущего.	181
Создатели машин	189
<i>Глава девятая. Трудные выражи</i>	<i>195</i>
По странам мира	195
Последний успех.	205
Армянское потрясение	212
Утраченные иллюзии	217
<i>Глава десятая. Подводя итоги</i>	<i>224</i>
Источник благосостояния.	224
Не хлебом единым	235
На подступах к Ямалу	244
18 лет без застоя	250
<i>Глава одиннадцатая. На перевале</i>	<i>262</i>
Государственная ошибка.	262
Агония власти	267
Вопреки мнению народа	273
По просьбе земляков	280
<i>Глава двенадцатая. Другие времена</i>	<i>288</i>
Войны можно было избежать	288
Внешнетрубопроводстрой.	290
Хранить память	296
Заключение	308
Основные даты жизни и деятельности В. Г. Чиркова	309
Краткая библиография	312

Рунов В. А.

Р 86 Владимир Чирсков / Валентин Рунов. — М.: Молодая гвардия, 2023. — 314[6] с.: ил. — (ЖЗЛ: Биография продолжается...: сер. биогр.; вып. 49).

ISBN 978-5-235-05100-3

Эта книга посвящена Владимиру Григорьевичу Чирскову — выдающемуся деятелю советской экономики, прошедшему трудовой путь от механика до министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Первая биография человека, внесшего огромный вклад в развитие нефтегазовой отрасли нашей страны, написана на базе архивных материалов, публикаций разных лет, воспоминаний современников. Автор книги, известный историк Валентин Рунов, сумел создать многогранный портрет своего героя на широком фоне истории России второй половины XX — начала XXI веков.

УДК 323(47+57)

ББК 66.3(2Рос)8

знак информационной
продукции **16+**

Рунов Валентин Александрович
ВЛАДИМИР ЧИРСКОВ

Редактор **В. В. Эрлихман**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **И. В. Абрамова**

Сдано в набор 31.07.2023. Подписано в печать 08.08.2023. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
16,8+2,52 вкл. Тираж 500 экз. Заказ 7064.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-235-05100-3

Валентин Александрович Рунов – писатель, работающий в области военной истории и истории нефтегазовой промышленности, автор более 80 книг. В их основе лежат знаковые события из истории нашего Отечества и рассказы о причастных к ним выдающихся людях с яркими характеристиками и необычными судьбами. В их числе организаторы и министры газовой промышленности СССР Алексей Кортунов и Сабит Оруджев, заместитель министра Михаил Сидоренко, крупные отечественные военачальники Михаил Скобелев, Лавр Корнилов, Александр Колчак, Михаил Фрунзе, Георгий Жуков, Иван Конев. Герой его новой биографической работы – видный руководитель нефтегазового строительства СССР Владимир Григорьевич Чирсков.

ВЛАДИМИР ЧИРСКОВ

Герой этой книги Владимир Григорьевич Чирсков начал свою карьеру в нефтегазостроительной отрасли с должности простого механика, а закончил ее в должности министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Советского Союза. Под его руководством коллективы Миннефтегазстроя участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АС и землетрясения в Армении, в районах прокладки трубопроводов строили города, заводы, школы, детские сады, прокладывали дороги.

Первая биография человека, внесшего огромный вклад в развитие нефтегазовой отрасли нашей страны, написана на базе архивных материалов, публикаций разных лет, воспоминаний современников. Автор книги, известный историк Валентин Рунов, сумел создать многогранный портрет своего героя на широком фоне истории России второй половины XX – начала XXI веков.

ISBN 978-5-235-05100-3

9 785235 051003 >